

ISSN 0042—8779

ДВА

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

10/92



ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

10/92

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б)
1937 года 3

СТАТЬИ

В. Л. Янин — Древнее славянство и археология Новгорода 37
А. Виноградов — Вступление Италии во вторую мировую войну 66

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

В. А. Кучкин — Сергей Радонежский 75

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

А. Г. Авторханов — Технология власти. Продолжение 93

ПУБЛИКАЦИИ

Секретная советско-югославская переписка 1948 года.
Окончание 141
Протоколы ЦК кадетской партии периода первой российской революции. Окончание 161

СООБЩЕНИЯ

Н. А. Соболева — Герб Российского государства 191

Выходит
с 1926 года
АКЦИОНЕРНОЕ
ОБЩЕСТВО
«ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
ГРУППА
„ПРОГРЕСС“»
МОСКВА

ИСТОРИОГРАФИЯ

- А. В. Семенова** — Б. С. Абалихин, В. А. Дунаевский.
1812 год на перекрестках мнений советских историков 197
- В. Н. Козляков** — А. А. Зимин. Витязь на распутье:
феодальная война в России XV в. 198
- И. А. Дьяконова** — Г. Г. Нольте. Россия / СССР: история,
политика, экономика 200
- В. Н. Виноградов** — Б. Елавич. Россия и осложнения
на Балканах. 1806—1914 201
- В. В. Сергеев** — К. Б. Виноградов. Мировая политика
60—80-х годов XIX века: события и люди 203
- О. Ф. Соловьев** — По страницам журнала «Humanisme» 204

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

- В. М. Седых** — К читателю далекому и близкому 206

Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года

Вечернее заседание. 25 февраля 1937 г.

М о л о т о в (председательствующий). Товарищи, заседание пленума объявляю открытым. Слово предоставляется т. Быкину.

Б ы к и н. Товарищи, самые злейшие враги партии и рабочего класса это двурушники. Рыков вчера говорил, что если бы обвинения, выдвинутые против него, были бы верны, тогда его надо было бы уничтожить. Бесспорно, теперь для каждого, для всех нас нет никакого сомнения в том, что и Рыков и Бухарин являются двурушниками, врагами рабочего класса, предателями своей родины и руководителями врагов, руководителями центра правых, что центр правых имел связь с троцкистами и зиновьевцами, что они, Бухарин и Рыков, руки приложили к убийству т. Кирова и этот вопрос совершенно несомненен, что они организовали террористические банды для того, чтобы убить членов Политбюро нашей партии, для того, чтобы убить т. Сталина.

Все это доказано и бесспорно. Доказано все это и подтверждено всеми теми, которые дали показания из их среды, их же учениками, людьми, которых они учили и готовили для борьбы против партии. Все обвинения против них подтверждены, и это надо им всем учесть, что их виновность доказана на очной ставке в присутствии членов Политбюро, в присутствии т. Сталина, что они эти обвинения не могли опровергнуть. Доказано также и бесспорно, и так они войдут в историю, что они реставраторы капитализма, что их политическая программа есть реставрация капитализма в Советском Союзе — они хотели вернуть господство капитала, господство буржуазии в Советском Союзе.

В чем же дело? Видимо, только длительные двурушнические годы, то, что эти люди привыкли годами обманывать партию, двурушничать, только это дает им возможность, что они могут в течение двух дней подряд под большим давлением Центрального Комитета партии все же говорить неправду, что они могут врать и обманывать и держаться на тех позициях, которые они заняли с самого начала — не сказать правды. Нет ни одного человека, который бы им поверил, хотя бы одному слову. Все ведь ясно доказано в докладе т. Ежова и на основании материалов людей, которые им были преданы до конца. Только двурушничество, люди, которые привыкли годами обманывать партию, имеют возможность держаться до сих пор. Но все же Рыков, чуя, что дело неважное, что он пойман с поличным, со всех

сторон на него напирают, что Котов, Куликов, Шмидт и многие другие им преданные люди настаивают на том, что он и Бухарин являлись руководителями врагов, руководителями правых террористов, поэтому он старается заметать свои преступления особым путем — он взял три хода.

Первый ход — это дезавуирование свидетелей: одного террориста, Нестерова, он делает сумасшедшим. Часть не помнит, потому что прошло 6—8 лет, и он не помнит, а мы знаем, что не только тогда, но и за последние годы они организовывали врагов-террористов против членов Центрального Комитета партии, организовывали врагов для того, чтобы убить членов Политбюро и т. Сталина. Шмидт ему, видите ли, не все говорил, не говорил он Рыкову, что он вредитель, а другие лгут — это первый ход. Второй ход — поскольку со всех сторон на него напирают, он видит, что дело не выйдет, он сказал, что виноват Томский, а частично Бухарин. Третий ход — политическую вину и моральную он на себя берет, поскольку люди на него ориентировались.

В чем же дело? Мы знаем историю партии, знаем историю последних процессов, он тоже знает, что Зиновьев и Каменев после убийства т. Кирова говорили о том, что они в убийстве т. Кирова не повинны, что они берут на себя только идейную и моральную ответственность, мы им поверили, и они вначале легко отделались, он тоже, по-видимому, старается таким образом обмануть партию, что он не организовал, но на себя берет вину моральную только потому, что его люди пошли по неправильному пути. Что это значит — это значит желание отделаться легко за злейшие преступления перед партией.

Но Центральный Комитет никоим образом не должен и не может этого допустить. И Рыков и Бухарин десятки лет боролись против Ленина, против партии, против Центрального Комитета партии, против т. Сталина, двурушничски организовались против линии Ленина для того, чтобы вернуть господство капитализма в Советском Союзе, это значит, что они, Рыков и Бухарин, работали в помощь Гитлеру, а поскольку они не хотят сами этого сказать, поэтому надо им сказать и показать как полагается то, что т. Молотов сделал в сегодняшнем своем выступлении. Он ярко показал им все воочию, что они враги. Они не могли сидеть на месте спокойно, потому что т. Молотов их разоблачил как предателей.

Бухаринский метод — метод дезавуирования и свидетелей и допросов. Припомните, Рыкова спросили, правильно ли ведет т. Ежов следствие? Он тут похвалил, сказал даже, что Ежов очень правильно ведет следствие. А Бухарин держится до сих пор на своем. Особым орудием Бухарина является голое отрицание и дезавуирование свидетелей, плюс иезуитские документы, плюс «ночные голодовки», тот «великий пост», который кончен по его слезливому заявлению.

Я бы хотел отметить, что уж очень много они все плачут. Вы помните, они выступали на прошлом пленуме ЦК со слезами. На этот раз Бухарин и Рыков говорили со слезами, Слепков организовывал убийство, двурушничски калялся и после плакал. Котов готовил убийство Сталина и тоже плакал. Каменев еще подчеркивал и хвастался, что он может выступать со слезой. Это же есть иезуитские слезы. (Г о л о с а с м е с т. Правильно.) Эти люди, которые готовят убийства, идут против партии и советского правительства, против социализма, люди, которые идут вместе с Гитлером и Троцким, они плачут и идут на убийства. Это есть самый иезуитский метод, самый двурушнический метод. Я еще раз подчеркиваю, что только эта школа двурушничества, только она могла дать таких людей, которые могут плакать и организовывать убийства. Это есть злостные, опасные люди для партии и для рабочего класса.

И у Бухарина, и у Рыкова есть ссылка на сумасшедших. Вы помните, что Рыков говорил насчет своего ближайшего друга убийцы Нестерова, что он сумасшедший, потому что Нестеров избивает Рыкова. А Бухарин в своем иезуитском документе, когда он хочет отразить, отбить обвинения, доказательства Цетлина, что он, Бухарин, имел блок с эсерами, он говорит, что Спиридонова сумасшедшая. Цитирую из его последнего документа: «Обращаться к М. Спиридоновой вообще мог только сумасшедший, ибо она была психически больна». Я должен сказать, что это ложь, и Бухарин врет. С тех пор, как Спиридонова была прислана к нам в ссылку, с первого момента, это, кажется, с 1931 года (т. Ягода точно помнит),.. и до последних дней она все время работала и не как сумасшедшая, а как злейший политический враг, и в дальнейшем доказано будет, что она вела и ведет подпольную

контрреволюционную работу вместе с Бухариным и его людьми. Она у нас была все время на службе, зарабатывала неплохо и как другие ссыльные имела возможность блокироваться с Троцким и Бухариным против нас. И главное, что характерно. Мне говорил начальник нашего Управления НКВД, что за все время ссылки до Уфы и в Уфе Спиридонова группируется вместе с другими членами ЦК эсеров, вместе едут группой. Этим мы дали им возможность, чтобы они все время работали, все время имели в действии свое бюро ЦК эсеров, блокировались и объединялись со всеми другими врагами рабочего класса для того, чтобы активно бороться против нашей партии, против Соввласти.

Там есть еще у него в документе одно место характерное. Желая вывернуться от обвинения о блоке правых с эсерами он говорит: «Малограмотно выражаться: цекисты Гоц, Тимофеев и М. Спиридонова, ибо здесь разные партии. Вряд ли Цетлин мог это позабыть». Вот как Бухарин теперь поучает своего гаденыша Цетлина, как же так Цетлин ссылается, что Бухарин имел связь со Спиридоновой, Гоц, Тихомировым¹ и другими, а они в разных партиях, вряд ли Цетлин мог это позабыть. А ведь мы знаем, что и Бухарин, и Троцкий, и Зиновьев, и Каменев объединялись вместе, шли вместе с Гитлером против нашей партии, против социализма. Почему не может Гоц, Спиридонова и Тимофеев объединяться, чтобы идти против нас? Вот тут штука иезуитская. Они хотели партию обманывать еще раз, не последний раз. Вот почему не может быть речи о том, чтобы эти люди, которые бесконтрольно работали против партии много лет, чтобы им дать возможность еще продолжать эту борьбу. Прав был т. Молотов, когда сказал, что дело не только в том, что они — Бухарин и Рыков — враждебны к нам, к партии, а в том, что они не разоружились. И они дают директиву на пленуме своим людям, своим кадрам, чтобы те крепко держались, не приостановили борьбу против партии и Советской власти.

Быть может, моральная сторона этих людей не дает им возможности объединяться с эсерами, меньшевиками и др., как они говорят в своем документе? Вот я бы хотел привести такой факт. Наверное, Бухарин помнит его учеников — Каюровых — это его люди и люди Рютина, вот отец и сын, сын убил своего отца недавно, полгода тому назад. Там они вместе были в ссылке и он убил своего отца и получил за это дело 4 года тюрьмы. Я просил наших товарищей в Уфе, чтобы выяснили, не политическое ли это дело. Вообще-то следственные материалы фиксировали, что он убил своего отца в пьяном экстазе. (С м е х.) Вот я почему привожу этот факт, что эти люди, которые двурушничают столько времени, полностью политически и морально разложились, у них нет ничего человеческого, поэтому верить этим людям никак невозможно. Живут вместе отец и сын, отец, наверное, не выдержал, хотел что-то сказать в отношении двурушнической работы сына, в отношении продолжения террористической работы, он его так же, как троцкист вредитель Шестов в Кемерово убил инженера, тут за это на месте прикончил. И после всего этого Бухарин хочет, чтобы ему партия поверила, чтобы ЦК ему поверил.

И Рыков врет, когда, выступая здесь на пленуме, клянется и говорит, что он не виноват и тут же, припертый фактами, сам признает, но «смягчает» ряд фактов, которые он никак не может опровергнуть. Все же основное и главное в том, что он объединился с Троцким, Каменевым, Шестовым, всей этой бандой для того, чтобы организовать убийц против руководителей нашего ЦК партии, этого он не хочет сказать, но я убежден, что дальнейшие факты, которые будут вскрыты, докажут, что он является и одним из организаторов вредительства и диверсии. Об этом и говорят новые материалы — показания уполсвязи в Казахстане Трофимова. Я думаю, что нам надо посмотреть у себя на местах хорошенько, каких людей он ставил нам по своей последней работе в НКсвязи. Я думаю, что дальнейшие факты ему еще и еще докажут, что он, Рыков, Бухарин и вместе с ними Томский являются злейшими врагами нашей партии и рабочего класса и ему от этих фактов не удастся отвертеться.

Для того чтобы мы могли уничтожить то зло — двурушничество, которое им вместе с Троцким и Зиновьевым удалось внедрить в наши ряды и за которое они имеют большую заслугу перед международной контрреволюцией, перед Гитлером, для того чтобы выкорчевать двурушничество из рядов партии надо с этими людьми покончить окончательно, раз и навсегда. Надо, чтобы они получили ту же кару, которую получили их сообщники, их друзья на первом и втором процессе троцкистов и зиновьевцев, надо, чтобы правые были уничтожены так же, как троцкисты,

а те, которые останутся в живых, надо их в клетке держать под замком и не посылать в ссылку (Г о л о с с м е с т а. Правильно.), чтобы они не могли вредить, а вредителей, которые выступали, организовывали врагов против партии, которые хотят вернуть капитализм в Советский Союз, которые организовывали убийц для того, чтобы убить членов Политбюро и т. Сталина — этих людей надо уничтожить.

М о л о т о в. Слово имеет т. Калинин.

К а л и н и н. Товарищи, вопрос о террористической работе Рыкова, Бухарина так полно освещен со всех сторон, что останавливаться на всех материалах, которые розданы членам ЦК, мне кажется, больше уж нет оснований. Тт. Ворошилов, Андреев и Молотов дали такой анализ, что снова делать этот обзор — это будет повторение. Поэтому я остановлюсь только на двух конкретных фактах из деятельности Бухарина — это на письменном заявлении в ЦК. Когда его читаешь, то видишь одну двусмысленность на другой, фальшивый документ, притом еще стремится шпилить, при каждом случае оговариваясь «я этим не хочу сказать, это так не должно быть», но созданная атмосфера и т. д. ставит его в исключительное положение. И когда прочитаешь все заявление, то оно оставляет у тебя впечатление, что человек замазал целый ряд и отдельных людей и ведомств, и само следствие, и людей показывающих, и ЦК.

И когда Бухарину здесь крикнули во время его речи, что ведь вы же адвокатски подходите, Бухарин говорит: «Ну, что же, мое положение здесь такое, что я должен защищаться». Я считаю, и товарищи, которые подали реплику, также, вероятно, считают, когда они говорят про адвокатский подход, это не значит, что Бухарин не должен защищаться, не в этом дело, а это значит, что Бухарин при своей защите употребляет методы адвоката, который хочет во что бы то ни стало защитить подзащитного, хотя бы его дело было совершенно безнадежным (Г о л о с с м е с т а. Правильно.), который употребляет все способы, всякие методы, для которого априори подзащитный виновен или невиновен безразлично, он должен быть оправдан и поэтому он употребляет всякие искусственные способы и методы для влияния. И здесь, если бы Бухарин по-большевистски подошел бы к этому вопросу в ЦК, значит он поставил априори, что здесь есть две стороны: вот ЦК, вот Бухарин. А на самом деле, если по правде сказать, здесь все члены ЦК выступают резко и не найдется ни одного, который бы с невероятной резкостью не выступил бы против Бухарина, а каждому члену ЦК разве не хочется, чтобы Бухарин выскочил чистым из этого дела? (Г о л о с с м е с т а. Как же он выскочит? П о с т ы ш е в. Поздновато немного.)

Я не об этом говорю. Это другой вопрос. Но ведь это было причиной отложения пленума на целый месяц, думали — может быть, будут какие-нибудь новые обстоятельства. Ведь для нас — большевиков, — вы сами великолепно понимаете, каждый новый враг в Советском Союзе есть минус. Чего тут говорить? Поэтому у людей, конечно, было искреннее желание, чтобы против них меньше было обвинений, но вопреки этому желанию обвинения, ну, буквально горой налезают. И тактика Бухарина — и в заявлении, и в речи, и во всем его поведении — она все время ведет линию на борьбу с ЦК — «ничего нет». И венчает эту линию голодовка. Ну, ее осмеяли и, я считаю, поделом ее осмеяли. Но ведь мы хотим искренне проверить. Почему мы подходим осторожно, хотим проверить, почему не доверяем вам? Потому, что мы столько раз были в дураках, не хочется еще раз в дураках быть. (С м е х. К о с и о р. Нам и тогда не хотелось). Вы же поймите, прочтите все документы, которые огласили тт. Молотов, Ворошилов, Андреев, ведь сколько раз думали: ну, пройдет, ну, воспитаем, ну, как-нибудь выйдет. Но из этого ничего не получается. (К о с и о р. Он, оказывается, горбатый.)

Да, оказывается, горбатый. Никак, никак. И вот это желание — не остаться в дураках — требует от нас тщательной проверки. Товарищи, все-таки для коммуниста партия всего дороже, и если бы Бухарин коммунистически подошел бы здесь, на последнем пленуме, то, мне кажется, вот как бы он должен был свое заявление построить и письменное и устное, он должен был бы сказать: «Товарищи, я в том-то и в том-то виновен», перечислил бы все факты. «О таких-то случаях я не помню, такие-то случаи есть вранье. Помогите мне, помогите мне, Бухарину, скажите, как выкарабкаться из этого грязного болота». Вот единственный путь для коммуниста, который хочет после этой огромной истории предательства, партийного предательства, после огромной борьбы с партией работать вместе с партией.

Теперь не время говорить о том, что мы идейно отвечаем за наших учеников. Сейчас вопрос идет о том, что они организовали террор, что они практически руководили этой борьбой. Поэтому в своих выступлениях Бухарин должен был сделать удар именно на это, а мы этого от Бухарина и Рыкова не слышали. Вот в чем у Бухарина проявляется адвокатский подход. Вот теперь сделайте аналогию. Если Бухарин в самый трагический момент его жизни и партийной и личной посылает в ЦК такие документы, говорит такие речи, предпринимает такие политические действия, как голодовка, то какова же его тактика в разговорах со своими учениками? Мы должны, по крайней мере, удешевить все эти методы его тактики. Так это или нет? (К о с и о р. Примерно.) И после этого говорить, что я не знал, куда пошли ученики, смешно. Нечего этому удивляться, это есть политический закон, другого выхода для учеников не было. Если вы сделаете аналогию всех этих вещей с последним поведением Бухарина и перенесете это его поведение на отношение к ученикам, конечно, другого выхода сделать нельзя. (К о с и о р. Что посеешь, то и пожнешь.)

Рыков говорит, что тот дым, который получился в результате борьбы с партией всех бухаринских сторонников, не может быть без огня. Это правильно. Может быть, огня там было больше, чем дыма. Речь Рыкова, по существу говоря, речь признания. Конечно, отдельные встречи, отдельные разговоры, можно толковать по-разному, можно их опровергать. Но когда мы производим оценку двух разговоров, мы проводим аналогию с тем, какой разговор имел место в такой-то момент. Если был доказанный разговор, предположим, с Котовым, носил такой-то характер, то и другой разговор, недоказанный, разговор с Углановым должен быть таким же, как и разговор с Котовым. Рыков опровергает связь с троцкистами, опровергает свои террористические действия. Но для меня самым убедительным опровержением этого является показание Белобородова, и не в том, что Белобородов случайно встретился с Рыковым. Ясно, случайная встреча — возможная вещь, но в том, что Бахутов сводит Рыкова с Белобородовым. Но, позвольте, товарищи, для какой цели нужно было встретиться, предназначить встречу, стремиться к встрече с Белобородовым?

Эта встреча не просто случайная встреча. Рыков назначил эту встречу, участвовал в устройстве этой встречи Бахутов — тоже известная персона с правой стороны. И когда мы знаем, что правые в лице Рыкова были связаны с крупнейшими вождями троцкистского центра, как об этом говорят троцкисты, то мы тогда на эту встречу должны посмотреть иначе. Кроме того, троцкисты говорят не только об этой встрече, но говорят и то, что говорили. Я лично думаю, что Белобородов здесь показывал правильно, не мог неправильно показывать, незачем ему было неправильно показывать. Если у нас есть хоть чуть-чуть политического разума, то просто для приветствия, для пустой встречи Рыков не затевал бы этой встречи с Белобородовым, с этой самой одиозной, самой непримиримой фигурой (до процесса) со стороны троцкистов. Рыков с ним встретился. Вот этот луч пламени, он сразу освещает. Он освещает, что и все те его работники, которые говорят о терроризме Рыкова, они правы. Не может от этого Рыков никуда уйти. Некуда ему идти. Не может он уйти от этого. Прямо нужно поставить вопрос — для какой цели Рыков хотел встретиться с Белобородовым, договорился об этом с Бахутовым, и Бахутов отстает с другими, которые сопровождали Рыкова, отстает от него, и он с Белобородовым двое-надвое говорят.

В свете этих двух фактов — поведения Бухарина только на пленуме и того факта, который я привел, достаточно этих двух фактов для того, чтобы сказать, что грех (а я под грехом подразумеваю не то, что он говорит, что мы политически отвечаем за своих учеников, это старая вещь, все знают об этом, это уже оскомину набило), грех у них есть и заключается он в том, что они являются участниками. Я бы лично не хотел, чтобы в рядах партии были и такие «участники». Это позор для партии. Вы поймите это. Но как говорят — факты упрямая вещь и от таких фактов никуда не убежишь. Теперь передо мной поставят вопрос — а что делать? Я считаю, что факты сами за себя говорят, что нужно делать Центральному Комитету. (Ш к и р я т о в. Ну что?) Другого выхода нет. (Ш к и р я т о в. Уклонился от ответа. Сам поставил вопрос, а ответа на него не дал.) Нечего давать, на них должен ответ дать т. Вышинский.

М о л о т о в. Слово имеет т. Ягода.

Я г о д а². Товарищи, Рыков здесь сказал, что он честно работал в Наркомате связи. Я сейчас расскажу, как он «честно» работал в этом важнейшем наркомате. Вся его деятельность полностью соответствовала их платформе контрреволюционной борьбы с советской властью. Нет ни одного наркомата в таком разваленном виде, как Наркомат связи. Только враг, только хитрый и злостный враг, каким является Рыков, мог довести связь нашей страны до такого состояния, когда она не может обеспечить ни важнейших интересов обороны и не в состоянии обслужить население в мирное время. Рыков очень хитро вел свою линию — 2 миллиона жалоб на Наркомат связи. Приблизительно 70—80 млн. человек в нашей стране соприкасаются с органами связи, с почтой, телеграфом, телефоном, — но дело было поставлено таким образом, что все эти элементы связи вызывали только раздражение населения. (Г о л о с а с м е с т. Правильно.)

Каким образом создавалось такое положение? Это все как будто совершенно невинные вещи: гражданин, доверяя почте, посылает деньги своей семье, сыну и т. д., фактически он доверяет деньги государству, а их не выдают, причем кассир на почте заявляет, что денег нет, причем не удосужились проинструктировать почтовый аппарат, что он обязан вовремя получать необходимые расчетные средства в ближайшем отделении Госбанка. Таким образом, государственный аппарат не обеспечивает того доверия, которое ему оказывает население.

Рыков и Бухарин, уличенные и припертые к стене, вы злейшие враги партии, пытаетесь опорочить следствие и показания своих же единомышленников и этим самым продолжаете и здесь, на пленуме, свою борьбу с партией и советской властью. Но, делая жалкие попытки опровергнуть показания, с несомненностью доказывающие вашу вину, чем и как вы, Рыков, можете опровергнуть вашу собственную вредительскую деятельность? О ней дает показания ваш сподвижник Трофимов, работавший уполномоченным Наркомата связи в Казахстане. Вы ему еще в прошлом году устраивали юбилеи и банкеты. Но дело не только в показаниях Трофимова, дело в вашей вредительской деятельности, которая документально зафиксирована приказами, подписанными вами. Попытайтесь это опровергнуть.

Вот факты. Приказом Рыкова установлены так называемые контрольные сроки прохождения телеграмм. Это значит не что иное, как узаконение замедления передачи телеграмм, — вместо того, чтобы каждую телеграмму передавать немедленно и исчислять время передачи минутами, установлены сроки передачи от 1-го до 8-ми часов. Что это такое, как не активное вредительство? Дальше, уничтожаются приказами Рыкова надсмотрщики за телеграфными линиями. Это все равно, что уничтожить в НКПСе путевых сторожей, а в результате этого телеграфные линии превратились в безнадзорные, и тем самым им обеспечено разрушение. Если вы хотите переговорить по телефону низкой сети, которую вы хорошо знаете, то оказывается, что невозможно добиться никакого толку. Все это потому, что сети в большинстве построены на одном проводе, к которому привешено большое количество абонентов. Так строить могут только вредители. Все капитальное строительство сорвано методами такими же, как те, которые применялись вредителями в Кемерово.

Таких фактов можно привести громадное количество. Рыков в Наркомате связи работал, как враг. Он не просто, как многие думают, отсиживался в Наркомате связи, ожидая, пока организованные им люди будут делать попытки свержения советской власти. Он сам, лично, занимался вредительством и несомненно имел в связи свою организацию. Это дело следственные органы доведут до конца и расследуют и эту часть его деятельности. Я уверен, товарищи, в том, что они здесь попытаются отрицать свою безусловную вину, думая, что их маневр не разоблачат.

Тов. Молотов вскрыл и разоблачил их маневры, которые сводились к тому, чтобы дать сигнал оставшимся на воле своим соучастникам контрреволюционных дел к продолжению борьбы с партией. Вам, Бухарин, Рыков, осталось не более двух минут для того, чтобы понять, что вы разоблачены и что для вас единственным выходом является сейчас здесь, на пленуме, подробно рассказать о всей вашей преступной террористической работе против партии. Но вам это сделать невозможно потому, что вы и сейчас ведете борьбу, оставаясь врагами партии.

М о л о т о в. Слово имеет т. Чубарь.

Ч у б а р ь. Товарищи, Центральный Комитет нашей партии не раз делал все для того, чтобы помочь ошибающимся членам партии исправить их ошибку. Цент-

ральный Комитет сделал все для того, чтобы упорствовавших в своих ошибках правых исправить всеми имеющимися в распоряжении партии средствами. Но эта политика Центрального Комитета, эта добрая воля нашей партии, как показал опыт борьбы с троцкистами и правыми, не всегда увенчивалась успехами. В борьбе с правым уклоном партия разгромила теоретические позиции этого уклона; разгромила организацию правых уклонистов, и все же через определенный промежуток времени вожди правого уклона Рыков, Бухарин, Томский заняли позицию, которую уже не уклоном приходится характеризовать, а прямой контрреволюцией, не ошибками, а контрреволюционными преступными действиями.

То, что на данном пленуме выяснилось из доклада т. Ежова, из следственных материалов о контрреволюционной деятельности бывших правых, показывает наглядно, что теоретические позиции правых являются теми же, какие были и есть у Троцкого, у троцкистов, у считавшихся «леваками». Программа троцкистов, все теоретические построения и программа зиновьевцев, которые вместе с Троцким шли против партии, против советской власти, теоретические и практические позиции правых — это единая контрреволюционная платформа реставрации капитализма в нашей стране. На ней сошлись враги народа, террористы, диверсанты, шпионы и пытались свалить советскую власть, свалить диктатуру пролетариата.

Когда на данном пленуме, через два с лишним месяца после предыдущего пленума ЦК ВКП(б) представилась возможность Рыкову и Бухарину по-честному, не то что по-большевистски, а по-человечески, при минимальной человеческой честности, сказать о том, что они делали, о том, как они вели свою подрывную контрреволюционную работу, то мы получили здесь совсем обратное: отрицание тех многочисленных показаний, какие мы имеем в материалах следствия. Вспомните, в своем выступлении Рыков говорит, что в разговоре с Радиным Радин его агитировал, чтобы Рыков террором занялся, а он будто бы доказывал Радину, что нужно бросить борьбу, что он не согласен с этими методами борьбы, даже наоборот. Никакого «наоборот» не получилось, потому что ни Радин не был выдан органам НКВД как террорист, не выдан никто другой из террористов, приходивших к Рыкову. Кто же поверит, что дело так обстояло, как говорит Рыков?

Вопрос о тактике правых на данном пленуме как тактике, завершающей весь их путь, заслуживает особого внимания. Я не буду освещать позорного пути правых, поскольку предыдущие товарищи — Ворошилов, Андреев и особенно т. Молотов — осветили этот путь ярким прожектором до малейших подробностей. Тактика, которую применяют на данном пленуме Бухарин и Рыков, является завершением их гнусной, предательской политики и работы за многие годы.

Когда я читал записку Бухарина по поводу предъявленных ему обвинений, у меня было чувство такой гадливости, как будто бы вот перед глазами видишь змею, гадюку, это, наверное, каждый из вас, товарищи, ощущал. С первого и до последнего слова эта записка пропитана гнусными намеками и выпадами против ЦК, пропитана противопоставлением себя как стороны, себя как обиженного, угнетенного кем-то, и он всех рассказавших о его гнусных делах назвал клеветниками, утверждая, «что будет миллион показаний, а я все-таки не признаюсь». Но все-таки, когда не миллион, а десятки людей в разных концах Советского Союза, в разное время, а иногда и в одно и то же время, показывают одно и то же о преступной деятельности Бухарина, то тут сколько ни цепляйся за отдельные формулировки или за неточности в некоторых десятистепенных датах показаний — никто не поверит (Г о л о с а с м е с т. Правильно.) Бухарину, а поверят тем людям, которые не могут лгать, не имеют никаких предпосылок для этого. Никакого интереса им для того, чтобы оклеветать самих себя, нет. Зная о расстреле врагов народа, террористов троцкистов и зиновьевцев, эти люди имеют перспективы отнюдь не блестящие для каждого из učinенных в контрреволюционной деятельности. Зачем им усугублять свое положение и наговаривать на себя? Чтобы попасть под расстрел?

Бухарин всю записку составил по-адвокатски в худшем смысле этого слова. Выступил здесь на пленуме с разъяснением понятия — адвокат, что адвокат — это защитник. Кому здесь нужно это разъяснение? Но какой Бухарин адвокат, и что он защищает, поймет каждый член партии. Защита себя, пойманного с поличным, уличенного свидетелями в контрреволюционной работе — это безнадежное дело. Все-таки Бухарин считает геройством или достойным себя писать почти на ста страницах всякие казуистические сопоставления для того, чтобы еще раз обмануть

партию, чтобы выкрутиться и выйти сухим из воды. Выкрутиться не удастся и не удастся.

Бухарин здесь начал с того, что «поймите мое состояние по-человечески». Рассчитывает, что тут кто-либо способен по-обывательски подойти к его лицемерным слезам и к этим казуистическим выкрутасам двурушника. Ведь здесь обывателей нет. Здесь политические работники, большевики, прошедшие большую школу борьбы с оппозициями, с врагами партии, с врагами советской власти, получившие горький, но колоссальный опыт за последнее время, когда партии, советской властью, органами Наркомата внутренних дел вскрыта вся гнусь и пакость, вся низость бывших наших членов партии — Зиновьева, Каменева, Пятакова и других. Ведь после этого опыта рассчитывать на обывательский подход к деяниям Бухарина даже рядового члена партии, который всего этого еще, может быть, не обдумал, — это же либо наивность, либо расчет на ловкость и проворство своих рук, на фокусы, долженствующие доказать, что белое — не белое, а красное, или наоборот.

На пленуме ЦК этот номер никак не может пройти и не пройдет. По-человечески можно понять: попались, хотя выкрутитесь. По-большевистски, по-партийному определяя — нужно признать, что враги не хотят разоружиться, хотят еще сделать себе миллион оговорок для того, чтобы не признаться в своих контрреволюционных деяниях и уйти с пленума «героями», которые держали знамя борьбы против партии и советской власти высоко, чтобы призвать своих единомышленников бороться и дальше. Уговоры здесь, которые делал т. Ягода, что вот вы имеете две минуты, я думаю, обречены на неуспех. (Э й х е. Не осталось уже этих минут.) Здесь не в минутах дело, а дело в том, что вся тактика, которую усвоили Бухарин и Рыков на прошлом пленуме, продолжали два месяца, продолжали на этом пленуме, этой тактика неразоружившихся врагов, о чем говорил здесь т. Молотов, вскрывший действительное состояние людей и действительное фактическое положение дела в контрреволюционном лагере правых.

Возьмите целый ряд аргументов, которые выдвигал Бухарин для защиты своих людей, и в частности оценка его отношений со своими учениками: у меня отношения с молодежью были такие — они выступали против резких характеристик, которые в резолюциях партийные организации записывали о Бухарине. Я за это с ними дружил и защищал их. Они люди молодые, потом увлеклись и вырвались из рук. Не так просто и невинно это было в действительности. Были идейно сплоченные группы, руководимые Бухариным в своей контрреволюционной борьбе.

Здесь кто-то из товарищей говорил, кажется т. Кабаков: неужели кто-либо поверит, что Бухарин порвал со своими учениками? Были бы некоторые основания поверить, если бы эти самые «молодые», порывая с Бухариным и с центром правых, сказали: «Мы изуверились в наших вождях и создали свой собственный центр; мы продолжали дело правых Рыкова, Бухарина, Томского самостоятельно». Но этого же ни один из них не говорит, а все в одну точку бьют: «Мы продолжали действовать и работать под непосредственным руководством, по непосредственным указаниям Бухарина, Рыкова, Томского, поддерживали связь отдельно с каждым». Эти утверждения более убедительны, чем все ухищрения Бухарина.

У Рыкова получается так: «Клянусь, что центра не было, что с моим участием центра не было, что никаких руководящих указаний не давал». Это очень напоминает то, что говорил Смирнов Иван Никитич на процессе: «Что вы ко мне пристаёте? Я же был арестован и ни в каком центре не состоял. Назовите мне заседания центра, покажите мне протоколы центра... (Э й х е. И помещение.) адрес, где мы заседали». Это та же самая тактика, это те же самые аргументы. Если бы мы не прошли этого этапа, кое-кого может быть утверждения Рыкова и смутили бы. Но сегодня это не звучит убедительно, ни в коем случае.

Бухарин говорит: «Я написал свою записку и вот сейчас доказал вам несоответствие, что на такой-то странице сказано то-то, а на такой-то — то-то. Кажется, убедительно все факты изложил». Этой убедительности грош цена, ломаный грош цена, ибо не в этой казуистике доказательства. Программа правых, изложенная в платформе Рютина, и террористические группы воспитанников школки Бухарина, являются фактами контрреволюционных деяний. С этими контрреволюционными элементами и их действиями не было со стороны Бухарина борьбы и не было отмежевания. Он говорит, что не встречался и не разговаривал, а его единомышленники и последователи утверждают, что встречались, разговаривали за эти годы

и связь держали. Эти факты в показаниях многих свидетелей для нас более убедительны, чем эти экивоки Бухарина. Почему? Потому, что никакого смысла, никакого резона даже троцкистам и зиновьевцам, ни правым нет показывать ложь, клеветать на кого-либо из бывших правых вождей, никакого резона, никакой выгоды, никакого интереса нет, значит, показывают то, что было в действительности.

Разбор дела Рыкова и Бухарина на данном пленуме, освещение истории развития правого уклона и перерастания его в контрреволюционную банду вместе с троцкистами, вместе с зиновьевцами заставляет сделать вывод, что тут речь идет не об ошибках, которые можно исправить, не о случайности, а об органическом неприятии правыми советской власти, диктатуры пролетариата и социалистического строительства, неприятии социализма. На этой основе правые перешли много лет тому назад в лагерь врагов, борющихся против партии, советской власти, против диктатуры пролетариата и интересов трудящихся.

Вспомните, товарищи, тот демагогический прием, который применяли троцкисты и зиновьевцы. а сейчас применяют и правые. Видите ли, контрреволюционер Слепков хочет бороться якобы за процветание России. Троцкисты тоже спекулировали тем, что они якобы хотят облегчить положение трудящихся Советского Союза, ибо сталинская политика, политика индустриализации, она, мол, тяжело отражается на положении трудящихся. Этой демагогией они ловили простаков и хотели обмануть массы. А в то же самое время эти гады своей вредительской работой сотни миллионов рублей всаживали не туда, куда нужно, портили, ломали оборудование, подрывали мощь, подрывали благосостояние трудящихся и в городе и в селе, безжалостно убивали рабочих в шахтах, на транспорте, на заводах. У правых та же самая программа убийств и подрыва благосостояния трудящихся. Яковлев в своих показаниях говорит, что они на предприятиях вредили; уральские правые показывают, что они срывали посевную кампанию, подрывали сельское хозяйство в колхозах и совхозах. То есть они на каждом шагу своей гнусной работой подрывали благосостояние трудящихся, подрывали для того, чтобы дискредитировать советскую власть, политику партии, чтобы подрывать доверие к советской власти и к нашей партии.

И вот Слепков и вся эта шайка, которая показывает сейчас против Рыкова, против Бухарина, показывают, что они руководствовались их непосредственными указаниями, директивами. Все эти показания заслуживают большего доверия, чем заявления Бухарина и Рыкова о том, что они к этому гнусному делу не имели никакого отношения. Пойманные с поличным, они выкручиваются, приняв тактику, очевидно, заранее обдуманную, «защищаясь — нападай». То, что Бухарин к этому пленуму разработал план последней атаки, это же не подлежит никакому сомнению. Ведь не могло человеку, хотя и нервному, не могло не притти в голову, что эта самая идиотская голодовка есть не демонстрация против «клеветников», которых он перечислил в своей записке, но которым, как известно, его записка не послана. Голодовка — это есть демонстрация против ЦК, и т. Молотов целиком прав, когда говорит, что своим этим поступком Бухарин призывал к борьбе, мобилизовал силы своих сторонников, которые еще не сидят под арестом. Это же вне всякого сомнения.

Это же не озорство мальчишки, это ход, который был рассчитан на то, что под воздействием голодовки Политбюро и пленум ЦК должны будут поверить «безгрешному» человеку, переживающему как будто бы несправедливые обвинения. На самом деле это недопустимая для члена партии демонстрация против Центрального Комитета, против Политбюро, против ЦК, который решил два месяца тому назад разобрать это дело. Данные разбора этого дела на протяжении двух месяцев в следственных органах и позиция, которую заняли Рыков и Бухарин, заставляют нас притти только к одному выводу, что эти люди давно перестали быть членами партии, давно перестали быть большевиками. (Г о л о с с м е с т а. Правильно.) Стали врагами и поэтому уговоры их безнадёжны.

То, что Рыков здесь выставил в свою защиту против обвинения его в обсуждении рютинской платформы, оно рассчитано на простаков каких-то. Не верю, чтобы Рыков не знал членов ЦК профсоюза — друзей Томского, их было не так много, не сотни их было, тех, которые платформу писали, было несколько человек. (Г о л о с с м е с т а. И все они у Рыкова бывали. С у л и м о в. И чтобы при их конспирации они допустили человека неизвестного?) Ему, мол, сказали, что

привез рабочий или работник с завода. (К о с и о р. Это как в старые царские годы: спрашивают, где взял прокламацию — нашел.) Раньше мы это говорили, что нашел на улице прокламацию, чтобы не выдавать тех, у кого получил. На кого это рассчитано теперь? Приехал с завода на дачу Томского неизвестный, прочитал платформу... (Г о л о с с м е с т а. И уехал на завод.) Да, а Рыков высказался и все остальное забыл. Это же рассчитано на простаков, которых на пленуме ЦК нет, и никто не поверит таким заявлениям. Ясно, что Рыков скрывает участников этого собрания. Объяснения по поводу этой читки рютинской платформы не убедительны, по поводу показаний ближайших помощников — тоже, ссылке на сумасшествие Нестерова никто не поверит. Мне кажется, что все это у Рыкова является тактикой сохранения своего оружия против партии, против советской власти, против диктатуры пролетариата.

Рыков выдвинул еще один аргумент, — почему на процессе не сказал Пятаков и другие о том, что они с Рыковым встречались и что Белобородов с ним встречался. Всем известно, что Пятаков и другие на процессе ничего нового дополнительно к уликам, установленным следствием, не сказали — это тактика врагов, которые рассчитывают на возможность еще сохранить не обнаруженные следствием контрреволюционные силы и напасть на партию, советскую власть.

Показания Белобородова, очная ставка со Шмидтом, все это факты, которые говорят, что разговоры о терроре были не 8 и не 10 лет тому назад, а в 1934 и в 1935 году. Ряд других показаний прямо говорит, что Рыковым в 1935 г. и даже в 1936 г. поддерживалась связь с Нестеровым и другими. Эти убийственные факты Рыков и Бухарин пытаются опровергнуть как недостаточно обоснованные и недоказанные: в этом есть попытка опорочить материалы следствия, попытка доказать кому-то, что якобы следствия и все это дело кем-то подстроены. Ведь это же худший вид нападения и на Центральный Комитет, и на советскую власть, ибо в руки своих сторонников, в руки обывательщины, в руки врагов советской власти хотят вложить оружие клеветы для дискредитации органов Наркомвнудела, для дискредитации советской власти, для дискредитации нашей партии, нашего руководства. ЦК и особенно т. Сталин многое делали для того, чтобы дать возможность Рыкову и Бухарину вылезти из этой ямы или болота, куда они попали, упорствуя на своих ошибках; помогали им обрубить концы, войти в ряды честных граждан, покончивших с своей контрреволюционной работой, которая явилась результатом продолжения их ошибок в основных вопросах политики партии и явилась результатом тех тенденций и наклонностей, которые у них были за много лет еще до Октябрьской революции, во время Октябрьской революции и сохранились в период решающих побед социализма в СССР. Эти попытки не увенчались успехом.

Расплачиваться за всю гнусную контрреволюционную работу им нужно сейчас. (Ш к р я т о в. По заслугам.) И тут правильно говорили товарищи, что вывод может быть единственный, они не только членами партии не могут считаться, но придется в борьбе за разоружение, за обезвреживание продолжить следствие и судить их. (Г о л о с а с м е с т. Правильно.) Ибо тактика, принятая Рыковым и Бухариным перед этим пленумом и продолжающаяся на этом пленуме, свидетельствует воочию о нежелании разоружиться, о нежелании выдать свои шупальцы и помочь партии и советской власти искоренить остатки контрреволюционных групп. Без искоренения этих шпионско-диверсионных щупальцев в кратчайший срок придется многое терять в нашей стране в момент военного нападения фашизма, а мы терять не хотим. То, что в лице троцкистов, зиновьевцев, правых фашизм нашел верных агентов, помощников в борьбе с СССР, требует ликвидации в кратчайший срок всех остатков двурушников. Для выявления этих корешков контрреволюционных организаций правых должны быть использованы все средства.

М о л о т о в. Слово имеет т. Угаров.

У г а р о в. Товарищи, материалы, розданные к пленуму ЦК о контрреволюционной деятельности лидеров бывшей правой оппозиции Бухарина и Рыкова, поведение их на пленуме ЦК вполне достаточны для того, чтобы судить, как далеко зашли тт. Рыков и Бухарин в своей борьбе против партии, против ЦК и как глубоко они погрязли в антисоветской контрреволюционной деятельности.

Надо сказать, что те материалы, которые приведены следственными органами, и ряд фактов о работе правых, которые только теперь стали известными, проливают свет на ряд новых моментов в деятельности бывшей правой антипартийной

группировки. В самом деле, мы обычно ведем счет борьбы правых против партии с их открытыми прямыми выступлениями, примерно начиная с 1928 года. Теперь же всем ходом следствия и всеми материалами устанавливается, что по сути дела правая антипартийная группировка стала складываться и формироваться уже на протяжении 1924—1928 гг., когда Бухарин сколотил свою школку, когда Бухарин стал формировать из этой самой школки своих людей, прямо противопоставляя их партии, ЦК, воспитывая их в противопоставлении Ленину и ленинизму, воспитывая их в том направлении, что он, Бухарин, на протяжении всей борьбы против партии и Ленина был всегда и во всем прав и что единственно чего ему не доставало, это своих людей, своих кадров для того, чтобы завоевать в партии настоящее место, которого он, Бухарин, и его школка достойны.

В этот же самый период Бухарин перед своими учениками развивает «философию», доказывающую возможность построения нашей партии на манер английской трудовой партии, представляющей собой федерацию многих партий. Все это по сути дела означало, что уже в это время антипартийная правая группа и правые стали на путь фракционности и двурушничества, и надо сказать, что начиная с этого периода непрерывно, до настоящих дней, до момента разоблачения подрывной работы правых тактика двурушничества, обмана партии, предательства партии являлась основной линией поведения участников бывшей правой группировки и их лидеров — Рыкова и Бухарина. В самом деле, когда мы рассматриваем сейчас борьбу правых против партии, начиная с 1930 г., то мы убеждаемся, что они лишь по-видимости, формально, в маневренных целях на глазах всей партии, заявили об отказе от своих взглядов, о прекращении антипартийной борьбы. На самом же деле борьба после 1930 г. продолжалась, и чем дальше эта борьба шла вперед, тем более острые формы она принимала, тем более откровенный контрреволюционный характер получали все установки правых.

Самое знаменательное из того, что установлено в настоящее время ходом следствия о деятельности правых и что, на мой взгляд, является основным, — это то, что 1932 г. был тем моментом, с которого развитие всех бывших антипартийных групп троцкистов, зиновьевцев и правых приобрело откровенные черты прямого перехода их к контрреволюционной борьбе против нашей партии, против Советского государства с использованием всего арсенала средств, какие применяет международная буржуазия в борьбе против коммунизма. И на этой почве между ними нащупываются и устанавливаются блоки и соглашения. А так как мы знаем, что международная буржуазия не останавливается в борьбе против рабочего класса ни перед чем, то мы в арсенале всех антипартийных группировок находим такие средства борьбы, как террор, шпионаж, как диверсии, вредительство, — все то, что применяет и будет применять в дальнейшей борьбе против коммунизма международная буржуазия, все это становится достоянием и тактическим оружием правых и всех других бывших антипартийных группировок в их подрывной работе против нашей партии и нашего советского государства.

На XVII партконференции Бухарин, как вы знаете, произнес горячую речь в защиту линии партии, в защиту ЦК, в защиту нашего партийного руководства и особенно подчеркивал величайшие заслуги т. Сталина в деле организации всех наших побед. Это его выступление было двурушническим, самым подлым, так как 1932 год являлся годом зарождения и распространения правых, так называемой рютинской платформы, откровенной контрреволюционной программы реставрации капитализма, платформы, заключающей в себе переход к таким средствам борьбы с партией, как террор, вредительство, использование всего отравленного оружия, которое применяет фашизм в борьбе против победно растущего коммунизма.

Теперь смотрите, как изображают дело Бухарин и Рыков на пленуме ЦК. В тот момент, когда во время суда над объединенным троцкистско-зиновьевским центром было опубликовано сообщение о том, что юридических данных, юридических оснований для привлечения Бухарина и Рыкова к суду нет, Бухарин, очевидно, подумал и рассудил: «а, значит у вас, у партии, у ЦК, очевидных улик против меня на самом деле нет» и решил «попробую-ка я еще раз вас поводить за нос». И с этой поры он принимается за работу по сопоставлению всякого рода формальных данных — точно ли указаны день и час его встреч со своими сообщниками, в каком месте, на какой улице, у каких ворот, через какие проходы, шли ли пешком или

ехали на машине — и т. д. Начинается недостойная, чисто адвокатская защита и вместо того, чтобы притти к партии с повинной, раскрыть перед партией глубину падения, до которого дошли бывшие лидеры правой оппозиции, помочь партии распутать до конца, вскрыть до последнего корешка контрреволюционную, предательскую, террористическую и вредительскую деятельность участников бывшей правой группировки и их связи с троцкистами и зиновьевцами, Бухарин и Рыков стали на такую позицию — «попробуем-ка на формальных основаниях отвести все тяжелые против нас улики». Но точно установленных данных следствия не поколебать, не тем более отвести ни Бухарину, ни Рыкову не удается и не удастся.

Вот возьмем несколько фактов из тех, которые приводились на пленуме и которые есть в материалах. Первый факт — арест Е. Цетлина. Бухарин не оспаривает того, что Цетлин — это один из его ближайших помощников и учеников. Смотрите, как Цетлин разговаривает с Бухариным. Цетлин, арестованный органами НКВД за контрреволюционную деятельность, обращается к Бухарину и говорит «садись со мной вместе». Почему? Оказывается, Бухарин должен арестовываться сам, чтобы подчеркнуть, что Цетлин не виноват. Вот прямое приглашение, которое поступает Бухарину от Цетлина после его ареста. Это значит, что Цетлин рассматривает Бухарина как прямого политического сообщника... (Э й х е. И организационного.) да, и организационного, который все знает, в курсе всех дел и который вместе с ним должен и ответ держать. Раз занимался контрреволюционным делом, садись вместе, держи ответ. Разве не ясно, где находится Бухарин весь этот период — с партией или в лагере врагов?

Вот второй факт — встреча с Куликовым. Ровно никакого значения не имеет — на Тверской он встретился с ним или на Никитской, в таком-то часу вечера или в другом. Но как сам Бухарин об этом рассказывает? Было дело так: Куликов на него насаждает и спрашивает: «Почему борьба с партией малоактивная?» Куликов требует от Бухарина перехода к средствам более острого порядка. Мы знаем, что к этому времени (1933 г.) расчеты и ставка правых на крах индустриализации и коллективизации, на кризисы и восстания потерпели полное банкротство, и партия уже завершила победно построение фундамента социализма. Куликов настаивает на том, что надо активизировать борьбу правых против партии и советского государства, подсказывает и называет целый арсенал новых средств борьбы, в том числе террор и вредительство. Как отвечает Бухарин, кандидат в члены ЦК, на контрреволюционные предложения Куликова? Бухарин говорит: «Я его разлагал скепсисом»; причем этот «скепсис» довольно своеобразного свойства. Бухарин высказывает сомнения в наличии необходимых кадров: «Драться с партией? А что у вас есть для драки? Подумаешь, ваши кадрики». Смысл такой: с тем, что у вас есть, настоящей драки не поведешь, и поэтому — меньше болтайте, собирайте людей, а потом вязывайтесь в настоящую драку.

Если это дело брать политически, всерьез, то это именно так и получается. А по Бухарину выходит, что он разлагал Куликова «скепсисом». Отсюда видно, что в этом разговоре Бухарин рассматривает себя как представителя некоего центра, который противопоставляет себя и ведет борьбу против партии. Объясняя свое поведение, Бухарин говорит: «Я не хотел от себя оттолкнуть этих людей». Что это значит? Что это за разговоры? Куда отталкивать? (Г о л о с с м е с т а. Значит, своя партия есть.) Значит, он рассматривал себя как представителя какого-то центра, около которого эти люди должны сколачиваться, и все это контрреволюционное дело должно вертеться. (Ж д а н о в. Не хотел отталкивать от себя к партии.) Да, это значит, что он находился в том лагере, в лагере врагов, и продолжал борьбу против партии, скрывая от партии растущие контрреволюционные настроения в среде своих людей. Больше того, всем своим поведением Бухарин подогревал и поджигал переход бывших участников правой группировки к террористическим и вредительским средствам борьбы, возглавлял и направлял это дело.

Бухарин на пленуме ЦК ВКП(б) занимает такую позицию: «А во всем ли меня уличили? Все ли данные совпадают во времени, месте, обстоятельствах и т. д.?» Предположим, что не все совпадает. Основное ясно: кадры террористов и вредителей из числа правых ориентировались на Бухарина как на своего вождя, организатора, одного из руководителей, направляющего всю работу центра. Теперь Бухарин нас хочет убедить в том, что поскольку в истории внутривнутрипартийной борьбы руководящая тройка правого уклона никогда центром не именовалась, постольку

ссылки арестованных правых на наличие центра контрреволюционной организации правых не верны, здесь тоже сказано что-то лишнее. Это все чепуха, товарищи. Эти вещи мы всерьез брать не можем потому, что вопрос не в том, как они назывались и записывали ли это в протоколы. Одно совершенно ясно, что Бухарин, Рыков, Томский, Угланов, Шмидт — все они составляли руководящую группу правых, настоящий центр, который руководил всей контрреволюционной работой правых, центр, пускай даже без такой вывески, потому, что вопросы вывески, вопрос того, кого подальше держать, кому поближе стоять, Рыкова побольше в тени держать, или Бухарина на первый план выставлять — это вопросы тактические, это вопросы, которые никакого значения при оценке того, что сейчас обсуждает пленум — не имеют.

Теперь возьмем Рыкова. Рыков с Радиным, одним из самых доверенных его людей, тоже, оказывается, разговаривал. Рыков не отличается таким скептицизмом, как Бухарин. Рыков передает следующим образом: Радин-де ему сказал, что сейчас надо приниматься за самую острую борьбу против партии и ее руководства, не останавливаясь ни перед какими средствами, а если грянет война, надо воспользоваться войной и вовсю раздуть контрреволюционную работу. Рыков будто бы при этом делает испуганные глаза и говорит: «Это же контрреволюция! Боже упаси туда ходить», и будто бы этим сдерживает и останавливает Радин от его опасных шагов. Однако результат получается весьма неожиданным. После этого свидания с Рыковым Радин, один из его ближайших сподвижников, усиленно принимается за активную контрреволюционную работу.

В самом деле, уж очень странно все это выглядит. Как только Бухарин и Рыков «сдерживают» своих сторонников, которые обращались к ним за советом по контрреволюционным делам, как будто какой-то толчок получается, и их сторонники, которых якобы сдерживали, начинают самую бешеную, самую оголтелую контрреволюционную работу. Это значит, что разговоры бывших лидеров правых со своими людьми означали прямое подталкивание их на активную контрреволюционную борьбу против советского государства, против нашего советского народа.

Тут Бухарин склонен был апеллировать к чувству пленума, взывать к человечности, взывать к тому, что он очень издерган, что мало внимания уделяется его переживаниям. В чем же тут дело? Мы ведь хотим знать, что вряд ли кто-нибудь другой мог рассчитывать на такое внимание, на такой терпеливый подход, который проявил Центральный Комитет и к Рыкову и к Бухарину, несмотря на обилие изобличающего их материала. Когда Бухарин говорит, что он взвинчен, что у него нервное состояние, ссылаясь на свое тяжелое самочувствие и Рыкова, то тут надо прямо сказать, что в этих их самочувствиях, в этих их переживаниях партия ни с какой стороны неповинна и никакой ответственности не несет. Они расплачиваются за свою подлую контрреволюционную работу, которая велась ими на протяжении многих лет против партии.

Бухарин спрашивает: неужели вы можете подумать, что я дошел до соглашения с фашистами, до соглашения с Гитлером? Он и здесь пытается повернуть дело так: есть ли у вас прямые доказательства соглашения с Гитлером, полагая, очевидно, что это очень убедительный довод против предъявленных ему обвинений. А мы должны прямо сказать: тот, кто стал на путь контрреволюционной борьбы с нашей партией, тот, кто поднял знамя контрреволюционной борьбы и признал террор, вредительство, шпионаж и диверсию средствами борьбы, тому останавливаться перед тем, чтобы вступить в соглашение с Гитлером, никакого резона нет. Ведь совсем не случайно то, до чего договорились и о чем пишут находящиеся в изоляторе бывшие ближайшие ученики и соратники Бухарина — А. Слепков и Кузьмин. Бухарин прямо-таки задыхается в объятиях своих учеников.

Тов. Молотов с трибуны пленума ЦК поставил вопрос Бухарину: как можно объяснить, почему эти самые люди, бывшие правые, с которыми вы вместе дрались с партией и в течение всех этих лет не порывали связи, почему они решили вдруг объявить себя террористами, участниками вредительской борьбы против партии, обвинить себя в разнузданной контрреволюционной работе против советского народа. Какой резон им на себя наговаривать? И тут Бухарин действует как политический сообщник этой арестованной банды фашистских террористов из лагеря правых. Что он говорит? Он говорит, что в отношении некоторых, очевидно, произошло недоразумение. В отношении остальных он не знает, чем объяснить

дело. Что все это объективно политически значит? Это значит, что все, что установлено следствием по части их контрреволюционной террористической и всякой иной работы, все это для Рыкова и Бухарина не является убедительным доказательством. Они, Рыков и Бухарин, смотрят на это дело так, что это еще их ни в чем не убеждает. Это значит, что они и в этом случае выступают как политические сообщники этих арестованных террористов.

Так выглядит дело. Если говорить о Бухарине, так Бухарин во всех этих делах, которые связаны с арестованными участниками из правого лагеря, брал линию их защиты, во всем их выгораживал. Он не только не исполнял элементарного долга члена партии, не говоря уже о члене ЦК, он не только не помогал партии разоблачать врагов, вредителей и террористов, а, как правило, брал их под защиту, против партии.

После того как было опубликовано сообщение, что юридически нет оснований для привлечения Бухарина к судебной ответственности, он начал не с того, чтобы прийти к своей партии и рассказать все, что известно о контрреволюционной деятельности бывших участников правой группировки. Он начал клеветнического выпада против партийного руководства, против партии.

Для всех нас ясно, что Бухарин и Рыков находятся в состоянии борьбы против партии, в состоянии борьбы против Советского государства, что они находятся в лагере наших злейших врагов и с партией порвали начисто. Они являются вдохновителями контрреволюционной работы правых, их террористической и вредительской работы, которая разоблачена органами Наркомвнудела. Они ответственны за контрреволюционную деятельность правых и в отношении их мы должны поступать так, как поступает наша партия в отношении всех других врагов народа.

М о л о т о в. Слово имеет т. Жуков.

К о с и о р. А что, Осинский там не записался?

Г о л о с а с м е с т. Осинский будет выступать?

К о с и о р. Тов. Молотов, народ интересуется, Осинский будет выступать?

М о л о т о в. Он не записался пока еще.

П о с т ы ш е в. Давно молчит.

К о с и о р. Много лет уже молчит.

Ж у к о в. Товарищи, после того, как мы прочитали показания арестованных в отношении работы, контрреволюционной работы Рыкова и Бухарина и их сподвижников, в особенности после того, как прошли процессы над троцкистами и зиновьевцами, в особенности последний процесс, вряд ли нужно было выступать на этом пленуме, чтобы убеждать их и доказывать им необходимость того, чтобы они выступили и признались в своих ошибках. Я говорю это еще потому, что вряд ли будет иметь значение, что они признаются через 2 минуты или через 5 месяцев. (Я г о д а. Никто их и не думал уговаривать, Чубарь неправильно меня понял.) Они не признаются... (М е х л и с. Посадите, так признаются.) Они, эти люди, никогда не признаются, т. Мехлис. У этих людей уже в кровь вьелось врать на каждом шагу. У Рыкова есть излюбленная пословица: ну что же, если я ошибался по любому вопросу еще раз признаю свои ошибки; — так квалифицирует он свои признания; нажмут на меня — я признаюсь; делал контрреволюционное дело, делаю и буду дальше делать — вот его лозунг везде и всюду на каждом шагу.

Товарищи, если прочитать показания Марецкого... (Б е р и я. Ты расскажи лучше, как он в Наркомсвязи вредил.) Я расскажу и как он в Наркомсвязи вредил и как на Кавказе вредил. Если прочитать показания Марецкого, то тот же ясно показывает, что у Бухарина разногласия начались между 18 и 21 годом, когда был жив Ильич. Ильичу он доказывал, что Ильич неправ, с Ильичем он боролся, а после смерти Ленина он почувствовал себя совсем вождем. Что хочет, то и делает. Партия для него — чепуха. Центральный Комитет для него — чепуха, а он, Бухарин — теоретик по всем вопросам и специалист. Отсюда у него вытекала и вся установка. А все то окружение, которое было у него, все эти Слепковы, Марецкие и компания, все это окружение было с той биографией, о которой уже здесь говорили выступавшие товарищи; т. Косарев наиболее полно показал, что это были люди абсолютно чуждые для партии, а это были и есть сегодня его самые задушевные друзья.

Поэтому выступить здесь, признаться, это значит еще больше обвинить их, хотя вряд ли можно было бы предъявить им больше обвинений, чем то, в чем они

сами уже признались. Возможно ли думать о том, что кто-либо из признавшихся в том, что они были террористами, вредителями, говорили неправду, клеветали на себя, они же за это от нас награду не ждут, те, которые в таких делах признавались, они же расстреляны. Так что все те, кто признается, что он террорист, вредитель, шпион, он же награду не ждет после того, что он на себя будет врать. На себя врать не будут. Он убедился в этом на опыте других.

Тов. Молотов поставил Бухарину вопрос, почему они признаются. Он, Бухарин, говорит — не знаю, может быть признаются, а может быть нет. Поэтому тут трудно рассчитывать на какие-либо признания и какую-нибудь веру к ним. Тов. Молотов прав, когда заявил, что Центральный Комитет и Политбюро много сделали, оберегая их, убеждали, думая, что они выправятся, перестроятся. Но они несколько не перестроились, все оказалось безнадежным. (Я р о с л а в с к и й. Центральный Комитет никогда не прикрывал. Г о л о с а с м е с т. Молотов этого не говорил.) Тов. Молотов говорил, что партия брала большую ответственность на себя для того, чтобы их как-то спасти и выгородить. (Г о л о с а с м е с т. Это другое дело.) И я несколько раз говорил т. Молотову и многим другим, что ничего с Рыковым не выйдет, связь с ним не поднимем. Думали, что выправится человек, а у русских есть такая пословица: что горбатого могила никогда не выправит. (С м е х. Г о л о с а с м е с т. Наоборот.) Я извиняюсь: горбатого только могила исправит.

Товарищи, в отношении работы связи. Тов. Ягода выступал и говорил: смотрите, какое предательство — 2,5 часа норма установлена. Это чепуха была бы, если бы только это. К вашему сведению, из Москвы во Владивосток и из Владивостока в Москву в 1933 г. телеграммы возили тысячами по почте, которые шли по 2,5—3 месяца. Тов. Лаврентьев знает это, он испытал на собственной спине, когда он посылал доклады в Москву, то они приходили в Москву через три месяца, а иногда и вовсе не приходили. (Я г о д а. Я же только сотую часть сказал. Г о л о с с м е с т а. Как сейчас дело обстоит?) Сейчас я не знаю, как дело обстоит, а в конце 1936 г. за 2—3 часа телеграмма приходила. Сейчас не знаю как. (С м е х.)

Было еще хуже дело. Вот, скажем, было 15-летие Чувашии. Во время празднования 15-летия Чувашии корреспондент ТАСС дал телеграмму из Арзамаса в Москву. В этой телеграмме заседание Чувашского правительства и ЦИК приветствуют Центральный Комитет нашей партии и приветствуют т. Сталина за то, что национальная политика, проводимая т. Сталиным, дала освобождение, дала раскрепощение чувашскому народу, а телеграмма пришла наоборот: «Благодаря политике Сталина чувашский народ закабален, закрепощен». (Г о л о с с м е с т а. Аппарат сам от себя сочинил? Г о л о с с м е с т а. Агенты Рыкова там сидели.) Аппарат сам от себя не передает, люди передают. Те люди, которые передавали, до сих пор не арестованы. Может быть, только за последнее время арестованы, хотя об этих людях было сообщено и устно и письменно. (Г о л о с с м е с т а. Кому было сообщено?) В НКВД.

Хуже вещи бывали, товарищи. Как было поставлено строительство связи? Скажем, строили в Ногинске 500-киловаттную радиостанцию, пока строили мачты, они сумели обвалиться, причем с человеческими жертвами. Решением Совнаркома, на котором председательствовал Вячеслав Михайлович, было постановлено привлечь виновных к судебной ответственности. Но до сих пор эти люди не осуждены. (Г о л о с с м е с т а. А кто ведал строительством Наркомсвязи?) Я ведал строительством Наркомсвязи, но эта станция строилась до меня. По моему докладу стоял этот вопрос на Совнаркоме, по моему докладу было принято решение о привлечении виновных к судебной ответственности, но, однако, они до сих пор не осуждены. (Г о л о с с м е с т а. Почему же ты не довел дело до конца, мало энергии проявил?) Возможно, что было мало энергии. В Ростове строили техникум связи. Самый этот техникум отнесли на полтора километра от города, ближе не могли найти места. До 3-го этажа дошли и стены у них обвалились. И целый ряд подобных же вещей.

По отношению подбора кадров. Работа с подбором кадров в Наркомсвязи была очень тщательно поставлена со стороны Рыкова, в особенности он брал «своих» людей. Вот этот самый Трифонов, о котором здесь говорил т. Ягода, он был особым любимцем у Рыкова. (Г о л о с с м е с т а. Только ли Трифонов? Судя по вашему выступлению, там было много. Г о л о с с м е с т а. А кто его к

награде представлял?) Рыков представил, он приказ издал, он и банкет устраивал. (Г о л о с с м е с т а. А знал ли Рыков, что Трифонов старый троцкист?) Он конечно знал, что Трифонов был старый троцкист, настолько крепко, что когда они банкет организовали, я говорил Ягоде, что вот такая штука предполагается, надо принять меры. (Я г о д а. Правильно!) Но все-таки этот банкет состоялся, это чествование состоялось. (Г о л о с с м е с т а. А ты там был?) Нет, я там не был. (О б щ и й с м е х.) Вам тут смешно, а дело совсем не смешное, дело очень серьезное.

Так что в отношении контрреволюционной работы и в органах связи, и в органах промышленности, и в целом ряде других органов, видно, эти господа контрреволюционеры крепко поработали. И я должен сказать прямо, вряд ли какое-либо вредительство, бывшее до сих пор, скажем, вредительство Промпартии, принесло столько вреда, сколько принесла контрреволюционная работа, вредительская диверсионная работа этих организаций. Это и понятно, потому что если те стояли прямо против нас, то эти были в рядах нашей партии, делали вид, что они за нашу партию, а на самом деле вели контрреволюционную работу, на самом деле подготавливали террористические акты, на самом деле отравляли рабочих, занимались взрывами, диверсиями, на самом деле шпионили, связались со всей той мерзостью, которая сколачивалась вокруг них, недовольная советской властью, объединялась вокруг них. И я думаю, что для того, чтобы по-настоящему раскопать все эти контрреволюционные гнезда, нужно будет еще много поработать, в том числе и у вас, т. Берия, в Закавказье. (Б е р и я. С вашей помощью.) Нет, не благодаря вашей помощи, а благодаря некоторому вашему противодействию. И у вас есть, т. Берия, много нехорошего. (Б е р и я. Благодаря вашему вниманию и заботе.) Нет, товарищ Берия, напрасно. (Б е р и я. Вы два раза туда приезжали. Вы насильно хотели навязать начальника республиканской конторы, а в чем противодействовали?) Когда вы говорите, что я два раза туда приезжал — это неверно. Ни разу не приезжал. Я был в Тифлисе в последний раз в 1924 году. (Б е р и я. Закавказье не только Тифлисом начинается и кончается.) Я на Кавказе нигде не был. (Б е р и я. Рыков все время настаивал снять нашего уполномоченного.) Его несколько раз снимали и другого назначали, но один другого был чище. (С м е х.)

В чем эта «чистота» выражалась? Во-первых, в том, что говорил т. Ягода, что много жалоб на плохую работу связи. (Я г о д а. Это характеризует работу связи.) И насчет переводов денег. Какой порядок был в наркомате связи? Не только переводы доставлять, а просто деньги воровать. За 1932—33 гг. по той скверной отчетности, потому что отчетность была очень плохая, за эти два года уворовано — то, что выявлено — 106 млн. рублей. И когда я представил т. Молотову доклад в Совнарком, он отчаянно выругался, в том числе и против меня, и прав был, но мало было ругать. Только за два года, при плохой отчетности, было выявлено 106 млн. уворованных денег, в том числе в Закавказье примерно одна треть. (С м е х. Г о л о с а с м е с т. А-а, а-а.) Вот как дело было поставлено в Закавказье, там никакого порядка не было. Два края отличались: Закавказье и Дальний Восток.

Я приезжал к т. Лаврентьеву по решению ЦК на Дальний Восток в 1934 г., там буквально тихий ужас был, а не связь. Там же не только денег не выдавали, а такие вещи были: кто бы туда ни посылал посылки, их прямо тысячами воровали. А после этого мы хотим, чтобы не было жалоб. В этом и заключалась их «работа», чтобы как можно больше вызвать раздражения у широких слоев населения. И к сожалению, по Дальнему Востоку, несмотря на мои настоятельные требования, до сих пор Любович сидит на свободе, а его надо было бы судить, он многое сделал для того, чтобы там развалить дело, а не наладить. И только после того, как туда приехал т. Лейкин, работа там значительно выправилась. Верно ли это, т. Лаврентьев? Он это подтверждал не раз и он это подтвердит. Так что в Наркомате связи нужно много сделать для того, чтобы выправить работу.

А с этой контрреволюционной бандой напрасно мы возимся, напрасно уговариваем их. Это безнадежно. Их ничем не уговоришь. Они сумеют не только здесь, в любом месте, где им дадут выступить, они будут сотни раз отказываться. Это у них в кровь вьелось врать и надувать на каждом шагу. Они, как только могли, делали свое контрреволюционное дело. Поэтому я не знаю, нужно ли нам далее вести прения по этому вопросу. По-моему, вопрос настолько ясен после тех невероятных убийственных показаний, которые были против них... (С м е х, ш у м. Б е р и я.)

Тов. Жуков, а вы что, опровергаете, что у Рыкова было вредительство и он своих агентов, провокаторов посадил?) Откуда это вытекает? (Б е р и я. Из вашего выступления получается. Г о л о с с м е с т а. Контекст такой.) Не знаю, как можешь ты из моего выступления такой вывод сделать. (С м е х.) У т. Берия почему-то особая любовь к моему выступлению. (С м е х.) Он никак не может понять. По-моему, я сказал, в чем заключается вредительство. Я не мог всего перечислить, я сам не все знаю и не все мог понять. Но то, что я знаю, об этом я сказал. (Р е п л и к а с м е с т а н е у л о в л е н а.) Кончаю тем, что надо этих людей судить по всем правилам нашей законности, надо этих людей стрелять так же, как стреляли тех негодяев.

М о л о т о в. Тов. Межлаук.

М е ж л а у к. Товарищи, перед нами стоит вопрос, виновен ли Рыков или не виновен в том, что он, во-первых, знал о троцкистской террористской деятельности, во-вторых, знал о террористской деятельности правых, в-третьих, сам участвовал в этой террористической деятельности. Все эти обвинения предъявлены Рыкову. Он их отрицает на том основании, что мы, члены ЦК, должны ему, Рыкову, — никаких других аргументов у него в распоряжении нет, потому что против него прямо, точно, обстоятельно показывают люди, с которыми он вместе работал десяток лет, мнение которых, как мнение Радина, было для него часто важнее, чем решение ЦК ВКП(б) или мнение партии. Память стала у Рыкова очень короткой, и это неудивительно. Правильно сказал т. Ворошилов, что если стать на ту позицию, на которую встали Рыков и Бухарин, то защищаться иначе, чем просто врать, нельзя. И это они исправно делают здесь перед нами по два часа каждый.

Почему мы не можем ни при каких условиях и ни на одну минуту поверить тому, что здесь говорил Рыков? Перед нами вся история Рыкова. Тов. Молотов в своей речи подробно обрисовал историческую обстановку, в которой складывалось политическое лицо Рыкова, и выяснил этапы, через которые Рыков проходил. Только одна сторона деятельности Рыкова, мне кажется, осталась еще не полностью освещенной — это работа Рыкова как председателя Совнаркома с 1924 по 1930 год. Рыков, начиная с первых лет своей работы в Совнаркоме, использовал Совнарком как человек, чуждый партии, как человек, который тогда уже практиковал двурушничество, и, будучи членом Политбюро ЦК партии, в то же время всю свою отдельную линию проводил в Совнаркоме, используя его в процессе создания своей группы.

Как совершенно правильно говорил здесь Вячеслав Михайлович Молотов, Совнарком для Рыкова был органом, который он использовал для двух целей. Во-первых, он отбирал и собирал чуждых партии, а часто и советской власти людей, которые, оказавшись организованными предателями и вредителями, давали показания, что они считали вполне возможным выдвижение Рыкова на пост председателя их правительства, потому что его взгляды совпадали с их взглядами. Эти Громаны, Кондратьевы, Пальчинские читали свои многочасовые меньшевистские и эсеровские обзоры «конъюнктуры» и доклады на заседании Совнаркома, где Рыков формировал свои мнения, весьма отличные от взглядов партийных. Во-вторых, Рыков использовал Совнарком как трибуну, через которую он мог обращаться достаточно укрыто от партии к очень широкому кругу чуждых советской власти преданных ему людей, всякого рода вредителей... (П о с т ы ш е в. Правильно.) и таким образом создавать по всей стране чрезвычайно разветвленную сеть своей агентуры.

Если бы вы взяли сейчас протоколы Совнаркома рыковских времен и посмотрели на состав присутствующих, то вы увидели бы, что собиралась буквально сотня человек, из которых по крайней мере 90% не имели никакого отношения к правительству. Перед ними Рыков развивал свои знаменитые идеи. В чем они заключались? За Рыковым есть много преступлений против партии, которые он совершал на посту председателя Совнаркома, будучи членом ЦК и членом Политбюро, я скажу о двух из них. Рыков всеми силами боролся против политики индустриализации... (П о с т ы ш е в. Правильно.) до XIV съезда партии и после XIV съезда партии. (Г о л о с с м е с т а. Правильно.) У всех у нас в памяти свежи более недавние события, когда Рыков вслед за немецкими шпионами твердил о невозможности построения второй угольно-металлургической базы на Урале. Вы все помните, как Рыков в издевательской, гнусной форме комментировал уже

состоявшееся решение ЦК о Магнитогорском заводе на Совнаркоме. Но он начал борьбу против индустриализации гораздо раньше. Достаточно привести историю начала индустриализации, историю работы т. Дзержинского как председателя Высшего совета народного хозяйства, чтобы понять, как тогда Рыков проводил свою антииндустриализаторскую линию. Рыков вместе с Пятаковым отвечает за то, что мы преждевременно потеряли т. Дзержинского. (Г о л о с с м е с т а. Правильно.) Он вел изо дня в день подлую, подрывную мелкую работу, которую пресекал только ЦК нашей партии, только т. Сталин, которому т. Дзержинский верил безоговорочно и безусловно и к которому он не раз обращался за помощью, доведенный до крайности издевательствами Рыкова, его системой вставлять палки в колеса в труднейшей работе по проведению индустриализации на практике.

Рыков в этом деле опирался на своих людей, прежде всего на известного буржуазного перерожденца Шейнмана, бывшего тогда председателем Госбанка, который по настоянию Рыкова был в конце 1928 г. отправлен за границу и не вернулся оттуда: рыковские люди в Берлине его предупредили, что говорят о коллективизации сельского хозяйства, введены продовольственные карточки, объявлена чистка партии, предупреджали, что его людей в банке всех выгонят из партии во главе с ним самим. Этот Шейнман так же, как бывший наркомфинансов Сокольников, специализировался на зажиме и подрыве тяжелой промышленности, охотно поддерживая в особенности еще существовавшую тогда частную промышленность и частную торговлю. Сокольников, Фрумкин, Эйсмонт, все эти чужие партии люди, буржуазные реставраторы, были ближайшими помощниками и сотрудниками Рыкова, в тесном блоке с Каменевым травившими т. Дзержинского как человека, которому партия поручила дело подъема тяжелой промышленности. Рыков ненавидел Дзержинского и как честного большевика так же, как он ненавидел Серго, как он ненавидит всех руководителей нашей партии.

Второй вопрос — об отношении Рыкова к национальной политике партии. Товарищи, мы тогда находились в той стадии, когда народности отдаленных окраин Советского Союза только начинали становиться на ноги на основе национальной политики Центрального Комитета, при его постоянной помощи и поддержке. Рыков избрал Совнарком как трибуну, где он мог бы издеваться над этими решениями. Во время обсуждения бюджета Рыков, используя материалы какого-то из своих «помощников», выступил с заявлением, что он считает совершенно недопустимым, что туркмены, узбеки, белорусы и все остальные народы «живут за счет русского мужика». Основанием для такого, мягко говоря, антипартийного заявления послужило то, что даже эта жульнически составленная справка, не учитывавшая территориального деления союзного бюджета, показывала законный и необходимый тогда более быстрый рост бюджетов остальных национальных республик по сравнению с ростом бюджета РСФСР. При этом Рыков, разумеется, ограничился, как всегда, ядовитой «критикой», не осмеливаясь внести в ЦК ВКП(б) свои предложения, но предназначая эту критику для воспитания своей группы на основе... (Г о л о с с м е с т а. Великодержавности.) великодержавности, составлявшей часть рыковской политической физиономии.

Это только два примера его борьбы против политики партии в деле индустриализации и в национальном вопросе; борьбы, проводившейся за спиной Центрального Комитета партии. Спрашивается, можно ли после этого человеку, который двурушничал на самых ответственных постах, которые партия ему поручала, можно ли ему теперь доверять хоть в чем-нибудь? Этот жалкий, мелкий человек требует, чтобы мы ему на каком-то основании поверили. Он заявляет, что он никогда ничего не говорил, он всех уговаривал — Радина, чтобы тот не занимался террористическими актами, других своих сообщников, чтобы они оставались верными партии.

Кто этому поверит? Этот словоохотливый человек, который еще будучи членом Политбюро, в СНК заставлял нас по несколько часов слушать его словоохотливые речи, которые переходили постоянно в блудословие, хочет доказать, что он, ведя контрреволюционную работу, стал молчаливником. (М о л о т о в. Все эти стенограммы сохранились до сих пор.) Если мы на деловых собраниях не ведем теперь стенограмм, то раньше не было ни одной контрреволюционной пакости, которая бы Рыковым не была для себя увековечена навсегда. Его блудословие не было случайным, оно всегда направлялось против партии.

Этот жалкий дезертир Октября имел наглость еще при жизни Ильича, в 1922 г. в Абхазии, где он был в отпуске тогда одновременно с т. Дзержинским, клеветать на ЦК нашей партии. Он заявил во время празднования годовщины Октябрьской революции перед широким кругом людей, среди которых были и преданные партии люди и ставшие предателями-троцкистами, что во время Октябрьских дней руководители нашей партии во главе с т. Лениным держали в карманах цианистый калий для того, чтобы в случае неудачи революции отравиться. Тов. Дзержинский дал суровую отповедь этой гнусной клевете труса, не постыдившегося оклеветать товарищей, среди которых его, дезертира, не было. Такой способ действия, клеветой исподтишка, типичен для Рыкова уже в 1922 году. А ведь Рыков тогда считал себя последовательным большевиком.

Он, правда, пытается доказать, что и история правых начинается с 1929 г. и кончается 1930 г., считая, очевидно, что никто ничего не помнит. Я не буду приводить других фактов блудсловия и клеветы — их можно было бы привести сколько угодно. До каких границ должна была дойти эта манера Рыкова в его контрреволюционной подпольной работе! Это объясняет тот факт, что Рыкову ни разу, когда он слышал контрреволюционные речи, когда он читал рютинскую платформу, даже в голову не приходило, что об этом надо сообщить Центральному Комитету. Ему это не могло притти в голову. Как он мог сообщить, когда он сам на всех этих беседах больше всех разговаривал, блудсловил, клеветал и в этой привычной ему форме излагал установки к действиям своих сообщников-террористов.

Рыков в своей речи, повторяя надоевшую жвачку всех раскаяний контрреволюционеров, заявляет, что он-де сожалеет, что стал знаменем, под которым собираются антисоветские элементы и прочая дрянь. Да разве если бы он, этот человек, хоть раз эти антисоветские элементы, которые к нему обращались, отверг, сообщил ЦК, разоблачил, да разве кто-нибудь из них стал бы обращаться к нему? Я говорю это и мне просто неловко, потому что я вижу, что все члены пленума ЦК ВКП(б) считают эти слова Рыкова пустой трафаретной трескотней, так как Рыков и правые ушли гораздо дальше за этот период — они были не «знаменем», а живыми организаторами террористической контрреволюции.

О Бухарине. Я буду краток, потому что все основное здесь было сказано. Прежде всего о его письме пленуму ЦК ВКП(б). Как написано это письмо, которое адресовано пленуму ЦК? Так, чтобы его могли использовать те самые подлецы из любимой Бухариним лейбористской партии, по типу которой он собирался перестроить монолитную ВКП(б). (С т а л и н. Это то, что в переводе называется трудовой партией.) Совершенно верно, это в переводе значит трудовая партия. Эти английские «трудовики» в своих газетах во время троцкистского процесса клеветали на СССР, на НКВД, на наш советский суд гораздо больше, чем обычная английская буржуазная пресса. Это понятно, так как в эту «трудовую партию» входят меньшевики всех мастей и троцкисты, связанные своими корнями со всей международной троцкистской, фашистской агентурой.

Вот к ним-то и апеллирует Бухарин. Его письмо, по существу, адресовано через голову пленума прямо в редакцию этих лейбористских газет в Англии, в редакцию американского левобуржуазного журнала «Нейшен», который является троцкистским рупором. Вы не случайно пишете в начале этого письма: «Я в течение многих месяцев подвергаюсь мучительнейшей моральной пытке. Меня обвиняют в троцкистских преступлениях и т. д.» А потом, для того, чтобы можно было привести прямо фотографический снимок с вашего письма, вы пишете: «Но я заявляю, что, пройдя сквозь строй этих неслыханных мучений, самых страшных мучений...» Тут уже слова «моральных» нет.

Для чего же вы это писали? Для того, чтобы вместе со всей сворой фашистов, предателей, шпионов вы могли сказать, что вы подверглись тем самым мучениям, которые, по клеветнической теории этих буржуазных журналов, должно быть, применялись для того, чтобы получить признания троцкистов. Радек — подлец из подлецов — нашел у себя смелость, чтобы сказать, что не его мучили, а он мучил следователя, у вас, само собой разумеется, ее не оказалось. Я должен сказать, что вы мучите нас самым недопустимым подлым образом, а не вас мучают. (Г о л о с а с м е с т. Правильно, правильно!) В течение многих и многих лет вы мучаете партию, и только ангельскому терпению т. Сталина вы обязаны тем, что за вашу гнусную террористическую работу мы вас политически не растерзали. Это мы сде-

лали бы давно, два месяца тому назад, если бы не т. Сталин, если бы не преобладание у него политики, продиктованной интересами рабочего класса, над справедливым чувством негодования, не умение видеть дальше и лучше всех нас.

А чем вы оплачиваете Центральному Комитету за его долготерпение к вашим мерзостям? Вы объявляете «голодовку». Действительно, правильно сказал Вячеслав Михайлович, что будущие поколения будут смеяться над Бухариным, голодавшим каждые сутки с 12-ти часов ночи до 10 час. утра! (С м е х.) Позор. Разрешите вам напомнить, что эти троцкистские актерские фортели с разными немощами уже давно примелькались; ими занимался еще троцкист Иоффе лет 10 тому назад; Троцкий постоянно прибегает к ним и вся мировая печать всех буржуазных оттенков всегда заполнит сообщения об этом дрянном фашисте его заявлениями о болезнях сердца, печенки, селезенки, желчного пузыря и уж я не знаю, какие органы там отсутствуют. (С м е х.) Так и вы теперь. Вы думаете, что это случайно? Нет, это потому, что вы такие же беспринципные, дрянные, не могущие войти никогда ни в какую большевистскую партию по-настоящему, индивидуалы, кустари-одиночки, фигляры и актеры разных величин и разных достоинств. Поэтому вы здесь пробуете перед нами играть эти роли.

Письмо Бухарина является одним из самых гнусных документов, которые приходилось читать. (Г о л о с а с м е с т. Правильно.) Не стоит даже останавливаться на его внутренней аргументации.

Теперь о школе этого Бухарина. Вы, дорогой т. Бухарин, очень путаете часто, у вас, как вы говорите, провал в памяти большой. Я бы сказал, что у вас сплошной провал в вашей довольно неважной памяти. (Г о л о с а с м е с т. Там, где нужно, тогда, когда это выгодно.) Здесь т. Косарев характеризовал довольно полно, из того вы набрали участников этой школы. Тов. Косарев не сказал только другого. Мало было набрать, нужно было их воспитать. Ведь кого только мы не перевоспитывали! А как вы воспитали? Вы последовательно, с самого начала рассказывали им, как и чем нужно бороться с партией, примером учили двурушничать, внушали им идею, что вы с ними — мировые вожди, как это показывает теперь Астров. Вы с ними советовались и обсуждали мнения членов Политбюро, вы им внушали сознание, что они передовые, лучшие, что они безусловно могут завтра встать у кормила власти. Сопляков, которые не видели никогда ни партийной работы, не видели многие гражданской войны, наконец, не имели никакого жизненного опыта, вы старательно и последовательно воспитывали в убеждении, что если завтра существующего руководства партии не станет, ваши члены руководства, вот этот Бухарин и его почтенная компания, могут руководство ЦК заменить.

У вас в памяти такие провалы есть — вы забыли, что ЦК делал все возможное, чтобы помочь вам и людям вашей школы выйти на большую дорогу. ЦК ВКП(б) организовал группу, которая работала для ЦК по ряду вопросов, куда входила и ваша школа, которой ЦК простил, надеясь на ее исправление, ряд ошибок, которые вы уже успели наделать — вроде лозунга «обогащайтесь». В эту группу в 1926—27 гг. входил и я, но отнюдь не в вашу школу — чему у вас было учиться уже тогда, после наделанных вами и при Ленине и после его смерти ошибок, я не знаю. Этой группе, которая была в то время занята борьбой с троцкистами, была поручена критика контрольных цифр, составленных Смильгой, в эту группу входили далеко не только ваши люди. Вы напрасно думали, что вам на откуп дали «Правду» и «Большевик», хотя вы и пытались их монополизировать для вашей школки. Эта группа привлекалась ЦК для разработки материалов для резолюций; так составлялись и разрабатывались резолюции к XV съезду партии. Эта группа работала над изданием направленных против троцкистов «Фактов и цифр», которые помнят все товарищи. Это был период, когда вы временно, по заданиям партии исполняли кое-какие работы, а в то же время тайком в вашей школке работали и совещались против ЦК, там вы воспитывали по-своему, против партии, как показывает теперь Астров, ваших людей.

Понятна отсюда и следующая ваша позиция. Ваше это письмо к пленуму ЦК ВКП(б) — это клевета, настоящая густая клевета на НКВД и на ЦК ВКП(б). Когда вы на вопрос, почему же ваши соратники показывают на самих себя, отвечаете — «почему показывают на себя? Я не знаю», и начинаете плакаться — вы кривите душой и вилаете. Вы написали в письме пленуму: «Все эти показания — ложь». Почему ложь? Что вы хотели этим сказать? Ответ может быть только один. Вы

утверждаете, что показания, которые уличают вас в антисоветской террористической работе и одновременно являются признанием в тягчайших преступлениях самих людей, давших эти показания, — продиктованы органами НКВД или самостоятельно или по указаниям ЦК, чтобы вас, Бухарина, «затравить», как вы уже давно выражались.

Еще в 1928 г., когда из вашей школки уходили честные люди — Краваль, Розенталь, — по-партийному сообщившие через т. Куйбышева ЦК ВКП(б) о вашей подлой работе в школке против партии, против ее ЦК, ваши выученики с ваших слов вопили, что тт. Сталин, Молотов и другие члены Политбюро решили твердо «затравить» и уничтожить этого самого Бухарина; и как вы сами рассказали, ваша школка становилась на вашу «защиту» от ЦК ВКП(б) уже в 1928 году. Эта неслыханная клевета ясно проступает между всех строк вашего письма к пленуму. Поэтому-то о всех показаниях, уличающих вас в ваших преступлениях против партии, против родины, так же, как говорят диверсанты, шпионы, фашисты и их друзья и агенты во всем мире, так и вы повторяете: «Это все выдумка, это все вымучено». А для того, чтобы эту «вымученную теорию» еще красочней доказать, вы кстати и написали, что вы и сами прошли сквозь строй неслыханных мучений и т. д.

Вот так вы действуете. Между вами и троцкистами разницы нет. Когда огляды-ваешься обратно, видишь, что за весь длинный период вашей работы, когда вы были членом Политбюро, вы двурушничали, это теперь все более и более выявляется; об этом говорил здесь Вячеслав Михайлович. Потому, что уже в то время (ЦК этого не знал тогда) одно вы говорили в Политбюро, а другое вы говорили в этой вашей школке. Теперь ваши ученики показывают об этом. Вы и троцкисты в тот период возможно «своя своих не познаша». Вы шли к одной цели буржуазной реставрации исходя из неверия в возможность построения социализма в нашей стране, хотя на словах, вы, Бухарин, твердили другое; методы у вас были разные. Одни — зиновьевские и троцкистские методы — были всем известные методы «хлопанья дверьми», раздавания лошадей каждому колхознику и тому подобное; у вас были более надежные, кулацкие методы: кулаку помочь сразу без всяких антимоний. Дальше вы объединились полностью с ними на террористической платформе буржуазной реставрации. Между вами и троцкистами разницы не видно даже в микроскоп. На этом нет никакой надобности останавливаться потому, что это доказано вашей платформой 1928 г., вашей рютинской платформой, вашими тайными сговорами с Пятаковым, с Каменевым в 1929 году.

Наконец, что же, товарищи, какой вывод надо сделать из всего этого? Перед нами выступали адвокаты, настоящие буржуазные адвокаты, как заявил сам Бухарин. Что такое буржуазный адвокат? Это человек, который отнюдь не стремится установить правду, как они должны были бы сделать, на пленуме. Адвокат любой буржуазной страны — это есть человек, который любой ценой стремится защитить своего подзащитного; если он сумеет обелить виновного, тем лучше этот адвокат. Да вспомните из практики прошлых лет. Разве адвокаты, защищая революционеров, выступали на суде с тем, чтобы установить правду и сказать, что такой-то действительно принадлежит к преступному тайному сообществу, именуемому Российской социал-демократической партией? Станным был бы такой адвокат. Вы выступали как буржуазный адвокат.

Вы осмелились написать в письме т. Ворошилову о ЦК ВКП(б) «труссы». Не по адресу это, вы оба трусы. (Г о л о с с м е с т а. Жалкие трусы.) Жалкие трусы, подлые трусы. Вам не место ни в ЦК, ни в партии. Вам место только в следственных органах, где вы будете, вероятно, разговаривать иначе потому, что здесь на пленуме вам не хватает того самого простого мужества, которого хватило одному из растленных вами учеников, Зайцеву, сказавшему и за себя, и за вас: «Я гадина и прошу советскую власть уничтожить меня, как гадину». (Г о л о с с м е с т а. Правильно.)

М о л о т о в. Есть предложение устроить перерыв на 10 минут.

М о л о т о в. Слово имеет т. Каганович.

К а г а н о в и ч³. Товарищи, хотя после прошлого пленума ЦК партии прошло уже около двух месяцев, Бухарин и Рыков оказались бессильными привести на этом пленуме сколько-нибудь серьезные доводы в свою защиту. Опять повторялись голые отрицания, голые заявления о том, что верьте нам, или же

попытки вылавливать те или иные случайные формальные противоречия для того, чтобы на этом строить свою защиту. Вместо того, чтобы прийти к пленуму, если ты думаешь, что ты прав, что ты невиновен, прийти к пленуму и выложить прежде всего факты своей положительной деятельности и факты своей положительной принципиальной политической линии, как они выглядели в жизни на протяжении всего периода борьбы. Это самый убедительный довод. Вместо этого они повторяют: я не я, и лошадь не моя. И это не случайно.

Не случайно потому, что у них ничего положительного нет, а есть только отрицательные факты их деятельности, которые целиком подтверждают показания всех их бывших единомышленников, которые все, как один, свидетельствуют, что Бухарин, Рыков и Томский, начиная с 1928 г., с момента оформления правой оппозиции, до 1936 г. представляли собой руководящий центр фактически новой нелегальной партии, партии контрреволюционной, которая блокировалась с другими контрреволюционными организациями, которая имела свою платформу и видоизменяла и приспособливала эту платформу к различным нуждам того или иного периода.

Но прежде чем перейти к этому основному вопросу, а мне кажется, что он основной вопрос, вопрос о платформе, и вопросу о том, как они практически боролись за эту свою платформу, — я хочу остановиться на двух заявлениях, которые сделал т. Бухарин, приводя их как главные доводы своей защиты. Это противоречия в показаниях Сокольников и противоречия в показаниях Куликова.

Тов. Бухарин говорит, что на процессе Сокольников заявил, что правые только поддерживали контакт, тогда как на очной ставке он говорит, что правые потом вступили в блок, в центр блока. Я спрашивал т. Вышинского и смотрел стенографический отчет процесса. В стенографическом отчете процесса речь идет о 1932 году. И действительно, в протоколе очной ставки есть заявление Сокольникова о том, что в 1932 г. была попытка создания блока с вхождением правых в единый центр. Правые тогда согласились только на контакт и отказались от вхождения в этот единый центр. Но в 1935 г. он же от имени нового центра вел переговоры с Томским, и Томский, вначале сказав, что он не может сам дать ответ, потом через некоторое время от имени Рыкова и Бухарина дал согласие на вхождение в центр. Это имеется в протоколе очной ставки и в протоколах показаний Сокольникова.

На суде не было надобности допрашивать о 1935 году Сокольникова, потому что Сокольников об участии Бухарина и Рыкова судил по заявлению Томского, тогда как на суде были и Пятаков и Радек, которые непосредственно были связаны с Бухариным. Естественно, что т. Вышинский спрашивал уже о 1935 году Радека, а не Сокольникова. Так что, как видите, здесь никакого противоречия не имеется. Протокол допроса Сокольникова до процесса говорит то же самое, что Сокольников подтвердил на допросе, то, что он показал на очной ставке.

Противоречия у Куликова. Бухарин утверждает, что в показаниях Куликов указывает, что он имел намерение совершить террористический акт на Сталина, а будто бы на очной ставке говорит о террористическом акте на Кагановича. Это неверно. Есть документ об очной ставке. На очной ставке Куликов показывает: «Через пару дней я вновь пошел к Угланову... (Ч и т а е т.)... возле сада». Между прочим, эта привычка встречаться на улицах она по ряду протоколов проходит у т. Бухарина... (Г о л о с а с м е с т. Правильно.) и с Астровым и с другими. «Я рассказывал Николаю Ивановичу о своих... (Ч и т а е т.) Николай Иванович осыпал меня упреками, он упрекал меня, что медлим... а есть у вас твердые кадры?» Потом, на очной ставке, Николай Иванович подтвердил то, что он спрашивал Куликова относительно кадров... (Ч и т а е т.) «Его надо убрать». «Так это было, Николай Иванович?» — спрашивает он, обращаясь в упор к Николаю Ивановичу. И Николай Иванович, который обычно на очных ставках, как здесь правильно говорил т. Сталин, очень резко отзывался на показания троцкистов, ругал их, здесь не отрицает в то время, когда Куликов прямо обращается к нему. Не отрицает Бухарин, а отвечает: «Я обо всем скажу». Разве это не есть подтверждение показаний Куликова? (Г о л о с а с м е с т. Конечно.)

Я спросил Куликова — ты был у меня в 1932 г. и каялся тогда, значит ты тогда уже двурушничал? «Да, двурушничал, также двурушничал даже и по отношению к тебе» — говорит Куликов. Ворошилов в это время спрашивает у него — а за что вы хотели убить Кагановича? Куликов: «Так же как и Сталина для того, чтобы обез-

главить руководство». Что же остается? Как видите, и в протоколе и на очной ставке подтверждается то же самое. Никаких противоречий в показаниях Куликова нет, как говорит Бухарин, что в протоколе он хотел совершить террористический над Сталиным, а на очной ставке только над Кагановичем. Я мог бы прочитать еще несколько мест, где Куликов неоднократно подтверждает свои беседы с Бухариным. Бухарин и сам пытается признать некоторые из них как свою ошибку. Вот что он говорит ... (Ч и т а е т.)... «и верю в то, что он сейчас говорит». (М и к о я н. Это говорит Бухарин?) Да, после очной ставки. «Но я категорически протестую»... (Ч и т а е т.)

Между прочим, что касается «помышлений» и прочего, я хочу вам напомнить, что еще на первом процессе по поводу убийства т. Кирова Каменев говорил то же самое. Это его точное выражение: «Ни помышлением, ни действием, ничем я сам неприкосновенен к этому делу». Вот и Бухарин также говорит: «Ни помышлением, ни действием я не виновен». И дальше: «Я могу только попытаться объяснить, каким образом могло сложиться такое мнение, каким образом Куликов мог подумывать о такой вещи».

Миквян спрашивает: «Ты отрицаешь свидание у Александровского сада?» — «Я объясняю это таким образом... (Ч и т а е т.) и не ощущал этого». Значит, с одной стороны, Бухарин, когда его здесь спрашивали: «Вы знали о том, что в 32 году какие-то острые настроения были у углановской группы», он ответил: «Да, я знал, но под этими острыми настроениями я понимал развертывание движения». «Вы не понимали под острыми настроениями террор?» «Нет, террора не понимал». Значит, с одной стороны, в 1932 г. он идет к Угланову, заявляя, что не надо принимать острых действий, заявляет, что под острыми действиями он имел в виду вообще развертывание движения, а с другой стороны, когда он приперт Куликовым на очной ставке, он прямым образом говорит: «Я могу только попытаться объяснить» и объясняет тем, что они раздвоенно работали, что мы директив не давали, а в углановской группе могли быть террористические настроения. Тов. Сталин бросил реплику: «Ловко сделано», и действительно ловко сделано. Мы, дескать, центр, в стороне, а когда попались, то мы не виноваты, а виноват стрелочник. Ну, это не совсем стрелочник, но, во всяком случае, те, которые должны были действовать.

Ворошилов спрашивает: «Как могли появиться такие настроения у Куликова, которые ты признаешь?» Бухарин вместо ответа по существу: «Я даю абсолютно честное слово, что мне и в голову не приходила идея относительно террора». Разве это серьезный ответ на вопрос? «Я действительно встретил Куликова в 1932 г. в переулке, где жил Угланов... Он взял меня под руку... (Ч и т а е т.) и действительно это история... я даже плакал». (Г о л о с а с м е с т. Почему плакал?) Какая история, неизвестно, почему плакал, неизвестно. «Я развел руками и говорю: что делать? Он говорит, ничего, нужно действовать. Это Куликов ему говорит. Я читал, спрашивал, где же у вас крепкие люди. Мы никогда не произносили слова «террор». (Г о л о с а с м е с т. А убить, убрать.) Да, да. Так вот о крепких людях я читал, говорил. Значит, первое — встретились в 1932 г., Куликов требует действия, он переживает эту историю, плачет, а потом спрашивает, где же твердые люди. (Л о з о в с к и й. Плачет потому, что нет твердых людей.) Не в этом дело, т. Лозовский. Иудушки часто могут и плакать. (Г о л о с с м е с т а. Это у Щедрина хорошо.) Неизвестно, что он тут переживает, переживает ли он, смакует ли он результаты действия, переживает ли то, что тут трудно решиться на что-нибудь, потому что это опасно, во всяком случае, Куликов требует от него действия. На одной странице он признает, что у углановской группы были намерения более острые, они были раздвоены. Куликов требует действия, он спрашивает, где у вас твердые люди. (Б у х а р и н. Вы перепутали.) Он сознательно запутывает узелки, чтобы мы не разоблачились, но для нас ясно, что Куликов требовал действия, террора, а он благословил.

Дальше Ежов спрашивает Бухарина: «В 1932 г. ты счел возможным вести с Куликовым разговор...» (Ч и т а е т.) Бухарин отвечает: «Я тогда еще вел борьбу с партией». Я читаю это по стенограмме, это было в 1932 году. Так вот, он говорит, что в 1932 г. он вел борьбу с партией. С одной стороны, человек заявляет... (Б у х а р и н. Вы читаете по направленной стенограмме. Нужно же стенограмму выправить, тогда ею пользоваться.) Мы могли бы даже цитировать и на память, потому что такие очные ставки редко бывают. И мы пошли на эту очную ставку не для

того, чтобы лицеизреть вас, а для того, чтобы убедиться. Вы не думайте, что у членов Политбюро нет другого дела, как ходить на очные ставки. Так вот он говорит: «Я тогда еще вел борьбу с партией». Его спрашивает Орджоникидзе: «Это было в 1932 году. Некоторые вещи ты здорово помнишь»... (Ч и т а е т.) Бухарин и тут увиливает... (П р и в о д и т ц и т а т у.) Ясно, что он на вас нажимал, а вы дали ему согласие. Вот то, что Куликов на очной ставке показал и что я кратко цитирую.

Из этого вы видите, товарищи, что заявление Бухарина, поиски им каких-то противоречий здесь рассыпаются, как карточный домик, от его заявления ничего не остается. И вот получается, вместо того, чтобы здесь, на пленуме, Бухарину отвечать по существу относительно разговора в 1932 г., вместо того, чтобы здесь, на пленуме, ясно и связно рассказать, что ты говорил в 1932 г. Угланову, о чем шла беседа, что ты говорил Куликову, о чем шла беседа, какую борьбу с партией ты вел в 1932 г., — все эти очень серьезные вопросы Бухарин обходит, ни на один не дает ответа. Он вместо этого пытается выхватывать одно мнимое противоречие и преподнести его здесь, как довод в свою защиту, думая, что это представляет что-нибудь серьезное.

И так они поступают со всеми показаниями. Ведь, собственно говоря, Бухарин и Рыков в своих записках и в своих речах не дали ответа по существу, какое у них было направление, какая у них была линия в 1932, 1933 и последующие годы, они ни слова не сказали о том, что они думали о партийной политике, как они спорили и боролись с теми, кто эту партийную политику и практику оспаривал. Они ничего также не сказали о том, как под их крылышком выростали все эти птенцы-преступники, которые хотели нанести удар в спину партии, в спину рабочего класса. По существу они ни о чем из всего этого ничего не говорили. Они заняли одну позицию — позицию опорочивания всех показаний. Все показания неправильны: Бухарин отрицает показания Астрова, показания Слепкова, Айхенвальда, показания Зайцева, Угланова, Куликова, — всех его учеников и всей так называемой московской группы. Вы заметьте, что ни один из этих учеников не остался в рядах партии. Это также не случайно. (М и к о я н. Такой учитель.) Именно такой учитель. (Г о л о с с м е с т а. Каков поп, таков приход.)

И вот Рыков отрицает показания всей своей группы. Я еще коснусь самой главной группы Рыкова — Смирнов, Эйсмонт, Толмачев. Он отрицает показания Нестерова, заявляет, что он сумасшедший, отрицает показания Радина, отрицает показания Артеменко, которая была ему верна — это мы знаем, он отрицает, наконец, показания Шмидта. Ну, знаете, вы можете сказать, что Астров, Слепков и другие молодые, хотя они уж не такие молодые... (Г о л о с а с м е с т. По 40 лет им.) ну, допустим, я потом об этом скажу, но отрицать показания Шмидта, Угланова... Вы что же, хотите перед пленумом изобразить Шмидта и Угланова такими, знаете, проходимцами, которые даже будучи пойманными и давая показания будут лгать на вас и на себя. Они мерзавцы и не нам их под защиту брать. Мерзавцы, подлецы, люди, которые состоя в ЦК, боролись против ЦК, люди, которые, состоя в партии, боролись против партии, но все-таки этих людей мы знаем, они ведь были близкими вам людьми. Люди все серьезные. Шмидт ведь все-таки бывший заместитель председателя Совета Народных Комиссаров, бывший народный комиссар, член вашего центра Угланов все-таки столп ваш, ведь вы когда зачинали правую оппозицию, у вас расчет был на то, что Московская организация за вами. Вы, конечно, ошиблись. (П о с т ы ш е в. Да, да, так же, как Зиновьев в ленинградцах.) За вами была небольшая группка оторвавшихся от партийной массы, но ведь вы на это рассчитывали, и сейчас они нагло все отрицают.

На первый взгляд это выглядит довольно просто, ну, люди защищаются, Бухарин и Рыков апеллируют к нашему человеческому пониманию — поймите вы по-человечески, в каком мы положении и прочее и прочее, но на самом деле, товарищи, это есть. — и я здесь хочу на этом именно остановиться, — это есть новый маневр врага... (Г о л о с а с м е с т. Правильно.) Попытка опорочить все показания, попытка опорочить показания десятков людей, которые в разных местах, по-разному допрашиваемые, показывают одно и то же. В основном, конечно, у них могут быть отдельные недомолвки, отдельные противоречия, но основное направление состоит в том, что все показывают, что центр занял террористическую позицию, что центр в 1932 г. руководил составлением рутинской платформы. Это все

показывают, что центр заключил вначале соглашение о контакте и взаимной информации с троцкистами и зиновьевцами, а потом вступил в блок, что центр воспитывал своих людей на двурушничестве, — это же сплошь все показывают.

Я должен сказать, что вот Астров на нас всех — членов Политбюро — произвел очень сильное впечатление. Это очень способный, очень разумный человек, уж про него никак не скажешь, что он, как Рыков заявил про Нестерова, что он сумасшедший. Это человек, который, по нашему мнению, искренний, который почувствовал всю ту пропасть, в которую они скатились, и в его показаниях и при очной ставке чувствовалось его негодование, его возмущение Бухариным, который их воспитал, который их толкнул в эту пропасть и который сам старается их же теперь опорочить, заявляя, что «вы врете и клеветаете на нас», обзывая их клеветниками. Ведь не кто иной, как Астров, показал, что еще в 1929 г., — ведь вы прочтите и вы увидите здесь самого Бухарина. Вот он показывает. «Весной 1929 г. Слепков рассказал мне, что в этот день утром, когда он мне рассказывал, к нему прибежал Бухарин, при этом он прибавил: ты знаешь Бухарина, когда ему что-нибудь загорится, когда возникнет новая идея, ему не терпится поделиться этой идеей. Я спросил, в чем дело... (Ч и т а е т.) Теперь я вижу, что эта мысль упорно преследует Бухарина».

Это было в 1929 г., а в 1931 и 1932 г. Бухарин уже прямым образом дает директивы Астрову и другим. Надо, говорит, убрать Сталина, надо убить Сталина. (Б у х а р и н. Абсолютная ложь, стопроцентная клевета.) Мы это слышали уже не раз. (Б у х а р и н. И я еще буду повторять, еще.) Пожалуйста, на то и пленум, чтобы слушать и вас и нас. Мы должны разобраться по существу дела. Одним голым опровержением вы не убедите никого. Надо убедить фактами. Мы убеждаем фактами, а у вас фактов никаких нет. (Г о л о с с м е с т а. Кроме клеветы.) В 1930 г. было совещание у Слепкова на даче в Покровском-Стрешневе, где был Бухарин и где Бухарин учил своих людей, как двурушничать, давал перспективы. Он говорил: «Весна 1930 г., в которую будет проводиться третья по счету хлебозаготовительная кампания, будет для сталинского партийного руководства самой грозной». Он говорил, что до сих пор хлеб брали у крестьян, а теперь эти крестьяне организованы в колхозы.

Видите, типичная эсеровская постановка вопроса об использовании колхозов против советской власти. Можно возмущаться сколько угодно, выступать и говорить, что вы не хотели заключать блок с эсерами, но идеологически, по платформе вы были с ними воедино. «Задача организации правых сплотить свои кадры и подготовиться к тому моменту, когда придется... (Ч и т а е т.) С другой стороны, он говорил, что облегчал информации доступ к руководящим постам». Вот вам — облегчало информацию пребывание в Центральном Комитете. Астров говорит, что это облегчало информацию, и эту тактику двурушничества продолжали те, будучи в партии, а Бухарин и Рыков, будучи в Центральном Комитете, приходя на Политбюро ЦК. Откуда Каменев и Зиновьев знали новости партийной жизни? Вы, сидя на Политбюро как кандидаты в члены ЦК были информаторами Зиновьева и Каменева, информаторами троцкистов. (П о с т ы ш е в. Предателями.) Астров далее показывает, что он имел встречу с Бухариным в 1932 г. после ареста Слепкова. «Я рассказал Бухарину все, что мне было известно об обстоятельствах ареста... (Ч и т а е т.) я принял это как директиву центра организации».

Таким образом, вы видите, что в 1929 г. говорится якобы завуалированно, а на деле тоже директива прямая. А в 1931—32 гг. несомненно уже дается прямая директива. Я уже не говорю о дальнейших показаниях, о 1933 годе, о Радеке, о Пятакове, о Сосновском. Они их отрицают. Но мы же должны брать вещи политически. А если политически, то какая разница, если вы у себя в правой организации взяли курс на террор, на восстание, почему вам в самом деле не увеличить свои силы, чтобы увеличить свои шансы. Почему вам, в самом деле, не заблокироваться с ними, почему вам здесь не пойти одной шеренгой? Логика здесь полная и абсолютная. И показания тут имеют под собой серьезную почву. Возьмите показания Шмидта, очную ставку. Это наиболее серьезно. Все они очень серьезны, все показания серьезные. Это не одно показание случайное, одно случайное показание, которое говорит о человеке. Партия должна разбирать любое показание, хотя бы одно показание. А здесь мы имеем дело с десятками, а в особенности показания Шмидта.

Шмидт показал, что террористические настроения начались еще в 1930 году.

Уже не только Нестеров, не только Радин, не только Артеменко, которая между прочим показывает, эта Артеменко, черт бы ее драл, что она и некоторые с ней организовали тут наблюдение за правительственными машинами. Так что это не простая, знаете ли, болтовня правых, показания Артеменко, Нестерова, Радина, болтовня о терроре. Нет, здесь была организация. Но вот Шмидт, куда вы уйдете от показаний Шмидта, Угланова, Куликова? Куда вы уйдете? Куда вы можете уйти от этих показаний, где люди прямо в глаза Рыкову говорят: да, ты дал нам такую-то директиву. Вы центр, Бухарин. Рыков и Томский, имели террористическую установку. И Рыков, вы думаете, в очной ставке Рыков мог чем-нибудь парировать? Читайте очную ставку. Единственный вопрос, который он задает: я был на этом совещании? Ему Шмидт отвечает: да, ты был на этом совещании. В другой раз, когда Шмидт показывает об обсуждении рютинской платформы, он спрашивает: «Я был на этом совещании?» — Шмидт отвечает: «Да, ты был». Он как будто отрицает, но когда Шмидт начинает излагать, так он вскакивает и говорит: «Я ведь ее...» (С т а л и н. Кого?) рютинскую платформу «обозвал медведевской платформой». Значит, с одной стороны, задает вопрос как будто он не был на этом совещании, а с другой стороны, признает, что эту платформу он обсуждал, участвовал в обсуждении.

Вам некуда уйти от этих показаний. Это ваши дела, это ваши люди, вы их воспитали, вы их подготовили, вы их направляли, вы их политически воспитывали, а теперь вы хотите отделаться разговорами о том, что, видите ли, обижены. Цетлин обижен, самый близкий человек Бухарина. Бухарин говорит, что Нестеров сумасшедший, Шмидта уже неизвестно как можно определить. Все показания вы отрицаете.

Между прочим насчет этих обиженных тут необходимо сказать, вот записка т. Бухарина к т. Серго. Он тут самую гнусную циническую черту свою показал и спекулирует именем Серго. Вся партия еще оплакивает Серго. Серго хоронили, весь народ переживает траур, а он в это время видит корыстный путь, сразу ставит на службу свою подлую провокаторскую агентуру. Он ссылается на имя Серго — имя умершего нашего товарища. Не случайно, он этим хочет как бы показать свою близость к товарищу Серго. Все мы знаем, можем посмотреть десятки стенограмм, с какой остротой Серго разбивал. Я вчера только читал стенограмму — дело Эйсмонта и Смирнова — и из этой стенограммы видно, как Серго выступал тогда против вас, он тогда говорил, что дело Эйсмонта и Смирнова это дело очень серьезное, очень важное дело — террор. Имейте в виду, мы вас не пощадим. И вы сейчас спекулируете именем Серго. Хотя бы вы постыдились здесь своего цинизма. И вот он пишет т. Серго записку: «Дорогой Серго, разреши мне смыться на несколько дней»... (Ч и т а е т. С т а л и н. Когда это было?) Это должно быть было в 1932 году. Тут нет даты. (Г о л о с с м е с т а. Позже.) В 1933 г., в конце 1933 года. (Б у х а р и н. Цетлин был арестован в конце 1933 года.) Летом это было дело. Видите ли, как Бухарин защищал Цетлина.

По какому же поводу Цетлин обижается? Цетлина в этом деле вы же защищали. (Б у х а р и н. Цетлин меня упрекает, что я не защищал его.) Вы с Цетлиным жили вместе, ели вместе, спали вместе, преданнейший ваш друг, преданнейший человек безусловно. Какие основания есть у Цетлина обижаться? Цетлина после этого освободили. Значит, Цетлин мог рассчитывать на то, что ваша помощь и ваше ходатайство помогли его освободить. Какие же есть основания у Цетлина быть обиженным на вас? Зачем вы объявляете его обиженным, для того, чтобы опорочить его показания? (Б у х а р и н. Потому что я это могу вам доказать, как дважды два четыре.)

Есть другой факт. Вот группа арестованных, работников Академии наук. Между прочим на этой работе Академии наук Бухарин мог бы себя показать как человек, который там действительно поднимал беспартийных ученых за партию. Он себя не показал. (Б у х а р и н. А Павлов?) Павлов? Мы можем разобрать, что там с Павловым было, не в этом дело. Так вот, там арестовали целую группу людей, оказавшихся злостными зиновьевцами, террористами, группу людей, которая оказалась той самой группой, которая объединялась и Бухариным, и Зиновьевым. Они лично крайне сочувствовали Бухарину, любили его, всячески его поддерживали, всячески восхваляли и одновременно состояли в зиновьевско-троцкистской организации. Бухарин эту группу людей защищал всячески, когда они

были на свободе, он их собрал в этом институте, в академии, он их воспитывал, когда эта школка была разгромлена. (С т а л и н. И Марецкий был.) И Марецкий был в роли заместителя. Эту школу № 2 он легальным образом воспитывал, Бухарин ее поддерживал, сюда входили: Седых, Кошелев, Бусыгин, Васильев, Бибииков, Тинянский.

Бухарин прислал письмо к Кржижановскому — вице-президенту Академии наук Горбунову академику. Разрешите это письмо зачитать. (Г о л о с а с м е с т. Просим. К а г а н о в и ч з а ч и т ы в а е т п и с ь м о.) Как видите, этот термин, «трусливый», он употребляет направо и налево. Если нужно будет, то из Академии наук смогут рассказать об этом конфликте. Мне же важен этот прецедент с точки зрения такой: вот Бусыгин, которого Бухарин защищал, говорил ряду товарищей, что он хороший человек, замечательный товарищ и вот этот Бусыгин показывает, что Бухарин с ним вел антисоветские разговоры, что Бухарин был в курсе их настроений террористических. (Б у х а р и н. Ничего подобного не было.) Карев — это заядлый троцкист. Ведь вы же знали об этом, в вашем присутствии Карев показывает, что вели разговоры относительно неправильной политики партии, фугали ЦК, дискредитировали всеми способами руководство партии, а вы где были? Чем вы объясняете показания этих людей, ваших бывших учеников?

Вот показания человека, который был у нас в редакции, академик Лукницкий. (Б у х а р и н. В какой редакции? М и к о я н. Вы знаете, в какой редакции.) Это в «Известиях». (Б у х а р и н. Он никогда не был в «Известиях», он со мной в Академии наук был. Г о л о с с м е с т а. Он сам знает, где он был, пускай расскажет.) Вот Лукницкий показывает, что «с Бухариным у меня происходила беседа в феврале или апреле 36 г. в его служебном кабинете в Москве, на Пушкинской площади в редакции «Известий», в этой беседе Бухарин резко критиковал партийное руководство и в особенности т. Сталина». (Б у х а р и н. Господи, боже мой. Он принес свою книжку, больше ничего не было. М о л о т о в. Вы потом расскажете об этом.) Это же ведь люди, не связанные с вашей школкой, совершенно с другой стороны, они это все показывают. Вы же ведь сами на очной ставке показали, что с Сосновским вели разговоры о трудностях обстановки, о том, что вас клюют, о том, что вас травят. (Б у х а р и н. «Травят» я не говорил, а что клуют — говорил.) Клюют или травят это одно и то же. С разных сторон люди, у которых с вами отношения были отличные, замечательные, показывают, что с одним вы говорили с жалобами на политику ЦК, с другими говорили и давали прямые директивы о терроре, а вы теперь приходите и хотите изобразить дело так, что все на вас клеветуют. Этим вы хотите нас убедить?

Товарищи, я считаю, что эти заявления, выступления Рыкова и Бухарина, которые здесь упорно доказывают, что на них все клеветают, что они чисты... (Ш к и р я т о в. Они самые клеветники из всех.) что это есть новая тактика. Имейте в виду, что и Пятаков, и Каменев, и Зиновьев, и Лифшиц и все другие, которых мы судили, они фактически показывали то, что было уже провалено. (Ш к и р я т о в. То, что было уже раскрыто.) Раскрывали то, что уже нельзя было отстоять, они унесли с собой в их паршивую могилу очень многие секреты. (Г о л о с а с м е с т. Правильно, верно.) Ведь не случайно, сейчас, после того, как мы их расстреляли, обнаруживается, что Каменев унес с собой в могилу свои тайны шпионажа, свои тайны переговоров с иностранными державами, свои связи с разведчиками. Зиновьев то же самое. Пятаков унес с собой в могилу много тайн и людей. Лифшиц — этот мерзавец, о котором я буду докладывать особо — он унес с собой, не раскрыл еще очень многое на транспорте, и поэтому, после того, как мы их расстреляли, устраиваются диверсии и крушения на транспорте, но у них была тактика такая — показывать то, что уже было раскрыто. Теперь видно, что эти показания их не спасали и не спасли. Мы их расстреляли.

Теперь Бухарин и Рыков прибегают к другой тактике, враждебной тактике: отрицают сплошь все, подрывают показания и в то время, когда английский юрист выступает в печати, либеральный юрист, и доказывает, что показания вполне достаточны для обвинения, в то время, когда часть буржуазной прессы и особенно фашисты изошрняются в том, чтобы показать и доказать, что вот эти показания подстраиваются и прочее, прочее, Бухарин выступает здесь и заявляет: «Они чуют носом, что на меня показывать, они дают соответствующие ответы на соответствующие вопросы». Целый ряд экивоков, целый ряд намеков и заявлений показывают

нам, что мы здесь имеем дело с кампанией опорочивания показаний, которые опровергнуть нельзя фактами, ибо факты против них, и поэтому они переходят на тактику врагов и в этом вопросе.

Каковы же факты? Факты: организация, одна террористическая организация, раскрытая в 1930 г., террористическая организация Смирнова сормовского, Углановская организация, она была раскрыта. Им был дан первый сигнал: «Бросьте это дело». Другие террористические организации, раскрытые в 1932 г., две террористических организации — Слепкова, с одной стороны, Смирнова и Эйсмонта, с другой стороны. Их предупреждают, Политбюро обсуждает вопросы, есть ведь стенограммы. Эти предупреждения не берут свое. Террористическая организация Эйсмонта—Смирнова, она была первой серьезной террористической организацией. Ведь эта террористическая организация имела свою серьезную группу в Азово-Черноморском крае и не случайно, что Белобородов показывает сейчас, что при встрече с Рыковым Рыков ему указал как место совершения покушения — Сочи. План Белобородова совпадает с планом Эйсмонта, Толмачева, Смирнова, Мирошниченко. Мирошниченко тогда показывает, что «наш курс, наш план донецкий состоял в том, чтобы держать курс на восстание. Но, так как неизвестно, выйдет это или не выйдет, мы сосредоточились целиком на совершении террористических актов».

Это факты, которых никто опровергнуть не может и которые не помогли тому, чтобы они одумались и бросили свою работу. Факт, что была конференция слепковцев — бухаринцев? Факт. Может ли Бухарин опровергнуть этот факт? Он его не опровергает, он только говорит, что он там не был, но о его пребывании можно будет сказать. Это факт. Факт, что было совещание у Томского на даче — под пьяную ли лавочку или не под пьяную лавочку, но было совещание, где обсуждалась рютинская платформа, то, что здесь Рыков признал? Безусловно, факт. Как же вы можете против этих фактов идти?

Я считаю, что центральный вопрос, который дает нам ключ к пониманию всей тактики правых и который дает нам ключ к пониманию единого блока, это вопрос о рютинской платформе. Шмидт показывает, что в апреле месяце было собрание. Мы нуждались, говорит, в платформе. Надо было подвести итог. На этом собрании в апреле месяце присутствовали Бухарин, Рыков, Томский. И там же было решено составить платформу, там были выработаны тезисы и директивы к составлению платформы. В августе месяце у Томского на даче собираются и обсуждают эту платформу. В октябре пленум ЦК партии обсуждает вопрос о рютинской платформе. Рыков и на пленуме ЦК, и после пленума ЦК, и когда мы его допрашивали на очной ставке, и на прошлом пленуме, ни разу не сказал о том, что он участвовал в зачитке хотя бы даже этой платформы. Никому не сказал, а случайно высказал это на очной ставке в споре со Шмидтом.

Бухарин заявляет, что если будет доказано, что он писал эту платформу, по стилю и проч., что тогда это все. Но мы ведь не дети, товарищи. Мы понимаем, что дело не в техническом написании платформы. Я бы мог привести десятки примеров из другой области, не имеющих отношения к данному вопросу, когда мы сидим иногда и пишем, а т. Сталин нам диктует. Его руки нет, но он нам указывает, как писать резолюции, докладные записки, всякого рода документы и проч. Я извиняюсь за этот пример и за это сравнение, но это тоже чисто формальное сравнение. Так вот, дело в том, что Бухарин, Рыков и Томский дали директиву, дали тезисы к составлению этой платформы. (Б у х а р и н. Я никаких тезисов не давал.) А платформа вышла уже потом, написанная рукой Рютина, Слепкова или кого-либо другого, это безразлично. Ведь в конце концов дело не в технике, а в существе. Разве по существу рютинская платформа в чем-либо разнится с вашей позицией в 1930, 1931, 1932 гг., разве она расходится с вашей позицией? (Б у х а р и н. Абсолютно расходится.) Нет, не расходится.

Если вы, товарищи, вспомните позиции правых, начиная с 1928 г., если вы платформу правых, написанную Бухариным, внимательно прочтете, то вы убедитесь в том, что в основном рютинская платформа целиком совпадает с позицией правых. Припомните так называемую деградацию сельского хозяйства. Припомните раскачку с крестьянством. Припомните лозунг свободной торговли. Припомните лозунг преимущественной поддержки индивидуального хозяйства. Припомните лозунг отмены всех ограничений кулаку. Припомните лозунг отмены

индивидуального обложения кулака. (П о с т ы ш е в. Военно-феодалная эксплуатация.) Вспомните заявление о военно-феодалной эксплуатации крестьянства и вы увидите, что если привести сейчас рютинскую платформу, она целиком исходит из тех же положений. Та же деградация сельского хозяйства, упадок, который рисуется им. Здесь даже сказано — ограбление крестьянства, более мягко сказано, чем слова о военно-феодалной эксплуатации крестьянства. Видимо, не хотели выдать тут Бухарина цитатой о военно-феодалной эксплуатации крестьянства и сказали более мягко «ограбление».

Требование преимущественной поддержки индивидуального хозяйства, требование роспуска насильственно созданных колхозов, да разве этого мы не слышим в вашей платформе, в платформе трех? Что вы говорили в ней? «Мы не против колхозов, — вы тогда стыдливо говорили, — но надо распустить лишние совхозы и во всяком случае не допускать насильственной коллективизации или, по крайней мере, отменить все меры, которые ведут к насильственной коллективизации». Вспомните вы все это, вспомните ваше требование об отмене чрезвычайных мер по отношению к кулаку, а ведь как тогда стоял вопрос — либо мы одолеем кулака и получим хлеб для рабочих, либо кулак одолеет нас. Вы хотите представить свою платформу эпизодом. Рютинская платформа есть именно то, что вытекало из всех ваших требований. Конечно, новое в рютинской платформе есть. Это то, что вытекало из всей вашей практики 1932 года.

Вы, Бухарин и Рыков, приложили свою руку и в своих переговорах с Каменевым, вы с Каменевым вели переговоры о блоке. Рютинская платформа позже, в 1932 г. это оформила, что необходимо объединение всех сил, что дело не в разногласиях Троцкого и Бухарина, а дело в борьбе со Сталиным. Возьмите сейчас и прочитайте ту листовку, которую вы распространяли. Прочитайте ее сейчас и вы увидите, что характеристика, данная вами в беседе с Каменевым, партийного режима, состояния партии, состояния Советского государства, она целиком вложена в рютинскую платформу, слово в слово повторяя ее. Не вы ли на заседании Политбюро по поводу обсуждения заявления Пятакова говорили, что у нас в партии тюрьма, каземат. Разве это не те слова, которые написаны в рютинской платформе?

Я утверждаю, что Бухарин, если он не увильнет от ответа, не уйдет от того, что идейно, теоретически, политически, по существу лозунгов, по своей программе платформа рютинская целиком исходит из ваших позиций, начиная с 1928 г. с некоторым нарастанием и видоизменением по мере нарастания борьбы вашей с партией. Почему вы об этом ни слова не говорили? Что вы думаете, мы дети? Мы собрались тут, чтобы обсуждать, кто где встретился, на какой улице, через какие ворота прошел, на какой машине? Нас интересует политика. Почему вы не касаетесь этих вопросов по существу? Потому, что вы не можете опровергнуть того, что это — ваша платформа, вы ее создали, вы организовали террор, вы с Каменевым предложили Зиновьеву тот блок, который у вас получился с 1928 г. вплоть до 1936 г., блок безусловно фашистского порядка. Потому, что если вы характеризуете партию как тюрьму, как каземат, если вы характеризуете государство как военно-феодалную эксплуатацию крестьянства, то любой сделает из этого соответствующий вывод.

Вы хотите изобразить это как наивную эпизодическую ошибку — «я ошибся случайно, два года боролся с партией против троцкизма, а потом случайно отошел». Но нет, здесь вам не отойти. Это не было эпизодом. Скорее эпизодом была пара лет, когда вы боролись против троцкизма вместе с партией. И если эту пару лет выбросить, то посмотрите, что у вас останется? Ваша борьба с партией и по вопросу национальной политики, и по вопросу о профсоюзах, по вопросу о государстве, по вопросу о пораженчестве, по вопросу о программе партии, по вопросу о капитализме и империализме, затем перескочите несколько лет, которые вы боролись с Троцким, то окажется, что эта пара лет борьбы с Троцким — только эпизод. (П о с т ы ш е в. Причем они сожалеют об этом эпизоде.) Конечно, сожалеют.

То, что они боролись против Троцкого и шли вместе с партией, это было эпизодом, с ошибками, с такими лозунгами, как «обогащайтесь», который ЦК осуждал, и прочее. И там они виляли, но все-таки боролись вместе с партией, и шли вместе с партией в борьбе против троцкистов. А после этого началась опять антиленинская политика и борьба с ленинско-сталинским комитетом нашей партии. (Г о л о с а с м е с т. Правильно.) Чтобы не быть голословным, позвольте привести здесь некоторые факты. Ведь, товарищи, нас крайне интересует вопрос. Есть

показания и кроме показаний есть еще объективные факты. Ведь нельзя, Бухарин все-таки считает себя марксистом, он же должен понимать, есть же какие-то объективные показатели, и вот обратимся к этим объективным показателям, к этим объективным фактам.

Как боролись Бухарин и Рыков за партию после того, как сделали заявление, после того, как признали свои ошибки? Какие у них действия были, какие факты были, чтобы опровергнуть показания? Я утверждаю, что у них таких фактов нет, а у нас есть факты, объективные факты, чтобы доказать, что все показания верны. Вот эти факты. Прежде всего, факты организационного характера. 1931 год, я уже не беру 1929 год, он с Каменевым вел переговоры. 1931 год — Каменев ведет разговоры с Рыковым: надо собраться всем, обсудить положение. Рыков об этом ни слова партии, и только спустя 6 лет Рыков сказал об этом, бросил нам кость — вот видите, я откровенен, мог бы не сказать, но сказал. 1932 год, Томский встречается с Зиновьевым с распростертыми объятиями в Наркомпросе. Зиновьев ведет переговоры в своем кабинете в Наркомпросе о том, что в стране тяжелое положение, надо переговорить и т. д. 1932 год, конференция слепковцев.

Чтобы покончить с этим, разрешите мне маленькое отступление. Бухарин заявляет: «Я не был на конференции слепковцев, но был при рютинской платформе». Я хочу некоторые факты привести, чтобы показать, что это тактика. В 1928 г., когда обсуждалось в Коминтерне дело Тельмана, где он был запутан, он уехал. Нет Бухарина. 1930 год, XVI съезд партии, где подводились итоги борьбы. Бухарина нет. (П о с т ы ш е в. Да, да.) Вы что же думаете, мы забыли, что вы не были на XVI съезде партии, а вы и лидер, вы лидер безусловно, как же вы оставили Томского отделяться шуточками, прибауточками, оставили Рыкова, который при случае может слово и проглотить, а сами удрали в Крым, жили во время XVI съезда в Крыму. В 1932 г. — конференция слепковцев, Бухарин ее подготовил. (Б у х а р и н. Откуда вы это знаете?) По показаниям. А самого Бухарина нет. Случайно ли это, что Бухарина не оказалось в это время? Рассказывайте кому угодно, а мы все-таки кое-какой опыт имеем и понимаем, что это значит, а теперь вы хотите прицепиться к обмолвке Зайцева. Главный довод. Зайцев сказал: Бухарин руководил нашей конференцией, но не помню, был ли он на этой конференции или не был. Рютинская платформа. Обсуждение рютинской платформы на пленуме ЦК. Где Бухарин? Бухарина нет, он где-то был. (П о с т ы ш е в. По горам лазил.) Да, да.

1936 год — процесс зиновьевцев-троцкистов. Редактор «Известий», центрального органа правительства, где он был в это время? Случайно ли он оказался вне Москвы, где-то на Памире? То ли его влекут туда боги шиитов, но во всяком случае подальше от Москвы, чтобы не вызвали, а если вызовут, то можно сказать, что летел на аэроплане, аэроплан сломался, на поезде ехал — на крушение можно сослаться. Вот видите, не был при обсуждении рютинской платформы. Он, такой бедный человек, приехал с Памира и вынужден был воспользоваться информацией Рыкова об обсуждении рютинской платформы на пленуме Центрального Комитета. После этого он пишет свою записку. Это тактика, товарищи. Это есть трусливая, хитрая тактика. Это тактика разведчика, это тактика борьбы с целью замести следы.

1932 год. Собрание на даче у Томского, где читается платформа. Вы заметьте, как Рыков здесь выступал, пытается выдать себя за наивного человека. Посмотрите, как он изображает эту встречу: был-де на даче по пьяной лавочке, меня отозвали в другую комнату. А в показаниях проговорился, что читали эту самую платформу. Здесь же он заявляет: мне сказали, что нужно прочитать документ заводской. Нашли чудачков, которые поверят таким басням. Сказали, что листовку на заводе нашли, нужно ее прочитать. Совершенно ясно, что вы у Томского на даче эту платформу читали. Пленум был в октябре, собрание на даче у Томского было в августе. Вы эту рютинскую платформу читали до пленума ЦК, вы ее не только читали, вы ее редактировали, давали указания. В показаниях Шмидта говорится: «Рыков заявил, что уж больно открытые реставрационные места имеются, Томский сказал — это можно будет потом сгладить, но зато вторая часть очень хороша, крепкая, террористическая». Им нужна была такая платформа, которая могла бы объединить все силы против партии, против советского государства. А Бухарин — один из главных лидеров — при этом отсутствовал. Дескать, лидера пускай не

будет, пускай он в это время находится на Памире, а мы кое-какое участие можем принять, Рютин мы в случае чего можем провалить, да он нас и не выдаст.

1932 год. Дело Эйсонта, Толмачева и других. Дело, к которому Томский и Рыков имели прямое отношение. И заметьте, после дела Рютин и Смирнова и при обсуждении рютинской платформы Томского и Бухарина не было. Томский и Шмидт уехали в Нальчик на охоту, Бухарина тоже не было. Одного Рыкова оставили — пускай Рыков заметает следы и с возмущением говорит о том, что платформа безобразная, платформа белогвардейская, пускай один за всех нас врет. 1932 год. Каменев и Зиновьев — завсегда у Томского, встречаются с ним очень часто. Это видно из показаний.

1934 год. Встреча Томского — Зиновьева на даче у Томского. Совет Томского с Рыковым — итти или не итти. Об этом я говорил на прошлом пленуме ЦК и характеризовал его, как совет двух руководителей одной организации. Это несомненно так и было. Вы легко можете себе представить, о чем говорил Томский с Зиновьевым на даче. Рыков может изображать собрание у Томского на даче как какую-то совершенно невинную бытовую встречу, никого он этим не обманет. Но, между прочим, он сам же издевался при обсуждении дела Эйсонта — Смирнова, когда те пытались изобразить свои разговоры как невинные и бытовые, он сам над этим издевался и говорил: уж, конечно, если два члена партии собираются, то собираются не для того, чтобы вести бытовые разговоры, а ведут политические разговоры. А сейчас нам Рыков заявляет, что там шли бытовые разговоры. Мы себе представляем, что Зиновьев с Томским там-то как раз и уточнили вашу тактику практическую на основе рютинской платформы.

1935 год. Рыков поддерживает связь с Томским, он у него был на квартире, был на даче. В 1936 г. Томский с Рыковым собираются и Томский рассказывает Рыкову о том, что его вызывали в ЦК, что положение такое-то и такое-то, что нужно соответствующие меры принять. Уж, конечно, советовались, безусловно. И это называется «лояльность»!

Как они работали? Как работал Томский во Всехимпроме мы знаем, как работал Томский в ОГИЗ'е, мы теперь знаем — это клоака, как Рыков работал в Наркомсвязи — об этом здесь докладывали и в этом мы еще разберемся, как Бухарин работал и чем Бухарин себя показал? (Г о л о с с м е с т а. Двурешником.) Бухарин кроме этих действий имел ряд выступлений, начиная со своей работы в Наркомтяжпроме, где он так или иначе всегда стремился кое-что внести. Там была полемика, — я не буду здесь подробно говорить, — о понимании реконструкции, где он характеризовал реконструкцию нашего хозяйства, ни слова не говоря о классах, о кулаке, о политике, а характеризовал реконструкцию только с точки зрения техники — новый техник, инженер нашелся, — он от политики настолько ушел, что говорил только с точки зрения техники, не хотел политики касаться.

На XVII всесоюзной конференции, где он выступал, единственный недостаток, который он нашел в нашей жизни, — это плохая работа лабораторий. Вы помните речь, которую он произнес, двурешническую, единственный недостаток — это лаборатории. А сейчас перед нами раскрывается, что еще в 1932 г. он боролся с партией, что у него были разногласия о стимулах в сельском хозяйстве. Мы — марксисты, мы в экономике понимаем, что значит: стимул? Разве все ваши споры не были спорами вокруг вопроса о стимуле? Либо стимул капиталистический, либо социалистический. Вы боролись за стимул свободы торговли и возможности развития кулацкого хозяйства. Это была исходная точка вашей борьбы против коллективизации, против социалистической индустриализации, вы боролись за свой стимул. И вот в этом маленьком вопросе о стимуле он имел разногласия в 1931—1932 годах. А на всесоюзной конференции, возьмите вы его речь в 1932 г., вы увидите, что на этой конференции он выступал двурешнически: «Я, — говорит, — за партию, единственный минус я нашел — это лаборатории». А сам одновременно в своей террористической лаборатории начинал бомбы для того, чтобы совершать террористические акты против руководителей партии. (Г о л о с а с м е с т. Правильно.)

Наконец, возьмите вы его статьи. Здесь уже т. Молотов приводил характеристику одной статьи, я бы мог сказать, что вот он выступал со статьей 7 ноября 1935 г., в которой он подводил итоги, — «Революционный год и наши враги». В этой статье много путаницы, много ошибок и по вопросу о характеристике серед-

няка, — середняк, говорит, перестает быть силой колебания. Это тогда, когда колхозы у нас уже развились всюду. Он не говорит, что машиностроение — сердце нашего хозяйства, черная металлургия — по-своему все. Он не говорит, что тяжелая индустрия — фундамент нашего хозяйства, он говорит: мы создали тяжелый фундамент. У него была статья по поводу выборов, за которую мы его в Оргбюро ЦК достаточно основательно разбирали, где он заявляет, что VII съезд Советов будет первым съездом, когда коллективизация уже побеждает или победила, тогда как на VI съезде Советов мы эти итоги подводили, когда уже коллективизация наша стояла на твердых ногах. У него было много путаницы в отношении понимания нашего государства. Наконец, возьмите номер «Известий» от 7 ноября 1935 года. Я уже сказал, по поводу этого номера т. Сталин написал специальную записку, где очень подробно разбирает недостатки и грубые ошибки.

Я должен сказать, что здесь напечатана статья Николая Морозова, ни к селу, ни к городу с точки зрения праздника, но сейчас она в другом свете стоит. «Николай Морозов у Маркса», где он изображает, что Маркс одобрял деятельность народовольцев, в том числе и террористическую. И через две строчки он же рассказывает, как они подготавливали террористический акт 1881 года. К чему это в номере 7 ноября приводить статью Николая Морозова? Я, говорит, хотел популяризировать старых народовольцев. Нет, извините, это сигнал террористам, троцкистам и зиновьевцам. Это не случайно.

Возьмите дальше все эти карикатуры. Посмотрите, интереснейшая вещь, я должен сказать, я только сегодня это рассмотрел, может быть, в новом свете. Здесь идет статья Бухарина «Некоторые итоги революционного года и наши враги» и идет такая иллюстрация, — не знаю как газетчики это называют: вавилонская башня гигантская великого фламандского художника Брейкгейма⁴, громадная недостроенная пирамида, не понимающие друг друга и враждующие друг с другом народы, легендарный символ восстания анархии и внутренней вражды. (Г о л о с с м е с т а. Вот сволочь.) Это итоги, видите ли, революционного года и наши враги. И здесь рисуется вавилонская башня и дается такая надпись. Но что это за надпись, разве это не ясно? Сама статья состоит сплошь из цитат из фашистских газет с некоторыми там оговорками.

Вообще Бухарин с некоторого времени стал любителем цитировать фашистские газеты. (С т а л и н. Пропаганда.) Цитирует фашистские газеты и опровергает их очень слабо. И между прочим, в статьях, о которых т. Молотов сегодня говорил, которые он пытался написать по поводу зиновьевско-троцкистского процесса, в этих статьях он такую галиматью писал тоже о фашистах, что ни к селу, ни к городу, не могли мы это напечатать. (Б у х а р и н. Это вы мне сказали, чтобы о нюрнбергском съезде печатать.) Работа института, — я не хотел всю эту массу тащить, — Академии наук СССР «Памяти В. И. Ленина» огромной толщины сборник, сборник к десятилетию со дня смерти. В этом сборнике было предисловие. Это предисловие не пущено, его запретил отдел печати ЦК, сделали другое. Но вот это предисловие под непосредственной редакцией Бухарина. (Б у х а р и н. Это не я писал.) Кто написал, это не удалось установить, но это под непосредственной редакцией Бухарина, он гордился этим сборником, разослал всем нам, гордился как своим детищем.

Вот что тут написано в этом предисловии: «В нашу эпоху буржуазной реакции, господства фашизма, расизма и мистики, учение Ленина и т. д.». Позвольте, нашу эпоху характеризовать эпохой буржуазной реакции, господства фашизма, расизма и мистики, — а эпоха социалистической революции, эпоха победы пролетарской диктатуры на одной шестой части земного шара? Разве можно характеризовать нашу эпоху как эпоху буржуазной реакции, господства фашизма и т. д.? Случайно ли это написано в научном труде? Случайна ли эта оговорка? Не есть ли здесь протаскивание основного тезиса Радека — Бухарина, который Радек развернул на процессе, что фашизм побеждает? (Б у х а р и н. Лазарь Моисеевич, это не я писал даже. Что вы, в самом деле?) Вы гордились этим как своим сочинением. Это есть безусловно отражение того, что Бухарин так же, как и Радек, понимал нашу эпоху как эпоху господства фашизма. И следовательно, фашизм господствует, фашизм наступает, отошла в историю эпоха социалистической пролетарской революции, этой эпохи уже нет, есть эпоха господства фашизма, а поэтому надо этому фашизму подчиниться, надо пойти с ним на соглашение. (Б у х а р и н. Да что вы,

ей-богу, говорите!) Нет, не «да что вы», а надо искать корни идеологии, если вы опровергаете голым обобщением.

Товарищи, я думаю, что Бухарин, Рыков и Томский по всей своей идеологии, по всем своим установкам, начиная с 1928 г., неизбежно докатились до того, чем они являются сейчас. Такова логика вещей, такова логика исторических событий. Если ты настаиваешь на своих ошибках, если ты мобилизуешь силы, какие силы пойдут с тобой? Силы фашизма, силы врага, силы терроризма и ты их должен возглавить, хочешь ты этого или не хочешь. (Г о л о с с м е с т а. Правильно.) Бухарину дает интересную характеристику Кузьмин, его последователь, который заявляет в показаниях: да, я, говорит, ваш враг, здесь т. Молотов это уже цитировал. После Кузьмин говорит о Бухарине: «Я дал ему следующую характеристику. Точно так же он не знал... (Ч и т а е т.)... не то власть брать, не то ехать на охоту». (С м е х.) Вот это есть точная его характеристика. Это его ученик, но тем не менее это характерно, когда человек не знает, не то брать власть, не то ехать на охоту. Она отнюдь не уменьшает того вреда, который приносит этот человек.

Он был левым и правым. Где они были, когда право-левацкий блок Сырцова — Ломнадзе выявился? Ведь Сырцов был ему близким человеком, где они были? Они не боролись, они ему сочувствовали. Это была, как выражаются, дочерняя организация. Бухарин сочувствует и левым и правым, лишь бы боролись против партии, против ЦК, против т. Сталина. Что Бухарин говорил, видно из очной ставки. Тов. Сталин спрашивает Бухарина: «Ты при Ленине в период Брестского мира держал курс на обострение или на примирение?» Бухарин отвечает, что я был тогда за примирение. Бухарин говорил, что я считал, что партия погибнет при ленинской тактике, и я очень остро себя вел. Как он остро себя вел, вы знаете о руководстве левыми эсерами, об аресте Ленина. (Б у х а р и н. От меня же знают.) Это факт, который не раз приводился в документах. (Б у х а р и н. А вы говорите наоборот.) Хорошо, знают от вас, что вы хотели арестовать Ленина вместе с левыми эсерами и создать новое правительство под руководством Пятакова. (Б у х а р и н. Неправда, неправда.) Вы сами это рассказывали. (Г о л о с с м е с т а. Он сам напечатал это.) Можно привести в конце концов его стенограмму и его собственные записи. Мы знаем, что Бухарин боролся остро.

Он одновременно циник. Этот циник может пойти на все и он пошел на все. Он мне сам рассказывал в 1927 г., не помню по какому случаю, когда я ему говорил о Богданове, что Богданова Ленин высадил из ЦК. Он говорил: «А знаете, вы наивный человек. Богданов был очень способным, интересным, талантливым человеком, но Ленин не любил, не терпел талантливых людей и его вышиб». Он может это отрицать, что это не говорил, он это сказал. Я это тут рассказал как образец цинизма по отношению к Ленину, к которому мы относимся свято. И этот цинизм Бухарин проводил и по отношению к Центральному Комитету, и по отношению к т. Сталину вплоть до того, что натравливал этих мерзавцев для того, чтобы итти против партии, для того, чтобы подготавливать восстание, итти на террор, против партии.

Хорошо, что все это оказалось мыльным пузырем. Хорошо, что все они оказались жалкими пешками, что сами они оказались в контрреволюционном лагере, возглавляли контрреволюционных элементов. Хорошо, что партия победила, хорошо, что партия имеет такое руководство, хорошо, что они выступают перед нами в роли жалких отщепенцев — хорошо это. Но тем не менее мы слишком долго проявляли великодушие победителей. (Г о л о с с м е с т а. Правильно, правильно!) Нельзя все же. Хорошо, можно и нужно проявлять великодушие, тем более, что дело идет не столько о великодушии, сколько идет о политическом подходе. В данном случае я должен сказать, что у ЦК и у т. Сталина было проявлено большое великодушие и к Рыкову, и к Бухарину, и к другим. Мы, близкие работники, несколько раз говорили, но т. Сталин нам всегда говорил, что мы слишком ретиво подходим к вопросу, что надо попробовать этих людей сохранить в партии.

Сегодня в 1936 г. мы имеем открытие таких мерзких дел, которых мы себе не представляли. До 1936 г. мы себе не представляли, до чего могут скатиться и Зиновьев, и Каменев, которых мы несколько раз исключали из партии, до чего может скатиться Пятаков, Лившиц и другие. До чего они могут скатиться, в 1936 г. мы видим это в другом свете. Вот почему сегодня, по-моему, дальше продолжать это великодушие нельзя. Надо очистить нашу партию от этих людей, надо вести и

дальше следствие для того, чтобы этих людей, которые хотя и не имеют за собой силы, но которые могут быть врагами, мы должны покончить с ними для того, чтобы обезвредить себя от этих людей. (А п л о д и с м е н т ы.)

М о л о т о в. Товарищи, есть предложение перенести обсуждение на завтра в 12 часов дня. Нет возражений?

Г о л о с а с м е с т. Нет.

(Продолжение следует)

Примечания

1. Вероятно, в тексте опечатка, следует — Тимофеевым. — *Ред.*
2. Печатается по тексту стенограммы, которая была исправлена, перепечатана и подписана Ягодой. — *Ред.*
3. Печатается по тексту направленной стенограммы. — *Ред.*
4. Так в тексте. — *Ред.*

Древнее славянство и археология Новгорода

В. Л. Янин

4

Оценки исторических фактов и основанные на них характеристики исторического процесса и его деталей зависят от количества и качества источников — тех клеточек общественной памяти, которые хранят в себе крупницы достоверной информации о прошлом. Древняя и средневековая русская история бедна источниками. И главная тому причина — бытовая. Средневековые рукописи всегда концентрировались в городах, бывших основным средоточием письменной культуры. Но в отличие от западноевропейских русские города в средневековье были деревянными, что определялось и условиями климата, и обилием дешевого строительного материала. Главным же их бедствием были пожары, десятки и сотни которых на протяжении столетий систематически уничтожали городские улицы, кварталы, а подчас и целые города. Сообщениями о пожарах пестрят летописные рассказы, а раскопки показывают, что гибель от огня была практически неотвратимым концом любого городского строения. В огне горели вместе с домами и наполнявшей их утварью иконы и книги, пергаменные акты и берестяные письма.

Чем дальше в глубь веков, тем меньше источников. Главный инструмент познания средневекового прошлого Руси — летописи, но их рассказы о событиях IX—XII вв. сохранились лишь в переделках XIII—XVIII столетий. От XI в. не уцелело ни одного пергаменного акта, от XII в. их до нас дошло только два. Поэтому, изучая ранние века русской истории, исследователи (до обнаружения берестяных грамот, во всяком случае) были лишены современных исследуемому событию подлинных письменных источников.

Возможно, однако, что это не главное. Главное состоит в том, что основной источник знаний о начальных веках русской истории — древнейшая летопись «Повесть временных лет» — является в равной степени продуктом и историографии, и художественной литературы. Она не прямо отражает современную ее рассказам действительность, а через призму художественного осмысления, не делая различия между достоверным и легендарным. Подобный синтез существовал на протяжении всего периода летописания вплоть до XVIII в., максимально усилившись в XVII веке, когда историческое повествование до предела насытилось фантастическим элементом, а затем сохранился во многих сюжетах и в эпоху Н. М. Карамзина, когда история России стала героем художественной эпопеи, созданной пером замечательного русского писателя.

Только в первой половине XIX в. история России начала свой путь отделения

от художественной литературы, превращения в область научного знания, то есть самоочищения от легенд, мифов, поверхностных обобщений, критической оценки источников, перекрестной проверки их показаний. Начавшись однажды, этот путь далеко не пройден. Он обозначен замечательными и далеко отстоящими друг от друга вехами совершенствования методических приемов. Одновременно шел процесс обогащения источниками. Первые экспедиции П. М. Строева, а затем широко развернувшаяся поисковая и публикаторская деятельность Археографической комиссии постепенно вводили в поле исторического зрения множество новых текстов. Начавшаяся в XIX в. массовая археологическая работа привела исследователей к прямому соприкосновению с массой бытовых древностей. А уже в наше время, когда показалось, что фонд письменных источников практически собран полностью и почти не дал древнейших (ранее XIV в.) документов, произошло ошеломляющее открытие берестяных грамот, сегодня уже исчисляемых многими сотнями, из которых более 200 датируются XI—XII веками.

Эта обобщенная картина включает в себя и объективную необходимость постоянно реализовавшейся перестройки многих устоявшихся оценок. Перестройка взглядов — органическое свойство исторической науки в условиях постоянного пополнения фонда ее источников. Еще в послевоенные годы твердо держалось мнение о почти поголовной неграмотности наших средневековых предков. Что осталось от этого мнения после открытия берестяных грамот? На протяжении всего XIX в. архитектура и живопись Древней Руси почитались не заслуживающими внимания, а редкие исключения связывались целиком с творчеством иноземных мастеров. Что осталось от этого мнения после массовой расчистки реставраторами храмов, икон и фресок от позднейших наслоений? Еще в первой половине нынешнего столетия Русь изображалась страной промыслов (охоты, рыбной ловли, бортничества), не имевшей собственной производящей промышленности. Кто вспоминает теперь это мнение после открытия многих сотен древнерусских ремесленных мастерских и изучения их технологической рецептуры?

И тем не менее широкое продвижение науки о древностях неотделимо и от заметных перекосов. Если прежде история изучалась на материале основных повествовательных источников по деяниям выдающихся личностей, то освоение новых массовых источников (прежде всего, археологических) естественно выдвинуло на передний план обобщенные сословные фигуры. До находки берестяных грамот главный герой истории — народ — был безлик и изучался в среднестатистическом, а не в индивидуальном проявлении. Такая работа, посвященная исследованию главных факторов исторической динамики общественного развития, уже в силу самой массовости своих источников приобрела объективный характер, независимый от вкусов или концептуальных пристрастий исследователя, но она же сформировала и тяжеловесный стиль научного изложения. Коль скоро изучались процессы, а не конкретные лица, из трудов историков ушла художественная образность, так ярко окрашивавшая сочинения старых историографов. Современный историк потерял массового читателя, оставив его в обаятельной власти не только исторической литературы XIX — начала XX в., репринтные издания которой наводнили нынешний книжный рынок, но и в плену многих уже отвергнутых или отвергаемых представлений. Ведь зачастую эти, порой бытующие и сегодня, представления и оценки сложились еще в ту пору, когда история не стала наукой, а источник таких оценок не был изучен исторической критикой. Многократно повторенные в разных трудах, вошедшие в учебники, такие оценки кажутся кем-то и когда-то обоснованными и не подлежащими сомнению, тогда как изучение литературы вопроса обнаруживает, что в действительности убедительного доказательства никогда и не существовало.

Сегодня мы знаем во много раз больше, нежели наши предшественники — историки прошлого и первой половины нынешнего столетий. И немалую роль в расширении горизонтов исторического познания русского средневекового прошлого сыграли раскопки Новгорода — одного из древнейших русских городов, столицы средневекового государства на Северо-Западе России.

Особенности новгородского культурного слоя. Исполнилось 60 лет с того момента, когда А. В. Арциховский начал археологические раскопки в Новгороде, которые с тех пор ведутся систематически и непрерывно (не считая военных 1942—1944 гг.). Исследования этого города потребовали концентрации значительных

научных сил и превратили Новгородскую археологическую экспедицию в крупнейшее научное предприятие по изучению средневековых городских древностей. Особый интерес именно к Новгороду определен несколькими важными причинами. Среди них и выдающееся место Новгорода в истории Руси, и особенность форм его политической организации, и та роль, какую Новгород играл в системе торговых и культурных связей между Русью, Западной Европой, Византией и мусульманским Востоком, и наличие в нем шедевров архитектуры и живописи, характеризующих высокий уровень его художественной жизни и состояния творческих сил в X—XV веках.

Однако не менее важным обстоятельством, определившим неизменное притяжение к Новгороду нескольких поколений историков и археологов, оказалась прекрасная сохранность в его почве всех без исключения предметов, которые когда-либо попали в землю. Новгород возник на плотных глинистых почвах, не впитывающих воды дождей, паводков и талого снега. Влага до предела насыщала его культурный слой, медленно сочась в Волхов и препятствуя проникновению в почву воздуха. Поэтому в культурном слое Новгорода не было условий для развития микроорганизмов, вызывающих процессы разрушения органических материалов, а металлические предметы в нем покрывались лишь поверхностной пленкой коррозии, предохранявшей их от дальнейшего разрушения.

Это значит, что в новгородской почве ожидают своего открытия остатки всего, что некогда было сделано руками человека и служило ему: нижние венцы деревянных домов и пограничные частоколы усадеб, уличные и дворовые настилы, системы дренажа и фортификационные конструкции, домашняя утварь и сельскохозяйственный инвентарь, инструменты ремесленников и произведенные ими предметы, оружие мужчин, украшения женщин, игры взрослых и игрушки детей, остатки одежды и детали конского убора. В Новгороде археолог может не только войти на усадьбу и в жилой дом средневекового горожанина, но и вообразить себя в окружении привычной этому горожанину бытовой обстановки.

Чтобы эта особенность стала вполне очевидной, следует знать, что главным поделочным материалом в России вплоть до самого недавнего времени было дерево. Из дерева строили дома, им мостили улицы, из него изготавливали посуду и транспортные средства. На дереве писали иконы, а на коре березы — письма. И все, что было сделано из дерева, в обычных почвенных условиях обречалось на безвозвратную гибель. Любая музейная экспозиция средневекового быта поэтому оказывалась поневоле избирательной и случайной, демонстрируя главным образом предметы из дорогих металлов, камня и стекла, которые составляли лишь ничтожную и отнюдь не определяющую часть древних вещей. Акценты восприятия прошлого из-за этого неизбежно смещались, а само такое восприятие становилось деформированным. Между тем новгородская почва идеально сохраняет не только деревянные, но и костяные и кожаные изделия, а также ткани, бересту, злаки.

Существует другая важнейшая особенность Новгорода, бесценная для изучения его древностей. Цель раскопок не состоит в простом коллекционировании древних предметов. Главное намерение археолога заключается в реконструкции локально-хронологических комплексов. Он озабочен выяснением связей между открываемыми в ходе раскопок древностями. Его интересует единовременный набор предметов, служивших обитателям конкретной усадьбы или конкретного жилища, а также хронологическая динамика развития таких комплексов. В обычных условиях работа археолога бывает осложнена десятками разнообразных обстоятельств, главным из которых является нарушение культурного слоя в результате строительных и других хозяйственных работ. Даже при рытье погребов или колодца древние предметы меняют свое положение в слое, перемешиваясь с более поздними и лишая исходный комплекс стерильности. В еще больших масштабах такие нарушения возникают при больших строительных работах. На древних улицах Москвы, например, массовое строительство каменных домов в XVIII—XIX вв. безвозвратно уничтожило остатки древней деревянной застройки, откладываясь на тех же местах в предшествующие столетия. Еще более разрушительным для таких остатков стало массовое строительство XX в. с глубоким залеганием фундаментов многоэтажных зданий.

В Новгороде из-за повышенной влажности слоя средневековые горожане избегали рытья погребов и колодцев, а дома в нем не имели — в силу тех же причин —

заглубленных фундаментов. Напротив, их ставили на бревенчатые подкладки, чтобы избежать соприкосновения нижнего венца с сырой почвой. Поэтому древние остатки оказывались ненарушенными. Существенные перемещения слоя, но в узких пространствах, происходили лишь при рытье канавок для укрепления межусадебных частоколов и при обновлении уличных настилов, когда извлечение годной для нового настила плахи из ремонтируемого яруса замещалось землей, взятой с примыкающих к мостовой участков.

После утверждения в 1778 г. нового генерального плана Новгород был перепланирован по принципам регулярной застройки. На место стихийно сложившейся древней градостроительной схемы пришла прямоугольная планировка кварталов на Торговой стороне и радиально-полукольцевая — на Софийской стороне. Новые улицы в большинстве случаев прошли по задворкам старых, а красные линии древних улиц, к которым тяготела основная прежняя застройка, оказались чаще всего внутри современных кварталов — во дворах, а не под фундаментами новых зданий. Благодаря этому обстоятельству весь массив культурного слоя средневекового Новгорода сохранился в его стратиграфической цельности и элементарно просто расчленяется на последовательные прослойки, включающие в себя всякий раз хронологически однородные комплексы остатков древних строений и относящиеся именно к ним предметы. Иными словами, мы получаем возможность наблюдать относительно-хронологическую последовательность развития как цельных комплексов, так и важных процессов, не говоря уже о развитии форм конкретных вещей, меняющихся с течением времени в зависимости от совершенствования техники, изменения вкусов и движения моды.

Ценные особенности культурного слоя Новгорода послужили поводом для возникновения еще в 60-х годах движения за создание законодательства, охраняющего культурный слой древних городов. В 1969 г. городские власти Новгорода приняли беспрецедентное постановление «Об охране культурного слоя Новгорода», по которому запрещались в пределах распространения древних культурных напластований любые земляные работы без предварительного археологического изучения участка. Спустя два года правительственным решением такой статус был распространен на 115 античных и средневековых городов России, жизнь в которых продолжается и сегодня. Как любое постановление, затрагивающее хозяйственные и финансовые интересы многих лиц и организаций, далеких от потребностей науки, оно выполняется далеко не безупречно, однако во многих случаях уже способствовало защите интересов истории и культуры.

Основа точного датирования новгородских древностей — дендрохронология. Любая относительно-хронологическая схема абстрактна до тех пор, пока ее не удастся привязать к абсолютным датам. И здесь на помощь археологу, работающему в Новгороде, приходит исключительная сохранность дерева в его культурном слое. Бревна срубов и уличных мостовых содержат в себе заряд точной информации о времени существования и гибели породившего их дерева. В поперечном разрезе любого бревна, в сложном рисунке его годовичных колец зафиксирована история меняющихся от года к году климатических условий. Неблагоприятное для роста дерева лето оставляет на этом рисунке тонкое кольцо, а благоприятное — толстое. Чередование колец разной толщины соответствует чередованию годовичных изменений погоды, и, надо думать, что семь тучных и семь тощих библейских лет отложились в свое время на срезах пальм и сикомор сменой семи толстых годовых колец на семь тонких. Чередование колец причудливо и для заметных отрезков времени практически неповторимо. Это обстоятельство было положено еще в конце прошлого века американским исследователем А. Дугласом в основу созданной им дендрохронологии — метода определения года рубки дерева по годовичным кольцам. Метод Дугласа был разработан с помощью изучения годовичных колец долговечных деревьев — секвойи, калифорнийской сосны и дугласовой пихты, живущих не одно тысячелетие.

В русском лесу столь долговечных деревьев нет. Новгородские дома и мостовые сооружались главным образом из сосновых бревен, возраст которых редко превышает 150 лет. Однако из-за повышенной влажности культурного слоя и его быстрого нарастания новгородцам приходилось обновлять мостовые своих улиц постоянно. На отдельных раскопах, где мощность культурного слоя достигает 6—8 м, количество последовательно возобновлявшихся настилов равно 27—30.

Частые пожары уничтожали строения, но их нижние венцы, прикрытые нарощим за время их существования культурным слоем, навсегда остались в земле. Число таких остатков за 60 лет раскопок превысило 2 тысячи. Дендрохронологическое исследование мостовых и срубов, во-первых, позволило найти как бы замену американской секвойе: шкала движения из года в год климатических условий с IX в. до настоящего дня была составлена Б. А. Колчиным путем сочетания многочисленных взятых из раскопок образцов древесины. Во-вторых, оно как бы насытило всю толщу раскопов многими десятками точных дат, дав возможность определить время сооружения любой мостовой и любого средневекового дома.

Очевидно, что все находки из прослоек культурного слоя, которые отложились во время существования каждой соответствующей им мостовой, получают достаточно точные даты. И коль скоро, например, с середины X в. до середины XV в. (за 500 лет) уличные мостовые сменились около 30 раз, и такая смена, следовательно, происходила один раз в 17—20 лет, значит, и точность датировки любого единовременного комплекса древностей равна приведенной цифре. Такая точность до сих пор остается недостижимой для датирования большинства древнерусских рукописных книг и произведений живописи. На раскопках в Новгороде она давно уже стала привычной и не вызывает удивления специалистов¹.

Методическое значение открытия берестяных грамот. Открытие в Новгороде в 1951 г. берестяных грамот обозначило новые перспективы его изучения, позволив прочно сомкнуть традиционный для археологии метод реконструкции исторического процесса по материальным остаткам прошлого со всем корпусом средневековых письменных источников. Значение берестяных грамот будет увеличиваться с расширением раскопок. С момента открытия до конца полевого сезона 1992 г. (за 41 год) в Новгороде найдено 745 берестяных документов². Подсчет же еще не открытых грамот, основанный на характеристике состояния и сохранности культурного слоя в разных районах города, дает ошеломляющую цифру — более 20 тыс. берестяных текстов. Древнейшая из найденных грамот относится к первой половине XI в., позднейшая — к середине XV в., когда береста была вытеснена массовым распространением бумаги. В те же годы берестяные документы были найдены еще в восьми древних русских городах: 26 — в Старой Руссе, 15 — в Смоленске, 8 — в Пскове, по две в Твери и в Звенигороде Галицком на Украине, по одной в Витебске, Мстиславле (оба последних города в Белоруссии) и Москве.

Жанровое разнообразие этих документов исключительно велико. Их тексты включают хозяйственные распоряжения и политические донесения, судебные казусы и бытовые просьбы, крестьянские жалобы и технологические рецепты ремесленников, школьные упражнения детей и заказы художнику на изготовление икон, любовную записку и сообщение о смерти близкого человека, ростовщические записи и списки недоимщиков, записи молитв и заговоры против лихорадки... Находка любой берестяной грамоты — не только существенное научное открытие, но и эмоциональный стресс, волнующий акт «оживления» давно умершего и забытого всеми человека, от которого, казалось, не могло сохраниться никакого воспоминания даже во времена его прямых правнуков и праправнуков.

Обычно массовое обнаружение в Новгороде берестяных текстов рассматривается как свидетельство высокого уровня грамотности средневекового человека. Разумеется, это так; тем более внушительным это открытие стало потому, что вплоть до 1951 г. в науке бытовало устойчивое мнение о почти поголовной неграмотности населения Древней Руси. Однако значение находки берестяных грамот много шире отмеченного свидетельства. Самая существенная их особенность состоит в их неотделимости от того археологического комплекса, из которого они происходят. Давно уже стало привычным сравнение открытия берестяных грамот с открытием папирусов. Как папирусы для истории эллинистического Египта открыли живую картину человеческих отношений в сфере житейской повседневности, так и берестяные грамоты смогли осветить такие сферы древней жизни, какие не находили отражения в традиционных источниках. Однако папирусы находят, как правило, во вторичном использовании, вне связи с породившим их конкретным жилым комплексом. Берестяные же грамоты составляют неотъемлемую часть средневековой усадьбы Новгорода, сохраняя связь со всеми прочими обнаруженными на ней предметами.

Поэтому документы на бересте стали способом персонификации исследуемых

усадеб. Прежде археология при характеристике изучаемых ею объектов оперировала такими обобщенными терминами, как «жилище зажиточного человека», «мастерская ремесленника-ювелира» (без возможности установить, был ли этот ювелир свободным или вотчинным ремесленником), «погребение воина-торговца» и т. п. Повторные находки в пределах одной и той же усадьбы берестяных документов, адресованных одним и тем же лицам, определяют этих лиц как владельцев или жителей усадьбы, социальные характеристики которых проясняются при сопоставлении данных самих грамот со всей совокупностью материальных остатков усадьбы (ее застройкой, величиной, хозяйственной структурой, инвентарем). Примером такого комплексного изучения одной усадьбы может служить монография об усадьбе новгородского художника рубежа XII—XIII веков³.

Топографическое изучение грамот позволяет выяснить характер взаимоотношений адресатов грамот с их соседями, а изучение этих документов по хронологической вертикали открывает неизвестные ранее генеалогические связи жителей усадеб с их предками и потомками. Так, при раскопках на Неревском конце в 1951—1962 гг. стало возможным восстановить историю семи поколений боярской семьи Мишиничей, предстатели которой неоднократно стояли во главе Новгородской боярской республики, а также установить их родственные связи с другими знаменитыми в ее истории людьми⁴.

Благодаря массовым находкам берестяных грамот исследования Новгорода перестали быть чисто археологическими. Берестяные грамоты стали прочными мостиками, ведущими из глубины раскопа в летописный рассказ. Они сомкнули специфические цели археологии с задачами общеисторического и конкретно-исторического плана, считавшимися до сих пор уделом исследователей, работающих исключительно над изучением письменных источников. И сама программа археологической экспедиции в Новгороде потребовала коренной перестройки, поставившей на первое место в археологическом исследовании такие проблемы, как возникновение Новгорода, формирование и развитие в нем социальной структуры и административного устройства, причины и способы возникновения республиканской государственности, основы возникновения боярства как правящего сословия, оценка степени демократизма «вечевого строя», вопрос о роли норманнов в формировании русской государственности и культуры и т. д.

Место ремесла в социальной структуре Новгорода. В течение долгого времени в исторической науке господствовала «торговая теория» происхождения русских городов. Согласно этой теории, Новгород, в частности, не имел развитого ремесла, удовлетворяясь ввозом ремесленной продукции из-за рубежа в обмен на продукты промыслов (пушнину, мед, воск, льняные ткани, ценные породы рыб и т. п.). Раскопки в Новгороде открыли остатки около 150 ремесленных мастерских (при том что археологически изучено только 2% древней территории города) разных веков — от X до XV — и разных профилей: замочников, кожевников, ювелиров, литейщиков, токарей, бондарей, ткачей, красильников, пивоваров, хлебников и т. д. Материальным индикатором таких мастерских является наличие специализированного инструментария, отходов производства, бракованных изделий. Изучение техники и технологии таких производств, как обработка черного и цветного металла, ткацкое ремесло, сапожное дело, стеклоделие, обработка дерева и кости, показало, что по уровню специализации и дифференциации, по оснащенности специальным инструментарием и технологической рецептурой уровень ремесла на всем протяжении исследованного времени был отнюдь не ниже производства в прославленных средневековых центрах Западной Европы и Ближнего Востока⁵.

Не менее важные наблюдения были сделаны при изучении новгородского импорта. Оказалось, что главную его основу составляло разного рода ремесленное сырье, собственными месторождениями которого Новгород не располагал. Привозными в Новгороде были все виды цветных металлов (золото, серебро, медь, свинец, олово), поделочные камни (их везли с Урала и волжским путем из Ирана), даже некоторые виды ценной древесины. Так, многочисленные туалетные гребни изготавливались преимущественно из самшита, который поступал в Новгород из южного Прикаспья. Излюбленным материалом для бус и перстней был янтарь, ввозившийся в основном из Прибалтики⁶. Металлографические и спектрографические исследования с каждым годом расширяют и детализируют картину конкретных связей Новгорода с центрами поставки сырья. Однажды, например, в слоях

XIV в. был найден слиток свинца весом в 150 кг с клеймами польского короля Казимира Великого; анализ его рудной свиты установил, что свинец происходит из полиметаллических месторождений района Кракова⁷.

Подавляющее большинство открытых в Новгороде ремесленных мастерских не принадлежало свободным ремесленникам. Эти мастерские обнаружены на больших боярских усадьбах, хозяева которых, эксплуатируя труд вотчинных мастеров, основывали свою хозяйственную деятельность на крупном землевладении, заботам о котором посвящена львиная доля их берестяной переписки. Действие системы «боярин — крестьянин — торговец — ремесленник — боярин» наглядно демонстрируется изучением некоторых массовых категорий ремесленных предметов XI—XII веков.

В XI в. ножи в Новгороде изготавливались преимущественно техникой «пакета». К стальному лезвию с двух сторон приваривались щечки из более мягкого железа, благодаря чему нож приобретал качества самозатачивающегося инструмента: в процессе работы железные щечки постепенно стирались, все больше и больше обнажая стальное лезвие, которым можно было работать практически до полного его стирания. В первой половине XII в. на смену этой технике приходит более простая: узкая полоса стального лезвия приваривается к железной основе, образуя лишь тонкий рабочий край инструмента. Такое упрощение, характерное и для других видов производств того времени, связано с массовым переходом ремесленников от кропотливого изготовления продукции на заказ к стандартизации производства в расчете на широкий рыночный спрос⁸. В ту же единицу времени мастер изготавливает больше продукции, нежели раньше, но продукция становится менее долговечной. Резкое увеличение производства требует, естественно, увеличения объема сырья, а вместе с тем и интенсификации импорта. Однако его рост может быть достигнут лишь эквивалентным увеличением массы экспортируемых из Новгорода товаров, среди которых первое место действительно занимают продукты промыслов. Далеко не случайным в этой связи представляется синхронное указанному процессу резкое расширение боярской колонизации в северных промысловых районах — в Обонежье и на Северной Двине.

Именно на период конца XI — первой половины XII в. приходится и наиболее значительные успехи боярства в создании республиканских форм правления, в антикняжеской борьбе. К концу XI в. относится возникновение органа боярской государственности — посадничества как института защиты боярства перед князем и его аппаратом. На рубеже XI — XII вв. происходит становление вотчинной системы, иными словами — системы крупного частного землевладения бояр. А в 1136 г. в результате успешного антикняжеского восстания, возглавленного боярами, окончательно торжествует республика, превратившая приглашенного князя фактически в чиновника боярского управления.

В современной исторической науке широко бытует еще один ложный постулат. Используя наблюдения над структурой позднесредневекового города (XVI—XVII вв.), исследователи фетишизировали понятия «кремль» и «посад», понимая под первым центральный городской район, в котором сконцентрировано защищенное фортификациями аристократическое население, а под вторым — широкое вне стен центрального укрепления пространство, населенное простонародьем, в том числе и в первую очередь ремесленниками. Фетишизация этих понятий имела одним из следствий их перенос на городские структуры более раннего времени, для которого провозглашалась их обязательность.

В Новгороде один из его пяти концов называется Гончарским, другой — Плотничким; в окраинной части города расположен район, называемый «Кожевники». Существуют в нем древние улицы Щитная, Молотковская, Котельничкая, а целая сторона (половина) города именуется Торговой. Если бы не было раскопок, какой убедительной силой доказательности обладала бы топонимика города, свидетельствуя о наличии социальной топографии в средневековом Новгороде. Однако раскопки показали, что понятие «посад» ни к одной из частей Новгорода X—XV вв. неприменимо. Боярские усадьбы расположены во всех районах города, но не в кремле. На всех боярских усадьбах обнаружены следы ремесленных производств, т. е. наличие вотчинного ремесла. Социальная стратификация города отнюдь не проявлялась здесь территориально.

Боярская усадьба — основная структурная ячейка Новгорода. Любопытные

материалы для характеристики городского боярского хозяйства и вотчинного ремесла дает топографический анализ находок берестяных грамот. Исследование широкой площади групп соседствующих усадеб с персонификацией каждой из них позволило установить в ряде случаев клановый характер городского боярского землевладения в средневековом Новгороде. Выяснилось, что значительные участки города составляли наследственную собственность крупных боярских родов: владельцы таких соседствующих усадеб вели происхождение от одного общего предка. Впервые такая структура была выявлена при раскопках 1951—1962 гг. на Неревском конце, где не менее десяти расположенных на одном участке больших дворов (в среднем величиной около 1200—1500 кв. м каждый) принадлежали потомкам знаменитого в новгородской истории боярина рубежа XIII—XIV вв. Юрия Мишинича. Хотя генеалогия этого рода не может быть пока прослежена глубже указанной даты, сам объем участка и стабильность его планировки, неизменной с X в., свидетельствуют о глубокой древности подобной структуры⁹.

Сходная картина наблюдается при раскопках большого участка в Славенском конце, принадлежавшего предкам и потомкам боярина Федора Тимофеевича, который жил в конце XIV — первой четверти XV века¹⁰. Но наиболее важные материалы были собраны во время раскопок в Людине конце, начатых в 1973 году. Здесь аналогичная структура кланового боярского землевладения в городе зафиксирована для XII в., когда значительный участок, включающий не менее семи усадеб, принадлежал знаменитой в Новгороде боярской семье потомков Несды — Внезду и Мирошке с их нисходящими¹¹.

Такой способ организации городского владения не только делал его экономически устойчивым (боярские усадьбы не меняют своих границ на всем протяжении X—XV вв.), но и позволял создавать замкнутую систему самодовлеющего (автаркического) хозяйства. Практически на каждой боярской усадьбе имелась какая-либо ремесленная мастерская, но в пределах такого клана большая боярская семья имела возможность располагать исчерпывающим набором разных производств, которые в то же время обладали очевидной товарностью, прочно связывая владельцев усадеб с городским торгом, на котором реализовывалась избыточная продукция. В то же время такая система, способствуя боярской консолидации, решительно препятствовала консолидации ремесленников по профессиональному признаку. В Новгороде не возникло цеховых организаций. Участие мастеров разных производственных профилей в единой хозяйственной организации боярского клана становилось для этого неодолимым препятствием. Между тем ряд авторитетных историков упорно внедрял в литературу умозрительный тезис о наличии в средневековой Руси ремесленных цехов¹².

Экономическая основа формирования новгородского боярства. Раскопки последних лет поставили перед исследователями Новгорода непростую проблему экономической основы происхождения боярской республиканской государственности. Долгое время такой проблемы не существовало. Предполагалось, что с появлением общерусской столицы в Киеве в конце IX в. правившие в Новгороде князья, будучи по своему положению преемниками киевского стола в случае смерти сидевшего на нем князя (в Новгород обычно назначались княжить старшие сыновья общерусских правителей), не проявляли интереса к новгородским землям, постоянно обращая взоры в сторону Киева, что создавало возможность беспрепятственного захвата новгородских общинных земель местной аристократией — боярством. Однако в последние годы благодаря совокупному изучению источников, в числе которых не последнее место занимают берестяные грамоты XI—XII вв., было выяснено, что образование частной земельной собственности бояр, возникновение вотчинной системы только начинается в первой четверти XII в., то есть тогда, когда новгородское боярство уже добилось заметного перевеса над князем. То, что считалось следствием, обернулось причиной. Именно политические успехи бояр в их борьбе с князем привели к созданию вотчинной системы, достигшей кульминации лишь в XIV веке¹³.

На чем же основывались успехи бояр в более раннее время? Из летописного рассказа известно, что существенных преимуществ новгородское боярство добилось уже в первой половине XI в., когда князь Ярослав Мудрый дал «им правду, и устав списав, тако рекши им: по сеи грамоте ходите»¹⁴. Естественно, пути решения этой проблемы возможно искать исследованием археологических комплексов X—

XI веков. И первая неожиданность, подстерегающая здесь исследователя, состоит в том, что способ организации и хозяйствования в родовых боярских кланах начала X в. оказывается точно таким же, каким он предстает в XIV и XV веках.

Если в XIV в. городская усадьба боярина была центром поступления и переработки продуктов сельского хозяйства из его обширных вотчин, порой расположенных за сотни верст от Новгорода, а также реализации их продуктов на основе эксплуатации вотчинного ремесла, то и в X в. в самых ранних слоях городских боярских усадеб обнаруживаются такие же ремесленные мастерские, те же наборы жилых и хозяйственных построек. Даже частоколы усадеб, поставленные на их пограничных линиях в начале X в., возобновлялись практически на тех же линиях вплоть до конца новгородской независимости в 1478 году. Возникновение вотчинной системы в XII в. никак не проявляется в характеристиках богатых городских усадеб. Поэтому возможно предположить, что и в X—XI вв. землевладение было основой боярской экономики, осуществляясь в каких-то иных, не частновладельческих формах.

Возможность решить эту проблему дали ранние берестяные грамоты и замечательная группа необычных находок, которые на протяжении 30 лет оставались совершенно загадочными. Речь идет о деревянных цилиндрах (их найдено уже 11; последний — в 1991 г.) со взаимоперпендикулярными сквозными пересекающимися каналами. На поверхности таких цилиндров в ряде случаев изображены геральдические знаки — тамги князей и вырезаны надписи; вот четыре из них: «Емца гривны 3», «Княже», «Мечницъ мех в тех метях Полотвечъ» (Мешок мечника Плотвицы под этой метой), «В Пинеге 3 тысячи». У некоторых цилиндров короткий (поперечный) канал забит деревянной расклиненной пробкой, практически неизвлекаемой. Упоминание в одной из надписей «меха», т. е. мешка, и наличие пробок позволило понять, что эти цилиндры служили как бы замками-пломбами, надежно запирающими завязки мешков с ценностями.

Концы веревки или кожаного ремешка, продернутых через холстину мешка, завязывались узлом, туго стягивая горловину мешка. Свободные концы веревки вводились после этого с двух сторон навстречу друг другу в продольный канал цилиндра и уже вместе выпускались наружу через поперечный канал. Затем эти концы связывались еще одним узлом, который убирался внутрь цилиндра, оставаясь на линии поперечного канала (выходящие наружу концы веревки позволяют фиксировать его в нужном положении). Последняя операция — введение в поперечный канал деревянной пробки и расклинивание ее. Концы веревки могут быть обмотаны вокруг цилиндра, следы этого прослежены в двух случаях. Закрытый таким образом мешок можно открыть только двумя способами — или разрезав веревку, или расколов цилиндр. Иными словами, он надежно гарантирует сохранность и неприкосновенность узла, а следовательно, и содержащихся в мешке ценностей.

Каких же? «Емец», или «мечник», — лицо, уполномоченное князем для сбора податей с населения. Согласно древнейшему русскому писаному закону — «Русской Правде» (XI в.), эти подати самой общиной, с которой они взимались, распределялись на три части. Самая большая шла князю (т. е. в доход государству), десятая часть («десятина») — церкви (а до принятия христианства, надо полагать, — жрецам), но определенная законом доля полагалась и самому сборщику. Надписи на цилиндрах и указывают, кому назначался запечатанный таким цилиндром-пломбой мешок. Справедливость раздела податей, по-видимому, контролировалась в самом Новгороде, когда эти цилиндры отрезали и выбрасывали¹⁵.

Если бы сбор податей поручался только княжеским дружинникам, приходившим с князем из Киева и составлявшим его двор, то цилиндры, естественно, можно было бы находить только на княжеском дворе. Однако те, которые уже найдены (за единственным исключением), обнаружены в разных районах Новгорода на территории тех усадеб, которые в позднейшее время известны как дворы богатейших бояр: в частности, три найдены там, где в конце XII в. жил знаменитый новгородский посадник Мирошка Несдинич, два — там, где в XIV в. жили бояре Мирошкиничи, шесть поколений семьи которых давали Новгороду посадников — руководителей боярской республики.

Однако почти все цилиндры найдены в слоях XI и даже X в., то есть относятся к тому времени, когда предки этих знатных бояр еще не владели вотчинами. В этот

период они, следовательно, принимали активное участие в сборе государственных доходов и в контроле за ними, а сама земельная собственность, бывшая экономической основой государства, таким образом была корпоративной. Определенная часть доходов оставалась в руках верхушки местного общества, постепенно увеличивая материальную базу боярства.

Изложенный здесь вывод достаточно ответственен. Ему может быть противопоставлено возражение: а не могла ли на исследованных усадьбах в какой-то момент произойти принципиальная смена владельцев? Ведь, может быть, мечник Плотвица принадлежал к княжеской дружине, тем более что обнаруженные на его усадьбе многочисленные предметы вооружения и конского снаряжения оказываются яркими свидетельствами дружинного быта жителей этой усадьбы, а в XII в. той же усадьбой владел новгородский боярин Мирошка, отнюдь не бывший потомком Плотвицы.

Принадлежность всей группы усадеб, расположенных на древней Черницыной улице Людина конца, на рубеже XII—XIII в. боярину и посаднику Мирошке Несдиничу засвидетельствована несколькими берестяными грамотами, адресованными ему или касающимися его посаднической деятельности. Мирошка стал героем боярского Новгорода потому, что не побоялся отстаивать новгородские привилегии перед лицом самого могущественного русского князя той поры — владимиро-суздальского властелина Всеволода Большое Гнездо, который даже два года держал Мирошку у себя, безуспешно пытаясь добиться от него уступки своим требованиям. Рядом с раскопанным участком в старину находилась упраздненная в XVIII в. церковь Святого Образа, инициатором перестройки которой в 90-х годах XII в. был родной брат Мирошки Внезд Несдинич¹⁶.

Отец Мирошки и Внезда — Несда — известен летописцу как «бирич», судебный исполнитель, то есть лицо совместной княжеско-посадничьей администрации. Он был убит в 1167 году¹⁷. Об отце Несды и других его предках источники молчат, но в ходе раскопок 1983 г. на той же усадьбе в слоях начала XII в. была найдена весьма замечательная берестяная грамота (№ 613). Она дошла до нас в виде небольшого обрывка, который, к счастью, сохранил имя адресата — Ставр. Единственный известный источник новгородец Ставр фигурирует в летописи под 1118 г. как «сотский», то есть несомненное лицо княжеской администрации, но его отношение к князю весьма двусмысленно. В указанном году киевский князь Владимир Мономах разгневался на Ставра, вызвал его в Киев и заточил в тюрьму¹⁸. Живые подробности этого конфликта народная память сохранила и расцветила в былине о новгородском боярине Ставре Годиновиче. Герой этой былины Ставр хвастался, что «в Новгороде живет он хозяином», и издевается над киевскими княжескими боярами, утверждая, что у него «широкий двор не хуже будет города Киева»¹⁹. Несмотря на службу князю, Ставр характеризуется былиной как представитель, в первую очередь, боярского Новгорода, противопоставивший себя князю.

Возникшая перед нами цепочка имен, ранние представители которой, будучи новгородцами, состоят на княжеской службе, а поздние руководят боярской антикняжеской политикой, хорошо сочетается с выводом об участии местной аристократии Новгорода в контроле за государственным доходами и в их освоении. Участие новгородского боярства в сборе государственных доходов продолжается и в вотчинный период на тех землях, которые составляли пояс внешней колонизации Новгорода. По договорам Новгорода с приглашаемыми князьями в XIII—XIV вв. вход княжеских чиновников на такие территории был запрещен, а доходы с их населения в княжескую казну можно было собирать только новгородцам. В 1990 г. в Новгороде была найдена берестяная грамота (№ 718), в которой содержатся сведения об объеме доходов в пользу князя и сборщиков за четыре года с одной из таких территорий в восточной части Новгородской земли — Бежицкого Верха. Летопись позволяет установить, что сбор доходов сразу за четыре года в силу возникших тогда политических и военных обстоятельств был осуществлен только однажды — в 1229 г.²⁰, к которому и относится этот документ. Но найден он был при раскопках на боярской Прусской улице, а не в княжеской резиденции.

Обнаруженный в 1991 г. деревянный цилиндр-пломба с княжеским знаком и надписью «В Пинеге 3 тысячи» (подразумевается сумма в 3 тысячи белок) свидетельствует о доставке государственной подати с реки Пинегы на крайнем севере новгородских владений, то есть с территории, куда уже на рубеже XII—XIII вв.

был запрещен доступ княжеским чиновникам. Этот цилиндр найден в слоях рубежа XII—XIII вв. на усадьбе бояр Несдиничей.

Доля сборщика доходов, разумеется, не исчерпывала объем обогащения сборщика. Наличие на усадьбах бояр доводчинного периода ремесленных мастерских позволяет понять действие механизма главного источника боярского процветания, предположения о котором были высказаны Н. Н. Гриневым. Сбор доходов с сельской округи осуществлялся в натуральном виде: эквивалентом денежной нормы налога было определенное количество натурального сельскохозяйственного продукта. Поступая на усадьбу сборщика, этот продукт подвергался переработке, превращению его в товар, что влекло за собой резкое увеличение его цены. Между тем в княжескую казну уходил лишь эквивалент денежной нормы, тогда как разница между ценой обработанного продукта и исходным продуктом оставалась в распоряжении сборщика, хотя эта разница могла значительно превышать цену исходного продукта. Переход к вотчинной системе начался тогда, когда в новгородских землях широко распространился западноевропейский серебряный денарий, уплата налога которым лишала сборщика привычной прибыли, так как сбор в серебре целиком уходил в княжескую казну.

Однако описанная процедура была не единственным источником обогащения раннего боярства. Как показало изучение берестяных грамот, право сбора государственных доходов уже в этот начальный период было закреплено за отдельными семьями, которые контролировали поступление податей с определенных территорий, порой далеко отстоящих друг от друга. Сборщики податей поэтому приобретали особую мобильность, используя ее для эксплуатации денежного обращения. Органичной частью их деятельности стало ростовщичество. Весьма показательна берестяная грамота (№ 526), относящаяся к 80-м годам XI века. Запечатленный в ней размах ростовщической деятельности поразителен. Паутина ростовщических операций одного из предков посадника Мирошки Несдинича охватывает практически всю территорию тогдашней Новгородской земли. Его должники живут на реках Луге и Шелони (в 50—100 км к западу и юго-западу от Новгорода), в Русе (теперешний город Старая Русса в 100 км к югу от Новгорода) и на оз. Селигер (в 160 км к югу от Новгорода)... Для столь раннего времени, которое привычно характеризуется господством автаркического хозяйства, такая мобильность кажется сверхестественной. Но она вполне понятна на фоне той подвижности, которая была свойственна системе сбора государственных доходов²¹. Участие бояр в этой системе хорошо подтверждается многочисленными упоминаниями ростовщических действий в ранних берестяных грамотах XI—XII веков.

Таким образом, боярство Новгорода формируется в недрах ранней государственности как сословие, обладающее правом участия в государственной деятельности и государственных доходах. Сама эта деятельность и укрепляет и консолидирует верхушку местного общества, давая ей средства и возможность борьбы с княжеской властью. Сопrotивление князю усиливается на протяжении XI в., к концу этого столетия возникают особые формы боярской власти — посадничество, а с возникновением вотчинной системы на рубеже XI—XII вв. экономическая основа боярства укрепляется в такой степени, что уже возникшее двоевластие князя и бояр в результате антикняжеского восстания 1136 г. окончательно преобразовывается в республику бояр, в которой князь оказывается подконтрольным посаднику²².

Некоторые замечания в связи с «норманской проблемой». Изложенные наблюдения ставят перед исследователями Новгорода еще одну серьезнейшую проблему. Государственный механизм Новгородской республики, ее «вечевой строй», в XII в. не основывается на захвате институтов княжеской власти. Он противостоит им, явно развивая основы специфической государственности, которые восходят к древним формам общественного устройства — народному собранию (вече) и племенным старейшинам (посадники). Это обстоятельство тесно связано с пресловутой «норманской проблемой», занимавшей умы историков на протяжении 200 лет и имевшей больше политический, нежели научный характер. По воззрениям крайних норманистов, основы государственности, правопорядка и культуры были впервые заложены на Руси приглашенным из Скандинавии князем Рюриком. Мы видим, однако, что традиционные формы «вечевого» государственности оказались в Новгороде более жизнестойкими, чем привнесенная извне княжеская власть.

Что касается правопорядка, то сомнения в его раннем существовании исходи-

ли, главным образом, из следующих фактов. Во-первых, в формуле призвания варяжского князя новгородцами имеются слова «земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет», в которой слово «наряд» толковалось как «правопорядок». Во-вторых, основы древнерусского процессуального кодекса известны исключительно из позднего юридического памятника — «Псковской судной грамоты» XV века. В-третьих, древнейший писанный закон — «Русская Правда» — возникает только в первой половине XI века. Предполагалось, что основные нормы этого закона, в том числе замена кровной мести системой штрафов в пользу государства, формируются только с принятием Русью христианства в конце X в., а до того господствовало обычное право, исходящее из принципа кровной мести и компенсации ущерба только самому потерпевшему.

Между тем в ходе раскопок Новгорода была обнаружена берестяная грамота (№ 531), относящаяся к концу XII в. и подробно описывающая сложное судебное дело. В этом документе применены именно те нормы судебного процесса, которые до того были известны лишь по памятнику на два века более позднему, из чего следует, что сами эти нормы сформировались достаточно давно и лишь случайно не отразились в ранее известных древних текстах²³. Уже упомянутые цилиндры сборщиков податей своими надписями отражают действенность системы штрафов, известной по «Русской Правде», однако два таких цилиндра обнаружены в пластах 70-х годов X века. Из этого следует, что и до принятия христианства в конце 80-х годов X в. русский правопорядок был принципиально сходен с позднейшим. Очевидно также, что слово «наряд» в формуле приглашения варяжского князя не означает «правопорядок», а может быть переведено как обозначение порядка в общем смысле этого слова — состояния общества, потребовавшего вмешательства третьей силы, третьей стороны, нейтрального по отношению к соперничающим друг с другом частям взбурдаженного общества.

Проблема происхождения Новгорода. Эта проблема, занимающая исследователей более 200 лет, была поднята заново не только на основе теории, но и исходя из потребностей археологической практики. После обнаружения берестяных грамот и установления очевидной повсеместной ценности культурного слоя Новгорода и принятия постановления «Об охране культурного слоя» в программу археологической экспедиции в качестве прямой и первостепенной ее обязанности была включена охранная задача. На протяжении последних десятилетий планы очередных раскопок составляются на основе градостроительных решений. Раскопки ведутся там, где намечается возведение новых зданий. Такой порядок работы археологов в древних развивающихся до сегодняшнего дня городах неизбежен. Более того, он останется таковым достаточно долго. А если это так, то археологам надо лучше использовать те преимущества, которыми оборачивается в данном случае кажущаяся стихийность формирования научной программы. Эти преимущества — в мобильности, широком маневре, возможности проникновения во все районы древнего города и сравнения результатов такого проникновения для получения более аргументированных выводов. Неизбежным главенствующим направлением при новом порядке работ оказывается исследование комплекса историко-топографических задач.

Уже первые годы работы в новых условиях продемонстрировали трудности взаимоотношений археологов и градостроителей. От археологов всякий раз при отводе под застройку очередного участка требовался точный ответ о сроках раскопок на месте отвода. Определить такие сроки возможно, лишь зная толщину культурного слоя в месте будущих работ. Установившаяся прочная связь археологии и текущего строительства позволила ввести в число опорных документов и археологии, и градостроительства данные о состоянии культурного слоя, полученные в ходе геологического бурения, которое ведется для расчета строительных фундаментов. Эти данные обобщены на чертеже, показывающем толщину культурного слоя в разных районах города²⁴. Задуманный в чисто практических целях, этот чертеж оказался и драгоценным документом, информирующим о динамике градообразующего процесса в Новгороде на протяжении многих столетий.

Средневековым городам было свойственно развиваться постепенно от какого-то первоначального ядра, из века в век расширяясь и достигая со временем больших размеров. И хотя в первой половине XII в. новгородец Кирик сравнивал рост знания с ростом города («Как понемногу создается город и делается большим, так и

знание понемногу растет»²⁵), то есть отразил такую закономерность и для Новгорода, этот город в трудах историков и археологов всегда оказывался исключением из правила. Общим местом давно уже сделалось представление о том, что он достиг своих предельных размеров уже в ранний период своего существования. Знаменитый земляной вал Новгорода («Окольный город»), общая длина которого достигает почти 10 км, принято было относить ко времени не позднее XII века. Это представление сочеталось с мыслью о том, что Новгороду («Новому городу») предшествовал некий «Старый город», откуда большой массив населения перешел на новое место, сразу освоив всю территорию, заключенную в пределах новгородских валов. Нет необходимости останавливаться на безуспешных археологических поисках такого «Старого города» в Старой Ладогe, Старой Руссе, на Городище под Новгородом.

Вызванный новыми условиями работы широкий маневр позволил познакомиться с различными, теперь уже многочисленными участками города. При этом слои X в. были обнаружены только в трех местах: на Неревском конце в 1951—1962 гг., на древней Михайловой улице Славенского конца в 1970 г. и в Троицком раскопе на Людине конце в 1973—1991 годах. Еще в трех случаях древнейшими были слои XI века. На всех остальных раскопанных участках самые ранние напластования относятся к XII и более поздним столетиям. Уже это наблюдение заставляет расстаться со старой привычной концепцией и сделать вывод, что Новгород XI в. был во много раз меньше, чем более поздний, а город X в. — меньше, чем в XI веке. Работа новгородца Кирика подтвердилась раскопками.

Эти данные заставили М. Х. Алешковского предпринять новый анализ письменных источников проблемы и высказать уверенность в том, что в течение многих десятилетий историческая наука пользовалась ложной датировкой валов «Окольного города»²⁶. Раскопки, предпринятые для проверки этой мысли, установили, что «Окольный город» Новгорода в действительности был сооружен в конце XIV — начале XV века. Этапы строительства удалось выразить в абсолютных датах, которые были получены с помощью дендрохронологии и полностью совпали с летописными показаниями²⁷. Прежде такие показания, хорошо известные исследователям, признавались свидетельством позднейших перестроек. Теперь выяснилось, что это свидетельства изначальных фортификационных работ. Раскопки прояснили загадку одного еще довоенного археологического открытия. В 1932 г. была обнаружена погребенная в толще культурного слоя каменная городская стена, построенная в 1335 г., положение которой на плане города казалось бессмысленным: она стоит внутри жилых кварталов²⁸. Теперь стало понятным, что в свое время стена ограничивала сложившуюся к концу первой трети XIV в. городскую территорию, но уже спустя полстолетия застройка выплеснулась за нее и потребовала сооружения фортификации на новой линии.

Итак, территория Новгорода формировалась постепенно, и одной из задач археологов становится создание последовательной картины его сложения. У нас пока мало данных, чтобы провести на плане города его границы в X в., в XI в. и т. д. Однако некоторые ориентиры в предварительном порядке могут быть продемонстрированы и сегодня. Существует определенная, хотя и не всегда прямая зависимость толщины культурного слоя от продолжительности его существования. Иными словами, чем толще культурный слой, тем, как правило, больше времени требовалось для его отложения. Следовательно, участки древнейшего Новгорода надо искать там, где слой отличается наибольшей мощностью. На чертеже культурного слоя Новгорода, составленном на основании данных геологического бурения, хорошо видны участки с наиболее толстым слоем. Именно в их пределах обнаружены и древнейшие прослойки X века.

Оказалось, что такие участки не образуют монолитного ядра. Напротив, они далеко отстоят друг от друга. Если сравнить их расположение со схемой административного устройства Новгорода XIV—XV вв., станет очевидным, что они соответствуют трем районам древнего города — Славенскому, Неревскому и Людину концам. Известно, что концов в Новгороде было пять. Однако анализ письменных источников давно уже позволил установить, что еще в XIII в. концов было четыре (Загородский конец оформился как административно-политическая единица лишь в конце XIII в.), а до третьей четверти XII в. их было только три (Плотницкий конец возник около 1168 г.)²⁹. На позднее возникновение жилой

застройки в Загородском и Плотническом концах указывает, в частности, и отсутствие в них приходских церквей вплоть до XIII—XIV веков.

Приведенные материалы дают возможность — правда, очень приблизительно — подойти к проблеме возникновения Новгорода. Она очень сложна, чему имеются особые причины. До сих пор древнейшие прослойки, исследованные в Новгороде, датируются первой половиной X века. Между тем возникновение Новгорода летописной легендой о призвании Рюрика отнесено ко времени на полстолетия более раннему: летопись излагает это событие под 862 или 859 годом³⁰. Поначалу такое несоответствие не казалось сколько-нибудь существенным. Поскольку общий объем исследованных участков города составлял примерно 2% относительно всей его средневековой площади, перспектива поисков более ранних слоев казалась безграничной. Однако выяснение особенностей схемы мощности культурного слоя на территории всего Новгорода полностью развеяло эти надежды. Очевидным стало, что поиски древнейших участков возможно вести только в пределах тех трех первоначальных ядер Новгорода, которые проявились на этой схеме, то есть в пределах Людина, Неревского и Славенского концов. Вот что дает анализ существующих материалов.

Л ю д и н к о н е ц. Историческое ядро этого района расположено на территории южной части Детинца (она была включена в него лишь в 1116 г., когда князь Мстислав Владимирович «заложил Новъгород болии първаго»)³¹ и на прилегающем к Детинцу участке, где в настоящее время находится Троицкий раскоп. Территория раскопа отделена от Детинца узкой археологически бесполезной полосой уничтоженного кремлевским рвом 1116 г. и рвом Земляного города 1582 г. культурного слоя. Древнейшие прослойки на Троицком раскопе датируются первой половиной X века. В южной части Детинца в ходе раскопок 1938 г. в предматериковом слое был обнаружен кожаный кошелек с весами, гирьками и подражающим саманидскому дирхему второй половины X в.³², что датирует указанным временем начало отложения культурного слоя в этой части Людина конца. Таким образом, наличие в нем напластований IX в. исключено.

Н е р е в с к и й к о н е ц. Раскопки 1951—1962 гг. были произведены в историческом ядре района. Древнейшая уличная мостовая здесь датируется 945 г., однако ниже ее залегает слой толщиной около 40 см, который относится к первой половине X века. Наличие прослоек более раннего времени здесь также исключено. Если допустить, что территория, занятая первоначальным Детинцем (то есть северная часть современного кремля) поначалу входила в Неревский конец, то и здесь нет возможности надеяться на обнаружение слоев IX в.: в 1985 г. в ходе раскопок на этой территории были обнаружены непосредственно на материке остатки сруба, который данными дендрохронологии датируется 962 годом³³.

С л а в е н с к и й к о н е ц. В пределах древнейшего ядра этого района были произведены в 1970 г. раскопки на Михайловой улице. Ее древнейший настил датируется 974 г., а древнейшие культурные напластования — 60-ми годами X века³⁴. Севернее этого участка в Славенском конце имеется сравнительно небольшой квартал, культурный слой в котором достигает несколько более значительной мощности, нежели на Михайловой улице, однако он включает в себя территорию Немецкого двора и церкви св. Иоанна «у Немецкого двора»; следовательно, вряд ли обладал заметной жилой застройкой до возникновения Немецкого двора в XII веке.

Возможно из приведенных наблюдений извлечь и общее представление об определенном этапе в становлении Новгорода как городской структуры. Древнейшие уличные настилы появляются в Людином конце в 40-х годах X в., в Неревском конце в 50-х годах, а в Славенском конце в 70-х годах того же столетия. Это значит, что только около середины X в. Новгород впервые обретает устойчивую усадьбную застройку и системы уличного благоустройства, то есть возникают черты, делающие его городом. Столь поздняя дата становления важнейших элементов городской жизни решительно противоречит надежде отыскать в нем напластования IX века. Тогда Новгорода еще не было.

Однако и те три древнейших поселка, которые стали известны в результате раскопок и были основой позднейших Людина, Неревского и Славенского концов в X и первой половине XI в. Новгородом не назывались. Обращение к летописной терминологии обнаруживает, что обозначение «Новгород» на первых порах приме-

нялось исключительно к Детинцу, то есть к общему укреплению трех древнейших поселков, которые и создали кремль как единую, объединяющую их фортификацию. Лишь с течением времени это название распространилось на весь город, когда расширение первоначальных поселков, изначально разделенных пустыми пространствами, привело к их слиянию.

Долгое время в литературе господствовала уверенность в том, что именно Новгород скрывается за термином «Невогард» («Немогард») в написанном в 948—952 гг. сочинении византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении империей»³⁵, хотя сомнения в таком отождествлении и появлялись у некоторых исследователей. Археологическое изучение фортификаций северной (древнейшей) половины новгородского Детинца, проведенное в 1957 и 1959 гг. М. Х. Алешковским, а в 1985 г. М. А. Вороновой, установило, что первоначальные дубовые укрепления Детинца были сооружены в 1044 г., о чем летопись сохранила прямое свидетельство³⁶. Только к этому времени, следовательно, возможно отнести возникновение самого термина «Новгород». Так стали называть сооруженный в середине XI в. Детинец, противопоставляя его предшествовавшим городкам, которые, естественно, носили иные названия. Мы можем только догадываться, что имена двух городков западной (позднее — Софийской) стороны были созвучны уже известным нам наименованиям соответствующих им концов Людина и Неревского. Более определенное мнение уместно высказать относительно города восточной (позднее Торговой) стороны. В позднейшее время он назывался «Славенский конец», или «Славно», или «Славенский холм», или же просто «Холм», что в сочетании с термином «город» полностью соответствует обозначению Новгорода в скандинавских сагах — «Холмгардр»³⁷.

Политический механизм возникновения Новгорода. Вопрос о первоначальном Детинце дает необходимую основу и для изучения политической структуры Новгорода в ранний период его существования. Историю Новгородского государства традиционно принято разделять рубежом 1136 г. на «княжеский» и «республиканский» периоды. Согласно такой периодизации, в X — начале XII в. Новгород был княжеским городом, мало чем отличающимся от других центров русских княжений того времени. Между тем существуют бросающиеся в глаза особенности, которые препятствуют такой трактовке. И первое из этих обстоятельств — местоположение в Новгороде княжеской резиденции.

Хорошо известно, что она в XII—XV вв. находилась в местности, называемой «Городище», в 3 км выше Новгорода на правом берегу Волхова. В самом же городе с местопребыванием княжеского двора связана территория правого берега, против расположенного на левом берегу Детинца, по соседству с Торгом, носящая название «Ярославово дворище» (буквально — «бывший двор Ярослава»), где в эпоху расцвета республиканской государственности собиралось городское вече. Сопоставление изложенных обстоятельств породило незатейливую, но в высшей степени спорную гипотезу, которая получила широкое распространение: во времена Ярослава Мудрого княжеская резиденция была устроена в самом городе, на Ярославово дворище, но в результате восстания 1136 г. князя из Новгорода были выселены на Городище, а переход Ярославова дворища под юрисдикцию боярской республики был символизирован тем, что на месте княжеской резиденции утвердился высший орган боярской республики³⁸.

Что касается времени более раннего, чем эпоха Ярослава Мудрого, то относительно местоположения княжеской резиденции было высказано два диаметрально противоположных мнения. Согласно первому из них, такой резиденцией был Детинец. В ряде позднейших документов он подразделен на две половины — северную, «владычную», и южную, «княжескую»; в последней и пытались локализовать древнейшую княжескую резиденцию. Согласно второму мнению, такой изначальной резиденцией было Городище. Уже в XIX в. этот пункт местные новгородские историки стали упорно именовать «Рюриковым Городищем»; это название в научной литературе постепенно сделалось традиционным. В то же время утвердившееся представление о легендарности как Рюрика, так и самого факта призвания в Новгород князя из Скандинавии решительно отвергало мысль о возможности особой княжеской власти в Новгороде IX века. Предполагалось, что этот город возник как фактория Киевского государства, как небольшая крепостца, основанная киевлянами на северных границах Древнерусского государства тогда, когда северная Русь

вошла в орбиту киевской власти, а это произошло не ранее рубежа IX—X веков³⁹.

Противоречия этих гипотез хорошо видны в свете археологических открытий последнего времени. Никакого выселения княжеской резиденции из Новгорода на Городище в 1136 г. не было. После восстания 1136 г. резиденция князя на Ярославовом дворище продолжает существовать, а «Княжеский двор» здесь упоминается в источниках даже XIV в.; правда, городская резиденция князя в этот период не является основной. На Городище резиденция возникает не в 1136 г., а упоминается и в более раннее время: в 1102 г. князь Мстислав Владимирович строит здесь церковь Благовещения⁴⁰ — первый после Софийского собора (1045—1050 гг.) каменный храм Новгорода. На Городище из года в год находят свинцовые печати — материальный остаток княжеского архива, разгромленного в XVI в. Иваном Грозным во время опричной расправы над Новгородом. К настоящему времени таких печатей собрано около 2 тыс.; древнейшие же из них относятся к концу XI в., когда началось сложение этого комплекса⁴¹. Что касается ранней резиденции, располагавшейся якобы в южной части современного кремля, то «Княжеской» эта часть стала называться после падения новгородской независимости в конце XV в., когда в ней расположились органы московского великокняжеского управления Новгородом. Эта территория вошла в состав Детинца только в 1116 г., а сам он был впервые сооружен в северной части существующего кремля в 1044 г., то есть в эпоху Ярослава Мудрого, когда в Новгороде княжил его старший сын Владимир.

Окончательную ясность в историю ранней княжеской резиденции Новгорода внесли раскопки на Городище Е. Н. Носова, которые ведутся с 1975 года. В интересующем нас аспекте результаты этих работ привели к следующим выводам. Активное заселение Городища начинается в середине IX в., когда возникшие здесь жилые комплексы с самого начала приобрели ясно выраженную аристократическую окраску и характеризуются наличием очевидной «скандинавской вуали». В отличие от ранних слоев собственно Новгорода, где находки скандинавских вещей случайны и составляют ничтожную, едва различимую долю в славянском вещевом инвентаре, здесь скандинавские предметы ощутимо заметны. При этом не может быть и речи о чисто торговом проникновении этих предметов: наличие среди них амулетов с руническими заклинательными формулами прямо указывает на физическое присутствие скандинавских воинов на Городище начиная с середины IX века⁴². Этот факт в сочетании с аристократическим обликом вещевого инвентаря характеризует исследованные комплексы как княжескую резиденцию. Исторически значительной оказывается начальная дата существования резиденции, совпадающая с летописной датой призвания скандинавского князя, — обстоятельство, превращающее то, что признавалось легендой и тенденциозной выдумкой норманистски настроенного летописца, в достоверный факт истории.

В начале XI в. в жизни Городища наступает заметное затишье, сменяющееся бурным расцветом резиденции в последней четверти XI века. Это затишье сопоставимо с возникновением городской княжеской резиденции в Новгороде при Ярославе Мудром, куда был перенесен центр административной деятельности князя. Однако именно в последней четверти XI в. возникает активное противостояние боярского Новгорода и бывшего киевским ставленником князя, которое привело к первым заметным успехам боярства, создававшего тогда собственный орган государственной власти — посадничество⁴³. Это противостояние приводит на рубеже XI—XII вв. к торговой блокаде Новгорода Киевом, прослеживаемой по резкому спаду южного импорта в Новгород⁴⁴, а в 1136 г. завершается победой новгородского боярства в ходе знаменитого антикняжеского восстания. Именно указанное противостояние и должно быть признано главной причиной не изгнания князя на Городище, а перенесения административного центра княжеского управления в древнюю княжескую резиденцию, где такой центр оказывается в большей безопасности от вечевых политических бурь.

Из всего сказанного следует и еще один немаловажный вывод. Призвание скандинавского князя новгородцами произошло тогда, когда Новгорода еще не было, когда на его месте еще не поселился ни один житель. Ведь древнейшие слои этого города датируются временем не ранее рубежа IX—X вв., то есть они на полстолетия моложе первых княжеских комплексов Городища. Кто же и зачем в середине IX в. призвал на берега Волхова скандинавского князя?

Летописный рассказ изображает это событие следующим образом: «В те вре-

мена, когда в Киеве жили три брата Кий, Щек и Хорив, новгородские люди, называемые Словене, Кривичи и Меря, каждый владел своим родом: Словене свою волость имели, Кривичи свою, Меря свою, а Чудь своим родом владела. И давали дань варягам от каждого мужа по белке; и когда те были у них, то совершали насилие над Словенами, Кривичами, Мерей и Чудью. И восстали Словене, Кривичи, Меря и Чудь на варягов и изгнали их за море, и начали сами собой владеть и основывать города. И восстали войной сами на себя, и были между ними великая битва и междуусобица, и встал город на город, и не было в них правды. И сказали они себе: «Поищем князя, чтобы владел нами и судил нас по закону». Пошли за море к варягам и сказали: «Земля наша велика и обильна, а наряда у нас нет; пойдите к нам княжить и владеть нами». И собрались три брата с родами своими, и взяли с собой многочисленную и замечательную дружину, и пришли к Новгороду. И сел на княжение старейший в Новгороде, имя ему было Рюрик, а другой — Синеус — сел на княжение в Белоозере, а третий — Трувор — в Изборске... Через два года умерли Синеус и брат его Трувор, и принял власть один Рюрик»⁴⁵.

Так изображены события в изложении летописца начала XIII века. Однако объединяемая понятием «новгородцы» триада «Словене, Кривичи, Меря», дополненная Чудью, неоднократно фигурирует и в древнейшем памятнике русского летописания киевской «Повести временных лет», где, правда, вместо Мери обычно называется Весь (т. е. племя вепсов, обитающее на новгородских землях). Таким образом, еще в начале XII в. новгородцы воспринимались как некий союз разноэтничных общностей, в состав которого входили славянские племена новгородских словен и кривичей и угро-финские племена вепсов и мерян (под последними, возможно, скрывается не собственно меря, а норомы или нерева, обитавшая на побережье Финского залива), то есть те этнические образования, которые в Новгороде назывались обобщенно «чудскими племенами».

Акт совместного призвания ими князя и запечатленные в летописном рассказе признаки существования политического их союза свидетельствуют о сложении к середине IX в. на северо-западе Руси значительной межэтнической конфедерации. Эта конфедерация консолидировалась для отпора варягам, пережила этап становления городской жизни, ощутила угрозу распада из-за начавшихся между ее членами усобиц и сохранила себя, прибегнув к приглашению третьей стороны — власти, не дававшей преимуществ ни одному из членов союза, а уравнивающей их друг с другом.

Это приглашение состоялось еще в тот период, когда участники конфедерации жили дисперсно, когда каждый ее член владел своей волостью, то есть распоряжался особой, принадлежавшей ему территорией. Местом политических контактов был не Новгород, еще не возникший, а какой-то (возможно, не постоянный) пункт, в котором собиралось межплеменное вече. Одним из важнейших актов этого межэтнического собрания племенных старейшин и стало призвание князя. Если приведенные рассуждения справедливы, становится возможным понять и механизм возникновения самого феномена Новгорода. Условия приглашения князя остаются действительными лишь до того момента, пока приглашенный князь продолжает осуществлять принятые на себя в силу договора с конфедерацией функции. Момент, нарушивший условия договора, наступил тогда, когда преемник Рюрика, действующий от имени его малолетнего сына Игоря, Олег перевел свою резиденцию в завоеванный им Киев, что, по расчетам автора «Повести временных лет», произошло в 882 году. Уйдя в Киев, Олег «установил дани по всей Русской земле; Словенам, Кривичам и Мери дань давать варягам, а от Новгорода триста гривен в год для поддержания мира»⁴⁶.

На место ответственного перед конфедерацией князя встали безымянные варяги, то есть жившая на Городище княжеская дружина, и это изменение государственной ситуации должно было вызвать к жизни новую структуру местного общества. Сселение на место будущего Новгорода племенной верхушки, местной аристократии, того слоя, который мог бы быть назван протобоярством, является активным способом консолидации межэтнической конфедерации, создания постоянного веча, противостоящего княжеской администрации на Городище. Обращает на себя внимание этимологическое соответствие наименований Славенского и Неревского концов племенным союзам Словен и Неревы (Норомы, Мери). Не был ли Людин поселок местом поселения в нем третьего члена конфедерации — Кривичей? («Лю-

ди» — термин, достаточно часто употреблявшийся как самоназвание этносов).

Отметим два обстоятельства. Во-первых, на протяжении всей истории независимого Новгорода местом жительства всех крупных землевладельцев (прежде всего бояр) был сам город. Во-вторых, на территории Новгородской земли кроме Ладоги и Русы не было иных городов, тогда как на землях центральной и южной Руси города насчитывались десятками. Новгород впитал в себя всю местную аристократию, превратив ее городские усадьбы в центры переработки продуктов сельскохозяйственного производства громадной округи. Сосредоточившись в Новгороде, местная аристократия сделалась самодовлеющей силой, вечевое устройство которой с самого начала обладало способностью успешно противостоять княжеской власти или, по крайней мере, держать княжескую власть в рамках тех функций, которые были определены ей договором, заключенным в момент приглашения князя. Пребывание боярина в городе делало его постоянным участником этой коллективной — точнее, корпоративной — власти. В южных княжествах, где возобладало монархическое, княжеское начало, самоутверждение боярина, напротив, имело не центростремительный, а центробежный характер: пребывая за пределами ближайшей орбиты княжеского окружения, живя постоянно в своей вотчине, боярин там, вдали от князя, чувствовал себя самостоятельным господином.

Имеется возможность реконструировать один из важнейших пунктов не дошедшего до нас первоначального договора союза племен русского Северо-Запада с приглашенным князем. Позднейшие новгородско-княжеские докончания, сохранившиеся от XIII—XV вв., показывают, что одним из основных конституционных требований Новгорода был сбор податей с территории Новгородской земли не княжескими людьми, а самими новгородцами даже в тех случаях, когда речь шла о суммах, следующий князю. И в древнейший доступный для археологического изучения период — в X—XI вв. — новгородцы осуществляли сбор пошлин и контроль за их распределением. В этом коренное отличие Новгорода от южнорусских земель, где для сбора пошлин существовала подробно описанная Константином Багрянородным система княжеского «полюдьа» — объезда пунктов накопления дани самим князем с дружиной, иными словами, безраздельный княжеский контроль за государственными доходами.

Таким образом, очевидно, что княжеское Городище и боярский Новгород были социально противоположными системами. А это, несмотря на хронологическое предшествование Городища Новгороду, совершенно снимает умозрительную проблему генетического восхождения Новгорода к Городищу. Городище — княжеская резиденция, основанная и развиваемая приглашенным князем. Новгород — местопребывание пригласивших князя общественных структур. Взаимоотношения между ними сложны. Княжеская администрация стремится к расширению своих функций за счет традиционных институтов межплеменной вечевой власти. Вечевая же система стремится сохранить себя и расширить свои функции за счет княжеской власти. Какое-то время обе структуры находятся в шатком равновесии, но в конечном счете побеждает традиционная боярская структура, а вторичная по отношению к ней княжеская власть оказывается менее жизнестойкой.

Проблема этнической интерпретации новгородского славянства. В ходе новгородских раскопок получены важнейшие материалы по проблеме формирования восточнославянского единства. Ни у кого нет сомнений в существовании изначального единства всех славян, их генетического восхождения к общей праславянской основе. Однако на протяжении всей второй половины I тыс. славянство переживало динамический процесс расселения в Европе, в ходе которого отдельные группы славян оказывались в разной природной среде, вступали в сложные контакты с иными этническими группами, смешивались друг с другом и снова расходились, приобретая с течением времени локальные черты. Важнейшей поэтому представляется оценка того состояния, в котором находилось славянство Восточной Европы в IX—X вв., в эпоху складывания Древнерусского государства.

Много десятилетий тому назад в исторической и лингвистической науках сложилось господствующее и сегодня представление об исключительной цельности восточного славянства. Согласно этому представлению, единым центром расселения славян в Восточной Европе было среднее Поднепровье, распространяясь из которого славяне освоили всю территорию их летописной ойкумены, на дальнем северном рубеже которой некие выходцы из Киева построили небольшую крепость

для защиты от воинственных северных соседей. Эта отдаленность якобы способствовала амбициям новгородцев, сумевших укрепиться экономически и политически, чтобы затем добиться значительной самостоятельности. Лозунгом этой идеи стали летописные слова Олега, сказанные им о Киеве: «Это будет мать городам русским», воспринимаемые как свидетельство абсолютного старшинства Киева над всеми другими русскими городами, тогда как выражение «мать городам» является лишь калькой греческих слов ΜΗΤΗΡΠΟΛΙΣ, означающих столицу, метрополию. Придя в Киев, Олег заявил о своем намерении сделать этот город новой столицей своего государства.

В соответствии с изложенным взглядом строились и представления о ходе других общественных процессов. Если расселение шло из одного центра, значит, и язык был абсолютно единым, а диалекты, характерные для разных восточноевропейских славянских групп, появились только в период экономической и политической раздробленности, начавшейся в XII в. и усугубленной татаро-монгольским нашествием. Если культурный облик всех восточных славян находится в зависимости от того его состояния, которое сложилось на днепровском Юге, значит, и языческие культуры не обладали местным своеобразием...

Этот взгляд не явился результатом какого-либо предшествующего исследования. Он был скорее методом, исходной точкой осмысления фактов. Фактов же науке явно не хватало. Поэтому, реконструируя общую картину жизни восточных славян, исследователи, исходившие из изложенного взгляда, к киевским материалам добавляли новгородские, к новгородским — суздальские и т. д. Когда же и русских источников не доставало, то охотно и с легкостью использовались польские, чешские, сербохорватские и т. д., коль скоро все славяне развиваются из одного корня и, следовательно, просто обязаны демонстрировать свое культурное единство.

Открытие берестяных грамот заставило усомниться в правильности такого взгляда и такого метода. Ведь вполне очевидно, что, для того чтобы получить правильное суждение о любом широком процессе, следует прежде всего разобраться, какие его детали имеют значение местного, особенного, а какие могут характеризоваться как общие. Приток новых источников позволил вести исследование не от заранее заданной концепции, а от анализа количественно увеличившихся фактов.

В первые годы сенсационного открытия берестяных грамот они привлекли внимание многих лингвистов, переживших период известного недоумения, так как во многих древнейших документах наблюдались такие языковые особенности, которые никак не укладывались в сложившуюся хрестоматийную схему истории русского языка. Преодолевались эти недоумения двумя способами. Одни исследователи были склонны считать авторов берестяных писем малограмотными. Другие заподозрили археологов в неумении достаточно точно датировать свои находки. Если в документе с археологической датировкой XII в., например, обнаруживались особенности, которые по упомянутой схеме считались возникшими не ранее конца XIII в., то такой документ с легкостью передатировался, невзирая на очевидную правильность археологического определения его времени. Каждый, кто видел культурный слой Новгорода в разрезе, знает, что, скажем, столетнему периоду соответствуют метровые, а то и полтораметровые напластования, плотно перемежающиеся деревянными настилами уличных и дворовых мостовых, слоями щепы и золы. Методом дендрохронологии культурные прослойки датируются с точностью до 15—20 лет, а перемещаться из одного слоя в другой без нарушения целостности прослоек ни берестяное письмо, ни любой другой древний предмет не способны.

Накопление многочисленных противоречий в древнейших берестяных письмах с хрестоматийной схемой развития языка позволило крупнейшему современному лингвисту А. А. Зализняку провести общий анализ всего корпуса открытых в Новгороде и в других русских городах берестяных документов. Результаты анализа заставили отказаться от привычных представлений. Выяснилось, что именно в древнейший период, в XI—XII вв., в наиболее очевидном виде существовал особый древненовгородский диалект, который более чем 20 признаками отличался от диалекта южной группы восточного славянства. Заметная часть этих признаков находит аналоги в языках славян, живших в южной Прибалтике (прежде всего в лехитских языках). Однако наиболее значительный признак этого диалекта оказался

таким, аналогии которому в славянских языках — и живущих, и известных только по средневековым текстам — отсутствуют.

Речь идет о переходе К в Ц, а Г в З в определенных случаях (например, вместо первоначального «кельй» современное «цельй», вместо «в Боге» — «в Бозе», «на реке» — «на реце» и т. д.). Все славянские языки пережили этот процесс, и только древненовгородского диалекта (в область которого входит и Псковщина) он не коснулся. Это значит, что в своем движении на земли русского Северо-Запада группа славян (носителей этого диалекта) оказалась в условиях изоляции от остальных славян. Славяне, жившие в среднем Поднепровье, такой процесс пережили, и, следовательно, не от них идет указанная особенность. Найти в Европе место временной остановки прановгородской группы славян — задача будущих археологических поисков. Но уже отмеченные аналогии указывают, что искать это место следует в областях, прилегающих с юга к Балтике, откуда славяне и пришли в Псковскую и Новгородскую земли, где они получили имена «кривичей» и «новгородских словен»⁴⁷.

Западные корни псковских и новгородских первоначальников подтверждаются данными курганной археологии⁴⁸ и антропологии; они ощущаются при сравнении наименований новгородских и польских деревень, новгородских и польских личных имен, восходящих к дохристианскому периоду. Изучение такого важного сюжета, как история весовых единиц и денежных систем, также показывает наличие в Древней Руси двух областей с различающимися приемами взвешивания и счета денег, что свидетельствует о существовании двух регионов с разной экономической и внешнеэкономической направленностью. Показательно, что южная денежно-весовая система ориентирована на византийскую литру, а северная — на западноевропейскую марку⁴⁹.

Иными словами, мы получили право утверждать, что две главные области Древней Руси обладали различающимися традициями, что в конечном счете способствовало и созданию на Руси двух форм средневековой государственности: в южной Руси возникли княжения, которым свойственна автократическая форма власти, режим монархии; в Новгороде и Пскове получил развитие вечевой строй, в системе которого князь занимал подчиненное положение по отношению к власти бояр, то есть родо-племенной аристократии.

Была ли Новгород колыбелью демократии? Одним из существенных вопросов истории Новгорода всегда было выявление степени демократизма его политического устройства. Во времена А. Н. Радищева и декабристов историки и публицисты видели в Новгородской республике оплот народовластия, антитезу монархии. На последующие поколения историков большое влияние оказало красочное изображение новгородского веча Н. М. Карамзиным в его повести «Марфа Посадница». Повесть начинается с рассказа о звоне вечевого колокола, на призыв которого собираются десять тысяч жителей Новгорода для обсуждения важнейших политических дел. Неоднократно высказывалась мысль о том, что в вечевом собрании участвовало все свободное взрослое население города — от бояр до простых ремесленников и мелких торговцев.

Эта проблема встала и перед археологией, которая в процессе раскопок способна установить размеры вечевой площади и, следовательно, составить представление об ее вместимости. Поскольку многочисленные показания летописей и актов определяли местонахождение главной вечевой площади XIII—XV вв. на Ярославовом дворище, около Никольского собора, этот район оказался в центре пристального внимания археологов еще в 1937 году. Раскопки велись здесь на протяжении нескольких лет, в последний раз в 1947—1948 годах. Было заложено 13 больших и малых раскопов, густой сеткой покрывших почти всю возможную территорию местонахождения этой площади. Однако везде, во всех слоях, в том числе и в напластованиях XIII—XV вв., здесь были обнаружены лишь остатки обычной жилой и хозяйственной застройки. Ни настилов мощеной площади, ни просто пустых пространств, которые могли быть использованы для размещения народного собрания, в исследованных раскопах не было.

Однако эти работы имеют и положительный результат. Поскольку местонахождение вечевой площади около Никольского собора документировано, значит, она находилась на той территории, которая еще остается неисследованной. Таким оказывается лишь один участок, занятый в настоящее время поздним западным при-

твором собора и стоящим напротив него двухэтажным зданием второй половины XIX века. Величина этого пространства составляет примерно 1200—1500 кв. м, то есть не превышает размеров боярской усадьбы. Сколько человек может разместиться на ней? Из показаний письменных источников, в том числе летописей, известно, что на вечевой площади стояла «степень» — трибуна для посадников и других руководителей республики, занимавших магистратские посты. Площадь также была оборудована скамьями. В одном летописном сообщении XIV в. рассказывается, что, провоцируя конфликт, жители одного из концов в доспехах, замаскированных верхней одеждой, подсади к своим безоружным противникам⁵⁰. Значит, участники веча сидели, а не стояли.

Принимая во внимание эти обстоятельства, можно утверждать, что состав вечевого собрания был сравнительно невелик — максимально 400—500 человек. Эта цифра близка к показанию немецкого источника 1331 г., называющего главный орган новгородской власти «300 золотых поясов»⁵¹. Возможно предположить, что такое наименование было традиционным и восходило к той поре, когда в Новгороде до последней трети XII в. было только три конца. В эту раннюю эпоху каждый конец, по-видимому, посылал на вече сотню своих представителей. С расширением числа концов сначала до четырех, а с последней четверти XIII в. до пяти пропорционально увеличивалось и число участников веча.

Приведенные цифры сопоставимы и с другим рядом явлений. Громадные боярские усадьбы, открытые на Неревском конце, существовали не только в нем. Точно такие же дворы были обнаружены в ходе раскопок во всех районах Новгорода, располагавших наиболее значительным культурным слоем. Сравнение этих данных с объемом таких территорий дает цифру, примерно равную 400—500. Если приведенное сопоставление справедливо, то мы получаем право говорить об узкосословном характере городского веча. Его участниками (представителями концов) были наиболее богатые дворовладельцы, прежде всего — бояре. Даже если это мнение требует какой-либо корректировки, представление о многолюдности городского веча, об участии в нем всего свободного населения Новгорода оказывается неверным.

В то же время выявляется наличие в Новгороде более высокой творческой инициативы народных масс, которая находит косвенное отражение, например, в широком развитии грамотности в среде ремесленников и торговцев. В прежние времена существовало устойчивое мнение, что в Древней Руси грамотными были лишь князья и попы, да и то далеко не все. Открытие берестяных грамот показало, что в отношении Новгорода это представление ошибочно. Авторами многих грамот были ремесленники, холопы, крестьяне и, что особенно показательно, женщины.

По-видимому, преимущества республиканского строя и его внешний демократизм покоились на иных основах. Одной из них могла быть гласность народного собрания. Хотя его полномочными участниками были богатейшие новгородцы, но работа веча шла под открытым небом, и люди, не имевшие официального права голоса на нем, все же располагали видимостью деятельного участия, когда криками порицания и похвалы реагировали на ход дебатов. Другая основа может быть связана с многоступенчатостью вечевого собрания. Кроме общегородского веча в Новгороде существовали кончанские и уличные вечевые собрания. Если общегородское представительное вече было по существу искусственным образованием, возникшим в результате создания межкончанской политической конфедерации, то низшие ступени веча генетически восходят к древним народным собраниям, и их участниками могло быть все свободное население концов и улиц. Именно они были важнейшим средством организации внутривнутриполитической борьбы боярства за власть, так как на них проще было разжигать и направлять в нужное боярам русло политические страсти их участников из всех социальных групп конца или улицы.

Что касается уличных вечевых собраний, то дважды во время раскопок (в Неревском и Людине концах) были обнаружены выгороженные для них участки на перекрестках улиц. В обоих случаях эти участки находились на боярской земле. В Неревском конце была исследована мощеная сосновыми плахами площадь, примыкающая к церкви Сорока мучеников. Существует летописное указание, что около этой церкви собиралось вече Неревского конца⁵².

Археология и прикладное искусство. Открытие мира средневекового новго-

родского прикладного искусства — одно из важнейших достижений археологии. До этого открытия великие шедевры зодчества, фресковой живописи, иконописи, которыми давно уже прославлен Новгород, выглядели прекрасными цветами, выросшими на пустыре. Красота шедевров казалась доступной немногочисленным ценителям, прежде всего самим художникам и зодчим, а также наиболее просвещенной верхушке духовенства и боярства. Извечное противопоставление каменного храма жалкой избе простого человека, оборачивающееся и противопоставлением средоточия художественных сокровищ в высших слоях общества некой бездуховности простого населения, особенно контрастным казалось именно в Новгороде. Раскопки обнаружили, что подобные рассуждения неверны. Прекрасное было органичным компонентом быта и простого горожанина. Стремление украсить любой предмет, употреблявшийся в повседневном быту, проявлялось многократно, и буквально каждый день раскопок приносит подтверждение этому.

До раскопок в Новгороде мы были лишены возможности видеть многообразие древнерусского прикладного искусства во всех его привычных средневековому человеку проявлениях. Виною тому — все та же хрупкость и практическая несохраняемость в земле подавляющего большинства предметов, служивших средневековому человеку. Прикладное искусство Древней Руси больше всего известно сегодня по находкам драгоценных — золотых и серебряных — ювелирных изделий в кладах, большинство которых было скрыто в земле в эпоху татаро-монгольского нашествия⁵³, а также по сохранившимся в церковных и монастырских ризницах культовым предметам. И в том, и в другом случае обстоятельства уберегли некий пласт художественного творчества, ориентированный на вкусы привилегированной части общества. Были ли другие пласты творчества подобны ему или же принципиально отличны? Ответить на этот вопрос стало возможно только после обнаружения в Новгороде массовых находок деревянных, костяных и кожаных художественных изделий.

Рассматривая их, мы видим, что и шедевры высокого искусства, и украшенная резьбой деревянная ложка или костяной гребень принадлежат к одному кругу явлений, порождены общим стремлением к красоте, потребностью выразить художественный вкус в образах, соответствующих обстановке. Однако и эта обстановка, и эти вкусы находились в постоянном движении, развиваясь вместе с обществом. Художественный вкус всегда произведен от мировоззрения, а общественные идеологические системы зависимы от десятков обстоятельств как внутренней жизни, так и воздействия на нее внешних сил. Если с течением времени изменяются самые формы используемых человеком вещей, то в не меньшей степени варьируется и их художественный облик. Поэтому проблема датирования массовых находок древних художественных предметов для выяснения динамики и тенденции развития прикладного искусства так же важна, как проблема датирования любых предметов для изучения истории ремесла, техники и всей системы социальных отношений. Благодаря стратиграфической четкости культурного слоя Новгорода все категории найденных в нем художественных предметов обретают каждая свою собственную хронологическую шкалу, которая имеет не только относительный, но и абсолютный характер.

Одним из следствий открытия берестяных грамот стала, как известно, возможность более детальной социальной характеристики раскапываемых усадеб. Поэтому художественные предметы, найденные на этих усадьбах, могут быть классифицированы по их социальной принадлежности, что чрезвычайно важно для выяснения возможной ориентации прикладного искусства на разные слои общества. Уже сейчас очевидно, что такая ориентация существовала, но она проявлялась в материале и, следовательно, в цене предмета, но не в принципах орнаментации и не в художественных образах оформления.

Иллюстрацией этому может служить наблюдение над художественными предметами XI и XII веков. На первую половину XII в. падает существенный перелом в экономике Новгорода (как, впрочем, и в экономике всей Древней Руси). Если прежде ремесленники работали на заказ, учитывая при оформлении своей продукции пожелания и вкусы заказчика, и изготавливали виртуозно исполненные технически и художественно драгоценные украшения приемами скани, зерни, перегородчатой эмали, то начиная с XII в. их деятельность ориентирована в первую очередь на рынок. Продукция их становится стандартной. Кропотливые технические

приемы сменяются упрощенными, имитационными; основой технологии становится литье, лишь воспроизводящее внешние особенности предметов более ранней поры. Естественно, что драгоценные предметы встречаются в комплексах богатых боярских усадеб, а стандартные — повсеместно. Но и те, и другие опираются на единый арсенал художественных образов и эстетических представлений.

С помощью достоверной хронологии решаются и проблемы, далеко выходящие за пределы собственно новгородской истории прикладного искусства. Хорошо известна разница в убранстве средневековых каменных храмов Владимиро-Суздальской земли и Новгорода. Владимирские церкви XII и начала XIII в. покрыты коврами каменной резьбы, в которых причудливые орнаменты обрамляют не только фигуры святых, но и изображения птиц и зверей, фантастических животных и небывалых цветов. Стены же новгородских церквей украшены скупо — сама поверхность кладки из чередующихся слоев плинфы и известки или из розового ильменского ракушечника служит им украшением. Эта разница, как всегда казалось, говорит о различиях в характере русских людей, обитавших в разных областях, порождая мысли о суровости новгородца, жившего среди болот и сырых лесов, на опасном краю Русской земли. Изначальность каменной резьбы владимирских церквей долгое время оставалась искусствоведческой и исторической загадкой. Как мог возникнуть ее стиль? Исследователи вспоминали летописное сообщение о том, что владимирский князь Андрей Боголюбский призывал к своему двору художников из далеких стран, и искали корни этого стиля в других землях — от Италии до Армении.

Раскопки в Новгороде решили эту загадку, перечеркнув и возникшее было представление о примитивной простоте и суровости рядового новгородца. Оказалось, что многие деревянные предметы, повседневно служившие человеку, украшены такой же причудливой и тонкой резьбой, как и стены владимирских храмов. В слое начала XII в. были найдены уцелевшие дубовые колонны здания, построенного еще в XI, а может быть и в X столетии. На них в окружении подобной резьбы оказались изображения кентавра и грифона — двойники владимирских⁵⁴. Однако новгородские изображения на 150—200 лет старше владимирских. Следовательно, этот загадочный стиль возник не за рубежами Руси, а на славянской почве. И там, где не было подходящего камня, достаточно пластичного чтобы воспринять линии сложного рисунка, пользовались главным поделочным материалом прошлого — деревом. Во Владимире, очевидно, резали и на камне и на дереве, но деревянные предметы там не сохраняются в земле. В Новгороде резали на дереве, а не на камне потому, что строительный материал храмов этого города — ильменский известняк — рыхл и не приспособлен для резьбы в отличие от владимирского плотного и пластичного белого камня.

Тема соотношения в новгородском прикладном искусстве мира древних традиционных языческих образов и мира новых, христианских идей — одна из основных в осмыслении художественных предметов из раскопок Новгорода. Древнейшие горизонты его культурного слоя охватывают X в., то есть еще не потревоженную языческую эпоху. Новгородец жил тогда в окружении своих деревянных богов, созданных его пантеистическим мирозерцанием. На припечках в его домах стояли деревянные домовые, добрые духи, охранители очага, на столах — ковши, в очертаниях которых глаз легко угадывает плавные формы водоплавающих птиц, отражающие древние тотемистические представления. Но ручки этих ковшей, как и воинские доспехи, украшены страшными мордами хищных чудовищ, отгоняющих от их владельцев силы зла. И в причудливой орнаментике бытовых вещей, будь то гребень, рукоятка ножа или деталь архитектурного декора, присутствуют простые и сложные идеи, семантически воплощенные в орнаменте.

Однако и обратившись к более поздним вещевым комплексам той эпохи, когда христианство обрело под собой прочный общественный фундамент, мы постоянно встречаем тех же домовых, тех же птиц и тех же хищных животных. Художественные образы языческой поры продолжали жить. Отраженные ими мировоззренческие идеи, естественно, деформировались, но сохраняли неизменной свою основу. И обратившись к церковным проповедям даже XVI в., мы найдем в них яростное осуждение тех остатков языческой веры, которые казались крайне опасными христианской церкви даже спустя пять или шесть веков после крещения Руси.

Отмеченное явление прослеживается и в текстах берестяных грамот. Дважды

обнаружены в слоях XII и XIII вв. заговоры против лихорадки, которые языческий по своей сути призыв обращают к небесным силам христианства — ангелам, архангелам и Богородице. Характер преследуемого церковными проповедями амулета носит записанный зеркально псалом, который, таким образом, превращен как бы в антипсалом, в антимолитиву.

Двоеверие постоянно и упорно проявляется в предметах прикладного искусства древнего Новгорода. Вероятно, самыми выразительными его свидетельствами являются «змеевики», заметное число находок которых впервые получило твердые даты. Найденные в слоях XII—XV вв. «змеевики» представляют собой круглые шейные медальоны, на одной стороне которых изображена христианская эмблема (чаще всего архангел, но также св. Георгий или Богоматерь), а на оборотной — модификация образа Медузы Горгоны с заклинанием против злых сил. Типичный памятник двоеверия был целесообразно прост. К языческому или христианскому богу с его помощью можно было обратиться в зависимости от обстоятельств, только повернув его нужной стороной. И не случайно два таких «змеевика» (отлитые в одной форме) были найдены в слоях XII в. на усадьбе священника: церковь предписывала срывать подобные амулеты с прихожан. Сродни «змеевикам» и другая находка: неолитическое кремневое копье — «громовая стрела», символ языческого Перуна, — было подобрано новгородцем первой половины XIV в. на древней стоянке, но эта находка была оправлена в бронзовую обойму с изображением процветшего креста⁵⁵.

Не менее важным является еще одно направление в исследовании новгородского прикладного искусства в связи с археологическими открытиями. Новгород возник в сложной этнической среде. В его создании наряду с пришедшими на русский Северо-Запад славянами активно участвовали местные «чуждые» племена угро-финнов. Коллекции найденных при раскопках Новгорода древних вещей демонстрируют изобилие украшений и других предметов «чуждого» круга. Особенно выделяются многочисленные шумящие бронзовые привески в форме уточек, лошадок и стилизованных животных, снабженные подвешенными на цепочках бубенчиками. Но эти предметы, как показали остатки их производства, изготавливались в больших количествах в самом Новгороде, и, очевидно, не только в расчете на их сбыт в области преимущественного расселения карел, ижоры или вепсов, но и на спрос в самом Новгороде. Именно в украшениях динамичнее всего проявляется культурная связь соседствующих народов. Но если древо новгородской культуры едино, то питающие его корни растут из разноэтничной почвы, и выяснить пути формирования этой культуры — привлекательная задача современного искусствоведения, помочь решить которую способны многочисленные археологические находки.

Не менее интересен вопрос о дальних культурных воздействиях. Среди художественных предметов, найденных в Новгороде, немало таких, которые были привезены издалека. Если влияние византийского искусства имело под собой мощную опору в идеологии христианства, а аксессуары культа прямо ориентировались на византийские образцы, то ввоз в Новгород художественных предметов из других стран определяется системой торговых связей, немислывых без сопутствующего им культурного обмена. До недавнего времени набор сохранившихся в ризницах новгородских храмов западноевропейских предметов прикладного искусства был сравнительно невелик. Наиболее известным комплексом среди них были лиможские эмали, приписанные в XVII в. жившему в Новгороде в первой половине XII в. св. Антонию Римлянину⁵⁶. Раскопки заметно дополнили собрание таких вещей. К числу шедевров французского прикладного искусства относится костяная рукоятка с вырезанной на ней в XIV в. сценной штурма рыцарями Замка Любви. Следует упомянуть также иконку-литик итальянского мастера XIII в. с изображением Богоматери. Встречаются при раскопках и художественные вещи, изготовленные на мусульманском Востоке. Среди них не только разнообразные красивые бусы из стекла и стеклянная посуда с арабскими благопожелательными надписями, но и великолепный медный сосуд X в., ручка которого украшена изображением сидящей птички⁵⁷.

Открытие мастерской древнерусского художника. В отличие от западноевропейской русская средневековая живопись анонимна. Источники сохранили имена лишь нескольких самых прославленных художников, и исследователи до сих пор

ведут трудные дискуссии, пытаясь установить их авторство среди тех произведений иконописи и фресковой живописи, которые сохранились до наших дней. Всего лишь несколько десятилетий назад выдающийся русский художник и знаток древнерусского искусства И. Э. Грабарь сетовал на непреодолимую анонимность средневековой русской живописи: «Памятники древнейших эпох почти всегда безымянны, и нет никакой надежды установить когда-либо имена безвестных мастеров, расписавших фресками русские храмы XI, XII и XIII веков». Так ли это?

В 1973—1977 гг. в ходе раскопок на Софийской стороне Новгорода, неподалеку от кремля (Троицкий раскоп), в слоях конца XII — начала XIII в. была исследована усадьба, принадлежавшая художнику. Здесь найдены разнообразные краски, минералы-красители, тигли для термического производства лаков и киновари, поливные глиняные чашечки для растирания красок. В большом количестве обнаружены также мелкие куски янтаря, необходимого для приготовления олифы, и сотни фрагментов южной керамической тары, в которой доставляли в Новгород оливковое масло. Среди находок оказались 15 заготовок небольших иконок. Все эти остатки концентрировались внутри и около большого (площадью свыше 100 кв. м) деревянного здания, в пристройке к которому был обнаружен значительный запас охры. Здание явно производственного назначения определяется как художественная мастерская, в которой мастер работал со своими помощниками и подмастерьями. Помимо свидетельств иконописания здесь же были выявлены следы побочного производства — изготовления иконных окладов, представленных в находках и готовыми образцами, и отходами.

Берестяные грамоты в этом комплексе встречались в изобилии (их на исследованной усадьбе найдено свыше 30), и они назвали имя художника, владельца мастерской. Его звали Олисеем-Гречином. Сохранились образцы адресованных ему заказов. Из грамоты № 549 видно, что заказывали не только домовые, но и храмовые иконы, они нужны были для «деисуса» (иконостаса). В грамоте № 588 речь идет о том же заказе: «От попа Мины к Гречину. Будь здесь к Петрову дню с иконами „Серафимами“». Поп, которого звали Миной, торопит художника с окончанием работы над заказанными ему иконами с изображением шестикрылых ангелов.

Среди найденных на этой усадьбе грамот около 20 текстов вызывали серьезные недоумения. В них содержались только имена в канонической форме, т. е. не мирские, а крестильные — такие, какие фигурируют в православных календарях. Поначалу эти тексты посчитали церковными поминаниями — списками лиц, о здравии или за упокой которых надлежало молиться в церкви. Ведь особенности бытового инвентаря этой усадьбы говорили, что Гречин был не только художником, но и священником. Однако странным казалось то, что в берестяных списках всегда был разнобой в падежных окончаниях. Вот, например, грамота № 506: «Петр — Иоанна; Мариамна, Анна — Георгия; Феодор — Прокопия; Евдокия — Иоанна Рождество...» Правильное истолкование всей этой группы загадочных надписей было получено в 1982 г. находкой грамоты № 602, из текста которой выяснилось, что такой список — не что иное, как чередование имен заказчиков и названий заказанных ими сюжетов. Так, в приведенной выше грамоте № 506 Петр заказывает икону с изображением св. Иоанна, Мариамна и Анна — с изображением св. Георгия и т. д.

Само по себе открытие мастерской средневекового художника стало важным событием в археологии. Впервые объектом искусствоведческого анализа сделались не сами произведения древнерусской живописи, а реальная обстановка их создания. Однако как и прежде главное внимание продолжает привлекать личность художника, работавшего в этой мастерской, тем более что берестяные грамоты сообщили его имя.

Обращение к летописи дает некоторые дополнительные сведения о нем. Гречин дважды упоминается в летописных сообщениях 90-х годов XII века. В 1193 г., он, будучи заметной фигурой в новгородском священстве, участвовал в жеребьевке на пост архиепископа, которая окончилась не в его пользу. А в 1196 г. летопись упоминает некоего художника Гречина Петровича, расписавшего фресками церковь Положения ризы Богородицы на воротах Детинца⁵⁸. Пока не была обнаружена усадьба Гречина, бывшего одновременно и священником, и художником, никому не приходило в голову отождествить Гречина 1193 г. с Гречином Петровичем 1196 года. Между тем на той же усадьбе, в более ранних ее слоях, были най-

дены берестяные грамоты, адресованные некоему Петру, в котором теперь может быть опознан отец Олисея-Гречина. К сожалению, церковь Положения ризы с ее фресками не сохранилась; она разрушилась в 1745 г., когда рухнула Пречистенская башня с примыкавшей к ней надвратной церковью. И тем не менее задача отыскать сохранившиеся до нас работы Олисея-Гречина Петровича остается реальной. Искать эти работы возможно в двух сферах древнерусской живописи: среди произведенный станкового искусства и во фресковых композициях.

Направление одного из поисков дает общее определение принадлежности того комплекса усадеб, в состав которого входила усадьба Гречина. Жившие в ней священники получили ее от владельцев большого участка, когда те построили в 1151 г. церковь Василия Парийского (она находилась рядом с усадьбой Гречина). Имена владельцев всего участка были определены. Ими оказалась знаменитая в новгородской истории семья боярина и посадника Мирошки Несдинича. Из летописи известно, что в 1191 г. брат Мирошки Внезд, усадьба которого располагалась в пределах того же боярского комплекса, принял участие в возобновлении церкви Святого Образа, находившейся рядом с церковью св. Василия Парийского⁵⁹. Между тем, как это доказывает искусствовед Г. И. Вздорнов, именно из этой церкви происходит одна из самых знаменитых икон Новгорода — двусторонний образ с изображением на одной стороне композиции «Поклонение Кресту», а на другой — «Спаса Нерукотворного». Эта икона, ныне находящаяся в Успенском соборе Московского Кремля, датируется концом XII в. и, вероятно, связана с возобновлением церкви Святого Образа в 1191 г., будучи ее главной храмовой иконой. Логично думать, что заказать ее Внезд Несдинич мог, скорее всего, художнику, работавшему в его семье, поскольку Гречин жил в усадьбе, принадлежащей Несдиничам.

Вздорнов относит к концу XII в. лишь ту сторону иконы, которая изображает «Поклонение Кресту», полагая, что другая сторона написана гораздо раньше (сам храм Образа упоминается в источниках еще 30-х годов XII в.). В то же время композиция «Поклонение Кресту» «по ее грубоватой экспрессии, а также по ее чрезвычайно сочной живописной манере письма» сближена исследователем со знаменитыми нередицкими фресками 1199 г.⁶⁰, и это дает еще одно направление поискам дошедших до нас подлинных произведений Гречина Петровича. Выдающийся знаток средневекового искусства В. Н. Лазарев называл росписи Спас-Нередицы крупнейшим средневековым живописным ансамблем не только в России, но и во всей Европе. «Кто не имел счастья видеть фрески Нередицы, — писал он, — тому трудно составить достаточно полное представление о монументальной живописи средних веков»⁶¹.

Нередицкие фрески были варварски разрушены фашистами во время оккупации Новгорода, сохранились лишь небольшие фрагменты этого ансамбля. Однако он внимательно изучался исследователями в предвоенные годы. Установлено, что над созданием нередицкого ансамбля одновременно работали не менее шести, а возможно, и десять мастеров, которые составили артель, возглавлявшуюся главным художником⁶². Поскольку этот срочный заказ привлек столь значительное количество живописцев, логично думать, что в артель вошли практически все новгородские мастера, владевшие техникой фрески. Нет ли среди них Гречина? Такой вопрос тем более уместен, коль скоро живописная манера Нередицы сродни его возможному произведению — иконе «Поклонение Кресту».

Выяснилось, что главный мастер Нередицы, помимо исполнения им 31. чительного числа фресок, своей рукой написал или в ряде случаев исправил все надписи в нижних ярусах алтаря, где они были наиболее обозримы. Ошибки, допущенные им в этих надписях, оказались сходными с ошибками в берестяных автографах. Однако главное состоит в другом. Ряд особо обозначенных композиций во фресковом ансамбле Нередицкой церкви имеет ктиторовское значение: в них изображены святые покровители тех лиц, которые имели отношение к созданию храма и его росписей. В частности, очевидное хронологическое значение имеют изображения святых Мартирия, Никифора и Георгия. Они соответствуют трем высшим иерархам новгородской церкви, занимавшим свои высокие посты во время строительства и росписи Спас-Нередицкого храма: Мартирием звали новгородского архиепископа, Никифором — киевского митрополита, Георгием — константинопольского патриарха. Но эти три изображения дополняются еще и изображением св. Мины.

Хорошо известно, что Миной звали какого-то священника, заказывавшего Гречину иконы для своей, по-видимому, только что построенной церкви. Не был ли Мина священником именно Нередицкой церкви, только что созданной и украшавшейся фресками и иконами?

В ряду тех же ктиторских изображений имеется и изображение св. Елисея. Образ св. пророка Елисея обычно изображался в пророческом ряду фресковых ансамблей. Есть такое изображение и в Нередице на привычном для него месте. Однако другое изображение того же Елисея необычно и может быть истолковано как образ небесного патрона главного художника фрескового ансамбля⁶³.

Уже после того как эти соображения были опубликованы, обнаружился еще один аргумент в пользу высказанной гипотезы. В ансамбле нередицких фресок имеются две композиции, обладающие индивидуальностью художнического замысла. Это редчайшая композиция Богоматери Халкопратийской в алтаре и процветший крест в замке алтарной арки. Изображение процветшего креста очень распространено в памятниках XII в., однако каждый мастер стремился по-своему орнаментировать его. В ходе раскопок удалось найти тот образец, с которого копировались обе композиции. Им оказалась свинцовая вислая печать XI или начала XII в., обнаруженная в не соответствующем для нее слое, а именно на усадьбе Олисея-Гречина⁶⁴. Разумеется, эти соображения — лишь гипотезы. Но сам путь преодоления анонимности древних живописных изображений уже нащупан, и будущее сулит немало важных открытий на этом пути.

Примечания

1. КОЛЧИН Б. А. Дендрохронология Новгорода. — Материалы и исследования по археологии СССР (МИА), 1963, № 117; е г о ж е. Дендрохронология построек Неревского раскопа. — Там же, № 123; КОЛЧИН Б. А., ЧЕРНЫХ Н. Б. Дендрохронология Восточной Европы. М. 1977.
2. АРЦИХОВСКИЙ А. В., ТИХОМИРОВ М. Н. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М. 1953, грамоты №№ 1—10; АРЦИХОВСКИЙ А. В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М. 1954, №№ 11—83; АРЦИХОВСКИЙ А. В., БОРКОВСКИЙ В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.). М. 1958, №№ 84—136; и х ж е. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М. 1958, №№ 137—194; и х ж е. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.). М. 1963, №№ 195—318; АРЦИХОВСКИЙ А. В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958—1961 гг.). М., 1963, №№ 319—405; АРЦИХОВСКИЙ А. В., ЯНИН В. Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962—1976 гг.). М. 1978, №№ 406—539; ЯНИН В. Л., ЗАЛИЗНЯК А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 гг.). М. 1986, №№ 540—614; и х ж е. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984—1989 гг.). М. 1992, №№ 615—710.
3. КОЛЧИН Б. А., ХОРОШЕВ А. С., ЯНИН В. Л. Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981.
4. ЯНИН В. Л. Новгородская феодальная вотчина (Историко-генеалогическое исследование). М. 1981, с. 7—57.
5. КОЛЧИН Б. А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (Домонгольский период). — МИА, 1953, № 32; ИЗЮМОВА С. А. Из истории кожевного и сапожного ремесел Новгорода Великого. — МИА, 1959, № 65; КОЛЧИН Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. — Там же; НАХЛИК А. Ткани Новгорода. — МИА, 1963, № 123; РЫНДИНА Н. В. Технология производства новгородских ювелиров X—XV вв. — Там же, № 117; ЩАПОВА Ю. Л. Стекланные изделия древнего Новгорода. — Там же; е е ж е. Стекло Киевской Руси. М. 1972.
6. РЫБИНА Е. А. Археологические очерки истории новгородской торговли X—XIV вв. М. 1978.
7. Подробнее см.: ЯНИН В. Л. Находка польского свинца в Новгороде. — Советская археология (СА), 1966, № 2.
8. КОЛЧИН Б. А., ЯНИН В. Л. Археологии Новгорода 50 лет. — Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М. 1982, с. 122—125.
9. ЯНИН В. Л. Новгородская феодальная вотчина, с. 54—55.
10. Там же, с. 58—117.
11. ЯНИН В. Л., ЗАЛИЗНЯК А. А. Ук. соч., с. 62—67, 72.
12. РЫБАКОВ Б. А. Ремесло древней Руси. М. 1948, с. 729—776; ТИХОМИРОВ М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М. 1955, с. 49—56.
13. ЯНИН В. Л. Новгородская феодальная вотчина, с. 200—256.

14. Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л. 1950, с. 175.
15. ЯНИН В. Л. Археологический комментарий к Русской Правде. — Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода.
16. Новгородская Первая летопись, с. 39, 230.
17. Там же, с. 32, 220.
18. Там же, с. 21, 205.
19. Былины Печоры и Зимнего Берега. М.—Л. 1961, с. 112; РЫБАКОВ Б. А. Древняя Русь: сказания, былины, летописи. М. 1963, с. 126.
20. Новгородская Первая летопись, с. 68, 274.
21. АРЦИХОВСКИЙ А. В., ЯНИН В. Л. Ук. соч., с. 124—127.
22. ЯНИН В. Л. Новгородские посадники. М. 1962, с. 62—72.
23. АРЦИХОВСКИЙ А. В., ЯНИН В. Л. Ук. соч., с. 130—134.
24. КУШНИР И. И. К топографии древнего Новгорода. — СА, 1975, № 3; ЯНИН В. Л., КОЛЧИН Б. А. Итоги и перспективы новгородской археологии. В кн.: Археологическое изучение Новгорода. М. 1978, с. 18.
25. СИМОНОВ Р. А. Кирик Новгородец — ученый XII века. М. 1980, с. 98—99.
26. АЛЕШКОВСКИЙ М. Х., КРАСНОРЕЧЬЕВ Л. Е. О датировке вала и рва Новгородского острога (В связи с вопросом о формировании городской территории). — СА, 1970, № 4.
27. ЯНИН В. Л., КОЛЧИН Б. А., ЕРШЕВСКИЙ Б. Д., АЛЕШКОВСКИЙ М. Х. Новгородская экспедиция. В кн.: Археологические открытия 1972 г. М. 1973, с. 48.
28. АРЦИХОВСКИЙ А. В. Раскопки на Славне в Новгороде. — МИА, 1949, № 11.
29. ЯНИН В. Л., АЛЕШКОВСКИЙ М. Х. Происхождение Новгорода (К постановке проблемы). — История СССР, 1971, № 2.
30. ПСРЛ. Т. 1, вып. 1. Л. 1926, стб. 19—20; т. 2. СПб. 1908, стб. 14.
31. Новгородская Первая летопись, с. 20, 204.
32. СТРОКОВ А., БОГУСЕВИЧ В. Новгород Великий. Л. 1939, с. 248—249.
33. ВОРОНОВА М. А. Раскопки у Лихудова корпуса в Новгородском кремле. В кн.: Новгород и Новгородская земля. История и археология (Тезисы научно-практической конференции). Новгород. 1988, с. 74—75.
43. КОЛЧИН Б. А., ХОРОШЕВ А. С. Михайловский раскоп. В кн.: Археологическое изучение Новгорода, с. 141.
35. КОНСТАНТИН БАГРЯНОРОДНЫЙ. Об управлении империей. М. 1989, с. 44—45, комментарии на с. 310.
36. ВОРОНОВА М. А. Ук. соч., с. 73—75.
37. ДЖАКСОН Т. Н. Наименование древней Руси и Новгорода в древнескандинавской письменности. — Скандинавский сборник, 1986, вып. 30.
38. ГРЕКОВ Б. Д. Революция в Новгороде Великом в XII веке. — Ученые записки Института истории РАНИОН, 1929, т. 4.
39. РЫБАКОВ Б. А. Первые века русской истории. М. 1964, с. 157—161.
40. Новгородская Первая летопись, с. 19, 203.
41. ЯНИН В. Л. Актовые печати древней Руси. Т. 1—2, М. 1970.
42. НОСОВ Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л. 1990.
43. ЯНИН В. Л. Новгородские посадники, с. 54—62.
44. РЫБИНА Е. А. Из истории южного импорта в Новгород. — СА, 1971, № 1; е е же. Археологические очерки истории новгородской торговли X—XIV вв., с. 46—47.
45. Новгородская Первая летопись, с. 106.
46. Там же, с. 107
47. ЗАЛИЗНЯК А. А. Значение новгородских берестяных грамот для истории русского и других славянских языков. — Вестник Академии наук СССР, 1988, № 8.
48. СЕДОВ В. В. Начало славянского освоения территории Новгородской земли. В кн.: История и культура древнерусского города. М. 1989.
49. ЯНИН В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М. 1956.
50. Новгородская Первая летопись, с. 366.
51. Памятники истории Великого Новгорода. М. 1909, с. 78, № XI.
52. Новгородская Первая летопись, с. 58, 259, 355.
53. КОНДАКОВ Н. Русские клады. Исследование древностей великокняжеского периода. Т. 1. СПб. 1896; ГУЩИН А. С. Памятники художественного ремесла древней Руси X—XIII вв. М.—Л. 1936; КОРЗУХИНА Г. Ф. Русские клады XI—XIII вв. М.—Л. 1954.
54. АРЦИХОВСКИЙ А. В. Колонна из новгородских раскопок. — Вестник Московского университета, серия Общественные науки, 1954, № 4.

55. СЕДОВА М. В. Амулет из древнего Новгорода. — СА, 1957, № 4.
56. ДАРКЕВИЧ В. П. Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X—XIV вв.). В кн.: Археология СССР: Свод археологических источников, вып. Е1—57. М. 1966, с. 31—32, № 52—54.
57. КОЛЧИН Б., ЯНИН В., ЯМЩИКОВ С. Древний Новгород. Прикладное искусство и археология. М. 1985, с. 79, 87, 140.
58. Новгородская Первая летопись, с. 232, 42.
59. Там же, с. 39, 230.
60. ВЗДОРНОВ Г. И. Лобковский пролог и другие памятники письменности и живописи Великого Новгорода. В кн.: Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. М. 1972.
61. ЛАЗАРЕВ В. Н. Живопись и скульптура Новгорода. В кн.: История русского искусства. Т. 2. М. 1954, с. 96.
62. АРТАМОНОВ М. И. Мастера Нередицы. — Новгородский исторический сборник, 1939, вып. 5, с. 33—47.
63. КОЛЧИН Б. А., ХОРОШЕВ А. С., ЯНИН В. Л. Ук. соч., с. 156—157.
64. ЯНИН В. Л. К проблеме авторства нередицких фресок. — Памятники культуры. Новые открытия. Письменность, искусство, археология. Ежегодник 1987. М. 1988.

Вступление Италии во вторую мировую войну

А. Виноградов

10 июня 1940 г. в Риме, на площади Венеции Б. Муссолини объявил о вступлении Италии во вторую мировую войну. К этому времени Франция уже была разгромлена и капитулировала, а Великобритания потерпела поражение под Дюнкерком. Италия, не являясь участником этих событий, оказалась все же вовлеченной в них. Что побудило Муссолини, с сентября 1939 г. провозгласившего Италию «невоюющей стороной» (такая позиция давала ей очевидные преимущества и сулила бесспорные выгоды в будущем), ввязаться в мировой конфликт, приведший, в конечном итоге, итальянский фашизм к военно-политическому краху?

Вступлению Италии в войну предшествовало заключение Римом и Берлином военно-политического союза («Стального пакта»), причем инициатива исходила от итальянской стороны. Примечательно, однако, что еще в ходе миланской встречи министров иностранных дел двух фашистских держав — Г. Чиано и И. Риббентропа — 6—7 мая 1939 г., непосредственно предварявшей подписание договора, зять дуче, никогда не питавший к нацистам особых симпатий и первоначально явно склонный затянуть переговоры, вдруг пошел на существенные уступки. Он снял неоднократно выдвигавшиеся Италией требования относительно конкретного определения внешнеполитических целей обоих государств, о четком разграничении «сфер влияния» на Балканах и в Дунайском бассейне, о германской гарантии окончательного характера границы в районе Бреннера, и перестал настаивать на включении в текст договора специальной статьи, обязывавшей обоих партнеров не начинать войны ранее истечения трехлетнего срока с момента подписания союза.

Подписывая 22 мая 1939 г. в Берлине союзный договор, итальянские дипломаты упустили из виду ту самую ст. 3, на изъятии которой они еще недавно настаивали. А она гласила: «Каждая из сторон немедленно выступит на помощь другой всей совокупностью своих сухопутных, морских и воздушных сил, если та окажется в состоянии войны»¹, — и не содержала даже намека на обязательство придерживаться трехлетней отсрочки начала военных действий в Европе против кого бы то ни было. По существу именно это «сделало Италию безропотной заложницей Гитлера и почти лишило ее элементарной свободы действий»².

Вскоре после подписания «Стального пакта» дуче командировал в Берлин с личным закрытым посланием от 30 мая маршала У. Каваллеро, известного своими давними и устойчивыми прогерманскими симпатиями (в декабре 1940 г. состоялось его назначение на пост начальника Генерального штаба). В ходе встреч с Гитлером, В. Кейтелем, Ф. Гальдером и другими политическими и военными руководителями третьего рейха римский эмиссар акцентировал внимание своих собеседников на точке зрения Муссолини, изложенной в его послании: «Две державы «оси»

нуждаются не менее трех лет в мирном периоде, и только начиная с 1943 г. боевые действия будут иметь наибольшие шансы на успех... Италия... располагает весьма скромными техническими средствами, незначительными промышленными возможностями и ограниченными природными ресурсами»³. Действительно, военно-индустриальный потенциал Италии был сравнительно невелик. Но именно это и стало для дуче аргументом для оправдания статуса Италии как «невоюющей стороны» и одновременно — для выторговывания немецкой помощи как условия вступления ее в войну.

В канун нападения Германии на Польшу дуче, ссылаясь на нехватку сырья и военных материалов, сообщил Гитлеру в послании от 25 августа о «почти полной неподготовленности» Италии к открытию военных действий. Фюрер тут же затребовал список пожеланий своего партнера и был изумлен: итальянцы просили обеспечить их срочными поставками сырья и боевой техники, оружия и снаряжения общим объемом... 170 млн. т, для транспортировки которых пришлось бы выделить 17 тыс. поездов!⁴ Правда, посол Италии в Берлине Б. Аттолико впоследствии раскрыл «секрет»: список был так чудовищно раздут именно для того, чтобы немцы, вынужденные отказать своему партнеру в помощи, дали бы итальянской стороне предлог уклониться от участия в войне.

Британский историк Ф. В. Дикин, объясняя решение дуче пока остаться в стороне, справедливо отмечал: «В этот момент он хотел лишь одного: как можно надежнее укрепить стратегические позиции Италии в бассейне Средиземноморья и в Северной Африке, в максимальной мере воспользоваться плодами своего вмешательства в Испании, освоить захваченную Албанию. Его отнюдь не прельщала малозаманчивая и рискованная перспектива очутиться в положении вовлеченного в европейскую войну помимо своей воли лишь ради мгновенного поглощения Польши Германией. Несмотря на систематическую и безудержную публичную похвалу и частые громогласно угрожающие заявления, он как никто другой прекрасно сознавал и политическую, и экономическую, и военную немощь и уязвимость своей дутой империи»⁵. Действительно, состояние вооруженных сил Италии явно не соответствовало приукрашенным официальным данным.

К апрелю 1940 г. ее сухопутные войска, сведенные в 74 дивизии, насчитывали 1580 тыс. рядовых и унтер-офицеров и 53 тыс. офицеров⁶, лишь 19 дивизий были полностью укомплектованы, 34 — недоукомплектованы, но боеспособны и 21 — малобоеспособна. Заявление Муссолини, что «Италия готова в любой момент выставить 8 млн. штыков»⁷, оказалось на поверку блефом. «Добровольческая милиция национальной безопасности»⁸ — военные формирования фашистской партии численностью свыше 800 тыс. человек, располагали лишь стрелковым оружием и легкой артиллерией и имели весьма посредственную подготовку. На общем фоне выделялись лишь корпуса альпийских стрелков и берсальеров, обладавшие несравненно более высокой боевой выучкой и моральным духом. Пять итальянских альпийских дивизий считались лучшими в Европе⁹.

Военно-техническая оснащенность итальянской армии не выдерживала сравнения с вооруженными силами Германии, Франции и Великобритании. Во-первых, ее характеризовал весьма низкий уровень моторизации. Ввиду почти хронической нехватки грузовиков и бронетранспортеров солдат приучали к 40-километровым маршам-броскам, чтобы преодолевать расстояние в 150—160 км за 5 дней. Во-вторых, в ее оснащении некоторые типы и виды оружия, снаряжения и боевой техники сохранялись еще с первой мировой войны. Основным оружием пехотинца была винтовка с штыком образца 1891 г., модернизированная в 1924 и 1938 годах. Автоматы начали поступать в армию в массовом количестве только к весне 1943 года. В артиллерии подавляло 26 тыс. орудий, а производили их всего 700 в год. Танковый парк в подавляющей массе состоял из танкетки, прозванной солдатами «банкой из-под сардин». Она имела один пулемет, тонкую, легко пробиваемую броню и двигатель, заводившийся только снаружи. Лишь к концу 1940 г. было налажено производство среднего танка, вооруженного пушкой и двумя пулеметами и защищенного толстой броней¹⁰. Тяжелых танков в итальянской армии вообще не было, если не считать сконструированный к осени 1942 г. танк, изготовленный в нескольких десятках опытных экземпляров.

Немногим лучше обстояло дело и с авиацией. Из всех видов вооруженных сил она, пожалуй, наиболее рельефно отражала рекламную позолоту и эффектную

показуху, присущие «черному» 20-летию итальянского фашизма. Фактически Италия имела в общей сложности 1796 самолетов (783 бомбардировщика, 594 истребителя и штурмовика и 419 разведчиков)¹¹, но многие из них представляли собой уже изрядно устаревшие типы. Наиболее распространенным вплоть до 1942 г. оставался архаичный истребитель-биплан с двумя пулеметами, стрелявшими через винт. Других, более совершенных моделей было меньше, к тому же они были слабо вооружены. Правда, имелся хорошо зарекомендовавший себя средний бомбардировщик.

Итальянский флот по общему количеству кораблей, их суммарному водоизмещению и совокупной огневой мощи артиллерийского и минно-торпедного вооружения занимал в начале июня 1940 г. пятое место в мире, уступая флотам Великобритании, США, Японии и Франции¹². Он насчитывал 6 линейных кораблей, 7 тяжелых крейсеров, 12 легких, 59 эсминцев, 67 миноносцев, 115 подводных лодок, 66 торпедных катеров и противолодочных катеров-охотников¹³. Италия располагала превосходными кораблями — это были линкоры водоизмещением в 40 тыс. т, с 9 орудиями главного калибра и большой скоростью хода; они могли соперничать с судами аналогичного типа других западных держав. Отличные тактико-технические данные были у крейсеров, неплохо зарекомендовали себя и подводные лодки. Но флот не имел авианосцев. Главный морской штаб Италии по требованию Муссолини отказался от их строительства еще в середине 30-х годов¹⁴. Имелись у флота и другие крупные изъяны: явно недостаточная разработанность конкретных оперативных планов, откровенно выжидательно-оборонительная тактика, сводившаяся к избеганию даже минимального риска, неумение вести бой в ночных условиях, пренебрежение к радиолокаторам, почти перманентные перебои с горючим. На этом фоне исключение составляла только «X флотилия МАС»¹⁵.

Ахиллесовой пятой вооруженных сил Италии оставались явная недостаточность средств ПВО (в июне 1940 г. в метрополии насчитывалось 230 зенитных батарей) и почти катастрофическая скудость запасов топлива и стратегического сырья (всего на 3 месяца боевых действий), а также боеприпасов — заводы выпускали в год артиллерийских снарядов почти в 12 раз меньше положенных¹⁶. Министр военной промышленности генерал К. Фавагросса заявил Муссолини в феврале 1940 г., что в этой области, по самым оптимистическим подсчетам, Италия будет готова к войне не ранее октября 1942 г., а скорее всего на рубеже 1942—1943 годов¹⁷. Согласно докладу правительственной Комиссии по военному производству, подготовленному в декабре 1939 г., потребности армии, авиации и флота экономика страны могла начать удовлетворять только с 1944 г., да и то лишь при условии полной загрузки своих мощностей¹⁸.

Имелся и еще один, очень существенный дефект: весьма посредственный общеобразовательный и культурный уровень и сравнительно невысокая профессиональная компетентность подавляющего большинства командного состава вооруженных сил Италии, особенно его высшего звена. Разумеется, встречались не лишённые способностей, даже талантливые офицеры, генералы и адмиралы. Но они составляли исключение. Остальная масса их серых, безликих, недалеких и незадачливых коллег вполне заслужила характеристику, данную им маршалом Э. Де Боно. Он квалифицировал итальянскую военную касту как «вечно галдящее сборище наглых, пустых, важничающих, самовлюбленных фанфаронов, куда более склонных к закулисным интригам ради получения дворянских титулов, внеочередных званий, наград, дополнительных окладов, акций и поместий, нежели к боям и рискованному пребыванию на передовой, завистливых и обленившихся дилетантов с рутинным, поверхностным мышлением, намертво застывшим на уровне войны 1914—1918 гг. и колониальной войны в Абиссинии 1935—1936 гг., умудрившихся ни на йоту не извлечь даже крупиц важного и полезного из поучительнейшего опыта германского блицкрига в Польше и успешного наступления на Западе против Франции и ее союзников»¹⁹.

Под стать им был и министр всех трех видов вооруженных сил Италии и их верховный главнокомандующий с 1 июня 1940 г. — Муссолини. Вмешательство его в разработку и особенно процесс реализации оперативно-тактических и стратегических решений имело самые пагубные для страны последствия из-за его поистине кричащего военного невежества. Он не представлял истинных размеров промышленных потребностей современной войны, путал соотношение количественного и качественного факторов, отождествляя арифметическую численность с подлинной

мощью («количество — это сила», — любил он повторять), отдавал явное предпочтение бездумному натиску перед тщательной и методичной подготовкой. По существу именно «его неуемная, всепоглощающая жажда военной славы», как указывал Чиано, прекрасно изучивший характер своего тестя, и побудила дуче ввязаться в мировой конфликт в качестве ближайшего союзника Гитлера и всерьез претендовать на успешное ведение самостоятельных боевых действий.

Свои конкретные цели в войне Муссолини определил еще до заключения «Стального пакта», огласив их на заседании Большого Фашистского Совета 4 февраля 1939 года. Назвав Италию «узницей, томящейся в тюрьме, имя которой — Средиземноморье», он квалифицировал Корсику, Тунис, Мальту и Кипр как «решетки этой тюрьмы, где часовыми — Гибралтар и Суэц». Отсюда он делал вывод: «Поскольку итальянская политика не может иметь и не имеет территориальных задач на европейском континенте, за исключением Албании», то необходимо «в первую очередь сломать решетки и двигаться к океану — Индийскому, объединив Ливию с Эфиопией через Судан, или Атлантическому — через французскую Северную Африку»²⁰. Избирая то или иное направление, рассуждал дуче, необходимо иметь надежно защищенный и обеспеченный тыл в Европе. Прочную гарантию этого, по его мнению, давал майский договор 1939 г., призванный, как считали в Риме, не только укрепить европейские позиции Италии, но и предоставить ей свободу рук в достижении жизненно важных целей в Средиземноморье и Африке.

Руководство третьего рейха, впрочем, и не помышляло о содействии усилению военного потенциала своего союзника и отнюдь не намеревалось согласовывать с ним свои политические и военно-стратегические планы, предпочитая держать их в строгом секрете. Подтверждением этого стали плохо скрываемое нежелание Гитлера дать «добро» на консультации представителей верховного командования вооруженных сил двух держав вскоре после подписания «Стального пакта», равно как и его устойчивый скептицизм касательно перспектив германо-итальянского военно-промышленного сотрудничества на случай затяжной войны. Вот почему лето 1939 г. стало для партнеров по «оси» периодом двусмысленностей, недоговорок и уловок, предназначенных скрыть друг от друга подлинные намерения.

Муссолини оказался застигнутым врасплох советско-германским пактом о ненападении от 23 августа 1939 года. Уязвленный столь «вопиющим нарушением» «антикоминтерновской солидарности» (в Риме поговаривали о «почти предательстве духа и буквы „Стального пакта“»), он, тем не менее, все же, хотя и вряд ли искренно, приветствовал «восстановление дружественных отношений между Германией и Советским Союзом» и «выразил свою большую радость по случаю заключения пакта о ненападении»²¹. Как пишет автор монографии о дуче Р. Де Феличе, «в течение нескольких месяцев осени — зимы 1939—1940 гг. Муссолини был убежден в неизбежности очень скорого, чуть ли не со дня на день нападения Англии и Франции на Советский Союз, что автоматически превращало Берлин и Москву в союзников. Но именно это никоим образом его и не устраивало, так как он, судя по его собственным признаниям, не имел ни малейшей охоты сражаться с Парижем и Лондоном бок о бок с Советской Россией»²². Правда, в этом случае у Муссолини появился бы предлог для неучастия в боевых действиях и шанс попытаться — с очевидным успехом для себя — снова разыграть «мюнхенскую карту», то есть в качестве посредника добиться созыва конференции наподобие Мюнхенской.

Когда же Гитлер, запросивший Рим о «понимании», получил итальянский ответ от 25 августа 1939 г., он понял, что на Италию рассчитывать не приходится²³. Единственное, чего он добился, — это «твердое» обещание Муссолини оказать Берлину три «братские» услуги: 1. сохранить в тайне итальянский нейтралитет на возможно более длительный срок; 2. продолжать интенсивные военные приготовления для отвлечения внимания англичан и французов и введения их максимально в заблуждение; 3. направить в Германию промышленных и сельскохозяйственных рабочих.

1 сентября 1939 г., выступая на заседании Совета Министров, Муссолини сообщил о предстоящем решении объявить Италию «невоюющей стороной», не собирающейся «брать на себя какую-то бы ни было инициативу в открытии военных действий»²⁴. Такой шаг он мотивировал «настоятельной заботой о надлежащем обеспечении и защите национальных интересов» и «невыполнением Германией своих союзных обязательств»²⁵. По свидетельству Д. Гранди, тогдашнего министра юсти-

ции, «растерянность и тревога, горечь и разочарование, перемешанные с гневом и раздражением, сквозили в каждом... слове и жесте» дуче²⁶. Эту «смятенность души» констатировал и Чиано, которому Муссолини 4 сентября говорил о «желательности скорейшей атаки против Югославии, чтобы захватить румынские нефтяные месторождения». Через князя К. Альдобрандини, входившего в круг приближенных Пия XII, Чиано 6 сентября предупредил Ватикан, что «итальянский нейтралитет, немного стоящий, вовсе не представляется подлинным, надежным и долговечным»²⁷.

Статус «невоюющей стороны» вскоре начал тяготить Муссолини: публично восхваляя «молниеносные и не имеющие себе равных блистательные победы германского оружия», он втайне завидовал Гитлеру, мечтая о собственном триумфальном блицкриге. Уже в конце января 1940 г. он пояснил Чиано, что дальнейшее сохранение нейтралитета наверняка чревато «неизбежным оттеснением Италии в класс «Б» европейских держав»²⁸. Но Савойская династия, финансово-промышленная олигархия, крупнейшие аграрии, командная верхушка вооруженных сил страны придерживались противоположной точки зрения, считая, что лучше оставаться в стороне от войны как можно дольше. На той же позиции стояли и закулисно фрондировавшие высшие иерархи фашистской партии — Э. Де Боно, Ч.-М. де Векки, Д. Гранди, Д. Боттаи, И. Бальбо. Последний не раз почти открыто заявлял, что союз с Гитлером означает «чистить сапоги Германии»²⁹. Однако все эти деятели с мая 1939 г. предпочитали линию «пассивного сопротивления», не афишируя свой энтузиазм по поводу альянса с Берлином, но и не возражая против него.

Дуче волей-неволей приходилось считаться на первых порах с «нейтралистскими» взглядами короля Виктора-Эммануила III, не терпевшего немцев и склонявшегося к активным закулисным поискам соглашения с западными державами, в первую очередь с Великобританией. Текст его телеграммы, направленной Муссолини 17 сентября 1939 г., раскрывал эти настроения монарха: «Теперь, после ликвидации Польши, выражаю надежду на то, что Вы сможете провести переговоры по дипломатическим каналам и, если англичане, несмотря на потопление их торговых судов, согласятся на них, удастся, быть может, достичь какого-то конструктивного решения»³⁰.

Уже к концу зимы 1939/40 г. дуче понял, что его надеждам на созыв «нового Мюнхена», где он сыграл бы роль первой скрипки, сбыться не суждено. Одновременно он, похоже, без колебаний уверовал в близкую и неотвратимую победу партизана по «оси», заявив Чиано в конце февраля 1940 г.: «В Италии еще находятся дураки и преступники, считающие, что Германия будет разбита. А я Вам говорю, что Германия победит»³¹. Эта убежденность окрепла после состоявшейся 18 марта 1940 г. на Бреннерском перевале встречи с Гитлером, в немалой мере повлиявшей на решение Муссолини вступить в войну.

В ходе беседы дуче трижды повторил фюреру, что «теперь мы готовы шагнуть к победе вместе с вами», подчеркнув, что «правительство и партия сейчас единодушно сходятся во мнении относительно невозможности оставаться нейтральными, даже на малый срок». Муссолини сказал Гитлеру, что вступление Италии в войну, «наверно, произойдет, возможно, в июне или, возможно, в августе»³². Не последнюю роль здесь сыграла жесткая позиция фюрера, разъяснившего своему союзнику, что «он (Гитлер. — А. В.) абсолютно уверен в неразрывности будущих судеб Германии и Италии, так как победа Германии будет означать и победу Италии, а поражение Германии незамедлительно повлечет и мгновенный конец итальянской империи»³³. Гитлер таким образом дал понять Муссолини, что они «связаны одной веревочкой» и тем самым предостерегал Италию от повторения памятного для Германии «варианта 1915 года».

Бреннерское «рандеву» поставило крест на еще не развеявшихся расчетах Г. Чиано, Д. Гранди, Д. Боттаи на достижение соглашения с Западом, используя посредническую миссию заместителя государственного секретаря США С. Уэллеса, который посетил в феврале-марте 1940 г. Рим, Берлин, Париж и Лондон. В Италии (он побывал там в конце февраля и во второй половине марта) личный представитель американского президента имел беседы с Чиано и был два раза принят Муссолини, которому он намекнул на те выгоды, которые ожидают Италию, если она сохранит нейтралитет. Посулы Белого дома не возымели, однако, желаемого воздействия на дуче. Тогда Ф. Д. Рузвельт пошел на решительный шаг, направив ему

27 мая 1940 г. личное срочное послание через посла США в Риме У. Филиппса.

На судьбе этого документа роковым образом сказалось, однако, случайное стечение обстоятельств. Дело в том, что Уэллес в конфиденциальной беседе с британским премьером Н. Чемберленом охарактеризовал дуче как «уставшего и деградировавшего неотесанного и мстительного деревенского мужика»³⁴, о чем тот не преминул сообщить своему послу в Италии П. Лорену. Эту секретную телеграмму перехватила и расшифровала итальянская военная разведка. В результате взбешенный Муссолини категорически отказал У. Филиппсу в аудиенции и послание попало в руки его зятя. В нем, в частности, говорилось: «Президент Рузвельт предлагает дуче без промедления сообщить ему все пожелания и просьбы Италии, которые он готов сразу же довести до сведения французского и английского правительств. Какой бы характер ни имело возможное будущее соглашение, заключенное на базе этих итальянских предложений, президент Рузвельт обещает энергично ходатайствовать перед Англией и Францией о взятии ими твердого обязательства сохранить его в силе до конца войны, одновременно гарантируя Италии участие в послевоенной мирной конференции на равных правах с воюющими сторонами. От Италии требуется лишь одно: дать четкие заверения в том, что она не будет в дальнейшем непомерно увеличивать свои претензии, равно как и будет неизменно сохранять свой нейтралитет в течение всего конфликта»³⁵.

Но дуче уже «закусил удила». Чиано отметил в своем дневнике: «Нужно нечто совершенно другое, невообразимое, чтобы разубедить Муссолини. По существу проблема вовсе не в том, что он хочет добиться того или этого, а в том, что он жаждет войны. Если бы он смог мирным путем иметь даже вдвое больше того, чего он требует сейчас, он отверг бы это»³⁶.

Еще 31 марта 1940 г. в секретном «меморандуме» на имя Виктора-Эммануила III Муссолини, прямо говоря о «неизбежности» вступления Италии в войну, подчеркнул, что «речь идет о войне самостоятельной и параллельной той, которая ведется Германией, и преследующей цели: свобода на морях и окно в океан... Следовательно, вопрос заключается не в том, чтобы решить, вступать или нет в войну, а лишь в том, чтобы определить, когда и как это сделать наилучшим образом, оттянув на возможно более поздний срок наше вступление в войну еще и потому, что Италия абсолютно не в состоянии позволить себе долгой войны, иными словами, она не может потратить сотни миллиардов»³⁷.

Однако захват нацистами Дании и Норвегии в апреле 1940 г. побудил дуче форсировать события. 11 апреля в присутствии Чиано он обронил «историческую» фразу: «Унизительно сидеть сложа руки в то время, когда другие творят историю. Чтобы сделать народ великим, надо послать его в бой даже пинками в зад, что я и сделаю»³⁸. Заместителю начальника Главного штаба сухопутных войск генералу Ф. Росси, «осмелившемуся» заикнуться о низком уровне боеготовности армии, он заявил: «Если бы я должен был ожидать, когда армия будет полностью готова, то мне пришлось бы вступить в войну через несколько лет, тогда как я обязан вступить немедленно»³⁹.

Воюющие стороны — как западные союзники, так и Германия, — отнюдь не исключали возможности участия Италии в войне и учитывали это в своих планах. В ходе Бреннерской встречи Гитлер сообщил Муссолини, что верховное командование вермахта, разрабатывая предстоящие операции на Западном фронте, исходит из того, что итальянские войска будут вести активные боевые действия против французов в Альпах и в Савойе. Военный комитет Франции, рассмотрев вероятные акции союзников против Италии, признал 6 мая 1940 г. наиболее целесообразным ограничиться обороной в Альпах, Тунисе и других африканских владениях. По договоренности с английским имперским Генеральным штабом предполагалось также удерживать ключевые позиции в Средиземноморье и нарушать морские коммуникации Италии, подвергая усиленному артобстрелу с кораблей и воздушным бомбардировкам ее побережье, а также предпринять объединенные атаки против ее войск в Триполитании⁴⁰.

10 мая 1940 г. в 5 час. утра германский посол в Риме Н. Г. Макензен сообщил Муссолини, что войска третьего рейха час назад развернули наступление в Бельгии, Голландии и Люксембурге. Дуче прокомментировал это так: «Союзники проиграли кампанию... Через месяц я объявлю им войну»⁴¹. Тем не менее, Италия продолжала пока притрагиваться к выжидательной тактике. И лишь на закрытом сове-

шании 29 мая, проходившем под председательством Муссолини, на котором присутствовали наследный принц Умберто, начальник Генерального штаба вооруженных сил П. Бадольо, начальники главных штабов всех трех видов вооруженных сил — генерал М. Роатта (сухопутная армия), генерал Д. Приколо (ВВС) и адмирал Д. Каваньяри (ВМС), его участники наметили дату вступления в войну — сразу же после 5 июня.

В Берлине это решение восприняли без особого энтузиазма. Гитлер и его ближайшее окружение отдавали себе отчет в том, что оно продиктовано исключительно политическими соображениями — дуче, опасаясь опоздать к дележу «французского наследства», захотел получить причитающийся ему, и как он считал, законно, жирный кусок. Муссолини откровенно раскрыл П. Бадольо, тщетно пытавшемуся добиться отсрочки, хотя бы до конца июня, вступления страны в войну, истинные мотивы своего решения: «Война будет короткой, а мне нужно иметь всего лишь несколько тысяч убитых, чтобы сесть за стол переговоров на мирной конференции в числе остальных победителей»⁴². Под стать своему премьер-министру и «дорогому кузену» боевой пыл неожиданно продемонстрировал и Виктор-Эммануил III, обычно крайне нерешительный и сомневающийся.

К 10 июня Италия сосредоточила против Франции группу армий «Запад» под началом кронпринца Умберто. Она состояла из 4-й армии, занимавшей северный участок фронта — от Монтероза до Монтгранеро, и 1-й армии, дислоцировавшейся южнее — от Монтгранеро до моря. В группе насчитывалось 22 дивизии (12 500 офицеров и унтер-офицеров, 300 тыс. солдат), она имела на вооружении около 3 тыс. орудий и свыше 3 тыс. минометов. Ей противостояла французская альпийская армия — всего 6 дивизий (175 тыс. человек). Рельеф местности вдоль итало-французской границы таков, что расположенные параллельно ей долины служили превосходными естественными траншеями для французов, которые умело обороняли их в инженерно-фортификационном и огневом отношении. А итальянский Генеральный штаб, судя по его поведению, намеревался штурмовать эту мощную преграду в лоб.

Хотя итальянская армия была еще весьма далекой от окончательного завершения подготовки войск первого эшелона, Муссолини распорядился начать наступление по всему фронту 18 июня, когда разгром Франции вермахтом стал уже фактом. Сам дуче, сопровождаемый Чиано, по приглашению Гитлера вылетел в Мюнхен, чтобы обсудить условия запрошенного 17 июня вишистской кликой Петена — Лавала перемирия. Как явствует из памятной записки итальянского МИД, врученной Чиано Риббентропу, Италия собиралась предъявить Франции крупный счет. Она претендовала на французскую территорию вплоть до р. Роны, включая города Лион, Валанс, Авиньон, рассчитывала заполучить Корсику, французские колонии Тунис, Джибути и Сомали, военно-морские базы в Алжире и Марокко (Алжир, Оран, Мерс-эль-Кебир, Касабланка), настаивала на передаче ей 40—45% французского военного и торгового флота, военной авиации, тяжелой артиллерии и танкового парка⁴³.

Но фюрер осадил своего партнера, сославшись на «политическую нецелесообразность предъявления Франции излишних требований, так как державам «оси» в настоящий момент куда выгоднее сохранить существование французского правительства, не только располагающего пусть в чем-то ограниченным, но все же суверенитетом, но и проявляющего готовность к сотрудничеству»⁴⁴. Риббентроп также позволил себе одернуть Чиано: «Нельзя, чтобы глаза были больше желудка, надо проявить умеренность»⁴⁵. Раздосадованный Муссолини нехотя согласился с предложением Гитлера отложить вопросы удовлетворения итальянских территориальных и колониальных притязаний, а также проблемы будущих контрибуций и репараций с Францией, до мирных переговоров. Единственным для дуче утешением стала достигнутая в самый последний момент договоренность с фюрером о предстоящем подписании с Францией двух отдельных перемирий, причем специально оговаривалось, что франко-германское вступит в силу только после заключения аналогичного франко-итальянского.

20 июня Муссолини вернулся в Рим, где его поджидал еще один «сюрприз». Его любимое детище OVRA — тайная фашистская политическая полиция — перехватила и записала телефонный разговор, состоявшийся 19 июня 1940 г. между начальником Главного штаба сухопутных войск генералом М. Роатта и генералом П. Пин-

тором, командовавшим 1-й итальянской армией в Альпах. Последний, не стесняясь в бранных выражениях в адрес короля, Муссолини и Бадольо, доложил своему шефу, что «вверенные ему войска абсолютно не в состоянии наступать, поскольку еще не достигли соответствующего уровня боеготовности»⁴⁶.

Эта новость ошеломила дуче, который, изливая душу своему зятю, в сердцах воскликнул: «И это происходит сейчас, после девяти месяцев ожидания и принимая во внимание те безнадёжные условия, в каких французы теперь находятся! А если бы мы вступили в войну в сентябре (1939 г. — А. В.), то что бы случилось?!»⁴⁷.

Стремясь хоть как-то «спасти лицо», дуче приказал Бадольо и принцу Умберто атаковать противника во что бы то ни стало 20—21 июня. Однако отчаянные попытки итальянских войск взять штурмом альпийскую «линию Мажино» потерпели крах. Французские войска ожесточенно сопротивлялись, и единственное, чего удалось добиться армии дуче, — продвинуться в глубь чужой территории в районе Ментоны всего на 1 километр. Муссолини, правда, рассчитывал на высадку крупного десанта альпийских стрелков-парашютистов в Лионе, чтобы занять этот город 22 июня, но финальный акт «французской драмы» спутал ему последние карты.

22 июня 1940 г. представители французского и германского верховного военного командования подписали соглашение о прекращении огня. Спустя день — 23 июня — немцы, чувствовавшие себя хозяевами положения, оказали своим союзникам любезность, — доставили в Рим на самолетах делегацию Франции, уполномоченную вести переговоры о капитуляции. Сознывая мизерность своих «успехов» в войне, итальянская сторона сочла за благо удовлетвориться оккупацией французской территории площадью 832 кв. км с населением в 28 тыс. человек. Согласно условиям перемирия, подписанного 24 июня, Франция обязалась создать вдоль итало-французской границы демилитаризованную зону шириной в 50 км, а также демилитаризовать военно-морские порты Тулон, Аяччо, Бизерта, Оран и некоторые районы в Алжире, Тунисе и на побережье французского Сомали⁴⁸.

Примечания

1. TOSCANO M. Fonti documentarie e memorialistiche per la storia diplomatica della seconda guerra mondiale. In: *Questioni di storia contemporanea*. Milano. 1952, p. 43.
2. ISNENGI M. *Le guerre degli italiani — 1848—1945*. Milano. 1989, p. 385.
3. BERTOLDI S. *Il giorno delle baionette*. Milano. 1980, p. 109.
4. BIAGI E. *Noi c'eravamo. 1939—1945*. Milano. 1990, p. 43.
5. DEAKIN F. W. *The Brutal Friendship: Mussolini, Hitler and the Fall of Italian Fascism*. Lnd. 1987, p. 413.
6. INNOCENTI M. *L'Italia nel 1940*. Milano. 1990, p. 17.
7. CANDELORO G. *Il fascismo e le Sue Guerre — 1922—1939*. Milano. 1982, p. 313.
8. Эта милиция — «чернорубашечники», — созданная в конце 20-х годов, играла роль, подобную отрядам СС и СА в Германии.
9. LIDDELL-HART B. *History of the Second World War*. N. Y. 1983, p. 105.
10. PETACCO A. *1940 — L'Italia in guerra*. Padova. 1990, p. 37.
11. *Storia illustrata, supplemto all'«Epoca»*, № 2071, 20.VI.1990, p. 22.
12. LIDDELL-HART B. *Op. cit.*, p. 113.
13. GIORGERINI G. *Da Matapan al Golfo Persico*. Milano. 1989, p. 38.
14. BOCCA G. *Storia d'Italia nella guerra fascista — 1940—1943*. Bari. 1983, p. 65.
15. Элитарное соединение, состоявшее из подразделений подводных лодок, противолодочных катероохотников, подводных пловцов-диверсантов и морских пехотинцев. Ее личный состав комплектовался из отлично подготовленных высококлассных профессионалов (подробнее см.: БОРГЕЗЕ В. *Десятая флотилия*. М. 1957).
16. *Storia illustrata, supplemento all'«Epoca»*, № 2071, 20.VI.1990, p. 20.
17. *Corriere della Sera*, 6.VIII.1989.
18. FAVAGROSSA C. *Perché perdemmo la guerra*. Milano. 1947, p. 89.
19. FUCCI F. *Emilio De Bono — il maresciallo fucilato*. Milano. 1989, p. 270.
20. PINI G., SUSMEL D. *Mussolini — l'uomo e l'opera*. Firenze. 1953—1955, p. 481.
21. Из записи беседы имперского министра иностранных дел со Сталиным и Председателем СНК СССР Молотовым, состоявшейся в ночь с 23 на 24.VIII.1939 и сделанной зам. статс-секретаря Хенке (Актен

- zur deutschen auswärtigen Politik. 1918—1945. Ser. D (ADAP). Bd. VII. Baden-Baden. 1956, S. 189—190).
22. DE FELICE R. *Mussolini il duce*. Vol. V. part. II. Torino. 1980—1982, p. 687.
 23. KESSELRING A. *Soldat bis zum letzten Tag*. Bonn. 1953, S. 213.
 24. *Corriere della Sera*, 2.IX.1939.
 25. TAMARO A. *Venti anni di storia (1922—1943)*. Roma. 1953, p. 707.
 26. GRANDI D. 25 luglio. Bologna. 1983, p. 43.
 27. CIANO G. *Diario (1939—1943)*. Vol. II. Milano. 1986, pp. 87, 92.
 28. GUERRI G. B. *Caleazzo Ciano, una vita — 1903—1944*. Milano. 1979, p. 288.
 29. GUERRI G. B. *Italo Balbo*. Milano. 1984, p. 365.
 30. SPINOSA A. *Vittorio Emanuele III*. Milano. 1990, p. 375.
 31. CIANO G. *Op. cit.*, p. 95.
 32. *Documents on German Foreign Policy 1918—1945*. Ser. D. Vol. VIII. Lnd. 1954, p. 27.
 33. ADAP. Bd. VII, S. 337.
 34. SMITH G. *American Diplomacy during the Second World War 1939—1945*. N. Y. 1965, p. 166.
 35. *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers — 1940*. Vol. 1. Washington. 1959, p. 97.
 36. CIANO G. *Op. cit.*, p. 117.
 37. DE FELICE R. *Mussolini — l'alleato*. Vol. VI. Torino. 1990, p. 37.
 38. CIANO G. *Op. cit.*, p. 119.
 39. ROSSI F. *Mussolini e lo Stato Maggiore dell'Esercito*. Milano. 1983, p. 377.
 40. *Archives nationales de France. W^{II}. Cour de Riom, cart 10, sér. B XIII, doc. 21*.
 41. CIANO G. *Op. cit.*, p. 133.
 42. BERTOLDI S. *Badoglio*. Milano. 1982, p. 387.
 43. *I documenti diplomatici Italiani. Nona serie: 1940/1943*. Roma. 1954—1956, Vol. III, p. 17.
 44. DEAKIN F. W. *Op. cit.*, p. 565.
 45. CARBONI G. *Piú che il dovere*. Firenze. 1955, p. III.
 46. MELOGRANI P. *Rapporti segreti della polizia fascista — 1938—1940*. Bari. 1979, p. 349.
 47. CIANO G. *Op. cit.*, p. 151.
 48. LIDDELL-HART B. *Op. cit.*, p. 270.

Сергий Радонежский

В. А. Кучкин

О времени появления на свет сына ростовского боярина Кирилла Варфоломея, впоследствии принявшего монашество под именем Сергия, по-разному (от 1313 до 1322 г.) говорится не только в популярной, но и в научной литературе. Точно так же указываются разные годы основания им Троицкого монастыря (от 1337 до 1345) и его смерти (от 1391 до 1397). Несогласия в определении вех жизни и деятельности Сергия Радонежского объясняются бедностью имеющихся источников. Кроме его Жития в распоряжении исследователей есть 12 упоминаний о Сергии в летописях и 7 документов, где прямо или косвенно называется троицкий настоятель. Однако среди всех источников агиографический памятник остается главным. Большую работу по выявлению списков памятника проделал в последние годы Б. М. Клосс. В хранилищах Москвы, Петербурга, Киева и Вильнюса он обнаружил около 400 рукописей, содержащих Житие Сергия Радонежского, сравнил списки, определил редакции и дал картину их сменяемости¹. Благодаря этому биографию знаменитого игумена теперь можно восстанавливать не по случайно набранным из разных переделок его Жития данным, а на основании наиболее надежных сведений, содержащихся в древнейших редакциях.

Первый биограф Сергия, крупный русский средневековый писатель Епифаний Премудрый начал собирать материал о нем в 1393—1394 годах. В течение 20 лет он написал некоторые разделы («главизны») Сергиева Жития, но «не по ряду» — «предняя назади, а задняя наперед». Более или менее окончательную отделку своему труду он придал в 1418 г., спустя 26 лет после смерти Сергия². Таким образом, Житие писалось в лучшем случае при младших современниках троицкого настоятеля, которые не были свидетелями его детства и юности. Да и другие приводимые Епифанием со ссылками на неких «старцев» сведения должны тщательно сопоставляться между собой и сравниваться со свидетельствами других источников. Только таким образом и можно попытаться составить достоверную биографию Сергия Радонежского, оставив в стороне позднее приписанные ему деяния³.

Согласно Епифанию, семья родителей Сергия жила в селе, далеко от столицы местного княжества города Ростова. На 40-й день после рождения сын Кирилла и его жены Марии был крещен и назван Варфоломеем. Поскольку память апостола Варфоломея особенно чтилась 11 июня (в иные числа празднуют перенесение его мощей или отмечают Варфоломея вместе с другими 11 апостолами), можно полагать, что Сергий родился за 40 дней до 11 июня, т. е. 3 мая. Но какого года? Среди других Епифаний Премудрый называет одно событие, по которому совершенно точно можно судить об этом годе — Ахмулову рать. Речь идет о военном нападении на русские города ордынских войск под предводительством Ахмыла. Поход этот имел место в 1322 году⁴. Тот же год получается и при иных расчетах. Точная дата кончины

Кучкин Владимир Андреевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории России РАН.

Сергия — 25 сентября 1392 года⁵. Согласно Похвальному Слову Сергию, написанному между 1406 и 1418 гг. тем же Епифанием Премудрым, Сергей жил 70 лет⁶. Итак, троицкий игумен родился 3 мая 1322 года. И хотя эта дата явно расходится с указанием Епифания Премудрого на рождение Сергия в годы патриаршества в Константинополе Каллиста, верна именно она⁷.

Варфоломей был вторым сыном в семье. Старше его был Стефан, младше — Петр. Оба они быстро выучились грамоте, которая Варфоломею никак не давалась. Однако семи лет мальчик научился читать. Может быть, сравнительно позднее развитие мешало ему дружить со сверстниками, он был склонен к уединению, и даже мать, как сообщает Епифаний, обращалась к нему с упреками: «И двенадцати лет нет тебе, а грехи поминаешь». Варфоломею не исполнилось еще 12 лет, когда в судьбе его семьи произошли большие перемены.

Отец его, ранее богатый человек, под старость обеднел. Причинами были частые поездки его с ростовским князем в Орду, где надо было раздавать подарки ханам и их окружению, частые визиты татарских послов, которых следовало принимать, кормить и поить вместе с их свитой; постоянные тяжелые дани и выходы, которые уплачивались Орде; хлебные неурожай в Ростовской земле. Последней каплей, переполнившей чашу терпения семьи ростовского боярина, было, по словам Епифания, «насилование, сирьчь кня(же)ние великое досталось князю великому Ивану Даниловичю, купно же и досталось княжение Ростовское к Москвь». Переход Ростова под власть Калиты сопровождался насильями и издевательствами над населением. Посланные Иваном Калитой Василий Кочева и Мина отнимали имущество у ростовских жителей, многих изранили и изувечили. Даже самого «епарха градского» — старейшего ростовского боярина Аверкия — москвичи повесили вниз головой: жизни не лишили, но жестоко надругались.

Жители Ростова и всего княжества испытывали смертельный страх перед московскими воеводами. И Кирилл не выдержал. Со всем родом своим он «въздвигесе и преселися от Ростова в Радонѣжь». Так называлась волость, входившая в состав владений уже не ростовского, а московского князя. Семья Кирилла поселилась близ церкви Рождества Христова, т. е., очевидно, рядом с самым селом Радонежским, центром волости. И не один Кирилл сменил место жительства, «с ним и инии мнози преселишася от Ростова... в Радонѣжь юже даде князь великы сынови своему мѣзинуму князю Андрѣю. А наместника постави в неи Терентиа Ртища, и лготу людем многу дарова и ослабу обьщася тако же велику дати». Так заканчивается рассказ о переселении.

«Насилование» над Ростовом Ивана Калиты настало, по словам Епифания, когда была «великая рать татарскаа, глаголемая Федорчукова, Туралыкова, егда по неи за год единь»⁸, т. е. через год после того, как Федорчук, Туралык, Сюга и иные ордынские темники опустошили Тверское княжество в конце 1327 — начале 1328 г.⁹, подавляя антиордынское восстание. Следовательно, семья ростовского боярина Кирилла переселилась в Радонеж не ранее 1329 года. Дату можно уточнить.

Отъезд Кирилла вместе со всей семьей из Ростова Епифаний ставит в связь с получением Иваном Калитой великого княжения Владимирского, ханский ярлык на управление которым выдавался тогда различным русским князьям, чаще других — московским. В 1328 г. под управление Калиты перешла половина великого княжества Владимирского, а в 1332 г. — все великое княжение. До 1331 г., когда в Ростове правили два князя, Федор и Константин, Ростов должен был иметь двух княжеских наместников, представлявших интересы обоих братьев. Епифаний же пишет только об одном ростовском «епархе» Аверкии, что могло быть лишь после смерти князя Федора Васильевича, т. е. в 1331 г. или позже. Поскольку после Федора правителем Ростова стал Константин, надо полагать, что Аверкий был наместником именно Константина, пытавшегося назначением Аверкия закрепить владения брата за собой. Этому и воспротивился Иван Калита, который как великий князь Владимирский имел право на выморочные земли. Наиболее вероятное время для акции московского князя — 1332 г., когда Калита получил в Орде остальную часть Владимирского великого княжения. Следует обратить внимание еще на одну деталь. Епифаний пишет, что одной из причин ухода Кирилла в Радонеж были «глады хльбѣные». За время правления Ивана Калиты летописи лишь единственный раз упоминают о голоде — и это тоже 1332 год¹⁰. Переход известного ростовского боярина под покровительство московского князя объясняется общей нестабильной обстановкой в Ростовском княжестве и ориентацией части его боярства не на местных правителей, а на Москву.

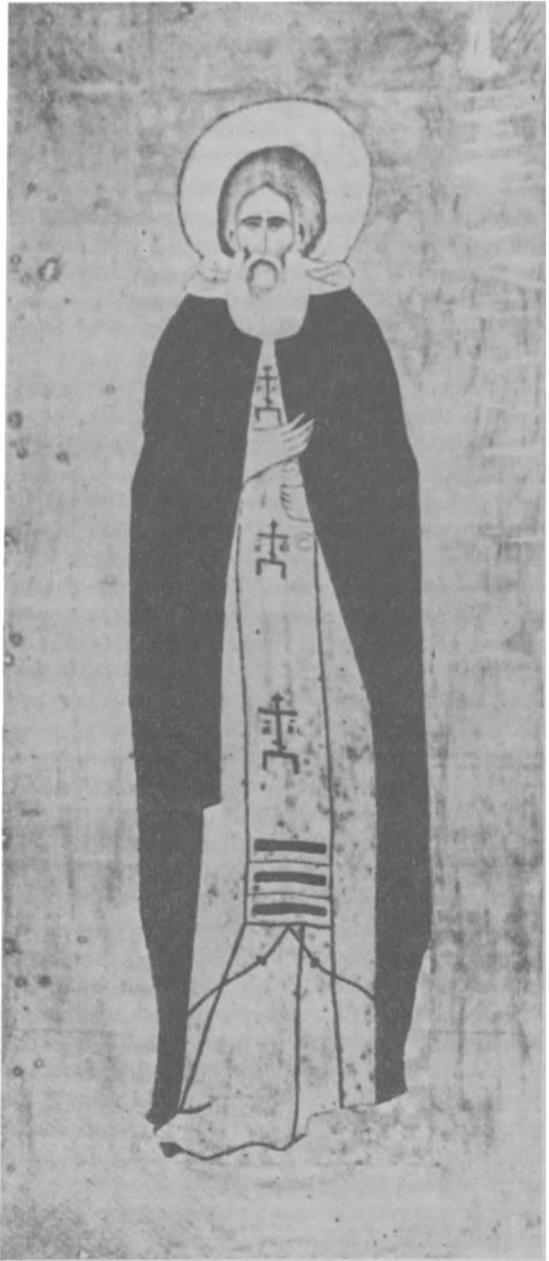
Итак, 10 лет от роду Варфоломей оказался в московских пределах. Вместе с его семьей в Радонеж поселились их ростовские родственники: Дюдень, зять «его», и Анисим, дядя «его». Следовательно, у Сергия, кроме братьев, была еще сестра, а у отца или матери — брат. Об этом дяде Сергия Анисиме Епифаний Премудрый вспоминает еще раз, рассказывая

о первых монахах Троицкой обители. Анисим был дьяконом, дьяконом стал и его сын Елисей. Епифаний знает и других лиц — выходцев из тех семей, что пришли в Радонеж вместе с Кириллом, и эти сведения подтверждаются¹¹. Упомянув людей, покинувших вместе с семьей Кирилла Ростовское княжество, Епифаний дает понять, что он не только собирал сведения о Сергии у его родственников и знакомых, но и интересовался судьбой самих этих людей. Замечания о них Епифания, когда они поддаются проверке по другим источникам, оказываются в большинстве точными.

Из епифаниевского Жития, кажется, можно извлечь один бесспорный факт: среди переселившихся вместе с семьей Сергия в Радонеж родственников и близких были люди, посвятившие себя служению церкви и способные возбудить у мальчика сильное религиозное чувство. Мало того, и родители Варфоломея Кирилл и Мария под старость ушли в монастырь. Варфоломей остался один. Его братья, Стефан и Петр, женились, у них появились свои семьи. Варфоломей же даже речи не вел о браке. Прожив в родительском доме до 20 лет, он решил принять постриг. К тому времени чернецом стал его старший брат Стефан. Жена его умерла, оставив ему двух сыновей, Климента и Ивана. Видимо, под влиянием этой утраты Стефан постригся в хотьковский Покровский монастырь¹².

Решив стать монахом, Варфоломей передал свою долю наследства брату Петру¹³, отправился к Стефану и вместе с ним стал искать место, пригодное для строительства монастыря. Братья нашли «едино место... въ чашах леса», где была вода, и приступили к возведению «пустыни». Сначала они поставили «одрину и хизину», т. е. нечто вроде сарая и летнего домика, а затем «къблию едину създаста», т. е. срубили обычную избу, после же возвели и небольшую церковь. «Приѣхаша из града» (так обезличенно называет Епифаний Москву) священники от митрополита Феогноста и освятили церковь «въ имя святыя Троица». Поскольку это произошло при митрополите Феогносте и, по словам Епифания, в правление великого князя Симеона Ивановича, «въ начяло княжения его», причем Варфоломей постригся в возрасте «боле двадцати лет», основание Троицкого монастыря следует относить ко времени не ранее 1342 г. (Симеон получил в Орде ярлык на Владимирское великое княжение в 1340 г. и правил до своей смерти в 1353 г.)¹⁴.

После освящения церкви братья какое-то время жили в новой обители вместе. Но затем Стефан перебрался в Москву и «вселися в монастырь святого Богоявления», монахом которого в то время был будущий митрополит Алексей. С ним Стефану пришлось вместе петь на клиросе. Обаяние личности Стефана было, согласно Житию, столь велико, что митрополит Феогност назначил его игуменом Богоявленского монастыря, а великий князь Симеон Иванович, тысяцкий Василий, брат его Федор и «прочии бояре старейшии» выбрали Стефана своим



духовником. Однако сведения, которые сообщает Епифаний о пребывании Стефана в Москве, не подтверждаются другими источниками. В частности, что касается духовничества Стефана, то сообщение Епифания о выборе его великим князем Симеоном в свои духовные отцы ставится под сомнение завещанием Симеона¹⁵. Впрочем, и описание монашеской жизни самого Сергия, особенно ее начального периода, не отличается у Епифания большой ясностью.

Из его рассказа следует, что после ухода Стефана Варфоломей остался в Троицком монастыре один. Иноческую схиму он еще не принял. Постриг Варфоломеем игумен Митрофан — вероятно, настоятель Хотьковского монастыря. Это произошло 7 октября 1342 г. на память мучеников Сергия и Вакха. Нареченному Сергием монаху тогда было «боле двадцати лет видимою верстою», строго говоря — 20 лет и 5 месяцев. Обряд пострижения производился в основанной Стефаном и Варфоломеем церкви, в присутствии народа. Последнее сообщение Епифания расходится с его же собственными замечаниями о глухом и пустом месте, где был основан Троицкий монастырь.

Монашеская жизнь Сергия протекала уединенно. Епифаний отмечает, что в монастырь никто не приходил и Сергий «вкусал сладость безмолвия» в течение примерно двух лет. Но постепенно к нему стали сходиться чернецы. «От верх Дубны» в Троицкий монастырь пришел Василий Сухой. Дубна, правый приток Волги, протекала в переяславских землях, являвшаяся частью территории великого княжества Владимирского. Таким образом, в Радонеж шли люди не только из Ростовского княжества, но и из великого Владимирского. За Василием Сухим пришел Яков Якут, а третьим стал дядя Сергия дьякон Анисим. Постепенно число монахов достигло 12. Каждый жил в особой келье. Церковные службы отправлялись призываемыми со стороны священником и игуменом. Последний, по-видимому, считался и настоятелем Троицкого монастыря. Им был совершивший обряд пострижения Сергия Митрофан¹⁶.

Когда Митрофан умер, среди монастырской братии возникли споры, кому возглавить монастырь. Все предлагали Сергия, но он категорически отказывался, заявляя, что желание игуменства «корень есть санолоубиа». Братии стоило больших усилий уговорить Сергия принять начальство над монастырем. В конце концов Сергий решился. Поставление в игумены требовало санкции высшей церковной власти. Поскольку, как сообщает Епифаний, митрополита в то время на Руси не было (кандидат в митрополиты Алексей отправился в Константинополь), Сергий должен был обратиться к пребывавшему в Переяславле-Залесском волинскому епископу Афанасию. «Распытав» Сергия, Афанасий убедился, что претендент в игумены — человек достойный, в один день поставил его в иподьяконы, затем в дьяконы, а на утро следующего дня — в иереи. Получив право отправлять церковные службы, Сергий возглавил монастырь.

Поставление Сергия в игумены датируется довольно точно. Оно падает на время, когда глава русской церкви Алексей пребывал «въ Цариградѣ», «въ градѣ же Переяславли повелѣ быти въ свое мѣсто епископу Афонасию Вельнскому»¹⁷. Алексей ездил в Константинополь дважды. Первый раз летом 1353 г. и был там до осени 1354 г., второй — осенью 1355 г. и до весны 1356 года¹⁸. Очевидно, что Афанасий замещал Алексея во время первой поездки. Смерть игумена Митрофана, возглавлявшего братию Троицкого монастыря, следует связывать с моровым поветрием, свирепствовавшим в Московском княжестве в первой половине 1353 г. и унесшим жизни митрополита Феогноста, великого князя Симеона Ивановича, его брата Андрея. Поэтому поставление в игумены Сергия надо отнести к лету-осени 1353 года¹⁹.

Первые годы игуменства Сергия не богаты событиями. Епифаний рассказывает о приходе в Троицкий монастырь смоленского архимандрита Симона, о возвращении туда из Москвы Сергиева брата Стефана, приведшего с собой своего младшего сына Ивана, о постепенном заселении земель вокруг монастыря, распространявшейся среди окрестных жителей славе Сергия. За единственным исключением, все эти факты не имеют у Епифания хронологических опор, как и упоминаемый ранее, до сообщения о пострижении Сергия, т. е. до 1353 г., эпизод о появлении в монастыре «бесов», «въ одежах и въ шапках литовскихъ островръхыхъ». Тем не менее приурочить эти события к определенным годам все-таки можно.

Приход к Сергию архимандрита Симона — факт не совсем обычный. Почему принесший с собой «имѣние» Симон, явно занимавший высокое положение в смоленской церковной иерархии²⁰, не захотел оставаться в Смоленске, а предпочел скромный подмосковный монастырь? Летопись сообщает, что летом 1356 г. литовцы захватили смоленский город Ржеву, а осенью того же года литовский великий князь Ольгерд «воевалъ... Брянскъ и Смоленскъ», в 1359 г. захватил смоленские города Мстиславль и Ржеву, через 6 лет «осень всю стоялъ у Смоленска ратию и много зла сътворивъ и волю свою возма, поиде въсвояси»²¹. Все это

делало пребывание в Смоленском княжестве опасным, и Симон предпочел провести последние годы жизни в более спокойной обстановке в радонежском Троицком монастыре. Его появление там нужно датировать временем скорее после 1356 г. или 1359 г., но не после 1365 г., поскольку Епифаний Премудрый сообщает о прибытии туда Симона почти сразу же за рассказом о поставлении Сергия в игумены.

Но если Симон пришел в Троицкий монастырь после 1356 г., то брат Сергия Стефан вместе со своим младшим сыном Иваном появился там раньше, хотя об их приходе Епифаний пишет после рассказа о смоленском архимандрите. Судя по указаниям Епифания на возраст племянника Сергия Ивана, который не мог родиться после принятия монашеской схимы Стефаном, Ивану в момент поселения в Троицком монастыре было 12 лет. Если Иван родился в 1341 г., то прийти вместе с отцом к Сергию он должен был не позднее 1353 года. Вполне возможно, что Стефан оставил Москву и вместе с младшим сыном ушел к брату из-за морового поветрия 1353 года.

Что касается эпизода с появлением в Троицком монастыре «нечистой силы», одетой в литовское платье, то, если увидеть за рассказом действительный факт, имеется единственная возможность его интерпретации. Прямых указаний на появление литовцев у Троицкого монастыря другие источники, кроме Жития Сергия, не содержат. Однако под 1372 г. летописи сообщают о нападении литовских отрядов во главе с князьями Кейстутом Гедиминовичем и Андреем Ольгердовичем на Переяславль-Залесский, а затем об их соединении с полками тверского князя Михаила Александровича, действовавшими в районе Дмитрова²². Дорога от Переяславля-Залесского к Дмитрову проходила несколько севернее Троицкого монастыря. На этом пути литовцы и могли потревожить обитель. Так вырисовывается картина явной хронологической непоследовательности в повествовании Епифания: за рассказом о событиях 1372 г. следует рассказ об утверждении Сергия игуменом в 1353 г., затем рассказ о приходе в Троицкий монастырь Симона после 1356 г., затем известие о появлении в монастыре в 1353 г. брата Сергия Стефана с сыном Иваном. Но эта непоследовательность точно соответствует указаниям Епифания относительно того, что многие рассказы о Сергии он записывал «не по ряду, но предняя назади, а задняя наперед»²³.

Рассмотренные факты дают возможность охарактеризовать развитие Троицкого монастыря после того, как Сергей стал его настоятелем, и деятельность самого игумена. Приход в Троицу новых людей свидетельствует о притягательной силе этой обители, увеличении монастырской братии. Расширение ее было связано с поселением рядом с монастырем крестьян, превративших прежде пустынные места в «поля чиста многы». Это освоение сельским людом прилегавших к Троице земель Епифаний датирует примерно временем правления великого князя Ивана Ивановича: «Лѣт, яко мню, множае пятинадесяти... яко въ днеш княжения князя великого Ивана сына Ивана, брата ж Симионя». Если исходить из названной выше даты основания Троицкого монастыря — 1342 г., то описанная Епифанием распашка земель под монастырем должна датироваться временем около 1357 г., во всяком случае, не ранее этого года. То действительно был период княжения в Москве второго сына Ивана Калиты Ивана (лето 1353 г. — 13 ноября 1359 г.)²⁴.

Хотя к 60-м годам XIV в. возделанные поля подступали к стенам монастыря и можно было надеяться на различного рода пожертвования в пользу его братии, вскоре наступили голодные времена. Епифаний рассказывает, что голодал и сам Сергей. За «решето хльбовъ гнилых скривель» (сухарей. — В. К.) Сергей пристроил сени в келье старца Даниила (видимо, имущего монаха). Проблема пропитания братии приняла столь острый характер, что часть монахов во главе с Оносицей решила уйти из Троицкого монастыря, и только увещания Сергия и вовремя привезенное «брашно» предотвратили уход. Единственный за все время пребывания Сергия в Троицком монастыре голод в русских землях приходится на 1371 г., что позволяет отнести к этому времени строительство Сергием сеней Даниилу и голодный ропот среди братии.

Проиллюстрировав двумя этими рассказами смирение, трудолюбие и известную прозорливость троцкого игумена, Епифаний излагает еще один эпизод из жизни Сергия. Некий земледелец, который «живыи на сель своемь, орьи плугом своим и от своего труда питаася», пришел в Троицкий монастырь посмотреть на игумена, молва о котором шла по окрестным селениям. Земледельцу указали на человека в бедной одежде, что трудился «на лыскарѣ», т. е. работал киркой на своем огороде. Земледелец принял все это за насмешку: «Аз пророка видѣти приидох, вы же ми сироту указасте». Внешний вид Сергия, его работа делали его похожим на обыкновенного свободного крестьянина, которого в XIV в. называли сиротой. Но как раз в это время в монастырь въехал некий князь «съ многою грѣдостью и славою» в окружении свиты. «Сирота» оставил свою работу и начал беседу с князем, и тогда земледелец

понял, что его не обманывали: знаменитый игумен был крайне прост и скромен в своем обиходе.

Этот рассказ Епифания тоже лишен каких-либо хронологических примет. Но факт приезда в Троицу князя симптоматичен. Радонеж с уделом, согласно завещанию Ивана Калиты, принадлежал его вдове, великой княгине Ульяне. Приезд князя в монастырь был возможен, как правило, в том случае, когда князь был владельцем удела, где располагалась обитель. Поэтому появление в Троице князя с многочисленной свитой следует расценивать как признак перехода Радонежа к другому владельцу. В договорной грамоте 1372 г. московского великого князя Дмитрия Ивановича с его двоюродным братом, серпуховским князем Владимиром Андреевичем говорится: «А коли, господине, имемъ слати данщици... удѣль Ульянинъ, тобѣ, князю великому, два жеребѣя, а мѣ...»²⁵ Несмотря на дефектность документа, из приведенного текста можно понять, что в момент подписания соглашения между Дмитрием и Владимиром удел великой княгини Ульяны продолжал существовать и при сборе ордынской дани оба князя имели право посылать в него своих данщиков.

После смерти Ульяны две трети ее земель получил великий князь Дмитрий, а одну — Владимир, причем в состав его владений вошел Радонеж. Об этом свидетельствует договор 1389 года²⁶. Поскольку летом — осенью 1374 г. по просьбе князя Владимира Сергий, уже живший в «области и странѣ» этого князя, принял участие в основании Высоцкого монастыря близ Серпухова, делается очевидным, что раздел земель Ульяны состоялся между 1372 г. и летом 1374 г., вероятно, в 1373 году. Таким образом, рассказанный Епифанием эпизод с приездом в Троицкий монастырь некоего князя, под которым должен подразумеваться удельный князь Владимир Андреевич, следует датировать временем не ранее 1372 года.

Симптоматично, что в летописании имя Сергия появляется только после перехода Радонежа в руки Владимира Серпуховского. Очевидно, что изменение владельческого статуса Троицкого монастыря открыло перед его настоятелем дорогу к дворам значительно более могущественных правителей, чем вдовья княгиня Ульяна, — Владимира Андреевича и его старшего двоюродного брата великого князя московского и владимирского Дмитрия Ивановича.

Под 1374 г. летопись отмечает не только участие Сергия в основании Высоцкого монастыря близ Серпухова — главного владения его феодального патрона, но и крещение троицким игуменом 26 ноября в Переяславле сына великого князя Дмитрия Юрия. Это произошло во время большого съезда русских князей и бояр, на котором было принято историческое решение о борьбе с Мамаем²⁷. Возможно, что и Сергий принял участие в этом совещании правителей северо-восточных русских княжеств в качестве доверенного лица московских князей и тогда же стал одним из духовников великого князя Дмитрия²⁸.

Далее в Житии рассказывается об очень крупном событии в жизни основанного Сергием монастыря: присылке грамоты от константинопольского патриарха Филофея и составлении на основании патриаршего послания в Троице общего жития. Грамоту Сергию принесли «грѣкы от Констандина града». Филофей занимал патриарший престол дважды: с ноября 1353 г. по 22 ноября 1354 г. и с 8 октября 1364 г. по сентябрь 1376 года²⁹. Писать Сергию он мог в годы, соответствующие этим периодам.

Как сообщает Житие Сергия, вместе с грамотой константинопольский патриарх прислал крест, параманд (аналав) — небольшой четырехугольный платок с изображением страстей Христовых, и схиму — монашеское одеяние. Последние две вещи с течением веков исчезли, крест же сохранился. В 1918 г. выяснилось, что это небольшой (4 см) золотой нательный крест — реликварий, в котором хранились частицы мощей литовских святых, канонизированных в первой половине XIV века. Русские надписи на нем, по палеографическим признакам датируемые XIV—XV вв.³⁰, едва ли сделаны при патриаршем дворе в Константинополе, но они могли быть нанесены на присланный из Византии крест позднее для сохранения памяти о связанных с крестом частицах мощей святых; по технике исполнения он вполне может быть отнесен к XIV веку. Таким образом, Филофей действительно прислал Сергию крест, а вместе с ним, очевидно, предметы монашеского одеяния и грамоту, где содержался совет учредить в монастыре общежительство.

Рассказ Жития Сергия о грамоте константинопольского патриарха и дарах троицкому игумену интерпретируется многими исследователями так, что послание и дары были доставлены возвратившимся в Москву из Константинополя только что утвержденным в сане русского митрополита Алексеем. Но это вызывает возражения. Ни Филофей, ни Алексей не могли знать, что Сергий стал игуменом основанного им монастыря. Это произошло как раз в отсутствие Алексея, когда местоблюстителем митрополичьего стола вся Русь был пребывавший в Переяславле-Залесском вольницкий епископ Афанасий, который и рукоположил

Сергия в игумены. Показательно также сообщение Жития, что, получив патриаршую грамоту и поминки, Сергей отправился с ними за советом к митрополиту Алексею. Если послание и дары Филофея были переданы Сергию через Алексея, то какой смысл было троицкому настоятелю показывать их митрополиту? Ясно, что грамота Филофея, крест, параманд и схима были посланы Сергию не в 1354 г., а позднее, в период второго патриаршества Филофея, т. е. между октябрём 1364 г. и сентябрём 1376 года.

Источники отмечают несколько поездок в этот промежуток времени доверенных церковных лиц из Константинополя в Москву: в июле 1370 г., в августе 1371 г., начале 1374 года. Наконец, «тое же зимы» 1376 г. от патриарха Филофея к митрополиту Алексею прибыли два протодиакона, «сановника суца, единъ ею именем[ъ] Георгии, а другыи Иванъ»³¹. Речь идет, как справедливо полагает Г. М. Прохоров, о Георгии Пердики и Иоанне Докиане, в течение многих лет занимавшихся при патриаршем дворе делами русской церкви. После резкого конфликта, происшедшего в русской церкви в 1375 г., эти сановники были посланы на Русь вместе с поставленным 2 декабря 1375 г. митрополитом Киприаном, чтобы произвести дознание о жизни Алексея, который после 1363 г. перестал посещать литовские епархии и поддерживал противников литовского великого князя Ольгерда; выслушать, что будут говорить против Алексея обвинители и свидетели, и донести о результатах константинопольскому собору³².

Именно с посольством Георгия Пердики и Иоанна Докиана связано, видимо, патриаршее послание Сергию Радонежскому и присланные ему дары. В самом деле, в 1370 или 1371 г. троицкий игумен был еще фигурой малоизвестной в высоких светских и церковных кругах Московского великого и сопредельных княжеств. В 1374 г. Филофей мог передать свое послание и дары Сергию через Киприана, тем более, что путь последнего ранней весной 1374 г. пролегал близ Троицкого монастыря. Но Киприан ехал с митрополитом Алексеем, а в Житии сказано, что, получив грамоту и дары от патриарха, Сергей отправился с ними в Москву, чтобы посоветоваться с митрополитом Алексеем. Следовательно, описанная в Житии ситуация не соответствует обстоятельствам 1374 г., к тому же неясно, стал ли Сергей к весне 1374 г. духовником великого князя. Скупой рассказ Жития как нельзя лучше соответствует событиям времени приезда в Москву Пердики и Докиана. Из постановления Константинопольского собора 1380 г. видно, что приехавшие в Москву патриаршие представители должны были вести переговоры не только с митрополитом Алексеем, но и узнать мнение «обвинителей и свидетелей» о деяниях главы русской церкви, т. е. иметь беседы с высокопоставленными церковными и светскими лицами. Сергей Радонежский, ставший к тому времени одним из духовных наставников московского великого князя, принадлежал к таким лицам.

Главной же целью приезда патриарших послов в Москву было объяснение решения патриарха Филофея фактически разделить единую Русскую митрополию, поставив в Киеве особого митрополита³³. При этом в Москве послам важно было заручиться поддержкой патриаршей политики со стороны влиятельных лиц, и Сергию посылается не только грамота Филофея, но и преподносится драгоценный крест с частицами мощей литовских православных святых — прозрачный намек на состояние дел в литовских епархиях, имевших своих мучеников веры, но не имевших надлежащего попечения и руководства. Понятно, почему с этими дарами Сергей отправился в Москву к митрополиту Алексею. Ведь речь шла не только о совете патриарха ввести в Троице общежитный устав, но прежде всего о позиции Сергия относительно предпринятой в Константинополе реорганизации высшей русской церковной власти. Очевидно, беседа Сергия с Алексеем после получения первым патриаршего послания не поколебала приятных чувств троицкого игумена к своему владыке, и Сергей принял сторону митрополита Алексея, выступая за целостность русской церковной организации и управление ею единым митрополитом. Мнение Сергия, видимо, не отличалось от позиции московского правительства и митрополичьей кафедры в Москве, откуда в Константинополь была отправлена жалоба на «незаслуженное оскорбление», нанесенное поставлением в митрополиты Киприана³⁴. Эта позиция Сергия в вопросах церковного устройства очень ясно обозначилась в последующие годы.

Г. М. Прохоров на основании данных Рогожского летописца относит приезд в Москву посланцев патриарха Филофея к марту 1376 года. Однако использованные им в качестве датирующих известия о походе Дмитрия Московского за Оку, приезде в Киев Киприана и осенней эпидемии в Киеве являются вставками в текст Рогожского летописца, их нет в соответствующих статьях близких этому летописцу Симеоновской летописи и Владимирского летописца³⁵. Если не принимать во внимание вставки, то сообщению о прибытии в Москву патриарших послов в Рогожском летописце предшествует известие с точной датой:

пятница 17 октября, что соответствует 17 октября 1376 г., а последует сообщение с другой точной датой: понедельник 16 марта, что приходится уже на 1377 год. На этом основании приезд патриарших послов должен датироваться скорее всего январем — февралем 1377 г., чему имеются и косвенные подтверждения.

Итак, первые месяцы 1377 г., а не 1354 г. должны считаться началом общежительства в Троицком монастыре. До этого сподвижники Сергия, да и он сам жили особно. Каждый занимал свою келью, существовал на собственные средства. Обеспеченные монахи, вроде того Даниила, сени которому делал Сергий, не делились своим достатком с малоимущей братией. Каждый старался обеспечить себя сам. Введенное Сергием по рекомендации патриарха Филофея общее житие в монастыре в корне изменило существовавший порядок. Было принято новое правило: «Никому же ничто же не дрѣжати отнудь, ни мало, ни много, ни своим звати, но вся обща имѣти». Все монахи были разделены по службам: келарь — хранитель общих монастырских запасов, повар, хлебники, милосердные братья, ухаживавшие за больными. Общежительный устав превращал сподвижников по духу в единый производящий коллектив, заставлял трудиться всех способных к этому, сплачивал монашествующих в единую корпорацию.

И хотя на протяжении длительной истории Троице-Сергиева монастыря были периоды, когда богатые постриженники стремились «сладко ясти и мягко спати», как они это делали в мирской жизни, отдельно от остальных³⁶, общежительство восторжествовало, и не сразу, но постепенно Троицкий монастырь превратился в богатейшую духовную корпорацию. В XVII в. он обладал таким количеством дворов зависимых людей, которое почти равнялось числу дворов, принадлежавших патриарху, митрополитам, архиепископам и епископам всей русской церкви вместе взятым³⁷. У истоков этого длительного исторического процесса, превратившего Троицкий монастырь в богатейшую обитель России, стоял Сергий Радонежский. Впрочем, введение им общежительного устава было встречено частью монастырской братии крайне враждебно. По свидетельству Жития, некоторые из монахов покинули монастырь, не желая разделять общие труды и заботы.

Это упоминание о конфликте части монахов с настоятелем предшествует в Житии рассказу о конфликте Сергия со всею братиею. На первый взгляд, повод для этого был незначительный. В один из субботних дней во время приготовления к церковной службе Сергий вдруг услышал, как его брат Стефан сказал канонарху (устроителю церковного пения): «Кто есть игумен на мѣстѣ сем? Не аз ли прѣжде сѣдохъ на мѣстѣ сем?» Обидевшись на брата, вдруг высказавшего претензии на верховенство в монастыре, Сергий покинул Троицу и пошел в Кинелу, граничившую с Радонежем переяславскую волость. Переночевав в дороге, он на другой день пришел в Махрицкий монастырь, где игуменом был Стефан. Попросив у него монаха, Сергий обошел с ним окрестные места и в одном из них на р. Киржаче основал свой монастырь Благовещения Богородицы. Там с благословения митрополита Алексея он поставил церковь. Средства на строительство — «серебро довольно» — давали князья и бояре.

Однако троицкая братия не хотела отпускать своего игумена. Монахи бросились на розыски, нашли Сергия, просили вернуться, но он оставался непреклонен. Тогда братия обратилась к митрополиту Алексею, тот послал к Сергию архимандритов Герасима и Павла, являвшихся, по-видимому, митрополичьими апокрисиариями — церковными чиновниками для особых поручений, которые передали ему повеление митрополита. Сергий не осмелился ослушаться и возвратился в Троицу. В киржачский же монастырь игуменом был поставлен троицкий постриженник Роман. Так, согласно Житию Сергия, закончился этот эпизод, имевший место еще при жизни митрополита Алексея, т. е. до 12 февраля 1378 года³⁸.

Упоминание игумена Стефана Махрицкого ведет ко времени после 1370 г., когда тот основал свой Троицкий монастырь³⁹. Уйдя из Троицы и получив помощь от Стефана Махрицкого, Сергий возвел монастырь на р. Киржаче. И Махрицкий монастырь, и новопостроенный Сергием монастырь Благовещения Богородицы находились в переяславских, а не в радонежских пределах. Переяславские же земли состояли под юрисдикцией великого князя Дмитрия Ивановича. Очевидно, основание Сергием монастыря на Киржаче означало его переход под великокняжеское покровительство. А успешнее сделать это Сергий мог после того, как стал духовным отцом великого князя. В этом случае хронологические рамки события сужаются до периода 1374 — 12 февраля 1378 года.

Дальнейшее уточнение времени ухода Сергия из монастыря может быть связано с замечанием агиографа (Епифания или Пахомия), что претензии Стефана на игуменство в Троице были высказаны тогда, когда среди братии «встает молва... яко не хотѣти Серигева старѣшинства»⁴⁰. В этих словах выражено явное противостояние Сергию по меньшей мере части троицких монахов. Очевидно, выразителем их недовольства и стал брат Сергия Стефан.

Если припомнить все, что сказано Епифанием о Стефане, то, несмотря на многие неточности в его сочинении, выпукло выявится одна важная черта в биографии старшего брата Сергия: его близость к московской аристократии и высшему духовенству. Роптание на Сергия в период между 1374 и началом 1378 г. могло быть вызвано именно введением в Троицком монастыре общежительного устава. Очевидно, 1377 г. и был годом такого роптания, вызвавшего уход Сергия под покровительство великого князя, основание нового монастыря на Киржаче, наконец, возвращение при поддержке князей, бояр и митрополита в старую обитель, после чего, судя по всему, и состоялось удаление из монастыря тех монахов, которые ратовали за особое житие.

С этим фактом нужно связывать и переселение части троицкой братии во главе с племянником Сергия Федором в Симонов монастырь. Рассказ Жития о Федоре рисует отношения с ним Сергия в самых радужных тонах. Питая теплые чувства к племяннику, преисполненному почтительности, смирения и послушания, Сергий хотел видеть Федора своим преемником в Троицком монастыре. Федор же стремился основать свой монастырь. В конце концов Сергий склонился на просьбы племянника отпустить его, хотя это и было ярко выраженным проявлением «санюлюбия». С частью троицких монахов Федор отправился в Москву и там у митрополита Алексея выпросил благословение на поиск пустынного места для монастыря. «Мѣсто таково, зовомое от дрѣвних Симоново, близ рѣкы Москвы, недалече от града»⁴¹ было найдено. Его осмотрел Сергий, одобрил выбор Федора, и тот возвел здесь церковь Рождества Богородицы, трапезную и кельи, где стали жить монахи. Симонов монастырь был организован так же, как и Троицкий, — по общежительному уставу. Монастырь вскоре прославился, из его братии стали поставлять игуменов в другие монастыри и даже епископов на епархиальные кафедры. Сам Федор был поставлен в архиепископы Ростовские и в этом сане скончался.

Таково содержание рассказа о Симоновом монастыре в Житии Сергия, рассказа довольно краткого, о многом умалчивающего, написанного или дописанного в довольно позднее время. Поскольку Житие упоминает о поставлении из Симонова монастыря «овѣх на епископство», очевидно, что такое упоминание не могло появиться ранее 1406 года. Позднее же происхождение повествования о переходе Федора в Симонов монастырь заставляет с известной осторожностью относиться к изложенным в нем сведениям и их интерпретации. В самом деле, уже утверждение, что Симонов монастырь основан Федором на пустынном месте, вызывает сомнения. Свидетельство о великокняжеских владениях в районе Симонова монастыря относится к более раннему времени, чем то, когда действовал Федор. Уже в духовных грамотах 1359 г. упоминается св. Богородица на Крутице, которой предназначалась четверть великокняжеской коломенской тамги⁴². Крутица, по более поздним источникам, — местность рядом с Симоновым монастырем. Вполне вероятно, что в древности это название распространялось и на ту территорию, которую впоследствии занял Симонов монастырь.

Строительство монастыря не могло быть чисто церковным делом, как это рисуется в ранней редакции Жития, а должно было направляться и контролироваться великокняжеской властью. И действительно, судя по сказанному во II Пахомиевской редакции Жития, Сергий неволею отпустил Федора, «умоленъ бысть... великим князем Дмитрием Ивановичем и архиепископомъ Алексѣем»⁴³. Таким образом, великокняжеская власть все-таки вмешалась, и обретение Федором места «близ рѣкы Москвы, недалече от града» нельзя представлять себе как находку в пустыне; речь должна идти или о возобновлении запустевшего великокняжеского монастыря, или о его расширении, может быть, строительстве на новом месте, но близ старого. Не случайно, конечно, Федор, согласно Житию, ставит в Симоновом монастыре церковь Рождества Богородицы, а позднее закладывает церковь Успения Богородицы, явно повторяя название существовавшей здесь в 1359 г. церкви св. Богородицы.

Таким образом, 1377 год стал годом крупных потрясений в Сергиевой обители, роптание монахов на игумена усилилось здесь настолько, что в дело вмешались и митрополичья, и великокняжеская власти; страсти удалось потушить, недовольные друг другом чернецкие группировки были разведены, но Троицкий монастырь был сохранен за Сергием. Отголоски этих роптаний и борьбы в Троицком монастыре заметны в Послании Киприана Сергию Радонежскому и Федору Симоновскому от 3 июня 1378 г.: «Молюся богови, да пребываите в спасении душевном с богом даною вам братьею. Наставляйте их к путем спасеным». В другом послании, относящемся скорее всего также к 1378 г., он же писал Сергию: «Ты же прележи своей пастве, ведый, яко о них слово въздаси богови. Аще ли кто не послушает, о том болши прилежи и учи»⁴⁴.

Два следующих рассказа Жития описывают поведение Сергия в очень сложной для русской церкви обстановке 1378 (или конца 1377) — 1379 годов. Согласно первому рассказу,

митрополит Алексей перед смертью послал одного из своих бояр к троицкому игумену. Когда тот явился, митрополит повелел принести крест, украшенный золотом и драгоценными камнями, и параманд. Один из митрополичьих бояр передал их Сергию, сказав, что это — дар Алексея. Сергей поблагодарил за подарок, но отказался его принять: «Ни бо от юности моша не бых златоносець, ныне же на старости паче хотѣлъ бы в нищетѣ прѣбывати». Митрополит, однако, настоял на своем и, сняв с Сергия его крест и параманд, заменил их новыми. Затем, оставшись наедине с Сергием, Алексей заговорил о своем преемнике на митрополичьем столе и желании видеть в Сергии будущего митрополита всея Руси. При этом Алексей сказал Сергию, что «и сам князь великий зѣло желает тя и вси бояре его». В ответ на это Сергей, по словам его агиографа, «зѣло оскръбися, яко и образу измѣнитися», и решительно отвел предложение митрополита «выше своеа мѣры въсходити на степень». Договорившись, что о разговоре не узнает ни одна душа, Сергей возвратился в свой монастырь.

Обычно этот рассказ не подвергают сомнению, принимая его таким, каков он есть, и вводя в описание образа троицкого игумена еще одну черту — отказ принять высший в русской церкви сан. Само такое предложение уже звучит лестно и может характеризовать личность Сергия. Однако в рассказе Жития нельзя не заметить явного несоответствия. Предложение митрополита Алексея было высказано Сергию в сугубо доверительной беседе, с глазу на глаз, о ее содержании никто не должен был знать, но оно оказалось все-таки описано в Житии. Состоялась ли такая беседа, отразил ли в своем рассказе агиограф слухи или это лишь его домысел? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо прояснить позиции двух крупных русских церковных деятелей относительно судеб Русской митрополии в конце 70-х годов XIV века.

Назначение Киприана митрополитом всея Руси с передачей ему православных епархий в Литве вызвало бурные протесты в Москве, а поскольку преклонные годы митрополита Алексея не позволяли надеяться на длительное удержание им верховной церковной власти, потребовалось срочно подобрать своего кандидата в митрополиты. Выбор пал на Михаила-Митяя, духовника и печатника московского великого князя Дмитрия Ивановича. В первой половине 1376 г. Митяй из бельца превратился в чернеца и в одночасье был поставлен в архимандриты придворного кремлевского Спасского монастыря⁴⁵. Что касается митрополита Алексея, то он поддержал креатуру великого князя. В 1378 г. митрополит Киприан упрекал умершего Алексея: «Не умѣти было ему наслѣдника оставляти по своей смерти». Очевидно, Алексей санкционировал поставление Митяя в спасские архимандриты и дальнейшее замещение им митрополичьей кафедры. Прокиприановский летописный рассказ о Митяе также отмечает причастность Алексея к выдвижению Митяя⁴⁶. Поэтому сообщение Жития Сергия о сделанном ему предложении митрополита Алексея стать преемником представляется сомнительным. А сообщения о желании великого князя и всех его бояр поставить во главе русской церкви Сергия не подтверждаются источниками. Даже из резко антимитяевского летописного рассказа о борьбе за митрополичью кафедру в 1378—1381 гг. становится ясно, что Дмитрий Иванович и его окружение хотели видеть митрополитом именно Митяя.

Как же относился к нему Сергей? В летописном рассказе о попытке княжеского фаворита Михаила-Митяя стать русским митрополитом есть характерная деталь. Летописец сообщает, что поссорившийся с Митяем суздальский владыка Дионисий решил отправиться в Константинополь. Митяй, боясь, что Дионисий может ему там навредить, уприсл великого князя запретить Дионисию поездку. Тот не нашел ничего лучшего, как «Дионисиа нуею удрѣжати». По меньшей мере ограниченный в передвижении, Дионисий попытался освободиться и дал слово великому князю не ходить в Константинополь: «Ослаби ми и отъпусти мя, да живу по волю, а уже къ Царюграду не иду безъ твоего слова». Дионисий назвал и поручителя — игумена Сергия. Великий князь поверил Дионисию и отпустил его, взяв с него обещание год не ездить в Константинополь. Но как только Дионисий получил свободу, он «съ недѣлю не помедливъ и въскорѣ бѣжаниемъ побѣжа къ Царюграду, обѣтъ свои измѣни, а поручника свята выдалъ»⁴⁷.

Конечно, дав поручительство за Дионисия, Сергей действовал отнюдь не в интересах Митяя. А вероломство Дионисия должно было по меньшей мере резко охладить отношения Сергия с Митяем и поддерживавшим его великим князем. Поэтому представляется правдоподобным указание Жития на то, что Митяй, к тому же подозревавший Сергия в желании стать митрополитом, после своего поставления в митрополиты грозился уничтожить Троицкий монастырь. Сергей в ответ на угрозы заявлял, что Митяй не только не получит митрополичьего сана, но даже и Константинополя не увидит. Так оно и случилось. Впрочем, сообщение об этом предвидении Сергия — не более чем литературный прием, поскольку весь рассказ о Митяе в Житии Сергия списан с сильным сокращением из соответствующей летописной

статьи, где подробно говорилось о неожиданной смерти любимца великого князя на корабле при подходе к Константинополю.

Послание же Киприана Сергию Радонежскому и Федору Симоновскому, датированное 3 июня 1378 г., позволяет думать, что и в первое время после смерти митрополита Алексея отношения между Сергием и Митяем отнюдь не были лучезарными. Митрополит извещал обоих игуменов о начавшейся своей поездке в Москву и заранее просил о свидании: «Вы же будите готовы видетися с нами, где сами погадаете. Велми жадаю видетися с вами и утешитися духовным утешением». Последняя фраза свидетельствует о приятных отношениях между приближавшимся к Москве митрополитом — соперником Митяя и Сергием с его племянником. Видя в Митяе ставленника великого князя, Киприан писал Сергию и Федору: «Слышу о вас и о вашей добродетели, како мирская вся мудрования преобидите и о единой воли божией печетесь»⁴⁸. «Мирская вся мудрования» исходили от великого князя, стремившегося посадить на Русскую митрополию Митяя. Очевидно, Сергей этих великокняжеских замыслов не разделял.

Правда, расчеты Киприана на поддержку Сергия Радонежского и Федора Симоновского оказались преувеличенными. В послании, датированном 23 июня 1378 г., Киприан осыпал их упреками за то, что они не заступились за него, когда он по приезде в Москву был по велению великого князя арестован, ограблен и выслан из столицы. «Вы же, иже мира отреклися есте и иже в мирѣ, и живете единому богу, како толику злобу видивъ, умолчали есте?» — вопрошал потрясенный случившимся Киприан и продолжал: «Аще хочете добра души князя великого и всей отчнѣи его, почто умолчали есте? Растерзали бы есте одежи своя, глаголали бы есте предъ цари не стыдся: аще быша васъ послушали, добро бы; аще быша васъ убили, и вы святы... Не вѣсте ли писание, глаголющее, яко аще плотьскыхъ родитель клятва на чада чадомъ падаетъ, колми паче духовныхъ отецъ клятва, и та сама основания подвиже[тъ] и пагуби предаеть?»⁴⁹ Киприан упрекал Сергия и Федора как духовников великого князя, которые должны были наставлять и поучать своего духовного сына, но этого не делали. В момент решительного столкновения между московским великим князем и поставленным в Константинополе митрополитом у них не хватило мужества заступиться за своего духовного владыку и осудить владыку светского, но своей принципиальной линии Сергей (в отличие от Федора) не изменил, через несколько месяцев поручившись за Дионисия.

Как объяснить, что первоначально при назначении Киприана Сергей поддержал не его, а Алексея, но после смерти Алексея оказался на стороне неугодного великому князю Дмитрию Киприана? Логику поведения троцкого игумена можно понять. После поставления Киприана Сергей поддержал Алексея, поскольку ратовал за единство митрополии вся Русь и назначение Киприана расценивал, скорее всего, как не вполне законное, ибо митрополичья кафедра не была вакантной, ее продолжал занимать Алексей. По кончине Алексея Киприан стал олицетворять единство Русской митрополии, а возведение на кафедру Митяя, во-первых, нарушало постановление патриарха Филофея 1375 г., во-вторых, грозило если не формальным, то по меньшей мере фактическим расколом митрополии вся Русь.

Окончательный распад Русской митрополии и произошел через несколько десятилетий, но уже в 1378 г. дальновидным деятелям была ясна дилемма: или стремиться удержать единство, а значит, сохранить идеологический, политический и в какой-то мере хозяйственный потенциал православной церковной организации в Восточной Европе, ослабить ее зависимость от светской власти, или, наоборот, целиком перейти под ее покровительство, идти по пути создания национальных церквей. Сергей выбрал путь единства Русской митрополии, поставив церковное выше светского. Поэтому он должен был разойтись с великим князем, хотя в 1378 г. еще не отваживался на открытую поддержку Киприана.

К 1378 г. относится еще одно событие, которое, как и другие эпизоды биографии троцкого игумена, в Житии не имеет точной даты, а в литературе, как правило, связывалось с Куликовской битвой. Речь идет о приезде в Троицкий монастырь великого князя Дмитрия и о его беседе с Сергием. Вот это житийное повествование, цитируемое по древнейшей, I Пахомиевской редакции: «О побъжении татаръ и иже на Дубенкѣ о монастыри. Нькогда же приде князь великий в монастырь къ преподобному Сергию и рече ему: «Отче, велиа печаль обдержит мя. Слышах бо, яко Мамаи въздвиже всю Орду и идет на Русскую землю, хотя разорити церкви, их же Христос кровию своею искупи. Тѣм же, отче святыи, помолли бога о том, яко сия печаль обща всѣм хрестияномъ есть». Преподобнии же отвѣща: «Иди противу их и, богу помогающе ти, побѣдиши, и здравъ съ вои своими възвратишися, токмо не малодушствуи». Князь же отвѣща: «Аще убо бог поможет ми молитвами твоими, то пришед поставлю церковь въ имя пречистыа владычица наша богородица честнаго еа Успения и монастырь съставлю общаго житиа». Слышанно же бысть, яко Мамаи идет с великою силою.

Князь же, събравъ воя, изыде противу их, и бысть по пророчеству святого Сергия, и побѣдивъ, татары прогна, и сам здравъ съ вои своими възвратися. И тако моливъ святого Сергия обрѣсти мѣсто подобно, иде же црѣковь сътворити. И тако обрѣтше мѣсто подобно, призва же князя великаго, и основаста церковь, иже и вскорѣ сътворише церковь красну во имя пречистыа на Дубенкѣ, и съставиша обще житие. Постави же единого от ученикъ своих игумена в том монастыри, сам же паки възвратися въ свои ему монастырь»⁵⁰.

Этот рассказ был существенно пополнен Пахомием Сербом в III редакции Жития Сергия. Источником дополнений послужила т. н. Пространная летописная Повесть о Куликовской битве, восходящая к митрополичьему своду 1423 года. В III редакции Жития соответствующий раздел получил иной заголовок: «О побѣдѣ великаго князя Дмитриа над безбожнныа агаряны»⁵¹ и воспринимался уже как рассказ о событиях 1380 года. В начале XVI в. в Сказании о Мамаевом побоище описание свидания Дмитрия Ивановича с Сергием пополнилось красочными подробностями, все это и стало достоянием исторической науки. Между тем воспроизведенный выше текст самого раннего повествования об этом свидании дает основание связывать его не с нападением Мамаея в 1380 г., а с иными событиями.

При великом князе Дмитрии Ивановиче был двумя годами раньше момент, когда ордынский правитель предпринял большой поход «на Русскую землю». Слова «въздвиге всю Орду» в Житии больше соответствуют событиям 1378 г., поскольку в 1380 г. Мамай собрал силы не только Орды, но и ее союзников. К тому же в 1380 г. московский князь ожидал нападения со стороны не только Орды, но и Литвы⁵², в беседе же Дмитрия с Сергием упоминается лишь один враг — Мамай.

В I Пахомиевской редакции Жития Сергей напутствует Дмитрия: «Токмо не малодушствию» (в последующих переделках памятника эта фраза снята). Если предположить, что их беседа протекала в канун Куликовской битвы, то такая фраза звучит не вполне уместно. Ведь перед тем Дмитрий Иванович одержал блестящую победу над татарами на р. Воже, и не было веских оснований ожидать от него проявлений душевной слабости. Другое дело 1378 год, когда побед над Мамаем не одерживали, зато было страшное поражение русских полков, в том числе великаго князя, на р. Пьяне в 1377 году. Так что, раздумывая, выступать ли против Орды в 1378 г., великий князь мог действительно проявить колебания.

Сама победа, одержанная Дмитрием Ивановичем, решившимся на борьбу с ордынцами после беседы с Сергием, описана в Житии очень лапидарно: «...и побѣдивъ, татары прогна». Между тем в 1380 г. Мамаю на Куликовом поле был нанесен смертельный удар, от которого он так и не смог оправиться. Иное дело — битва на Воже: после поражения и бегства Бегича Орда сохранила свои силы, и через два года Мамай снова бросил их на Русь. Оценка «татары прогна» гораздо лучше соответствует ситуации 1378, чем 1380 года.

Окончательно склоняет отнести встречу Сергия с великим князем к 1378, а не к 1380 г. летописное известие об освящении 1 декабря 1379 г. церкви Успения Богородицы и соответствующего монастыря «на рець на Дубенкѣ на Стромьинѣ», сооруженных «повѣлением князя великаго Дмитриа Ивановича»⁵³. Очевидно, что в летописи говорится о том самом монастыре, который князь обязался поставить, если победит Мамаея. А поскольку Успенский Дубенский монастырь был освящен 1 декабря 1379 г., то победу Дмитрия Ивановича над татарами и предшествующую ей встречу его с Сергием надо датировать 1378 годом. Правда, в литературе еще с начала XIX в. существует версия, будто в летописи и в Житии одинаково — Успенский Дубенский монастырь — названы две совершенно разные обители, основанные по просьбе Дмитрия Ивановича Сергием. На этом особенно настаивает в последнее время Н. С. Борисов, впрочем, не пытаясь выяснить, откуда возникла сама мысль о существовании в XIV в. второго Успенского Дубенского — Шавыкинского (в отличие от Стромьинского) монастыря, не упоминаемого в источниках XIV—XV веков.

Если допустить, что Шавыкинский монастырь был возведен по обету Дмитрия Донского после Куликовской победы в 1380 или близком к нему году⁵⁴, то чем тогда объяснить, во-первых, что это произошло уже через год или два после освящения то же обетного, тоже Успенского и тоже Дубенского монастыря? Во-вторых, как известно, второй (Шавыкинский) монастырь находился на территории, в XIV в. входившей в состав великаго княжества Владимирского. Получается, что обетный монастырь поставлен не на отчинной, наследственной земле князя-критора, подобно Дубенскому Стромьинскому монастырю, а на приобретенной. Наконец, если Шавыкинский монастырь был основан в честь Куликовской победы, то почему он посвящен Успению богородицы? Ведь разгром Мамаея пришелся как раз на день ее рождества (8 сентября), и в селах, возникавших на Куликовом поле, ставились церкви в честь не Успения, а Рождества богородицы, явно напоминавшие о победе 1380 года⁵⁵. Все противоречия снимаются при отождествлении монастыря на Дубенке Жития Сергия именно с Дубенским

Стромынским монастырем, возведенным в 1378—1379 гг. по случаю победы Дмитрия Ивановича на Воже и посвященным Успению богородицы (русские одержали победу над татарами 11 августа, незадолго до Успенева дня, т. е. 15 августа). Очевидно, что беседа Сергия с великим князем имела место в 1378 году.

Поскольку сражение с Бегичем произошло вне пределов владений великого князя (как и Куликовская битва), надо думать, что сведения о движении ордынских войск московский князь сумел получить заблаговременно. Косвенно об этом свидетельствует усиленная охрана границ Московского княжества, с чем и пришлось столкнуться Киприану в июне 1378 года⁵⁶. Видимо, о движении туменов Бегича в Москве стало известно месяца за полтора до битвы. Тогда встреча великого князя со своим духовником должна была состояться в 20-х числах июня — начале июля 1378 г., т. е. примерно в то время, когда Сергей получил полное упреков Послание Киприана. Поездка великого князя в конце июня — начале июля 1378 г. в Троицу означала, возможно, не столько желание посоветоваться с духовным наставником о делах военных, сколько демонстрацию благорасположения к колеблющемуся в делах церковных влиятельному игумену. В результате Сергей так и не внял советам Киприана обличить Дмитрия, арестовавшего митрополита Киприана, и доверительные отношения между духовником и великим князем были сохранены. Во всяком случае, поручительство Сергия за Дионисия Суздальского весной — летом 1379 г. было воспринято Дмитрием Ивановичем с полным доверием.

После бегства Дионисия отношения между духовным сыном и его духовным отцом оказались нарушенными. Не случайно в рассказе об основании Дубенского монастыря в Житии указывается, что Сергей и Дмитрий «основаста церковь», т. е. при закладке обетного храма великий князь присутствовал, это было, видимо, в 1378 г., а когда церковь построили, Сергей один, уже без участия Дмитрия, поставил туда игумена. И при освящении 1 декабря 1379 г. Успенской церкви в новом Дубенском монастыре великого князя, судя по летописи, не было: охлаждение между ним и троицким игуменом продолжалось. Оно длилось несколько лет, и только в 1385 г. прежние отношения были восстановлены.

За 1380—1385 гг. сведений о деятельности Сергия почти нет. Летопись отмечает только, что в конце мая — июне 1381 г. Сергей вместе с митрополитом Киприаном крестил родившегося в семье обладателя Радонежа князя Владимира Андреевича сына Ивана. Однако появившихся на свет в 1379 г. и 1382 г. сыновей великого князя Дмитрия Ивановича (Семена и Андрея) Сергей не крестил⁵⁷. В конце августа 1382 г., когда Москва и Переяславль-Залесский подверглись нападению Тохтамыша, Сергей укрылся в Твери, где переждал ордынскую грозу бежавший из Москвы митрополит Киприан⁵⁸, но не последовал за великим князем, спасавшимся в Костроме.

Крещение в 1381 г. вместе с Киприаном сына Владимира Андреевича и отъезд в следующем году вместе с митрополитом в Тверь показывают, что Сергей по-прежнему держал сторону главы русской церкви, а не великого князя. Дмитрий Донской, примирившийся было с Киприаном, вызвавший его из Киева в Москву в мае 1381 г., уже осенью 1382 г. выслал его обратно⁵⁹. Гнев Дмитрия Ивановича имеет свое объяснение. Взяв Москву 26 августа 1382 г., Тохтамыш через «не много дней», примерно в первой декаде сентября, оставил ее. Киприан же, находившийся в Твери, в Москву все не ехал. Только тогда, когда Дмитрий Донской послал к нему своих бояр, митрополит собрался в дорогу, выехал из Твери 3 октября и 7 был в Москве. Но когда он еще находился в Твери, тверской князь Михаил Александрович, в течение многих лет враждовавший с Дмитрием Московским, отправился в Орду к Тохтамышу, «ища великаго княжения»⁶⁰. Такой шаг едва ли мог быть предпринят без ведома митрополита. Киприан же, натерпевшийся в 1378 г. от московского князя, не был против того, чтобы владимирский стол занял тверской князь, к тому же родственник великих литовских князей, властвовавших над населением западных епархий Русской митрополии. Задерживаясь в Твери, митрополит, судя по всему, дожидаясь там возвращения Михаила Александровича от Тохтамыша, что и побудило Дмитрия Ивановича вновь выслать его из Москвы и окончательно порвать с ним всякие отношения.

Естественно, великий князь не мог благоволить людям, близким Киприану. И размолвка Дмитрия Ивановича со своим духовником продолжалась. Лишь в 1385 г. Дмитрий Донской, переживший не только тяжелую драму захвата в 1382 г. Москвы и других русских городов Тохтамышем, но и серьезные неудачи в своей церковной политике (после безуспешных попыток провести своего кандидата на митрополию всяя Руси великому князю пришлось иметь дело, по сути, с самозванным главой русской церкви митрополитом Пименом), сумел, наконец, примириться с постоянством Сергия и вновь приблизил его к себе. 29 июня 1385 г. у Дмитрия Донского родился сын Петр, «и крести его Сергии игумень, преподобный старец»⁶¹.

В самом конце 1385 г. Сергей отправился к рязанскому князю Олегу Ивановичу. Это была дипломатическая миссия, положившая начало совершенно новому периоду в московско-рязанских отношениях. С 1382 г., когда Олег нарушил заключенный с Дмитрием Донским договор 1381 г. о союзе против татар и помог Тохтамышу, отношения Москвы с Рязанью резко обострились. Осенью 1382 г. Дмитрий послал свою рать на Рязань и сжег ее; Олег, выждав удобный момент, в свою очередь весной 1385 г. захватил и разграбил отчинный город великого князя Коломну. Но летом 1385 г. тот, «сбравъ воя многы», отправил их на Рязань. Поход оказался безуспешным.

В том же 1385 г. разразился конфликт с новгородским владыкой Алексеем из-за назначения в Москве епископом в Пермь Стефана Храпа, что было воспринято новгородцами как попытка отторгнуть от них Пермь; назревала война с Новгородом. В этих обстоятельствах и отправился в декабре 1385 г. Сергей к рязанскому князю Олегу⁶². В жизни троицкого игумена это был единственный случай, когда ему пришлось исполнять светское дипломатическое поручение. Как правило, они давались боярам. Сергей справился со своей миссией вполне успешно. В результате длительных переговоров с Олегом тот «преложи сверѣпство свое на кротость» и заключил с великим князем «мир вѣчныи». После этого Рязань уже никогда не воевала с Москвой.

Хотя последующие известия о Сергии в источниках редки и лапидарны, на их основании можно судить о продолжавшемся участии его в политических событиях своего времени. В мае 1389 г. он в качестве духовного отца великого князя Дмитрия Ивановича присутствовал при составлении его завещания, внесшего существенные изменения в порядок престолонаследия и раздела между преемниками подвластных московскому великому князю владений. Сергей был и на похоронах Дмитрия Донского⁶³.

Его он пережил на три года. За это время уже нет фактов участия Сергия в общественной жизни. Епифаний рассказывает о длительной болезни, предчувствии смерти, отказе от игуменства и поставлении вместо себя Никона. Последнее подтверждается одним документом Троице-Сергиева монастыря⁶⁴. В IV Пахомиевской редакции Жития сообщается, что поставление Никона имело место за 6 месяцев до кончины Сергия. Если так, то Никон стал игуменом в марте 1392 г., болезнь же Сергия началась еще раньше. В летописи сохранилось свидетельство о длительном недомогании Сергия, случившемся еще в 1375 году. Он тяжело захворал «в великое говѣние» и поправился только «къ Семенову дни»⁶⁵, то есть болел с марта по август. Тот же срок болезни повторился в 1392 году. Только на сей раз болезнь оказалась смертельной, и 25 сентября 1392 г. Сергей скончался. Автор краткого летописного некролога, само помещение которого в историческом памятнике показательное, свидетельствует, что Сергей «всѣми челоуѣкы любимъ бысть честнаго ради жития его»⁶⁶.

К сожалению, многие черты характера и поведения Сергия, видимые его современникам, оказываются скрытыми для людей последующих поколений. Самым крупным итогом деятельности троицкого игумена было создание и развитие нового для русских земель XIV в. типа монастырей — общежительных, которые в своей повседневной жизни менее зависели от подаяний и вкладов и опирались на собственную хозяйственную деятельность. Само введение Сергием общежительства в Троицком монастыре было, как теперь выясняется, делом нелегким и довольно поздним. Сергию понадобилась почти четверть века, чтобы убедиться в организационных недостатках общежительного устройства и перейти к иной форме монастырской организации. В следовании общежительным канонам он не был первым даже в Московском княжестве. Начало было положено архимандритом московского Высокопетровского монастыря Иваном, который, по словам летописи, «бысть пръввыи общему житию началникъ на Москвѣ»⁶⁷. Но в отличие от других Сергей твердо и строго следовал в своей обители нормам общежительства, и это в конце концов привело к созданию богатой и процветающей монашеской корпорации.

Иван Грозный, выражая представления своего времени, утверждал, что «велиции светилници, Сергие, и Кирил, и Варлам, Димитрей и Пафнотей, и мнози преподобнии в Рустей земли уставили уставы иноческому житию крепостныя»⁶⁸. Введение в монастырях таких «крепких уставов» не было быстрым и повсеместным, как иногда представляется в очерках о Сергии Радонежском, будто бы вызвавшем к жизни громадное число общежительных монастырей. На самом деле Сергей основал кроме Троицкого еще лишь Благовещенский Киржачский монастырь. Но он участвовал в организации основанных великим князем Дмитрием Ивановичем Успенского Дубенского Стромьинского и Симонова монастырей, удельным московским князем Владимиром Андреевичем — Высоцкого монастыря близ Серпухова, митрополитом Алексеем — подмосковного Спасо-Андроньева монастыря⁶⁹. Позднейшие предания приписывают Сергию создание Голутвинского монастыря близ Коломны, Борисо-

глебского на р. Устье близ Ростова, Георгиевской пустыни в Гороховце⁷⁰, однако достоверность этих преданий не подкрепляется более ранними свидетельствами. С именем Сергия косвенно связывается строительство Савво-Сторожевского, Воскресенского Обнорского, Павлово-Обнорского, Спасского Нуромского, Авраамиева Чухломского, Предтеченского Железоборовского, Серпуховско-Боровского и Пешношского монастырей, которые были основаны, по свидетельствам агиографических сочинений XVI в., учениками Сергия. Хотя далеко не все эти сочинения исторически точны, сам факт основания учениками Сергия монастырей нового типа не вызывает сомнений.

В свое время В. О. Ключевский старался увидеть за этим ростом монастырей, возведенных Сергием и его учениками, тягу к хозяйственному освоению новых, преимущественно заволжских, земель и писал о крупном значении монастырской колонизации⁷¹. Более детальное рассмотрение материалов показало, что монастыри возникали не в глухих, а в уже довольно обжитых местах⁷². Однако не отмеченным до сих пор оказывается факт основания всех этих монастырей в пределах владений князей московской династии. Это территория или собственно Московского княжества (Савво-Сторожевский, Серпуховско-Боровский монастыри), или присоединенные в 60-х годах XIV в. к Москве территории Дмитрова, Галича, а также входившей в состав великого княжества Владимирского Костромы. Налицо, таким образом, стремление закрепить за Москвой окраинные земли с помощью организуемых там монастырей. И в этой связи основанный Сергием Троицкий монастырь приобрел значение центра, где воспитывались будущие руководители монастырского общежития.

Думается, не случайно и преобразования внутри Троицкой обители, и строительство новых монастырей во владениях Калитовичей приходится на то время, когда Сергей стал духовником московского великого князя. Светская власть поддерживала церковную в ряде ее начинаний, регулировала отношения внутри церкви, стремилась использовать ее в своих интересах. Все это было возможно до известных пределов. В отношении Сергия с властями преемщиками эти пределы обозначаются достаточно четко. Выясняется, что троцкий игумен меньше вмешивался в чисто светские дела, чем ему обычно приписывается. Вместе с тем выявляется и другое: постоянное и твердое отстаивание Сергием целостности церковной организации всех восточнославянских земель, защита единства Русской митрополии. Важно было сохранить такую структуру православия, которая обеспечивала бы известную степень независимости церкви в тех коллизиях, которые возникали между светскими государями, втягивая в свой водоворот христианское население Восточной Европы. Такая позиция Сергия разделялась далеко не всеми русскими церковными иерархами, но и не считаться с нею в XIV в. было нельзя, она делала политику князей по отношению друг к другу и к митрополии более сдержанной и более ответственной.

Редкое сочетание в Сергии Радонежском таких качеств, как знатность происхождения, нестяжательство, исполнение им самим самой черной работы, привлекали к нему людей из разных слоев тогдашнего общества. Но строгое следование его своим принципам, сплывавшая вокруг него одних, отталкивало других. Поэтому восприятие его современниками было, видимо, различным. У Сергия были сложные отношения с великим князем Дмитрием Ивановичем, с кандидатом в русские митрополиты Михаилом-Митяем, наверное, с суздальским епископом Дионисием, со многими монахами Троицкого монастыря. Видимо, поэтому написание Жития и причтение Сергия к лику святых произошло спустя несколько десятилетий после его смерти. И по мере того, как рос и ширился Троицкий монастырь, крепла и слава его основателя.

Примечания

1. КЛОСС Б. М. Жития Сергия и Никона Радонежских в русской письменности XV—XVII вв. В кн.: Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописных книг. Вып. 3, ч. 2. М. 1990.
2. Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия чудотворца и Похвальное Слово ему. В кн.: Памятники древней письменности и искусства. Вып. 58. СПб. 1885 (далее — Житие), с. 3.
3. Как показал Б. М. Клосс, наиболее ранний епифаниевский текст сохранился в поздней, 20-х годов XVI в., редакции Жития. И то в данной редакции относимые к перу Епифания отрывки содержатся только в первой части Жития (до статьи «О изведении источника»). К тому же текст этих отрывков включает фразы из более поздних редакций Сергиева Жития Пахомия Логофета, трудившегося уже после Епифания, в 30—50-х годах XV века. Тем не менее, из епифаниевских отрывков можно извлечь данные о детстве, отрочестве и юности Варфоломея-Сергия.

4. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 18. СПб. 1913, с. 89.
5. См. ПРИСЕЛКОВ М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.-Л. 1950, с. 440—441.
6. Цифра 70 встречается в самых ранних списках Похвального Слова. В поздних списках содержится другая, ошибочная цифра — 78, заимствованная из поздних же редакций Жития Сергия (КЛОСС Б. М. Ук. соч., с. 274).
7. В греческом источнике, которым располагал Епифаний, начало патриаршества Каллиста было обозначено с явной опiskeй: цифра, выраженная буквой «ни», подменена похожей по начертанию «капой», что породило искажение даты вступления Каллиста на патриаршую кафедру (1320 г. вместо 1350 г.). Такая интерпретация ошибочного указания на время патриаршества Каллиста принадлежит М. В. Бибикову, которому выражаю искреннюю признательность за его разъяснение.
8. Житие, с. 33.
9. ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Пг. 1922, стб. 43—44; т. 18, с. 90; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (НПЛ). М.-Л. 1950, с. 98.
10. Житие, с. 33; ПСРЛ. Т. 15, вып. 1, стб. 46.
11. ГОЛУБИНСКИЙ Е. Е. Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая лавра. М. 1909, с. 93 и прим. 2. В частности, в датируемой 1455—1456 гг. меновой грамоте между радонежским волостелем князя Василия Ярославича Иваном Прокофьевичем и властями Троице-Сергиева монастыря на пустоши в волости Радонеже первым свидетелем сделки среди светских лиц назван Тимофей Дюденев. Поскольку после него свидетелями в грамоте указаны лица княжеской администрации (сотник Логинко, доводчик Алфер), надо полагать, что Тимофей по своему статусу был выше этих лиц. В других документах Троице-Сергиева монастыря упоминаются представители фамилии Тормосовых, которые, судя по их отчествам, были сыновьями Ивана и Федора Тормосовых, скорее всего, тех самых, кого упомянул Епифаний Премудрый (Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. (АСВР). Т. 1. М. 1952, №№ 15, 17, 255, 256, 426, с. 33, 35, 184—185, 315).
12. Житие, с. 37—38. Покровский Хотьковский монастырь находился в 9 км от основанного позднее Троице-Сергиева монастыря.
13. Голубинский отметил, что в позднейших переделках епифаниевского текста Пахомий Логофет, «поправляя Епифания на лучшее», заставляет Сергия раздавать отчее наследие беднякам, а не уступать его брату Петру (ГОЛУБИНСКИЙ Е. Е. Ук. соч., с. 22, прим. 3).
14. ПСРЛ. Т. 15, вып. 1, стб. 52—53, 62.
15. Там в качестве духовных наставников Симеона фигурируют архимандриты Петр и Филимон, а кроме них поп Евсевий (Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI веков. (ДДГ). М.-Л. 1950, № 3, с. 14). Филимон был архимандритом в Переяславле-Залесском, Петр — в Москве, очевидно, в кремлевском Спасском монастыре (там же, № 2, с. 13). Игумена среди духовных отцов Симеона Ивановича не было. Приурочение деятельности Стефана к Богоявленскому монастырю, который был домовым монастырем московских тысяцких Вельяминовых, вызвано, по-видимому, припоминаниями лиц, заинтересованных в том, чтобы прославить этот монастырь, связав с ним деятельность известных людей XIV века. Но связь эта очень похожа на искусственную. Показательно, что Епифаний даже не сообщает имени Стефана, принятого им при пострижении. Мирское имя Стефан, появляющееся в рассказе о детстве Варфоломея, фигурирующее в сообщении о женитьбе его старшего брата, не меняется и при повествовании о монашеской жизни последнего.
16. Житие, с. 59—64.
17. Там же, с. 63, 69—71.
18. ПСРЛ. Т. 15, вып. 1, стб. 62—65; Русская историческая библиотека (РИБ). СПб. 1908. Т. 6. Изд. 2-е, прил., стб. 44.
19. Устанавливаемые в данной работе на основе анализа источников основные даты биографии Сергия (1322 г. — рождение, 1342 — основание Троицкого монастыря, 1353 г. — поставление в игумены) расходятся с датами, приводимыми в книге Н. С. Борисова (БОРИСОВ Н. С. И свеча бы не угасла... М. 1990, с. 12—13, прим.). Введенные в нее автором элементы художественного вымысла соответствуют общему характеру этой работы, которая не может претендовать на научное освещение деятельности первого троичского настоятеля.
20. Предположительно, Симеон был архимандритом смоленского Борисоглебского монастыря на Смядыни (ГОЛУБИНСКИЙ Е. Е. Ук. соч., с. 33, прим. 1).
21. ПСРЛ. Т. 15, вып. 1, стб. 65, 68, 79.
22. Там же, стб. 99.
23. Житие, с. 2. На хронологическую непоследовательность сочинения Епифания обращал внимание еще В. О. Ключевский (КЛЮЧЕВСКИЙ В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М. 1871, с. 108—110).
24. Житие, с. 83; ПСРЛ. Т. 15, вып. 1, стб. 63, 68.

25. ДДГ, № 7, с. 23.
26. Там же, № 11, с. 31, ср. № 17, с. 46.
27. В некоторых летописях имеется более раннее, чем 1374 г., известие о Сергии: под 1365 г. сообщается, что «митрофолить Альксеи отня епископью Новгородскую отъ владыки Алексеа; а тогда прииде посоль отъ князя Дмитриа Ивановича, игумень Сергии, зовущи князя Бориса на Москву, онъ же не побѣха, они же церкви затвориша» (ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 1. Пг. 1915, с. 292). Это известие Новгородской IV летописи (а также Софийской I летописи) восходит в конечном счете к своду митрополита Фотия 1423 года. В Рогожском летописце, восходящем к еще более раннему источнику, такого известия нет. И понятно почему: Нижегородская епархия не находилась под началом суздальского владыки Алексея. Нижний Новгород и Городец были частью диоцеза митрополита Алексея, и он ничего не мог отнимать у суздальского епископа. Грамматически несообразно в своде 1423 г. о Сергии сказано, что «они же церкви затвориша». Происхождение нелепицы разъясняется записью Рогожского летописца под 1363 г.: «Тое же осени приехаша въ Новѣгородъ Нижнии отъ митрополита Алексея архимандритъ Павель да игумень Герасимъ, зовучи князя Бориса на Москву, онъ же не поеха, они же церкви затвориша» (ПСРЛ. Т. 15, вып. 1, стб. 74—75). Ясно, что в своде 1423 г. было переработано известие 1363 г. источника Рогожского летописца, а имя Сергия является в статье 1365 г. позднейшей вставкой. Воспользовавшись без источниковедческого анализа обеими записями, Н. С. Борисов посчитал, что новгородские храмы были закрыты дважды: в 1363 и 1365 гг. (БОРИСОВ Н. С. Русская церковь в политической борьбе XIV—XV веков. М. 1986, с. 82—83).
28. Как следует из Послания Киприана от 23 июня 1378 г. Сергию Радонежскому и Федору Симоновскому, оба они к этому времени уже были духовниками Дмитрия. Между тем при составлении первого завещания Дмитрий назвал своим духовным отцом только митрополита Алексея. Очевидно, что тогда Сергей духовником великого князя еще не был. Первую духовную Дмитрия Ивановича нельзя датировать ни 1375 г., как предлагал Л. В. Черепнин, ни 1373 г., как считал А. А. Зимин. Она составлена после рождения у великого князя 30 декабря 1371 г. сына Василия, который и упоминается в духовной, но до рождения 26 ноября 1374 г. сына Юрия (его имени нет в грамоте). Среди послухов духовной нет имени Д. М. Боброка-Волынского, который в конце 1371 — начале 1372 г. отсутствовал в Москве. Очевидно, первая духовная написана в начале 1372 года. Таким образом, Сергей стал духовником Дмитрия между 1372 и 1378 гг., скорее всего в 1374 году.
29. GRUMEL V. La Chronologie. P. 1958, p. 437.
30. БЕЛОБРОВА О. А. Посольство константинопольского патриарха Филофея к Сергию Радонежскому. — Сообщения Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника, 1958, вып. 2, с. 14—15. А. А. Курилов в устной беседе высказал мнение, что надпись на кресте по всем палеографическим признакам относится к XIV веку.
31. ПСРЛ. Т. 15, вып. 1, стб. 116; РИБ. Т. 6. Изд. 2-е, прил., № 30, стб. 172, 174.
32. ПРОХОРОВ Г. М. Повести о Митяе. Л. 1978, с. 48—49 и прим. 30; РИБ. Т. 6. Изд. 2-е, прил., № 30, стб. 172.
33. ПРОХОРОВ Г. М. Ук. соч., с. 49.
34. РИБ. Т. 6. Изд. 2-е, прил., стб. 174.
35. ПСРЛ. Т. 18, с. 117, под 6884 г.; т. 30, с. 122, под 6883 годом.
36. ТИХОНРАВОВ Н. С. Древние Жития преподобного Сергия Радонежского. М. 1892, отд. 2, с. 158—165.
37. ВОДАРСКИЙ Я. Е. Церковные организации и их крепостные крестьяне во второй половине XVII — начале XVIII в. В кн.: Историческая география России. М. 1975, с. 78, 85. Троице-Сергиеву монастырю тогда принадлежало 16 838 дворов.
38. ТИХОНРАВОВ Н. С. Ук. соч., отд. 1, с. 47—51; ПСРЛ. Т. 15, вып. 1, стб. 120.
39. КЛЮЧЕВСКИЙ В. О. Ук. соч., с. 279—280. О времени основания Махрицкого монастыря см.: ЗВЕРИНСКИЙ В. В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. Вып. 2. Спб. 1892, с. 202, № 919. Мнение об основании Махрицкого монастыря в 50-е годы XIV в. (БУДОВНИЦ И. У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI веках. М. 1966, с. 131) нуждается в корректировке: монастырь не мог быть основан при великом князе Иване Ивановиче и митрополите Феогносте. Когда Иван Иванович стал великим князем, Феогноста уже не было в живых.
40. ТИХОНРАВОВ Н. С. Ук. соч., отд. 1, с. 46.
41. Там же, с. 53.
42. ДДГ, № 4, с. 16, 19.
43. ТИХОНРАВОВ Н. С. Ук. соч., отд. 1, с. 126. О редакции см.: КЛОСС Б. М. Ук. соч., с. 277—278.
44. ПРОХОРОВ Г. М. Ук. соч., с. 195, 204. За рассказом о Симоновом монастыре в Житии следует сообщение о закладке Сергием по просьбе князя Владимира Андреевича Высоцкого монастыря под Серпуховом. Более подробный рассказ об этом событии содержит, как уже говорилось выше, летопись,

сообщающая точный год строительства — 1374-й. И в этом случае проявилась особенность Сергиева Жития, заключающаяся в том, что изложение некоторых поздних фактов опережает в нем рассказ о происшествии более раннего времени.

45. ПСРЛ. Т. 15, вып. 1, стб. 126; ПРОХОРОВ Г. М. Ук. соч., с. 50, прим. 35.
46. РИБ. Т. 6. Изд. 2-е, стб. 180; ПСРЛ. Т. 15, вып. 1, стб. 125.
47. ПСРЛ. Т. 15, вып. 1, стб. 127—128.
48. ПРОХОРОВ Г. М. Ук. соч., с. 195.
49. РИБ. Т. 6. Изд. 2-е, стб. 175—178.
50. ТИХОНРАВОВ Н. С. Ук. соч., отд. 1, с. 59—60.
51. Российская государственная библиотека, Рукописный отдел, ф. 556, № 92, л. 248.
52. Сказания и повести о Куликовской битве. Л. 1982, с. 14, 16, 26—28, 50—51, 74—77; ДДГ, № 10, с. 29; СРЕЗНЕВСКИЙ И. И. Древние памятники русского письма и языка. СПб. 1882, стб. 241 (запись от 21 сентября 1380 г. о союзе Литвы и Орды).
53. ПСРЛ. Т. 15, вып. 1, стб. 137—138.
54. БОРИСОВ Н. С. И свеча бы не угасла..., с. 227—228.
55. В частности, сохранившееся до настоящего времени с. Монастырщина имело второе название — Рождественское по стоявшей там церкви (НЕЧАЕВ С. Д. Некоторые замечания о месте Мамаева побоища. — Вестник Европы, 1821, № 14, с. 126, 128).
56. Жалуясь на действия великого князя, Киприан писал Сергию и Федору: «Он послы ваша (т. е. московские. — В. К.) разослал мене не пропустити, и еще заставил заставы, рати сбивъ и воеводы поставивъ» (РИБ. Т. 6. Изд. 2-е, стб. 173—174). Несомненно, что заставы, рати и воеводы были выставлены для отражения противника более опасного, чем Киприан с его свитой.
57. ПСРЛ. Т. 15, вып. 1, стб. 142, 137, 143.
58. Там же, стб. 143, 147; т. 6. СПб. 1853, с. 122.
59. Там же. Т. 15, вып. 1, стб. 131, 142, 147. Причина очередной их размолвки, как правило, усматривается в том, что Киприан «не седьль въ осадь на Москвь» во время нашествия Тохтамыша. Однако такое объяснение появляется лишь под пером сводчиков 60-х годов XV в. (ср. подобную фразу: ПСРЛ. Т. 23. СПб. 1910, с. 129) и не отвечает обстоятельствам: в осаде не сидел ни сам великий князь, ни его двоюродный брат Владимир Серпуховской.
60. ПСРЛ. Т. 15, вып. 1, стб. 147; НПЛ, с. 379.
61. ПСРЛ. Т. 15, вып. 1, стб. 150.
62. Известие о поездке Сергия в Рязань отнесено в летописи к Филиппову говению, но поскольку предшествует этому известию сообщение, датированное 26 ноября, а за ним следует сообщение о солнечном затмении 1 января 1386 г., ясно, что переговоры Сергия с Олегом имели место в декабре 1385 г. (там же, стб. 151).
63. Там же, стб. 156; ДДГ, № 12, с. 35.
64. АСВР. Т. 1, № 3, с. 27.
65. ПСРЛ. Т. 15, вып. 1, стб. 109.
66. Там же, стб. 163.
67. Там же, стб. 129.
68. Послания Ивана Грозного. М.-Л. 1951, с. 172.
69. ТИХОНРАВОВ Н. С. Ук. соч., отд. 1, с. 62—63.
70. ГОЛУБИНСКИЙ Е. Е. Ук. соч., с. 77—79.
71. КЛЮЧЕВСКИЙ В. О. Значение преподобного Сергия Радонежского для русского народа и государства. В кн.: Русский архив. М. 1990, с. 82—83.
72. БУДОВНИЦ И. У. Ук. соч., с. 152—153, 145, 142, 144, 150—152, 153—154.

Технология власти

А. Г. Авторханов

III. Сталин и Макиавелли

Будущий биограф Сталина, если он захочет что-нибудь понять в действиях диктатора, должен приступить к своей работе только после того, как он основательно изучит три источника: «Государь» Макиавелли, философию Ницше и уголовный кодекс любого государства, даже советского. Величайшее преимущество Сталина как «политика нового типа» над другими политиками, в том числе и над коммунистическими, заключалось в том, что он был абсолютно свободен не только от человеческой морали, но даже и от того, что принято называть «идейным убеждением».

Характеристика Талейрана, которая дана князю советским академиком Е. Тарле в книге, написанной во вкусе советского диктатора, целиком может быть отнесена к Сталину¹: «Что такое «убеждение» — князь Талейран знал только понаслышке, что такое «совесть» — ему тоже приходилось изредка слышать из рассказов окружающих, и он считал, что эти курьезные особенности человеческой природы могут быть даже очень полезны, но не для того, у кого они есть, а для того, кому приходилось иметь дело с их обладателем. «Бойтесь первого движения души, потому что оно, обыкновенно, самое благородное», — учил он молодых дипломатов, которым напоминал также, что „язык дан человеку для того, чтобы скрывать свои мысли“».

Что эта характеристика может быть отнесена к Сталину, засвидетельствовал нам сам «теоретический и политический орган ЦК КПСС» — журнал «Коммунист»²: «В работе Сталина последовал разрыв теории с практикой. Во многих случаях он поступал прямо противоположно тому, что совершенно правильно говорил и писал».

В биографиях обоих деятелей тоже было много общего. По происхождению Сталин, конечно, был антиподом Талейрана — отец Сталина был простым сапожником, а Талейрана — разорившимся дворянином. Но поразительно сходны были условия, в которых протекали их юношеские годы, полного одиночества, одинакового воспитания (духовные семинарии) и даже одинакового физического недуга (болезнь оспой). Тарле выводил характер великого дипломата из этих социально-бытовых условий, но надо знать самого Тарле, чтобы быть уверенным, что, говоря о Талейране и невольно думая о Сталине, он внутренне восхищался гениальной мыслью Гегеля: «Исторические события и герои повторяются дважды!»

Тарле был лейб-писателем Сталина, не в том смысле, конечно, что возводил

Продолжение. См. Вопросы истории, 1991, №№ 1—12; 1992, №№ 1—2, 4.

«культ гениального» (в книге размером в 300 страниц о «буржуазной дипломатии» нет даже ни одной цитаты из Сталина, и это в 1948 году!), а в том, что только ему одному Сталин разрешил писать почти свободно на свои излюбленные темы: «Наполеон» и «Талейран». И Тарле писал, писал талантливо, метко и прямо как для портрета самого Сталина³: «То, как проходят первые годы нашей жизни, — влияет на всю жизнь, и если бы я раскрыл вам, как я провел всю свою юность, то вы бы меньше удивлялись очень многому во мне», — говорил Талейран одной из придворных дам императрицы Жозефины. Прочитывая это признание своего героя, Тарле дает ему неподражаемую характеристику, в которой перед нами встает во всем величии именно Сталин:

«Учился он не очень прилежно, но пятнадцати лет все же окончил колледж и перешел в духовную семинарию... Родители решили сделать его аббатом... Он не желал принимать духовное звание... Так окончилось отрочество и наступила молодость Талейрана. Он вступил на жизненную арену холодным, никому не верящим, никого не любящим скептиком. На себя, и только на себя, и притом не на свои физические силы, а исключительно на свою голову, возлагал юноша все свои надежды... Кругом были только чужие люди, начиная с наиболее чужих, то есть собственных родителей. А чужие люди — это конкуренты, враги, волки, если показать им свою слабость, но это послушные орудия, если уметь быть сильным, то есть быть умнее их. Такова была основная руководящая мысль, с которой Талейран вышел на жизненную дорогу».

Не знаю, была ли она, действительно, у Талейрана, но у раннего Сталина ее можно было бы найти на самых ярких примерах. Это не входило в мою задачу. В этой работе я имел дело с уже сложившимся Сталиным. Однако вывод, сделанный Тарле о Талейране в юности и в старости, воистину просится в биографию Джугашвили-Сталина⁴: «Он начинал жизнь и с первых же шагов обнаружил те основные свойства, с которыми сошел в могилу. В 21 год он был в моральном отношении точь-в-точь таким, как в восемьдесят четыре года. Та же сухость души, черственность сердца, решительное равнодушие ко всему, что не имеет отношения к его личным интересам, тот же абсолютный, законченный аморализм, то же отношение к окружающим: дураков подчиняй и эксплуатируй, умных и сильных старайся сделать своими союзниками, но помни, что те и другие должны быть твоими орудиями, если ты в самом деле умнее их, — будь всегда с хищниками, а не с их жертвами, презирай неудачников, поклоняйся успеху!» Таков именно и был действительный Сталин.

К этому же выводу фактически пришли сегодня и сталинцы, хотя объявить об этом осмелились лишь через три года после смерти диктатора, словно все еще боясь его воскресения. Объявленный при жизни «корифеем всех наук», Сталин был и оставался недоучившимся семинаристом. Даже в области теории марксизма, в которой он сам «открывал» все новые и новые законы, он оставался самым посредственным дилетантом. Вся его мудрость заключалась в том, чтобы в нужное время продекламировать несколько цитат из Маркса, Энгельса и Ленина и, довольно искусно склеив их между собой, развернуть целую концепцию для весьма практической цели: для обоснования своего очередного преступления. Но и это право он ревниво сохранял только за собой. «Ученики и соратники» имели право лишь комментировать самого учителя и превозносить его преступления как величайшие благодеяния. Сейчас в этом они сами откровенно признаются.

Невероятно ограниченным был духовный багаж Сталина и в области русской литературы. В его литературных выступлениях ни разу не встречаются герои и примеры из гуманистической классической литературы (Пушкин, Лермонтов, Достоевский, Тургенев, Толстой, даже Горький), но зато он неплохо знал классиков-«разоблачителей» (Гоголь, Щедрин).

Была одна наука, в которой его знания были серьезными и которой он не переставал интересоваться до конца жизни. Эта наука — история. По этому вопросу, кроме известных фактов из других источников, мы имеем и прямое «семейное» свидетельство. Так, в феврале 1955 года в беседе с Херстом, К. Смитом и Ч. Кленшом дочь Сталина — Светлана — на вопрос этих корреспондентов, «читал ли Сталин легкую литературу, например, криминальные романы, чтобы развлечься», ответила: «Нет, к романам он не питал интереса. Он предпочитал произведения по истории, особенно по древней истории».

Однако его знания и по истории носили строго утилитарный характер. В этой истории его интересовало и увлекало как раз то, против чего он выступал в официальной исторической науке, — биографии царей и императоров, завоевателей и диктаторов, вроде «Биографий» героев Плутарха, «Двенадцати цезарей» Светония и полководцев «Золотой орды». Из русских царей его любимцем был Иван Грозный. Аракчеева он ругал на словах, но на деле восхищался им и учился у него («военные поселения» — колхозы). Все это нашло свое отражение даже в советской литературе и искусстве.

В порядке разоблачения Сталина журнал «Звезда», выпускаемый издательством «Правда», писал⁵: «Широкое распространение получил культ личности Сталина в книгах, где он воспевался, а простые люди сплошь и рядом изображались на заднем плане, лишь как фон. С культом личности связана и та апологетическая трактовка, которую в произведениях литературы и искусства иной раз получали русские цари, военные и государственные деятели прошлого. Дело дошло до того, что Ивана Грозного стали изображать не только как мудрого и прогрессивного государя, но и как справедливого человека, недостаточно даже сурового к своим врагам».

Особое пристрастие Сталин имел к великим полководцам и выдающимся дипломатам. Из полководцев его кумиром был Наполеон, из дипломатов — Талейран. Я рассказывал в другой книге, как Тарле был спасен из-под ареста второй раз (1936 г.) личным вмешательством Сталина лишь потому, что он написал полюбившуюся Сталину книгу «Наполеон». В том же духе и с той же свободной обрисовкой характера своего героя Тарле написал и вышецитированную новую книгу «Талейран». Сталин клялся и именем Ленина только до тех пор, пока не стал диктатором. Но в глубине души ненавидел его, не потому, что Ленин требовал его снятия, а потому, что Ленин был первым человеком, разгадавшим криминальное направление сталинского ума и характера («завещание» Ленина). Своих «учеников и соратников» из «коллективного руководства» он презирал не из-за недостатка раболепства с их стороны, а именно из-за этого раболепства.

Богами у Сталина в области морали и философии были два человека — Макиавелли и Ницше. Учение немецкого философа о «сверхчеловеке», чудотворном герое и о народе как о навозе истории, теория Ницше, что ведущим принципом исторического бытия является «воля к власти»⁶, во имя и ради достижения этой власти «будьте насильником, корыстолюбцем, низкопоклонником, гордецом и, смотря по обстоятельствам, даже совместите в себе все эти качества», — было в духе будущего Сталина.

Исследователи давно обратили внимание на родство тактики Ленина с Макиавелли. Однако руководством к действию макиавеллизм стал у Сталина. Б. Суварин — этот известный знаток СССР и лучший биограф Сталина — писал⁷: «Комбинация хитрости и насилия, предложенная Макиавелли на пользу Государя, практикуется генеральным секретарем ежедневно». В связи с этим Б. Суварин сослался на почти неизвестный «Диалог в аду между Макиавелли и Монтескье» (анонимная книга эмигранта Второй империи Мориса Жоли)⁸. Поистине поразительным является в этом «Диалоге» как раз то место, в котором пророчество писателя превзойдено лишь практикой Сталина.

Приведу его здесь, тем более, что после разоблачения Сталина сталинцами «Диалог» Жоли приобретает не только актуальность («культ Сталина»), но и значение классической характеристики советского диктатора. (Для большего подчеркивания отдельных тезисов я ввожу в текст нумерацию.) «Тактик» Макиавелли учит в этом «Диалоге» «законника» Монтескье: 1. Отделить политику от морали. 2. Поставить силу и хитрость вместо закона. 3. Парализовать индивидуальную интеллигентность. 4. Вводить в заблуждение народ внешностью. 5. Соглашаться на свободу только под тяжестью террора. 6. Потакать национальным предрассудкам. 7. Держать в тайне от страны то, что происходит в мире, и от столицы, что происходит в провинции. 8. Превращать инструменты мысли в инструменты власти. 9. Безжалостно проводить экзекуции без суда и административные депортации. 10. Требовать бесконечной апологии для каждого своего действия. 11. Самому учить других истории своего правления. 12. Использовать полицию как фундамент режима. 13. Создавать преданных последователей, награждая их всякими лентами и безде-

лушками. 14. Возводить культ узурпатора до степени религии. 15. Создавать пустоту вокруг себя, чтобы, таким образом, быть самому незаменимым. 16. Ослаблять общественное мнение, пока оно не погрузится в апатию. 17. Запечатлеть свое имя везде и всюду, так как капля воды точит гранит. 18. Пользоваться выгодой превращения людей в доносчиков. 19. Управлять обществом посредством его же пороков. 20. Говорить как можно меньше. 21. Говорить не то, что думаешь. 22. Изменить истинное значение слов.

Когда это нравоучение создавалось, будущий диктатор еще не родился, а он весь в этих тезисах. Нельзя ничего добавить, но и нельзя ничего выкинуть. Суварин привел этот «Диалог» в книге, написанной до войны. Коммунисты объявили ее клеветой на «гения» коммунизма и «классика» марксизма. Кончилась война. Сталин достиг зенита своей власти и ко всем своим прочим титулам присовокупил чин «генералиссимуса» и оценку «гениальный полководец». Расширил коммунистический мир. Открыл ряд новых «законов» марксизма. Затмил собою славу Ленина и умер. Мировой коммунизм еще не снял глубокого траура, как на XX съезде КПСС взорвалась бомба: сталинцы буквально по всем пунктам подтвердили тезисы Жоли!

Но читал ли Сталин если не Жоли, то хотя бы Макиавелли? Суварин допускает, что, может быть, не читал. Так ли это? Прямых доказательств, конечно, нет, если доказательством не считать всей жизни и деятельности Сталина. Возможность его читать он, однако, имел. «Государь» Макиавелли издавался в России до революции, по крайней мере, три раза («Государь и рассуждения на первые три книги Тита Ливия», перевод Н. Курочкина, СПб, 1869; «Монарх», перевод Ф. Затлера, СПб, 1869; «Князь», перевод С. Роговича, Москва, 1910). Но книги Макиавелли выходили и в СССР: Н. Макиавелли. Сочинения, т. I. Москва — Ленинград, 1934 (в том числе и «Государь»); Н. Макиавелли. О военном искусстве. Воениздат, 1939. Причем в предисловии Воениздата (изд-во Народного комиссариата обороны СССР) Макиавелли был объявлен «великим прогрессивным писателем», выступавшим против феодализма, папства и за объединение Италии под руководством «сильного государя или диктатора»⁹. Совершенно невозможно допустить, чтобы «Государь» Макиавелли появился в государстве Сталина без его личного разрешения. Столь же невероятно, чтобы советский диктатор не поинтересовался «инструкциями», которые давал «прогрессист» Макиавелли итальянскому диктатору.

Лев Троцкий прямо утверждает¹⁰, что Сталин — это «смесь на $\frac{1}{3}$ Макиавелли плюс $\frac{2}{3}$ Иуды». Но какую эту « $\frac{1}{3}$ » мог взять Сталин у Макиавелли? Сами «инструкции» Макиавелли «Государю» дают ответ на этот вопрос (перевод вольный):

1. Прежде всего «для тех, кто при счастливом стечении обстоятельств из простых граждан стал государем, мало трудностей бывает в возвышении, но чрезвычайно много в сохранении власти»¹¹.

2. «Все вооруженные пророки побеждали, невооруженные — терпели поражение»¹².

3. «Характер людей варьируется — легче их убедить раз, но держать их в этом убеждении — трудно. Поэтому надо действовать так, чтобы тех, кто более уже не верит, заставить верить силой»¹³.

4. «Необходимо обезопасить себя от врагов, приобрести друзей, побеждать силой или обманом, заставить народ верить или бояться, заставить солдат следовать за собой и почитать себя, уничтожать потенциальных врагов, вносить обновление в старые традиции... Уничтожать старую и создавать новую полицию»¹⁴.

5. «Кто думает, что новые благодеяния заставляют забывать старые оскорбления, глубоко ошибается»¹⁵.

6. «Люди меньше боятся наносить оскорбления тому, чья власть основана на любви, чем тому, кто управляет посредством страха. Любовь к Государю основана на свободной воле людей, а страх — на воле Государя. Мудрый Государь должен опираться на то, что зависит от его собственной воли, а не на то, что зависит от воли других»¹⁶.

7. «Имеются два метода борьбы — один, опираясь на закон, другой — действуя силой. Первый метод — метод людей. Вторым методом — метод зверей. Государь должен уметь пользоваться обоими. Обязанный так действовать, Государь должен подражать и лисице и льву. Лев не может защитить себя от капкана, а лисица — от волков. Надо быть лисицей, чтобы предвидеть капкан, и львом, чтобы устроить волков»¹⁷.

8. «Умный рулевой не должен дорожить доверием к нему, если это вредит его интересам. Хорошо казаться великодушным, верным, гуманным, искренним, религиозным»¹⁸.

9. «В действиях людей, особенно государей, цель оправдывает средства»¹⁹.

10. «Государь, который боится собственного народа больше, чем иностранцев, — должен строить тюрьмы».

11. «Не давай никакому государству быть уверенным, что ведется определенная (внешняя) политика, напротив, заставляй думать других, что все под сомнением».

12. «Если ты видишь, что министр думает больше о себе, чем о тебе, то знай, что такой министр никогда не может быть хорошим»²⁰.

13. «Нет других путей избежать лести, как дать людям знать, что они не оскорбят тебя, если расскажут правду, но если кто-либо расскажет тебе эту правду, то ты потеряешь его уважение»²¹.

14. «Умный Государь должен иметь Совет мудрых людей и дать им свободно говорить правду, но только о том, о чем их спрашивают, и ничего больше. Вне этого он не должен никого слушать, действовать обдуманно и быть твердым в своих решениях»²².

15. «Государь должен собирать Совет, когда он хочет, а не тогда, когда другие хотят, и решительно отводить непрошенные советы»²³.

16. «Государь должен ставить много вопросов и быть терпеливым слушателем»²⁴.

17. «Только те меры безопасности хороши, надежны и длительны, которые зависят от тебя самого и от твоих собственных способностей»²⁵.

18. «Я определенно думаю, что лучше действовать решительно, чем осторожно. Счастье подобно женщине, и необходимо, если ты хочешь завладеть им, завоевать его силой».

Что можно сказать об этих «инструкциях» Макиавелли и практике Сталина? Только то, что уже утверждал член Французской Академии Брифо о Талейране. Когда после смерти Талейран, прибыв в ад, сделал первый визит дьяволу, то дьявол отблагодарил его в таких выражениях: «Милейший, благодарю вас, но сознайтесь, что вы все-таки пошли несколько дальше моих инструкций».

IV. Разоблачение исторических легенд о Сталине.

Одним из основных идеологических оружий для восхождения Сталина к власти было создание ему пропагандным аппаратом новой биографии организатора партии, Октябрьской революции и побед в гражданской войне. В этой биографии в последних двух ролях — в роли организатора Октябрьской революции и побед в гражданской войне — Сталин даже превосходил Ленина. Ворошилов прямо писал: «О Сталине — создателе Красной армии, ее вдохновителе и организаторе побед, авторе законов стратегии и тактики пролетарской революции — будут написаны многие тома... Только он, Сталин, — непосредственный организатор и вождь пролетарской революции и ее вооруженной силы».

Все это, разумеется, писалось вопреки историческим документам самой большевистской партии. В собрании сочинений Ленина (т. XXI, изд. 3-е) приведены протоколы заседаний ЦК партии большевиков от 10 и 16 октября 1917 года о подготовке октябрьского переворота и о центрах, созданных для руководства. В протоколе заседания ЦК партии от 23(10) октября 1917 года записано: «Т. Дзержинский предлагает создать для политического руководства на ближайшее время Политическое бюро из семи членов ЦК... Затем ставится вопрос о создании Политбюро ЦК. Решено образовать бюро из семи человек (в протоколе приводится список не по алфавиту, а по важности лиц. — А. А.): Ленин, Зиновьев, Каменев, Троцкий, Сталин, Сокольников, Бубнов». В протоколе ЦК партии от 29(16) октября 1917 года сказано: «ЦК организует военно-революционный центр в следующем составе (опять в протоколе список дан не по алфавиту, а по важности лиц. — А. А.): Свердлов, Сталин, Бубнов, Урицкий и Дзержинский. Этот центр входит в состав революционного Советского Комитета»²⁶.

Спрашивается, как сталинский ЦК мог сочинить легенду о Сталине как об

организаторе Октябрьской революции вопреки этим документам? Это делалось весьма просто: первое, второе и третье издания «Собрания сочинений» Ленина, к которым приложены эти и им подобные исторические документы, были конфискованы и запрещены как «вредительские» издания. В постановлении ЦК от 14 ноября 1938 года в связи с выходом «Краткого курса» так и говорится, что допущены «грубейшие политические ошибки вредительского характера в приложениях, примечаниях и комментариях к некоторым томам Сочинений Ленина»²⁷.

Многие статьи из собрания сочинений Ленина, которые не укладывались в рамки новой легенды, просто выключались и, соответственно, «Собрание сочинений» Ленина было переиздано четвертым изданием, под заглавием «Сочинения». Место этих исторических документов заняли «свидетельства» — статьи Ворошилова, Молотова, Кагановича, Берии, Микояна и других о роли Сталина в организации партии, революции и гражданской войны.

В 1938 году была сочинена новая история партии («Краткий курс», 1953, стр. 197), согласно которой не Ленин (не говоря уже о Троцком), а Сталин был руководителем Октябрьской революции. Но чтобы этой фальсификации придать некое историческое правдоподобие, в ней была ссылка на решение ЦК от 16 октября 1917 года. «Пятерка», избранная на этом заседании, выдавалась за «Партийный центр» по руководству восстанием, а Сталин ставился во главе этого центра. Теперь, конечно, эту фальсификацию признают сами сталинцы.

Член Военно-революционного Комитета при Петроградском Совете И. Флеровский и секретарь Бюро комиссаров того же Комитета С. Шульга, критикуя книгу Дыкова о «роли Военно-революционного Комитета в Октябрьской революции» (эта книга — пересказ «Краткого курса» по данному вопросу), пишут, в полном согласии с историческими фактами, что о том, что «этот центр должен быть возглавлен Сталиным, ни в каких документах ничего не говорится» (журнал «Вопросы истории», 1956, № 9, сентябрь, стр. 157). Правда, авторы-свидетели и на этот раз не могут сказать всю правду — они ставят во главе этого центра Свердлова вместо Сталина, умалчивая, что группа была по решению ЦК передана в распоряжение председателя Петроградского Совета Троцкого.

О легенде, что Сталин был организатором победы в гражданской войне и что ему принадлежит решающая роль в разгроме Деникина, говорил Хрущев в своем «докладе» и призывал Ворошилова разрушить созданную им самим легенду. Но Ворошилов не проявил тут особого энтузиазма. Зато советские историки последовали призыву Хрущева.

В 1929 году в статье «Сталин и Красная Армия» (см. «Сталин и вооруженные силы СССР») Ворошилов впервые в советской печати огласил сенсационную новость: Деникин был разбит по личному стратегическому плану Сталина (Курск — Харьков — Донбасс), изложенному в письме Сталина к Ленину и утвержденному ЦК вопреки Троцкому. Троцкий в свое время документально разоблачил этот миф («Моя жизнь», часть II, «Сталинская историческая школа фальсификаторов»), но теперь и сталинцы признают собственную фальсификацию. Советский историк Н. Кузьмин, анализируя серию официальных документов ЦК 1919 года, приходит к выводу: «Из приведенных выше фактов следует, что письмо И. В. Сталина к В. И. Ленину (о стратегическом плане. — А. А.) не было основополагающим документом при выработке ЦК партии осенью 1919 г. нового плана борьбы против Деникина. Оно было написано тогда, когда новый план разгрома Деникина уже осуществлялся»²⁸. Автор приводит и состав Революционного Военного Совета республики, который был утвержден пленумом ЦК РКП(б) от 3 июля 1919 года для выработки и проведения этого плана, — Троцкий (председатель), Склянский (заместитель), Гусев, Смилга, Рыков и главнокомандующий Сергей Каменев²⁹.

После всего этого понятна и жалоба советских историков на то, что «стенографические отчеты и протоколы многих партийных съездов и конференций стали библиографической редкостью... До сих пор исследователям не выдавались многие важные материалы, некоторые документы без достаточных оснований засекречивались»³⁰. Понятна также и жалоба журнала в отношении сочинений Ленина, когда он пишет: «В четвертое издание Сочинений Ленина не вошло много работ, напечатанных в прежних изданиях и в «Ленинских сборниках». Научный аппарат этого издания очень скуден. Примечания крайне лаконичны»³¹.

Легенда о том, что Сталин, наряду с Лениным, был организатором больше-

вистской партии, была впервые пущена в ход в 1935 году учеником Сталина — Л. Берией — в работе «К истории большевистских организаций в Закавказье». В последующем эта же легенда легла в основу «Краткого курса» и всей партийной историографии. После разоблачения Сталина советская историческая печать разоблачила и эту легенду. Журнал «Вопросы истории» писал, что «культ И. В. Сталина вел к прямому извращению исторической правды» и что работа Берия была построена «на натяжках и прямых фальсификациях»³². Из этой же легенды вытекала «руководящая роль Сталина», которая ему приписывалась: 1) при создании и в работе большевистской газеты «Правда» (1912 г.); 2) при организации и направлении думской фракции большевиков в четвертой Государственной Думе (1912 г.).

Отныне и эта роль переходит от Сталина к Свердлову. Старый член партии, жена Свердлова — К. Свердлова-Новгородцева — свидетельствует: «Газета «Правда» и думская социал-демократическая фракция стали передовыми бастионами партии... На Свердлова ЦК и возложил руководство «Правдой», он же должен был оказывать всемерную помощь большевикам-депутатам Государственной Думы»³³. В подтверждение этого Свердлова приводит свидетельства большевиков-депутатов.

Но вот «Правда» была закрыта, а депутаты-большевики, голосовавшие против военных кредитов, были сосланы по суду в Сибирь. Главной фигурой на суде был фактический руководитель думской фракции и юридический руководитель «Правды» Л. Каменев. Желая выгородить себя и депутатов, Каменев говорил на суде, что его партия против лозунга Ленина о поражении России в данной войне. Ленин, конечно, осуждал Каменева за такую защиту. Но по «Краткой биографии И. В. Сталина» выходило, что и Сталин осуждал такую позицию Каменева. В ней говорилось: «Сталин занимает ленинскую интернационалистскую позицию... выступает на собраниях ссыльных большевиков в селе Монастырском (Турухан — 1915), где клеймит позором трусливое и предательское поведение Каменева на суде над большевистской «пятеркой» — депутатами IV Государственной Думы»³⁴.

Но вот и этот миф разбивает Свердлова, присутствовавшая на этих собраниях. Свердлова рассказывает, что состоялось собрание ссыльных в том же Монастырском, где присутствовали члены ЦК Голощекин, Свердлов, Спандарян, Сталин, член ЦО Каменев, депутаты Петровский, Муранов и др. Обсуждался вопрос о поведении Каменева. Свердлова пишет: «Кое-кто не склонен был слишком строго осуждать Каменева. Вовсе не выступал на собрании Сталин. Такая позиция ослабила остроту постановки вопроса. Резолюцию, по поручению собрания, должны были составить Свердлов и Сталин, однако Сталин тотчас после собрания уехал к себе, в Курейку, и участия в работе над резолюцией не принимал»³⁵.

Позиция Сталина оставалась антиленинской и после возвращения из ссылки в марте 1917 года, даже после «Апрельских тезисов» Ленина. Он шел вместе с Каменевым вплоть до VII конференции большевиков (24 апреля 1917 г.). «Апрельские тезисы» Ленина Сталин назвал простой «схемой» и критиковал их. Он стоял попрежнему на позиции условной поддержки Временного правительства («постольку-поскольку»). Так как эта антиленинская позиция Сталина находила свое отражение в тогдашних протоколах ЦК, то их держали в строжайшем секрете до самого разоблачения Сталина. Теперь, используя эти протоколы, советский историк Бурджалов разоблачил и миф о том, что Сталин был рьяным пропагандистом ленинских «Апрельских тезисов». Сталин изменил Каменеву и присоединился к Ленину только на VII Всероссийской конференции, когда победа Ленина в партии оказалась всеобщей (см. «Вопросы истории», 1956, №№ 4, 8).

Однако в состав президиума этой конференции не был избран не только Каменев, но и Сталин. Туда были избраны Ленин, Зиновьев, Свердлов, Федоров, Муранов. Характерно, что журнал «Вопросы истории» отважился даже на некоторый объективизм, констатируя: «Зиновьев выступил на конференции против позиции Каменева; в речи по текущему моменту он защищал ленинскую линию»³⁶.

Интересно отметить, что о личных отрицательных качествах Сталина в партии было известно задолго не только до доклада Хрущева, но и до «завещания» Ленина. Вот факты: Свердлов пишет из Турухана к своей жене 27 июня 1914 года: «Ты знаешь, дорогая, в каких гнусных условиях я был в Курейке. Товарищ, с которым мы были там, оказался в личных отношениях таким, что мы не разговаривали и не

видались»³⁷. В другом письме он пишет: «Со своим товарищем мы не сошлись «характером» и почти не видимся, не ходим друг к другу»³⁸. Редакция делает к этим письмам следующее примечание: «Товарищ, с которым Свердлов был в Курейке и о котором он упоминает в настоящем письме и документе № 13, — И. В. Сталин»³⁹.

Но если письмо Свердлова все еще можно отнести к свидетельству лишь одного из членов ЦК, то этого никак нельзя сказать о следующем официальном документе. Сталин, как только он вернулся из ссылки, постарался войти в состав Бюро ЦК большевиков в Петрограде. Однако Бюро выносит от 12 марта 1917 года такое решение: «Относительно Сталина было доложено, что он состоял агентом ЦК в 1912 году и потому являлся бы желательным в составе Б. Ц. К., но ввиду некоторых личных черт, присущих ему, Б. Ц. К. высказалось в том смысле, чтобы пригласить его с совещательным голосом»⁴⁰.

Реабилитация Хрущевым имени Сталина положила, на время, конец дальнейшему разоблачению исторических легенд о Сталине. Журнал «Вопросы истории» — единственный печатный орган в СССР, который в духе хрущевского доклада на XX съезде приступил было к более или менее научно-объективной разработке истории КПСС, — подвергся чисто сталинской ругани со стороны верховных пропагандистов. В журналах «Партийная жизнь» (№№ 14, 23), «В помощь политическому самообразованию» (1957, № 3), «Коммунист» (1957, № 4) появились редакционные статьи, в которых разоблачение исторических легенд о Сталине объявляется «сенсационным», «объективистским», «антинаучным».

V. Развенчание Сталина как классика марксизма

Вторым важным оружием на пути восхождения Сталина к власти было объявление его классиком марксизма-ленинизма, продолжателем учения Маркса, Энгельса, Ленина и в теории и на практике. Для успеха в такой догматической партии, как коммунистическая, это было жизненно важным условием. Сам Сталин меньше всех верил в какие-либо догмы, в том числе и марксистские, но чтобы он мог по своему разумению и для своих практических целей «развивать» дальше марксизм-ленинизм, было важно, чтобы его признали единственным судьей в деле практической интерпретации марксизма-ленинизма. Так и было на протяжении почти четверти века. Поэтому вполне естественно, что развенчание Сталина как практика должно было означать развенчание его и как безгрешного «классика» марксизма. Теоретическое развенчание Сталина служило и для другой цели — если бы мертвый Сталин оставался и дальше таким непогрешимым авторитетом, каким он был при жизни или какими являются Маркс и Ленин, то нельзя было бы экспериментировать, модернизировать сталинскую систему в плане «теоретических новшеств» или практических реформ.

Первый пробный шар по критике сталинских догм был пущен в зал XX съезда Микояном («Экономические проблемы»). Психологическое впечатление этого выступления было потрясающее. Сталин грешен! Пробный шар должен был разведать реакцию верховного съезда сталинцев. Но какой парадокс! Люди, которые четверть века неистово кричали: «Сталин — отец, учитель, корифей, гений!», провозжали Микояна «бурными, несмолкающими аплодисментами», как отмечала газета «Правда». Это и было рассчитанной увертюрой к жуткой трагедии страны, нарисованной в знаменитом докладе Хрущева. Из теоретических догм Сталина Хрущев раскритиковал только его концепцию о «врагах народа» и теорию классовый борьбы в период социализма. В дальнейшем партийная печать начала в общих статьях и в отдельных заметках критиковать уже книги Сталина.

Журнал «Вопросы философии» посвятил работу Сталина и специальную передовую статью. Критиковались работы, которые ранее считались «вершиной» марксизма-ленинизма: «О диалектическом и историческом материализме», «Экономические проблемы социализма в СССР», «Марксизм и языкознание»⁴¹. Значение этой критики заключалось не в фактическом анализе ошибок Сталина (сама критика была показная, декларативная), а в принципе: впервые открыто начали развенчивать Сталина и как классика марксизма. Критиковались: 1. Тезис Сталина «о полном соответствии в социалистическом обществе производственных отношений характеру производительных сил» («О диалектическом и историческом мате-

риализме»)⁴². 2. «Экономические проблемы», которые толкали философов и экономистов в другую крайность — «видеть назревшие противоречия там, где их нет, начали говорить о необходимости слияния двух форм собственности»⁴³. 3. Формула Сталина о роли надстройки в «Марксизме и языкознании», «толкающая на упрощенство», «вытесняющая более точную, гибкую и диалектическую формулу Маркса о перевороте в области надстройки»⁴⁴. 4. «Формула Сталина об обострении классово-борьбы по мере продвижения социализма вперед. Между тем Ленин вовсе не давал такой формулы»⁴⁵.

Развенчание Сталина как «классика» марксизма — явление прогрессивное для самих общественных наук в СССР. Со времени «Письма Сталина в редакцию журнала „Пролетарская революция“ (1931 г.) в СССР фактически перестают существовать общественные науки даже в чисто марксистском аспекте. Каждое новое письмо Сталина объявлялось историческим, речь — эпохальной, а произведение — вершиной наук, пока дело не дошло до того, что философы, экономисты, историки существовали в СССР только по названию, и вся их «научная» продукция сводилась к созданию новой науки, к «цитатологии» из Сталина.

В своей первой статье против Сталина газета «Правда» лишь констатировала фактическое положение, когда писала следующее: «Большой ущерб нанес культ личности в области идеологической работы. Если взять работы по философии, политической экономии, истории и по другим общественным наукам... то многие из них (точнее было бы сказать: «абсолютно все». — А. А.) представляют набор цитат из произведений Сталина и его восхваления... Считалось, что развивать, двигать вперед теорию, высказывать что-либо оригинальное и новое может только один человек — Сталин, а все остальные должны популяризовать высказанные им мысли, перелагать данные им формулировки»⁴⁶.

Это горькое признание «Правды» не без энтузиазма подхватил журнал «Вопросы истории», который, в свою очередь, писал: «Создались порочные представления, будто разрабатывать и двигать вперед теорию может только Сталин. Каждое слово, сказанное им, объявлялось научным открытием, вершиной марксизма, непререкаемой истиной... Это способствовало широкому распространению начетничества, догматизма и цитатничества. В науке появились равнодушные и безынициативные люди, не умеющие и не желающие самостоятельно мыслить»⁴⁷.

Вполне естественно, что в таких условиях не могло быть и речи не только о существовании общественных наук, пусть даже марксистских, но и о малейшем проблеске самостоятельной мысли в области той или иной науки. Если это и случалось иной раз, то люди, так называемые ученые, начинали друг друга бомбардировать цитатами из Сталина, пока сам Сталин не объяснял, какую из своих цитат он считает теперь искомой истиной (вспомним хотя бы дискуссии по философии до войны, по языкознанию и политэкономии после войны).

Вот этот, по словам самого же Сталина, «аракчеевский режим в науке» и привел к ликвидации в СССР общественных наук, к полной стагнации теоретической мысли. Журнал «Вопросы истории» сформулировал тот же вывод, но в несколько мягкой форме: «Атмосфера культа личности, — писал журнал, — вела к консерватизму и застою в науке. У нас имеются люди, которые боятся всякого нового слова и не желают расстаться с привычными взглядами»⁴⁸.

Период с XX съезда (февраль 1956 г.) и до октября 1956 года был периодом переоценки сталинского наследия в общественных науках, литературе и искусстве. Этот период характеризуется явно выраженными противоположными тенденциями: с одной стороны, коллективное руководство старается продолжать курс на десталинизацию, но десталинизацию, контролируруемую сверху; с другой, — массы, даже партийные массы, научные и творческие кадры, поняв развенчание Сталина как провозглашение научной и творческой свободы, начинают переходить намеченные сверху «контрольные границы» и критиковать не столько Сталина, сколько сталинскую систему. В Кремле с самого начала (а не после польских и венгерских событий, как принято думать) понимали, что вторая тенденция смертельно опасна для режима, и поэтому Хрущев еще в своем «закрытом докладе» указывал на необходимость осторожного развенчания Сталина в рамках системы. Буквально через неделю после своей первой статьи против Сталина «Правда» выступила со второй статьей (5 апреля 1956 г.). В ней ударение уже делалось на борьбу против «демаго-

гов» и «гнилых элементов», которые «под видом борьбы против культа личности Сталина критикуют линию партии».

С таким же предупреждением выступили журналы «Коммунист» и «Партийная жизнь». Последний писал уже в марте 1956 года: «На некоторых собраниях имелись случаи демагогических выступлений... было бы политической слепотой не видеть того, что отдельные гнилые элементы под видом осуждения культа личности пытаются поставить под сомнение правильность политики партии и, по сути дела, перебивают избитые клеветнические измышления зарубежной реакционной пропаганды»⁴⁹.

Партийное руководство увидело, что диалог с народом в отношении критики Сталина, даже в области теории, — вещь опасная, что трудно провести какую-то демаркационную линию между Лениным и Сталиным, между Сталиным и сталинской системой, что трудно, да и невозможно, указать точные страницы и пункты, в которых Сталина можно критиковать, не критикуя идеологии режима. Поэтому Хрущев, особенно в свете кризиса в Восточной Европе, внес «ясность» в дискуссии вокруг Сталина⁵⁰, заявив, что Сталин был и остается выдающимся «марксистом-ленинцем» и идеалом коммуниста.

После речей Хрущева в канун нового, 1957 года и 8 января в защиту имени Сталина уже перестала быть «модной» критика «ошибок» Сталина в области теории, но это не означает, что такая критика вообще прекратилась и что его ошибки амнистированы. В связи с этим надо отметить, что Хрущев, конечно, ничего принципиально нового в вышеуказанных речах не говорил, что расходилось бы, как это бессознательно полагают, с политической оценкой, данной Хрущевым Сталину в его «закрытом докладе» от 25 февраля 1956 года.

В самом деле, как начал и окончил свой доклад Хрущев? Вот начало его речи: «Целью настоящего доклада не является тщательная оценка жизни и деятельности Сталина. О заслугах Сталина при его жизни уже было написано достаточное количество книг, брошюр и работ. Роль Сталина в подготовке и осуществлении Великой Октябрьской Социалистической революции, в гражданской войне и в борьбе за построение социализма в нашей стране известна во всем мире»⁵¹. А вот и конец: «Однако в прошлом у Сталина несомненно были большие заслуги перед партией, перед рабочим классом и перед международным рабочим движением»⁵².

Другое дело, конечно, что ни начало, ни конец доклада Хрущева не вязались с тем списком чудовищных преступлений Сталина даже против собственной партии, который он докладывал съезду, но в этом начале и конце уже содержались нынешние оценки Хрущева о Сталине. Но, как выше указывалось, публичная реабилитация имени Сталина Хрущевым не означала в глазах коллективного руководства амнистии так называемых ошибок Сталина.

К этим «ошибкам» журнал «Коммунист» вновь вернулся уже в феврале 1957 года, разбирая вопрос о том, были ли правильны постановления ЦК 1946 — 1948 годов в области литературы и искусства («ждановщина»). Писатели, художники и композиторы особенно резко критиковали многие из установок этих постановлений как «последствия культа личности» и голого администрирования в области художественного творчества. Разумеется, ЦК не мог согласиться с такой критикой, особенно после польского и венгерского опыта. Но ЦК не мог и полностью настаивать на них даже после этих событий. Слишком уже велико было давление самих писателей, слишком уже ярка была сталинская печать на этих постановлениях. В статье «Коммуниста» говорится: «Ленинские принципы руководства в области литературы и искусства как раз и направлены против какой-либо «опеки», против вмешательства в процесс художественного творчества. Разумеется, последствия культа личности не могли не отразиться на литературе и искусстве. В период культа личности Сталина были и *элементы* (!) администрирования, и необоснованной резкой критики, и т. п.... Перегибы перегибами, однако основное направление... состояло в осуществлении марксистско-ленинских принципов»⁵³.

Но редакция «Коммуниста» хорошо знает, что труден возврат к ждановщине-сталинщине в литературе... Отсюда ряд оговорок и отступлений от названных постановлений. Журнал пишет: «Но марксизм-ленинизм требует конкретного исторического подхода ко всякому явлению, в том числе и к различным партийным документам, принятым в определенной исторической обстановке. Было бы грубейшим формализмом, начетничеством принимать каждую букву этих постановлений

к новой обстановке, к новым условиям... некоторые их положения устарели, некоторые нуждаются в уточнениях»⁵⁴.

К числу неправильных положений журнал относит: 1. идеализацию Ивана Грозного в постановлении ЦК о фильме «Большая жизнь»; 2. неправильную характеристику чеченцев и ингушей в постановлении ЦК об опере «Великая дружба» Мурадели (все это было связано с известным явлением культа личности — пишет журнал); 3. неправильную и резкую характеристику выдающихся советских композиторов (Шостакович, Прокофьев, Хачатурян, Шебалин и др.); 4. «Что же касается, — продолжает журнал, — таких административных мер в постановлении ЦК о журналах «Звезда» и «Ленинград», как запрещение печатать Зощенко, Ахматову и «им подобных», то эти меры были сняты самой жизнью»⁵⁵.

В новом журнале ЦК «В помощь политическому самообразованию» уже расшифрована стыдливая формула, широко пущенная после развенчания Сталина, — формула «марксизм-ленинизм». Формула «марксизм-ленинизм» отныне означает: «Наши великие учителя — Маркс-Энгельс-Ленин»⁵⁶. Выключенный из этой семьи Сталин, однако, был «предан марксизму-ленинизму», боролся за теорию и практику коммунизма, но журнал оговаривает: «Мы знаем также и те серьезные ошибки, которые он допустил в последний период своей жизни и которые наша партия успешно преодолевает»⁵⁷. В том же номере журнала помещена критическая статья о работе Сталина «Марксизм и языкознание»⁵⁸. Такой же критике подвергается и «военный гений» Сталина. «Красная звезда» 6 марта 1957 года в статье, посвященной «ленинскому военному гению», не только не нашла у Сталина никаких заслуг, а подвергла критике так называемое сталинское учение о «постоянно действующих военных факторах»⁵⁹.

В общей оценке «заслуг» и «ошибок» Сталина в области теории все еще нет единой линии, существует не свойственный «генеральной линии» разнобой, который, очевидно, отражает разнобой во мнениях по данному вопросу в самом коллективном руководстве. Общий итог критики «теоретических трудов» Сталина сводится к следующему: Сталин отныне не классик марксизма-ленинизма, а лишь марксист-ленинец, выдающийся, но и ошибающийся.

VI. Возврат к Сталину?

Кардинальное внутреннее противоречие в разоблачении культа и преступлений Сталина заключалось в том, что 1) в области *практики* — сталинские методы террористического правления объявлялись незаконными, антипартийными, тогда как без них нельзя управлять режимом диктатуры и им, только им, коммунизм обязан своим существованием и в СССР и в сателлитах; 2) в области *теории* — сталинскому теоретическому наследству, особенно его теории о классовой борьбе в период социализма и его концепции о «врагах народа», объявлялась война как антиленинской и антипартийной теории, тогда как по этой части Сталин был просто незаменим в деле обоснования текущей коммунистической практики теоретическими догмами; 3) в области *морали* — сталинское вероломство, подозрительность и двуличие выдавались за личные качества диктатора, тогда как эти качества и составляют тот «моральный кодекс», которым органически пронизана вся философия господствующей системы.

Сталинские диадехи совершили ошибку, решив противопоставить сталинскую систему самому Сталину, присвоив себе, как указывал Тольятти, все достижения системы, объявив Сталина ответственным за ее чудовищные преступления. Такой поступок людей из Кремля и их объяснения о культе личности тот же Тольятти объявил немарксистскими. Тольятти, несомненно, прав. Ведь это Маркс писал в предисловии к «Капиталу»: «С моей точки зрения, меньше чем с какой бы то ни было другой, отдельное лицо можно считать ответственным за условия, продуктом которых в социальном смысле оно остается, как бы ни возвышалось оно над ними субъективно»⁶⁰. Последствия ошибки Кремля сказались очень скоро: 1) в идеологическом кризисе в мировом коммунистическом движении; 2) в политическом кризисе в странах-сателлитах; 3) в психологическом кризисе в самом СССР. Источник всех кризисов один: развенчание и разоблачение Сталина: Сталина — творца системы, Сталина — образца правителя. Однако разоблачение и развенчание Сталина

не было единственным источником идеологического кризиса в самом мировом коммунистическом движении.

Хрущев огласил в своем открытом докладе *ревизию* ряда догматических и тактических положений коммунизма применительно к новым условиям в международной жизни. То была, однако, ревизия Ленина, а не Сталина. Нетрудно в этом убедиться, если сопоставить то, что говорил Хрущев, с тем, что составляет основы ленинизма. Хрущев заявил на XX съезде: 1. В свободных странах коммунисты могут приходить к власти и парламентским путем. 2. Сам парламент при его коммунистическом большинстве превратится «из органа буржуазной демократии в орудие действительной народной воли». 3. То, что мы будто бы признаем *единственным путем* преобразования общества насилие и гражданскую войну, — не соответствует действительности. 4. Фатальной неизбежности войны нет⁶¹.

Тактическая цель этих новых «открытий» в ленинизме была ясна: 1) войти в «единый фронт» с социалистами, чтобы легче завладеть мировым рабочим движением изнутри; 2) успокоить страны-сателлиты; 3) теоретически обосновать «существование» для проникновения в тыл свободного мира (политически, экономически и идеологически). Однако эти «открытия» в области «дальнейшего развития марксизма-ленинизма», не дав Кремлю каких-либо выгод, усугубили кризис в мировом коммунизме, вызванный разоблачением Сталина. Усугубили потому, что новые тактические приемы Кремля находились в кричащем противоречии со старыми стратегическими установками Ленина.

Вспомним отправные пункты Ленина на этот счет: 1. Ленин о *тактике большевизма*: «Эта тактика оправдалась громадным успехом, ибо большевизм... стал мировым большевизмом... Большевизм популяризовал на весь мир идею «диктатуры пролетариата», перевел эти слова с латинского сначала на русский, а потом на все языки мира... Массам пролетариев всех стран с каждым днем становится яснее, что большевизм... *годится как образец тактики для всех*»⁶². 2. Ленин о *разных формах социализма*: «В России диктатура пролетариата неизбежно должна отличаться некоторыми особенностями... Но основные силы — в России те же, как и в любой капиталистической стране, так что эти особенности могут касаться только не самого главного»⁶³. 3. Ленин о *парламентаризме*: «Коммунизм отрицает парламентаризм, как форму будущего общества... он отрицает возможность длительного завоевания парламентов: он ставит своей целью *разрушение* парламентаризма. Поэтому речь может идти лишь об использовании буржуазных государственных учреждений с целью их разрушения. В этом и *только* в этом смысле можно ставить вопрос... Коммунистические партии идут в эти учреждения не для того, чтобы вести там органическую работу, а для того, чтобы из парламента помочь массам взорвать путем выступления государственную машину буржуазии и сам парламент изнутри»⁶⁴. 4. Ленин о *«существовании»*: «Мы живем не только в государстве, но и в *системе* государств, и существование советской республики рядом с империалистическими государствами продолжительное время *немыслимо*. В конце концов, либо одно, либо другое победит. А пока этот конец наступит, ряд самых ужасных столкновений между советской республикой и буржуазными государствами *неизбежен*»⁶⁵. 5. Ленин о *форме власти*: «Республика советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов является не только формой более высокого типа демократических учреждений, но и *единственной формой*»⁶⁶.

Кризис коммунизма принял прямо-таки катастрофический характер, когда Кремль признал «национал-коммунизм» Тито правомерной формой интернационального коммунизма в национальном масштабе. По своей правовой системе коммунизм Тито ничем не отличается от ленинской системы, но Тито внес в нее совершенно новый элемент — *национальный динамизм*.

Интернационализм Ленина переродился в руках Сталина в самое голое и неприкрытое господство советского шовинизма над его сателлитами. Национал-коммунизм Тито и был реакцией на этот шовинизм. И Тито победил Сталина не в качестве коммуниста, а как националист. Национальная идея оказалась сильнее коммунистической доктрины даже в руках коммуниста. Это было серьезное предупреждение для коммунистической империи во главе с СССР. Сталин правильно видел в этом роковой прецедент для судьбы всего коммунизма. Воздерживаясь до поры до времени от вооруженной ликвидации титоизма, Сталин, однако, поспешил объявить режим Тито «фашистским режимом», чтобы считать прецедент несуще-

ствующим. Тем временем началась ликвидация потенциальных титоистов в других странах «народной демократии». Но смерть помешала ему довести это дело до конца, а его незадачливые наследники в двух декларациях — Белградской 1955 года и Московской 1956 года — узаконили национал-коммунизм как правомерную форму коммунизма вообще.

Вот тогда прецедент Тито родил школу: началось брожение за «свой путь» социализма почти во всех странах-сателлитах, в Китае и даже в коммунистических партиях свободного мира. Началось движение за децентрализацию коммунистического абсолютизма, которая явно направлена на создание трех центров коммунизма: Москва — Белград — Пекин. Сила советского коммунизма до сих пор заключалась в том, что советский путь коммунистической революции признавался единственно правильным, советская формула «диктатуры пролетариата» — универсальной, «тактика большевизма — образцом для всех», а Москва — единым верховным центром. Развенчание Сталина и политическая переориентировка о «формах, методах и путях» коммунизма на XX съезде нанесли тягчайший удар всей этой концепции. Логическим следствием этого было появление стольких «путей» к социализму, сколько существует в мире коммунистических партий.

Если для Кремля «теория о разных путях» должна была служить наиболее эластичным тактическим средством сохранения собственного господства, то некоторые коммунистические партии за границей увидели в ней искомую формулу «самоопределения». Даже ортодоксально-сталинская партия коммунистов в Италии стала говорить об «итальянском» пути к социализму. Китай пошел еще дальше, развив именно после разоблачения Сталина не только собственный путь, но и собственную доктрину о его методах. Пока что успешная попытка Гомулки и трагический опыт Имре Надя тоже были актами того же процесса. Когда развитие процесса далеко зашло в этом направлении, наследники Сталина очнулись и пошли на то, на что не шел даже Сталин: коммунистическое правительство Булганина объявило войну коммунистическому правительству Надя. Польша была спасена (на время) исключительной ловкостью Гомулки, редким единодушием польского народа и вероятными разногласиями в Кремле. Вывод из этих событий оказался весьма многозначимым в исторической перспективе: войны возможны и между коммунистическими государствами как войны империалистические со стороны великих держав (СССР) и войны национально-освободительные со стороны малых держав (Венгрия, потенциально — Польша и Югославия).

Польско-венгерские события, резко усилившие оппозиционное брожение и в самом СССР, привели к временному усилению позиции сталинского крыла в руководстве партии. Неоленинцы, напуганные этим событием не меньше, чем ортодоксальные сталинцы, да еще выданные неосторожным заявлением Тито о наличии сталинцев и не-сталинцев в коллективном руководстве (речь маршала Тито в Пуле, 11 ноября 1956 г.), и главное, чтобы сохранить свое нынешнее положение, пошли на компромисс: на пересмотр установок XX съезда по внешнеполитическим вопросам, на реабилитацию имени Сталина, на ухудшение отношений с Тито, на подчёркнутое ухаживание за странами-сателлитами с острием против Тито, на новую напряженность международных отношений. Одно из главных «открытий» Хрущева о том, что иностранные коммунисты могут прийти к власти и мирным парламентским путем, было пересмотрено еще до польско-венгерских событий. Один из редакторов «Коммуниста», Соболев, в сентябре 1956 года дал такое разъяснение по данному вопросу: «Что значит мирным? Слово «мирный» некоторые поняли как отказ от всякой борьбы, от всякого насилия, как чисто эволюционное развитие без революционной ломки старых устоев жизни... Это глубокое заблуждение»⁶⁷.

После польско-венгерских событий пересмотрели (правда, молчаливо и без ссылок на XX съезд) и три других главных «открытия» Хрущева на этом съезде: 1) о классовой борьбе в период социализма, 2) о разных путях к социализму, 3) о характере мирного сосуществования. Как известно, основным теоретическим грехом Сталина «постановление ЦК КПСС о культе личности» от 30 июня 1956 года считало теорию Сталина о классовой борьбе в период социализма. В этом постановлении сказано: «Большой вред делу социалистического строительства, развитию демократии внутри партии и государства нанесла ошибочная формула Сталина, что будто бы по мере продвижения Советского Союза к социализму классовая борьба будет все более и более обостряться... На практике эта ошибочная формула

служила к обоснованию грубейших нарушений социалистической законности и массовых репрессий»⁶⁸.

Теперь журнал ЦК КПСС «Партийная жизнь» выставляет противоположный тезис: «События в Венгрии показали, что строительство социализма невозможно без классовой борьбы, без беспощадного подавления свергнутых эксплуататорских классов... Тем самым еще и еще раз подтверждаются основные положения марксизма-ленинизма»⁶⁹. Таково же утверждение редакционной статьи журнала «Коммунист». «Коммунист» пишет: «Жизнь показала, что социализм рождается из реальной действительности, из *острейшей классовой борьбы*»⁷⁰. Конечно, большевики — большие «диалектики» (говорят не то, что думают, и не думают то, что говорят), но все-таки нужна была венгерская революция, чтобы Кремль открыто реабилитировал не только «ошибочную формулу» Сталина, но и теорию Ленина о «диктатуре пролетариата».

Что касается разных путей к социализму, то тут Кремль без всяких философствований восстановил Ленина в своих правах как учителя единого пути. В статье против маршала Тито газета «Правда» прямо заявила: «Творческое разнообразие на *едином пути* социалистического развития определяется в различных странах конкретными, объективными условиями»⁷¹.

Если говорить о «сосуществовании», то Шепилов дал ему такое новое толкование, которое вполне укладывается в рамки классического ленинизма. Оно гласит: «Мирное сосуществование есть борьба — борьба политическая, борьба экономическая, борьба идеологическая»⁷². Такое толкование есть нечто большее, чем холодная война: борьба политическая включает в себя борьбу классовую вплоть до ее высших форм — до восстаний и гражданских войн; борьба экономическая — это открытый курс на экономическую экспансию вовне; борьба идеологическая — ставка на внутреннее разложение свободных народов и на торжество коммунистической идеологии во всем мире.

Но значит ли все вышесказанное, что вообще нет «сталинизма» как специфического явления и новой главы коммунизма? Нет, конечно. Его, правда, нет как социологического или философского этапа в коммунизме, но он есть как практическая интерпретация теории коммунизма. В этом смысле сталинизм — наиболее всеобъемлющее и наиболее последовательное применение ленинских теоретических принципов «диктатуры пролетариата» в области государственного управления, экономической политики и идеологической жизни. Сталинизм — идеологическая система и практическое руководство сохранения и расширения абсолютной власти. Захватить власть — дело относительно легкое, но сохранить и удержать ее — дело гораздо более трудное, говорил Ленин. Первую и легкую задачу разрешил Ленин, вторую и трудную — Сталин. Поэтому все, что Сталин внес от себя в коммунизм, исходит не из умозрительных обобщений в области абстрактной теории, а из практических потребностей диктаторского режима.

Здесь как раз и относятся теоретические по видимости, но практические по сути дела «новшества» Сталина: 1. Теория о строительстве социализма в одной стране. 2. Теория о сплошной коллективизации и ликвидации кулачества (завершение узурпации политической свободы крестьянства узурпацией его экономической свободы). 3. Теория о преимущественном развитии тяжелой промышленности (для развития военно-стратегической промышленности). 4. Теория об обострении классовой борьбы в условиях социалистического общества (для оправдания массового террора). 5. Теория о сохранении и усилении государства при социализме и при коммунизме (для оправдания абсолютизации государственной власти, роста и усиления полиции, централизованной бюрократии, армии, концлагерей и т. д.). 6. Теория о революционной бдительности и капиталистическом окружении (для оправдания чекистского шпионажа внутри и вне страны, для перманентных чисток). 7. Теория о «социалистических» и «буржуазных» нациях (для культивирования ненависти против свободных наций) и т. д. и т. д.

Это перечисление можно было бы продолжить, но и этих «теорий» Сталина достаточно, чтобы видеть, что спецификом сталинизма сугубо утилитарен: все его теоретические построения адресованы не в будущее «царство коммунизма», а в настоящее время. Они ищут не путей к коммунизму как к гармоническому общежитию людей, а ищут путей, методов и форм к увековечению «статус кво»: режима диктатуры.

Если сейчас коллективное руководство утверждает, что хотя Сталин и не числится более в основоположниках марксизма, но что он был и остается «выдающимся марксистом-ленинцем», то оно само распространяет уголовную практику Сталина на свое собственное мировоззрение и тем самым признает, что уголовные преступления Сталина происходили в рамках и на почве марксизма-ленинизма. Хотя такая постановка вопроса и не лишена своей внутренней логики, но трудно в этом видеть политическую целесообразность со стороны столь целеустремленных людей. Правда, расчет Кремля был ясен — атаки на Сталина превращаются объективно в атаки на режим. Чтобы предупредить их, Кремль ударяется в другую крайность — пытается реабилитировать имя Сталина. Но это было и остается расчетом наивным: доклад Хрущева войдет в историю как жестокий приговор целой эпохе, а реплика Хрущева в китайском посольстве о Сталине — как свидетельство политической незадачливости наследников Сталина.

Однако реабилитирован ли этой репликой Хрущева Сталин хотя бы в глазах коммунистов, и достиг ли Кремль тем самым своей цели? Ни в какой мере. Как раз коммунизм не признает пророков половинчатых, грешных, с изъянами и ошибками. Поскольку Хрущевы реабилитацию Сталина все еще сопровождают оговорками об ошибках Сталина, Сталин безвозвратно погиб для коммунизма как знамя, символ и авторитет.

Означает ли реабилитация Сталина возврат к сталинизму в СССР? На этот вопрос не так просто ответить, как это кажется на первый взгляд. Все внешние, поверхностные явления не должны нас уводить в сторону от существа дела. К тому же, если говорить о возврате, то надо ясно себе представить, в чем же тогда заключался отход от Сталина. Выше уже указывалось, что в области догматики XX съезд провозгласил не отход от Сталина, а отход в определенных пунктах от Ленина. Поэтому возврат к старым тезисам по вопросам о тактике и стратегии революции был, собственно, возвратом не к Сталину, а к Ленину.

В чем же тогда был отход от Сталина? В том, что: 1. Осуждался культ личности Сталина и восстанавливался культ личности Ленина (в принципе, культ как таковой не осуждался). 2. Объявлялся принцип коллективной диктатуры в партии и государстве вместо единоличной (в принципе, диктатура осталась). 3. Осуждалась террористическая практика Сталина против партолигархии (в принципе, террор против народа не осуждался). 4. Осуждалось перемещение власти Сталиным от партаппарата к полицейскому аппарату (в принципе, полицейская система не осуждалась). 5. Осуждалась чрезмерная централизация бюрократического аппарата государственного управления. 6. Осуждалась сталинская национальная политика по уничтожению малых народов. 7. Объявлялась война сталинскому теоретическому наследству по определенным вопросам. 8. Осуждалось грубое вмешательство Сталина во внутренние дела коммунистических партий стран «народных демократий» (Югославия).

Отсюда ставилась задача исправления или ликвидации этих последствий так называемого культа личности. Выполнение этой задачи мыслилось как контролируемая десталинизация. Из всех этих перечисленных пунктов только по последним двум пунктам мы можем говорить о частичном пересмотре курса XX съезда. А по всем остальным — о продолжающейся десталинизации на практике.

Вынужденное обстоятельствами реабилитировать Сталина, коллективное руководство не отступило и не отступает от намеченного курса по ликвидации «последствий культа личности».

VII. «Просвещенный сталинизм».

События, последовавшие за разоблачением Сталина, явились грозным предупреждением, что калькулированная десталинизация начинает выходить из-под контроля Кремля. Оптимистические расчеты — разрядить путем разоблачения Сталина внутреннюю и внешнюю атмосферу — оказались ошибочными. Отсюда Кремль очутился как бы в заколдованном кругу: полный возврат к Сталину был невозможен уже психологически, а продолжение курса на десталинизацию угрожало серьезными потрясениями самой системы.

На Западе придавали термину «десталинизация» то значение, которое ему

никогда не придавали люди из Кремля. На Западе под десталинизацией подразумевали постепенный отход от существующей в СССР системы. Руководители КПСС под десталинизацией (этого термина они, конечно, не употребляют, а говорят о «ликвидации последствий культа личности Сталина») подразумевали: 1. Развенчание славы и имени Сталина как классика марксизма, чтобы иметь свободу действий как в догмах, так и на практике. 2. Пересмотр практики правления Сталина, чтобы поставить партию над полицией. 3. Создание психологических и политических предпосылок, чтобы приступить к проведению совершенно неизбежных и вынужденных реформ сверху как в экономическом, так и в административном управлении.

Если у Кремля были планы для серьезных изменений в рамках сложившейся системы, то надо было развенчать Сталина как классика марксизма, что только и создавало необходимую предпосылку для обоснования новых мероприятий. Тот политический, хозяйственный и идеологический тупик, до которого Сталин довел страну накануне своей смерти и из которого он собирался выйти при помощи новой «Великой чистки» и внешних авантюр, Кремль назвал «последствиями культа личности» и сосредоточил свое внимание на их ликвидации.

В самом деле, как этот вопрос был поставлен в решении XX съезда? По известному нам «закрытому докладу» Хрущева XX съезд принял следующую короткую резолюцию: «Заслушав доклад тов. Хрущева Н. С. о культе личности и его последствиях, XX съезд КПСС одобряет положения доклада ЦК и поручает ЦК КПСС последовательно осуществлять мероприятия, обеспечивающие полное преодоление чуждого марксизму-ленинизму культа личности, *ликвидацию его последствий во всех областях партийной, государственной и идеологической работы* (курсив мой. — А. А.), строгое проведение норм партийной жизни и принципов коллективности партийного руководства, выработанных великим Лениным»⁷³.

Таково было понимание десталинизации в глазах Кремля. Вот как раз в смысле такого понимания мы не можем говорить, что происходит ресталинизация. Конечно, есть факты, говорящие как будто в пользу ресталинизации (вооруженная интервенция в Венгрию, новое ухудшение отношений с Западом и с Тито, возобновление духовного давления в СССР, реабилитация имени Сталина). Однако при ближайшем рассмотрении общих и специфических причин этих событий выясняется, что как факты ресталинизации они отпадают. Трагедию несчастной Венгрии надо видеть не в одном Сталине — она была предрешена в соглашениях союзников военного времени и в мирном договоре в Париже после войны. Можно и нужно обвинять Кремль, что он по-своему толкует эти документы, но что военная интервенция советской армии в Венгрию происходила, согласно этим документам, в сфере советского влияния, об этом спорить нельзя. К тому же, советская интервенция в Венгрию не есть специфическая сталинская акция, она — наиболее жестокое проявление чисто империалистической политики, или то, что немцы называют «махт-политик», к которой Советская Россия прибегла с большим основанием, чем Россия царская в 1849 году в той же Венгрии. Но если даже считать эту акцию чисто сталинской, то она не была проведена в Польше. Тут состоялся явно антисталинский компромисс по духу, так как польская революция не была направлена против советской военной стратегии и против коммунизма вообще, как это было в Венгрии.

Относительный и временный конец «оттепели» в самом СССР обозначился еще до начала этих событий, и именно тогда, когда Кремль увидел, что кампания по разоблачению культа личности явно выходит за пределы, предусмотренные партийным аппаратом. Кремль был озабочен не столько критикой Сталина, сколько критикой режима, почему и пришлось затормозить антисталинскую кампанию. Но это все не означало, что Кремль отказался от практической десталинизации, именно в тех пределах и рамках, в которых он собирался ее проводить.

Распространенное представление, что десталинизация вообще началась лишь с XX съезда, не соответствует действительности. Она началась сразу же после смерти Сталина. Вспомним факты: 1. Амнистия заключенных до 5 лет (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27.3.1953 г.). 2. Освобождение кремлевских врачей (апрель 1953 г.). 3. Ликвидация Берии и его группы (июль 1953 г.). 4. Упразднение военных трибуналов войск МВД (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 11 сентября 1953 г.). 5. Упразднение Особого Совещания МВД СССР (сен-

тябрь 1953 г.). 6. Отмена постановления ЦИК СССР 1 декабря 1934 года — о порядке ведения дел «по подготовке и совершению террористических актов» и постановлений 1 декабря 1934 года и 14 сентября 1937 года об изменениях в уголовно-процессуальных кодексах, по которым не допускались кассационные жалобы по делам о вредительстве, терроре и диверсии (Указ Президиума Верховного Совета в сентябре 1953 г.). 7. Амнистия советских граждан, сотрудничавших во время войны с немцами (Указ Президиума Верховного Совета от 17 сентября 1955 г.). 8. Упразднение единоличного руководства над органами госбезопасности как в центре, так и на местах. 9. Издание «Положений о прокурорском надзоре в СССР» (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 24 мая 1955 г.). 10. Создание Комиссии Президиума ЦК КПСС по расследованию преступлений Сталина во время Великой чистки (1954 г., см. «закрытый доклад» Хрущева). 11. Пересмотр дел всех политических заключенных⁷⁴.

Все эти юридические акты били в одну точку: поставить партию над полицией с явной тенденцией в сторону либерализации режима. Они, конечно, не меняли природы советской карательной системы, но они сводили, или призваны сводить к минимуму произвол сталинской системы. В этом смысле они представляют собой десталинизацию на практике еще до того, как Сталин был развенчан на XX съезде партии.

Первоначальный курс ЦК КПСС, видимо, заключался в том, чтобы проводить десталинизацию, или «ликвидацию последствий культа личности», не трогая, однако, имени самого Сталина или даже ссылаясь на Сталина. (Например, о вреде «культа личности» газета «Правда» писала впервые 10 июня 1953 г., но писала, ссылаясь на «основополагающие» указания самого Сталина, а о ленинском принципе «коллективного руководства» говорилось сейчас же после смерти Сталина — в речи Маленкова от 14 марта 1953 г.)

Но последовательное проведение десталинизации, естественно, не могло долго опираться на имя самого Сталина. Если Сталин и дальше оставался бы незыблемым авторитетом и классиком марксизма-ленинизма, то практика коллективного руководства могла быть истолкована как антимарксистская практика. Помимо всех прочих причин и для проведения десталинизации надо было выключить Сталина из «великой четверки» (Маркс-Энгельс-Ленин-Сталин), выдавая десталинизацию за восстановление так называемых ленинских принципов руководства.

Вокруг этого судьбоносного решения происходила долгая борьба. Ибо, как выясняется теперь, вопрос о культе Сталина, оказывается, обсуждался еще на июльском пленуме 1953 года, в связи с ликвидацией Берии⁷⁵. Но окончательно решен он не был, так как еще в январе 1956 года, накануне XX съезда, член Президиума ЦК КПСС Кириченко в своем докладе на Украинском съезде (21 января 1956 г.) все еще говорит о «великом учении Маркса-Энгельса-Ленина и Сталина»⁷⁶. Только перед самым началом работы XX съезда принимается окончательное решение — развенчать и разоблачить Сталина. Отныне десталинизация происходит уже с открытым переключением всех грехов советского режима на одного Сталина.

За этот период и до торжества борьбы с культом личности были проведены следующие мероприятия: 1. Решения самого съезда о необходимости продолжать борьбу за дальнейшую ликвидацию последствий культа личности во всех областях партийной, государственной и идеологической жизни. 2. Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об отмене судебной ответственности рабочих и служащих за самовольный уход с предприятий и учреждений и прогул без уважительной причины»⁷⁷. 3. Ликвидация Министерства юстиции СССР и передача его функций союзным республикам⁷⁸. 4. Серия актов Совета министров СССР и ЦК КПСС с мая по ноябрь 1956 года о расширении прав союзных республик в плане децентрализации и бюджетных компетенций. 5. Постановление Совета министров СССР от 6 июня 1956 года об отмене платы за обучение в средних и высших школах. 6. Серия актов Совета министров, ЦК КПСС и Указов Президиума Верховного Совета по линии социальной политики с марта по ноябрь 1956 года. (О сокращении рабочего дня, закон о государственных пенсиях, повышение зарплаты низкооплачиваемых рабочих, авансирование колхозников ежемесячно, увеличение отпусков по беременности и после родов и т. д.)⁷⁹.

Эти акты и указы, особенно по линии социальной политики, также были направлены на ликвидацию тяжелого наследия Сталина в отношении элементар-

ных жизненных интересов народа. Ведь Сталин вел всегда целеустремленную политику «железного максимума жизненного стандарта», как бы следуя замечанию Энгельса о том, что первобытный человек начал заниматься «философией», когда он мог поесть досыта и делать запас на завтра.

Выясним теперь вопрос о том, как и насколько повлияли польско-венгерские события на развитие внутренней политики в СССР. Что же происходит дальше: десталинизация или рестаилинизация? Выше уже указывалось, что в области идеологии, в связи с этими событиями, руководство КПСС, собственно, вернулось не к Сталину, а к Ленину, что отчасти и оправдывало реабилитацию имени Сталина. Этот возврат к ленинизму в идеологии и реабилитация имени Сталина затормозили десталинизацию в СССР, но не приостановили ее на практике. То, что я называю «практической десталинизацией», продолжалось и продолжается после событий в Восточной Европе.

Какими фактами это подтверждается? Вот они:

1. Осенью 1956 года были приняты два весьма важных постановления правительства СССР об МВД СССР и концлагерях. Они не были опубликованы в печати, но журнал «Партийная жизнь» вкратце излагает их содержание следующим образом: а) «Управление МВД и управления милиции в области реорганизованы в единые управления внутренних дел Исполкомов»; б) «признано нецелесообразным дальнейшее существование Исправительно-трудовых лагерей (т. е. концлагерей. — А. А.) и в связи с этим решено реорганизовать их в Исправительно-трудовые колонии... для усиления контроля за деятельностью исправительно-трудовых учреждений при Исполкомах местных советов созданы наблюдательные Комиссии из представителей советских, профсоюзных и комсомольских организаций»⁸⁰.

2. Решения декабрьского пленума ЦК КПСС 1956 года о децентрализации органов управления в промышленности.

3. Принятие сессией Верховного Совета СССР — в феврале 1957 года — ряда законов по децентрализации административного управления и юридического законодательства: а) отнесение к ведению союзных республик законодательства об устройстве судов союзных республик и принятия уголовного, гражданского и процессуальных кодексов самими союзными республиками; б) отнесение к ведению союзных республик вопросов областного, краевого, административно-территориального устройства; в) ограничение надзорных функций Верховного Суда СССР в пользу Верховных Судов союзных республик.

4. Возвращение на родину депортированных кавказских народов и восстановление их национальных автономий.

5. Решение февральского пленума ЦК КПСС 1957 года о дальнейшей децентрализации в промышленности.

6. Постановление ЦК и Совета министров об отмене ежегодных принудительных займов.

7. Принятие закона «о дальнейшем усовершенствовании управления строительством и промышленностью» майской сессией Верховного Совета 1957 года (т. е. о дальнейшей децентрализации).

8. Издание вместо сталинских книг новых работ по марксизму-ленинизму и истории партии: а) издание «Популярного учебника по истории КПСС» (авторский коллектив под руководством заведующего иностранным отделом ЦК КПСС Пономарева); б) издание учебника «Основы марксистской философии» (авторский коллектив под руководством заведующего отделом агитации и пропаганды ЦК Константинова); в) издание учебника «Основы марксизма-ленинизма» (авторский коллектив под руководством члена Президиума Верховного Совета СССР Куусинена); г) 3-е переработанное издание учебника «Политическая экономия» (авторский коллектив — Шепилов, Островитянов, Юдин и др.)⁸¹.

Таковы факты о продолжающейся практической десталинизации. Впрочем, это признают и сами руководители КПСС. Так, Хрущев в своей беседе с главным редактором «Нью-Йорк таймс» Турнером Кетlichem от 10 мая 1957 года заявил: «Сталин имел большие недостатки, о которых мы говорили и будем говорить. И мы не жалеем, что поступили так, однако он был преданным революционером и преданным последователем Маркса и Ленина. Он допустил много ошибок, но сделал и много полезного»⁸².

Однако весьма характерно, что в советском официальном тексте об этой

беседе слова «Сталин имел большие недостатки, о которых мы говорили и будем говорить. И мы не жалеем, что поступили так» выпущены⁸³. Характерна и вторая цензура, проделанная над советским текстом указанной беседы. По словам Турнера Кетлича, на его вопрос, «какое место займет Сталин в истории СССР», Хрущев ответил: «очень большое», а в газете «Правда» сказано: «Сталин займет должное место».

Итак, каковы общие выводы, какова общая тенденция дальнейшего развития советского режима? Относительность и условность внутренней стабилизации коллективного руководства делают относительными и условными всякие ответы на вышепоставленные вопросы. К тому же, рассматривая развитие внутренней политики СССР, нельзя абстрагироваться от его международного положения. Всякое ухудшение международного положения СССР автоматически будет означать усиление сталинского крыла и сталинских методов в коллективном руководстве, тогда как общая разрядка в международных отношениях может свести на нет влияние этого крыла и во внутренней политике.

При этих подчеркнутых оговорках можно прийти к следующим выводам относительно судеб сталинизма в СССР:

1. Десталинизация в СССР продолжается, причем продолжается как десталинизация, строго контролируемая сверху и проводимая в определенных рамках. Рецидивы сталинизма или тенденция в сторону ресталинизации после восточноевропейских событий сказались во внутренней политике, главным образом, в области догматических вопросов, а не в текущей практике правления. При ближайшем рассмотрении характера и такой условной ресталинизации выясняется, что речь тут идет вовсе не о возврате к Сталину, а о возврате к идеологии ленинизма, которая и была подвергнута значительной ревизии на XX съезде.

2. Сила и сущность сталинизма — не в области теории, а в практической системе правления. В основу этого правления были положены два принципа: первичный принцип — превентивный террор, вторичный принцип — целевая пропаганда. Ныне эти два принципа переместились — целевая пропаганда стоит на первом месте, а террор не носит превентивного характера.

3. Оформляющуюся сейчас в СССР систему правления нельзя называть чисто сталинской. На наших глазах происходит ее явная деформация. Резко, иногда радикально, меняется если не сущность, то формы методов правления. Система, конечно, не перестает быть полицейской, но сама полиция перестала быть всемогущей. От системы принудительного труда начинают переходить к системе принудительной добровольности. Централизованная бюрократия децентрализуется. Стандарт жизни имеет тенденцию перешагнуть за «железный максимум» Сталина. Пропаганда больше заигрывает с народом, чем приказывает ему.

Кремль вступает в эпоху экспериментирования и реформ сверху, чтобы модернизировать режим, вывести его из сталинского тупика и предупредить возможный взрыв снизу. Если допустима аналогия для социально однотипных явлений, то обозначившийся в СССР режим условно можно назвать режимом «просвещенного сталинизма», по аналогии с «просвещенным абсолютизмом» в европейских странах во второй половине XVIII века. Но «просвещенный абсолютизм» был переходной стадией — в Западной Европе он подготовил условия для уничтожения абсолютизма вообще, а в России, наоборот, на смену «просвещенному абсолютизму» (Екатерина II) пришло военно-бюрократическое правление (Павел, аракчеевщина, Николай I).

Переходной стадией является и «просвещенный сталинизм»: либо назад — к классическому сталинизму, либо вперед — по пути уничтожения сталинизма вообще. Дилемма эта не только грозная, но и трудно разрешимая. Чтобы вернуться в нынешних новых условиях СССР к классическому сталинизму, нужен новый диктатор, но уже более высокого класса, чем Сталин, что трудно себе представить даже теоретически. Чтобы развитие пошло по пути уничтожения сталинизма вообще, нужно допущение известного минимума духовных свобод в стране.

Отныне СССР вступает на путь борьбы для разрешения этой судьбоносной дилеммы. Как теоретические расчеты, так и исторический опыт подсказывают, что исход такой борьбы будет зависеть не от одной субъективной воли коллективного руководства.

VIII. Силуэты портретов «коллективного руководства»

«Многие статьи и биографические справки, помещенные в БСЭ, не дают правильного представления о действительной роли тех или иных партийных деятелей».

«Вопросы истории», 1956, № 5, стр. 145.

До сих пор я писал о тех процессах внутри партии, которые логически должны были привести к «Великой чистке» 1936—1939 годов и завершиться окончательным торжеством единоличной диктатуры Сталина. Я особенно подробно останавливался на истории возникновения, развития и гибели последней организованной оппозиции внутри партии — на «правой оппозиции», потому что ее история наименее освещена в литературе. К тому же «правая оппозиция» была и последней попыткой сохранить «коллективное руководство» и предупредить личную диктатуру Сталина.

Сегодняшнее «коллективное руководство», в конечном счете, сводит все грехи Сталина к этой диктатуре, но какая все-таки сталинская, то есть фарисейская, последовательность у его учеников: обвиняя Сталина в уничтожении ленинского «коллективного руководства» и установлении режима личного произвола над партией и страной, они и троцкистов, и бухаринцев объявляют «злейшими врагами» ленинизма! Люди, которые заплатились своей жизнью за попытку предупредить и Сталина и сталинские преступления, объявляются преступниками, а борьба Сталина против них признается его «беспорной заслугой». Где тут логика? В том-то и дело, что тут есть логика. Но она заключается только в одном: нынешние «коллективные руководители» как раз и были той силой, без помощи которой Сталин не стал бы Сталиным, а они — «коллективными руководителями».

Достаточно беглого взгляда на их карьеру, чтобы понять эту логику. Как было видно из предыдущего изложения, путь Сталина к «Великой чистке» и, стало быть, к единоличной диктатуре прошел через три этапа: 1) ликвидация троцкистов; 2) ликвидация зиновьевцев; 3) ликвидация бухаринцев. Четвертый этап — этап ежовский — был завершающим. Кто стоял рядом со Сталиным на всех этапах и кто на каком этапе сделал карьеру? Не будем говорить о мертвых или о тех, кто на одном этапе был рядом со Сталиным, на втором сорвался или даже на всех трех этапах шел вместе со Сталиным, а на ежовском был сам ликвидирован.

Будем говорить только о тех, кто оказался до конца испытанным «учеником и соратником», а ныне проклинает своего учителя.

1) Вячеслав Молотов (род. в 1890 г., в партии с 1906 г.) (ум. в 1986 г. — Ред.). Он был секретарем ЦК партии даже раньше Сталина (1921 г.), но не был членом Политбюро. Чтобы он стал им, надо было изгнать из Политбюро Троцкого, Зиновьева и Каменева. В борьбе за их ликвидацию отдал Сталину не только свои личные способности, но и всю душу. «Молотов — это не личность, а робот Сталина», — говорили о нем в партии. «Робот» был вознагражден и назначен членом Политбюро в 1926 году. Я даже не думаю, что Молотов карьерист по натуре. Но у него одна удивительная способность, роднящая его именно с «роботом», — бесчувственность машины и автоматизм исполнителя. Эти качества Сталин и использовал до конца. Подготавливая почву в Политбюро против бухаринцев, Сталину даже не нужно было предварительно «агитировать» или уговаривать Молотова — кто же «агитирует» и «уговаривает» машину? Надо было только «подмазать робота» и поставить его на свое место. Сталин так и поступил.

В борьбе с правыми Молотов показал еще более высокий класс, чем в борьбе с троцкистами и зиновьевцами. Правда, ничего своего он в этот «класс» не вносил, но зато прекрасно осуществлял волю водителя. Вот тогда Сталин увидел в нем давно искомую ширму для завуалирования личной диктатуры и столь же безотказное орудие в деле ее осуществления. «Ширма» была назначена номинальным председателем советского правительства вместо Рыкова (1930 г.), и ею он пользовался до тех пор, пока вообще нужны были всякие ширмы.

Еще до войны (май 1941 г.) Сталин отнял у Молотова пост главы правительства. И это несмотря на ведущую роль Молотова в чистке его собственного кабинета. Посмотрите на список коллег Молотова — членов Совета народных комиссаров

(Совет министров) 1937 года, которые были ликвидированы при личном участии Молотова.

Председатель Совета народных комиссаров — Молотов. Заместители председателя: Я. Рудзутак (ликвидирован). 2. Чубарь (ликвидирован). 3. Межлаук (ликвидирован). 4. Антипов (ликвидирован). Наркомы: 5. Оборонны — Ворошилов. 6. Иностраннных дел — Литвинов (снят). 7. Внешней торговли — Розенгольц (ликвидирован). 8. Путей сообщения — Каганович. 9. Связи — Ягода (ликвидирован). 10. Тяжелой промышленности — Орджоникидзе (ликвидирован). 11. Оборонной промышленности — Рухимович (ликвидирован). 12. Пищевой промышленности — Микоян. 13. Легкой промышленности — Любимов (ликвидирован). 14. Лесной промышленности — Лобов (ликвидирован). 15. Земледелия — Чернов, потом Эйхе (ликвидированы оба). 16. Зерновых и животноводческих совхозов — Калманович (ликвидирован). 17. Финансов — Гринько (ликвидирован). 18. Внутренней торговли — Вейцер (ликвидирован). 19. Внутренних дел — Ежов (ликвидирован). 20. Юстиции — Крыленко (ликвидирован). 21. Здравоохранения — Каминский (ликвидирован).

Из 21 министра СССР уцелели лишь сообщники Молотова и Сталина: Каганович, Микоян и Ворошилов. Все другие, которые никогда не были ни троцкистами, ни бухаринцами, оказались «шпионами» германского фашизма. Чтобы арестовать любого из них, нужны были подписи главы правительства — Молотова, главы ЦИК СССР (Верховного Совета) — Калинина, генерального прокурора — Вышинского. Подпись Сталина вообще не требовалась, так как она не имела юридического значения (Сталин был секретарем ЦК и лишь членом Президиума ЦИК СССР).

Даже всемогущий Ежов не мог арестовать членов правительства без этих подписей. Может быть, со временем Молотов скажет, что он подписывал арест почти всего состава своего правительства под диктовку Сталина, подобно тому, как в Нюрнберге помощники Гитлера сваливали всю вину на «фюрера». Но соратники Гитлера юридически были правы: «фюрер» был не просто «фюрер», он был и канцлером Империи. А Сталин? Сталин был лишь «фюрером», а «канцлером» СССР был ведь сам Молотов.

Но этого мало. Чтобы до конца и во всем объеме видеть роль Молотова в «Великой чистке» 1933—1939 годов, недостаточно установить внешние явления. Надо знать если не закулисную роль его, то, по крайней мере, роль Молотова на пленумах ЦК партии 1935—1936 и 1937—1938 годов. На всех пленумах ЦК этих лет неизменно, хотя в разных формулировках, стоит один и тот же вопрос — чистка партии.

Не только народ, но и сама партия об этих пленумах знала только то, что сообщали скудные и по существу ничего не говорящие коммюнике ЦК: 1. О декабрьском пленуме ЦК 1935 года («Итоги проверки партдокументов»): введение Микояна в члены, а Жданова в кандидаты Политбюро⁸⁴. 2. Июньский пленум ЦК 1936 года («Обмен партдокументов»). 3. Февральско-мартовский пленум ЦК 1937 года (исключение из партии Бухарина и Рыкова). 4. Мартовский пленум ЦК 1938 года (завершение чистки под предлогом чистки партии от «левых загибщиков», введение Н. Хрущева в состав кандидатов в члены Политбюро и Л. Мехлиса в члены Оргбюро). Самый же главный пленум ЦК — сентябрьский пленум ЦК 1936 года, на котором Сталину было выражено политическое недоверие, — вообще не нашел отражения в партийной прессе.

На всех этих пленумах роль юридического председателя (открытие пленума, руководство ведением прений, резолютивные предложения, закрытие пленума) играл не Сталин, а Молотов. Если когда-нибудь протоколы этих пленумов будут опубликованы, то удивленный мир установит: 1. Генеральный режиссер чисток — Сталин — всегда в суфлерской будке. Его почти не видно. Если он и выходит на сцену (иногда с репликами, иногда с речью), то он либо выглядит как «примиренец» и «миролюбец», либо держит речь на какие угодно темы, но не на тему чистки (до самого ареста Бухарина — Рыкова в феврале 1937 г.). 2. Зато действуют Молотов, Каганович, Андреев, Шкирятов, Мехлис и, конечно, Ежов. Но политический тон пленумам дает Молотов так же усердно и талантливо, как Каганович — идеологическое обоснование, а Ежов — полицейское завершение. Чистка Ежова 1936—1938 годов в такой же степени, а юридически — еще в большей степени, была чист-

кою официального главы советского правительства Молотова, у которого Ежов был одним из министров.

Я уже говорил о роли Молотова в уничтожении крестьянства СССР, в принудительной коллективизации и грабительской индустриализации. И тут его роль может быть сравнена с ролью Сталина. Всесоюзный «план по ликвидации кулачества, как класса» в январе 1930 года был принят Политбюро по докладу так называемой Деревенской комиссии Политбюро, председателем которой был тот же Молотов. Все довоенные пятилетки, в которых увековечивался нищенский стандарт жизни советских рабочих, принимались на пленумах и съездах партии по докладам того же Молотова. Законно — юридическим отцом «Сталинской конституции» тоже был сам Молотов (декабрьский пленум ЦК 1935 г.)⁸⁵. Только через год Сталин «полюбил» ребенка и адаптировал его на Съезде Советов (декабрь 1936 г.).

Но в 1939 году кончилась чистка. Одни ее участники были вознаграждены (Маленков, Хрущев, Суслов, Булганин, Вышинский и др.), другие ликвидированы (Ягода, Ежов, Заковский и др.). Молотову дали сформировать новый состав правительства. В числе министров были на этот раз не только его личные друзья, но даже и жена — Полина Жемчужина. Однако «семейная идиллия» продолжалась недолго: не прошло и двух лет, как Маленков снял жену Молотова, а Сталин — самого Молотова. Он остался министром иностранных дел и заместителем Сталина. На этом поприще он воздвиг себе только один памятник — «Пакт Молотова — Риббентропа».

Тот же Молотов принял в 5 часов утра 22 июня 1941 года германского посла фон Шуленбурга, вручившего ему ноту о начавшемся наступлении Германии на СССР. В эту трагическую минуту он произнес фразу, в которой паническая растерянность выдает всю внутреннюю пустоту этого «государственного» деятеля: «Скажите, господин посол, чем мы это заслужили?» Вот именно, ничем не заслужили! К утру Молотов пришел в себя и выступил у микрофона (самому Сталину понадобилось целых две недели): «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами», — вот все, что мог сказать Молотов гражданам СССР в оправдание своей прогитлеровской политики, приведшей к войне против самого же СССР.

В этой войне Сталин еще раз использовал Молотова как ширму «русского патриотизма» в качестве заместителя председателя Государственного комитета обороны. Вспомнил заодно и англофила Литвинова, который в 1939 году был выведен из состава ЦК как «не оправдавший доверия партии», а на самом деле как еврей, с которым не хотел иметь дело Гитлер. Сейчас он нужен был для отправки в Америку в качестве чрезвычайного и полномочного посла. И Литвинов оправдал доверие: помощь ленд-лиза широким потоком двинулась в СССР, достигнув к концу войны одиннадцати миллиардов долларов! Молотов участвует на всех военных конференциях с союзниками (Тегеран, Ялта, Потсдам). И тут все крайние требования Советов обосновывает Молотов, а все «уступки» делает Сталин.

Но в решающих для Кремля вопросах упорствует и Сталин, ссылаясь на Политбюро, которое он якобы не в состоянии «уговорить», или на русских... царей, о которых ему и Молотову скажут, что те лучше защищали интересы России, чем Молотов и Сталин. Один из американских участников этих конференций писал в своих мемуарах, что в дискуссии с Рузвельтом Сталин, говоря о великих жертвах людьми со стороны СССР, пустил даже слезу. Да, воистину великим артистом был товарищ Сталин!

Разве можно после этого обвинять Рузвельта, который, по словам бывшего американского посла в Москве Дэвиса, всерьез думал, что «такого слезливого» диктатора он легко перевоспитает «в демократическом и христианском духе». Настойчивые и весьма дальновидные предупреждения предшественника Дэвиса (теперь уже ясно, что «Моя миссия в Москве» была дезинформацией не только президента, но и американской общественности) В. Буллита об истинных планах Кремля в Европе и Азии не имели успеха. Голоса американских знатоков СССР — Истмена, Исаака Дон-Левина, Евгения Лайонса и других не были популярными. Предупреждения самих русских деятелей различных направлений об истинной природе политики Сталина и Молотова — А. Керенского, Р. Абрамовича, Б. Николаевского, Д. Далина, С. Мельгунова, П. Струве, П. Милюкова, А. Деникина и др. — принимались за голоса «обиженных». Это тоже был результат хорошо организованной работы Молотова и Литвинова в Америке.

Но вот кончилась война. Началась война холодная. В этой войне Сталину нужно было отточенное интеллектуально, но морально еще менее разборчивое орудие. И Сталин находит его: Молотов снимается, а его заместитель Вышинский назначается министром иностранных дел. Молотов зачисляется в «институт заместителей» Сталина без портфеля (начало 1949 г.). Накануне роковой болезни Сталин успевает поблагодарить Молотова еще раз — он арестовывает его жену. Воистину, трудно было угодить Сталину!

Несмотря на все обиды, которые причинял ему и его семье Сталин, сам Молотов остался до конца преданным его учеником. Этим он гордился раньше. Гордится, несомненно, в глубине души и сегодня. Еще в 1930 году, приняв пост главы Совета народных комиссаров от свергнутого Рыкова, Молотов обратился к участникам объединенного пленума ЦК и ЦКК (в декабре 1930 г.) со следующей «правительственной декларацией»⁸⁶: «Сейчас в связи с моим назначением я не могу не сказать о себе и о своей работе. В течение последних лет мне пришлось в качестве секретаря ЦК проходить школу большевистской работы под непосредственным руководством лучшего ученика Ленина, под непосредственным руководством т. Сталина. Я горжусь этим».

Таковы в самых кратких чертах заслуги Молотова перед покойным диктатором. Его снятие с поста министра иностранных дел СССР связано с этим. Он неудобен «младоленинцам» из «коллективного руководства» на первом плане не из-за его сталинских преступлений, а как живой символ эпохи мертвого Сталина. Назначение Молотова министром Государственного контроля, отдавая дань его личным качествам — бесчувственности бюрократа и педантичности исполнителя, — переводит его в разряд простых смертных на среднем плане. Если полная реставрация сталинизма окажется возможной, то новый триумф Молотова будет ее логическим последствием.

2. *Лазарь Каганович* (род. в 1893 г., в партии с 1911 г.) (ум. в 1991 г. — *Ред.*). Он пользуется в КПСС славой «талантливого организатора». Во всех его официальных биографиях эта слава присутствует неизменно. Многие зарубежные писатели лишь повторяют, говоря о Кагановиче, эту советскую оценку. Что Каганович — «организатор» и организатор «талантливый», с этим спора нет. Но «организатор» чего, «организатор» где и «организатор» как? — в этом весь вопрос.

Например, другой такой же старый большевик, как и он, такой же член президиума ЦК КПСС и «первый заместитель», как и Каганович, Микоян не может равняться с Кагановичем, не по убеждению, конечно, а по своему складу ума и по ограниченности «творческого» размаха в организационной технике большевизма. В этой технике Каганович уникален, почти как сам Сталин. В сталинском большевизме он наиболее близкая копия к оригиналу — к самому Сталину. Порою его и не отличишь от оригинала. Если бы в политике действовал биологический закон, то можно было бы сказать, что все члены Политбюро братья, а вот Каганович и Сталин — братья-близнецы. Но это родство не физическое, а психологическое. Правда, Каганович старался походить на Сталина и физически. При Ленине он надел европейский костюм и отпустил бородку «а ля Ильич», а при Сталине сменил костюм на сталинскую куртку, бородку снял и отрастил усы «а ля Сталин».

О Кагановиче нельзя сказать, что он был хотя бы и талантливым, но все-таки просто орудием, «роботом» в руках Сталина. Официальные биографы, фальсифицируя факты и события, сделали ему весьма импозантную биографию одного из руководителей октябрьского переворота, гражданской войны и даже одного из организаторов Красной армии. Все это выдумки, как выдумками такого рода полна и биография Сталина, что признают сами его бывшие ученики.

Карьера Кагановича, собственно, началась с 1920 года, с Туркестана. Будучи членом «Мусульманского» бюро ЦК РКП(б) по Средней Азии (так оно и называлось: «Мусульманское бюро») с 1920 по 1922 год, Каганович был личным информатором наркомнаца Сталина по делам Средней Азии и Казахстана. Все важнейшие меры по советизации и большевизации Средней Азии через голову местного руководства Каганович подсказывал лично Сталину. В Туркестане Каганович занимал тот же пост, что и Сталин в Москве. Он был наркомом РКИ (в то время Сталин был одновременно наркомнацем и наркомом РКИ). От Сталина же Каганович получал указания, как действовать, а действовал Каганович теми же методами, что и его непосредственный шеф, — террором и конспирацией.

Тогда впервые Сталин увидел в нем одного из тех, кого уже начинал собирать вокруг себя, — единомышленника по методам и мастера по конспирации. Неудивительно, что когда в 1922 году Сталина назначили генеральным секретарем ЦК, он привлек Кагановича в аппарат ЦК в качестве своего первого помощника по кадрам для разгрома троцкистов (заведующим организационно-инструкторским, потом организационно-распределительным отделом ЦК). На XI съезде партии (1922 г.) Сталин ввел его в кандидаты, а после смерти Ленина — и в члены ЦК за успешную организацию борьбы с Троцким (XIII съезд, 1924 г.). За два года совместной работы Сталин убедился в правильности своего выбора и, пользуясь поддержкой Зиновьева и Каменева, даже назначил Кагановича в 1924 году одним из секретарей ЦК партии.

Но кончился первый этап борьбы победой над Троцким. Начался второй этап — борьба против «зиновьевцев» и «буржуазных националистов». После Москвы и Ленинграда решающая роль в этой борьбе отводилась Украине. В мае 1925 года, то есть за шесть месяцев до начала борьбы против Зиновьева — Каменева, а потом и блока Троцкого — Зиновьева — Каменева, Сталин отправляет Кагановича на Украину в качестве генерального секретаря ЦК партии Украины. При помощи тех же сталинских методов и столь же талантливо, как Сталин в Москве, Каганович громит на Украине не только троцкистов и зиновьевцев, но и украинскую коммунистическую интеллигенцию (Шумский).

К 1928 году троцкистско-зиновьевский блок и «буржуазные националисты» были окончательно разгромлены. Сталин готовился к новой конспирации, к третьему этапу борьбы — к ликвидации Бухарина, Рыкова и Томского. Основная база правых была в Москве. Правые лидеры пользовались огромным авторитетом и занимали ведущие позиции в правительстве, печати, Коминтерне и в профсоюзах. Тройке «Бухарин — Рыков — Томский» надо было противопоставить тройку секретарей ЦК партии. Кроме самого Сталина и Молотова, в эту тройку мог быть включен только Каганович. И вот в 1928 году, за несколько месяцев до начала борьбы против правых, Каганович отзывается в Москву и назначается третьим секретарем ЦК после Сталина и Молотова. В том же 1928 году, когда уже готовилась открытая кампания против правых, Каганович назначается «политкомиссаром» ЦК в ВЦСПС со званием члена президиума ВЦСПС (против Томского). В 1930 году борьба против правых кончается их полным разгромом и выведением из Политбюро. Теперь, наконец, он добрался и до заветной цели — стал членом Политбюро. С тех пор Каганович обосновался в Москве, если не считать его кратковременного назначения в 1947 году на Украину вместо снятого тогда Хрущева (Хрущев был назначен председателем Совета министров Украины).

Но все эти заслуги Кагановича бледнеют перед той практикой, которую он развернул с начала тридцатых годов. Теперь только он вступает в свою настоящую область «организатора». На протяжении всего этого времени биография Кагановича напоминает нам биографию самого Сталина при Ленине. Где надо «ликвидировать», «разгромить», «уничтожить» — словом, где нужен железный «организатор разгрома», туда назначается Каганович. Где вождю надо подказать новые формы насилия, физические и духовные, — там Каганович. Где надо обосновать идеологически и оправдать морально самые тяжкие преступления не только против народа, но и против собственной партии, — там Каганович. «Сталин работает 24 часа в сутки», — говорили в то время в Москве. На недоуменный вопрос «Как это возможно физически?» отвечали: «Очень просто — восемь часов он работает под своим настоящим именем, а шестнадцать часов — под псевдонимами «Каганович» и „Молотов“».

Зимой 1930 года почти весь Советский Союз был объят крестьянскими волнениями против насильственной коллективизации Сталина. В некоторых районах волнения переходили в открытые вооруженные восстания. Особенно опасные формы эти антиколхозные волнения приняли в основных крестьянских районах — на Украине, Северном Кавказе, в Воронежской области и Западной Сибири. Начиная с 1930 по 1934 год Каганович постоянно переезжает из одного из этих районов в другой как «Чрезвычайный уполномоченный ЦК и Совнаркома СССР по коллективизации и хлебозаготовкам». Надо себе хорошо представить, что означал на практике этот титул. «Чрезвычайные уполномоченные ЦК и Совнаркома» имели в кармане мандаты за подписями Сталина и Молотова, удостоверяющие, что к дан-

ному уполномоченному переходит на местах — в краях, областях и республиках — вся верховная власть и он пользуется экстраординарным правом принимать любые решения и проводить любые мероприятия от имени ЦК и советского правительства. При этом его действия являются безапелляционными и не подлежат обжалованию в Москву.

В качестве такого уполномоченного и опираясь на специальные чекистские отряды, Каганович под лозунгом «до конца разгромить кулацкий саботаж» начал массовые выселения детей, женщин и стариков из Воронежа, Украины и Северного Кавказа в Сибирь, а из Сибири — в северную тундру. Ту же практику массового выселения он проводил и в самой Московской области, где он с апреля 1930 года был первым секретарем обкома.

Однако теория «кулацкого саботажа» была опрокинута жизнью. Ведущая часть деревенского населения — среднее крестьянство, после того как кулачество было уже ликвидировано, ответило на политику насильственной коллективизации и хлебозаготовок своеобразной «итальянской забастовкой»: оно вошло в колхоз, чтобы не идти в Сибирь, но не для работы на партию. Колхозы были созданы, помимо других причин, чтобы государство могло легче и больше отбирать хлеб у организованных крестьян, а крестьяне начали рассматривать колхозный хлеб как свой собственный и соответственно придерживать его.

В январе 1933 года Сталин говорил⁸⁷: «В чем состоит главный недостаток нашей работы в деревне за последний, 1932 год? Главный недостаток состоит в том, что хлебозаготовки в этом году прошли у нас с большими трудностями, чем в предыдущем году... Объяснить это плохим состоянием урожая никак нельзя, потому что урожай у нас был в этом году не хуже, а лучше, чем в предыдущем году». После установления этого факта Сталин спрашивал: в чем же причина этого? Ответ был таков: «Враг понял изменившуюся обстановку и, поняв это, перестроился, изменил свою тактику, — перешел от прямой атаки против колхозов к работе тихой сапой... Ищут классового врага вне колхозов, ищут его в виде людей с зверской физиономией, с громадными зубами, с толстой шеей, с обрезом в руках... Но таких кулаков давно уже нет на поверхности. Нынешние кулаки и подкулачники, антисоветские элементы в деревне — это большей частью люди «тихие», «сладенькие», почти «святые». Их не нужно искать далеко от колхоза, они сидят в самом колхозе».

Таким образом, после первой чистки в крестьянстве — после ликвидации так называемого кулачества — предстояла теперь новая чистка — чистка против среднего крестьянства, представители которого действуют «тихой сапой» в образе «сладеньких» и «святых» людей. Как и при помощи каких средств приступить к этой новой расправе с крестьянами? Сталин ответил⁸⁸: «Я думаю, что политотделы МТС и совхозов являются одним из этих решающих средств...» Кто же должен быть поставлен во главе этого дела? Тут Сталин не имел широкого выбора — им мог быть только один Каганович.

Первым секретарь Московского городского комитета, первый секретарь Московского обкома, второй секретарь ЦК партии (после перевода Молотова в Совнарком), Каганович был назначен всесоюзным шефом политотделов в качестве заведующего сельхозотделом ЦК ВКП(б). В его распоряжение было выделено 25 000 «лучших сынов партии» как армия чрезвычайных уполномоченных в сельском хозяйстве (начальники политотделов и их заместители). Они назначались непосредственно ЦК и подчинялись прямо Кагановичу. При каждом начальнике политотдела был его заместитель по ГПУ с целым штатом открытых и секретных сотрудников. В районах МТС было создано 3368 политотделов (17 тысяч человек), в совхозах — 2021 (8 тысяч человек). Так началась под руководством Кагановича вторая расправа с крестьянством.

Она продолжалась до ноября 1934 года. Новые миллионы крестьян были сосланы из Центральной России, Украины, Кавказа в Туркестан, из Туркестана — в Сибирь, а из Сибири — на Колыму. В резолюции, принятой ноябрьским пленумом ЦК 1934 года по докладу Кагановича, высоко ценилась эта его работа. В ней говорилось⁸⁹: «Партией при помощи политотделов разоблачены и изгнаны в основном из колхозов и совхозов антисоветские, антиколхозные, саботажные и вредительские элементы, кулаки и подкулачники». Одновременно была достигнута и главная цель: «В сознание миллионов колхозников, — говорилось далее в резолю-

ции⁹⁰, — внедрилось понимание *первоочередности* (курсив мой. — А. А.) выполнения своих обязательств перед государством».

Уже одной этой своей расправой с крестьянством Каганович навсегда связал свое имя с именем Сталина. Но его главная и решающая заслуга перед Сталиным была в другом — в подготовке условий для ликвидации старой, ленинской, партии, с одной стороны, и создания новой, сталинской, партии — с другой. Только в этих условиях могла быть установлена единоличная диктатура Сталина.

Для той и другой цели нужно было провести новую «генеральную чистку партии», так как предыдущие чистки (1925, 1926, 1929—30 гг.) не дали желательных результатов. В ноябре 1932 года Политбюро принимает решение об этом. Январский пленум ЦК 1933 года утверждает это решение. Создается Центральная комиссия по чистке партии. Кого же поставить во главе этой комиссии, тем более, что Каганович был занят «чисткой» крестьянства? У Сталина и на этот раз не было широкого выбора — во главе Центральной комиссии был поставлен тот же Каганович. В этой чистке Каганович применил те же методы, что и при чистке крестьянства, — террор и провокацию.

По свежим следам заслуг Кагановича в обеих областях партийная печать писала⁹¹: «Как секретарь ЦК и заведующий сельхозотделом ЦК в 1929 — 1934 годах Каганович *непосредственно* (курсив мой. — А. А.) руководил... борьбой против организованного кулачеством саботажа государственных обязательств. В качестве председателя Центральной комиссии по чистке партии руководил происходившей в 1933 — 1934 годах чисткой партийных рядов». За один лишь 1933 год Каганович успел исключить из партии 362 429 человек⁹². Эта заслуга Кагановича была признана на XVII съезде 1934 года избранием его председателем Комиссии партийного контроля при ЦК.

Но только теперь чистка должна была вступить в свою последнюю стадию — в стадию физической ликвидации «врагов народа» внутри и вне партии. При всем своем «организаторском таланте» Каганович едва ли мог бы справиться с ней один. Надо было найти хорошего и столь же «талантливого» помощника. По его предложению, ему был дан в качестве заместителя председателя Комиссии партийного контроля при ЦК Николай Иванович Ежов. Каганович поработал со своим помощником до 1935 года, а в 1935 году Сталин убедился, что помощник хорошо выучился у своего шефа: Ежов был назначен председателем КПК при ЦК и одним из секретарей ЦК. В сентябре 1936 года Ежов стал и народным комиссаром внутренних дел. Но Каганович остается вторым секретарем ЦК до XVIII съезда (1939 г.), принимая ведущее участие в чистке Ежова. В 1935 г. Каганович передает пост первого секретаря Московского Комитета партии другому своему помощнику — Н. Хрущеву.

С тех пор его постоянно бросают с одного «узкого места» на другое. Он побывал во главе почти всех хозяйственных министерств — путей сообщения, тяжелой промышленности, топливной промышленности, нефтяной промышленности, строительных материалов. И везде, где он побывал, дела шли в гору. Чем добивался он успехов в сложнейших вопросах хозяйственного руководства, не имея даже первоначального школьного образования (он самоучка)? Правда, в юношеские годы он знакомился с делами производства. Но что это было за знакомство? Его официальные биографы указывают, что Каганович с 14-летнего возраста прошел большую трудовую школу — он был набойщиком обуви, закройщиком, упаковщиком, грузчиком, «военным» (всю первую [мировую. — *Ред.*] войну отсидел в качестве рядового в запасном полку в Саратове и Гомеле).

Имея лишь этот опыт, Каганович берется руководить промышленностью и успешно ликвидирует «узкие места» в ней. Чем? Теми же методами, какими он добился успехов в коллективизации и на хлебозаготовках. Другими словами, не хозяйственным руководством, а полицейской палкой. На это прямо указывается в его биографии⁹³: «С марта 1935 по 1937 год — народный комиссар путей сообщения, *разбил вредительские «теории»* (курсив мой. — А. А.) о том, что железнодорожный транспорт работает «на пределе»... За самый короткий срок, в несколько месяцев, под руководством Кагановича суточная погрузка поднялась с 56 тысяч вагонов до 73 тысяч вагонов».

Где бы Каганович ни появлялся, он всюду находил «вредителей» и ликвидацию «узких мест» начинал с ликвидации людей. Во время управления Кагановича по совместительству двумя наркоматами — путей сообщения и тяжелой промышлен-

ности (1935 — 1939 гг.) на воле не остался ни один член Совета наркоматов, ни один начальник Главка, ни один директор треста, ни один управляющий железной дорогой, ни один директор треста, ни один управляющий железной дорогой, ни один начальник политотдела дорог, ни один директор крупного предприятия.

Перед вновь назначенным чиновником Каганович и как народный комиссар и как секретарь ЦК партии ставил одно и то же условие: либо выполнение плана, либо вон из партии! «Вон из партии» означало в тогдашних условиях быть арестованным, если не как «вредитель», то как «саботажник». Поставленные перед таким выбором чиновники на местах действовали тем же методом, что и Каганович в Москве: репрессиями. Если и репрессии не помогали, то прибегали к вновь найденному средству — к «очковтирательству». Его сущность заключалась в том, что местные чиновники — чиновники партии и хозяйства — писали Кагановичу и Сталину «победные рапорты» с фальсифицированными данными о «выполнении и перевыполнении планов». «Очковтирательство» как средство самообороны сделалось постепенно второй натурой хозяйственного и партийного руководства. Даже сам термин «очковтирательство» приобрел полное гражданство в советском лексиконе. Культивировал же его именно Каганович.

Сейчас ученики Сталина не прочь поговорить и о сталинском антисемитизме. Действительно, если иметь в виду количество уничтоженной интеллигенции, особенно партийной, то относительно больше всех пострадала еврейская интеллигенция. Из всех старых большевиков еврейского происхождения остался только один Каганович. Какую роль играл сам Каганович в этой расправе? Всегда наиболее подлую.

Когда близкого родственника председателя Президиума Верховного Совета СССР М. Калинина — секретаря Калининского обкома партии Михайлова — арестовали, то даже слабый «президент СССР» предъявил ультиматум: или Сталин освободит Михайлова, или он отныне отказывается подписывать указы Верховного Совета. Сталин предложил немедленно освободить Михайлова, так как ему была нужнее подпись Калинина, чем голова Михайлова. Совершенно по-другому поступил Каганович, когда под чистку попали его родные братья — киевский директор универмага, горьковский секретарь крайкома партии и московский нарком авиационной промышленности. Говорили, что когда Кагановича начали осаждать их жены и дети, чтобы он заступился за родных братьев, то Каганович всегда отвечал одной и той же фразой: у меня есть только один брат и его имя — Сталин!

Что Сталин был антисемитом, на это указывал еще Троцкий. Дело группы кремлевских врачей, помимо всего прочего, тоже пахивало самым махровым антисемитизмом. Но Каганович не пострадал бы и в этом случае — уже одним своим физическим присутствием в Политбюро он обеспечивал Сталину алиби против обвинения в антисемитизме. Из коммунистических источников проникли в свободный мир сведения, что Сталин собирался, в связи с делом врачей, создать в СССР нечто вроде гетто или новую «черту оседлости». Если Сталин собирался действительно проводить такое мероприятие, то он провел бы его руками того же Кагановича. Многие служили Сталину за страх, но Каганович — за совесть. «Большая Советская Энциклопедия» была права, когда писала: «Каганович развернулся как политический деятель, как один из руководителей партии под непосредственным руководством т. Сталина и является одним из преданнейших его учеников и помощников»⁹⁴.

В биографиях «учеников и соратников Сталина», напечатанных в советских энциклопедиях и справочниках, ни один из них не назван преданным в превосходной степени (преданнейший) — только один Каганович заслужил подобную оценку своих заслуг. После войны Сталин вновь вспомнил «организаторский» талант Кагановича по репрессиям и чисткам. На освобожденной Украине Хрущев явно не справлялся с этой задачей. Сталин снял Хрущева и назначил Кагановича генеральным секретарем ЦК партии Украины (март 1947 г.). И Каганович доказал, что он не разучился чистить: сотни тысяч украинцев были депортированы в Среднюю Азию, Казахстан и Сибирь как «фашисты» и «враги народа».

После смерти Сталина коллективное руководство решило, что судьбу всех его хозяйственных планов в конечном счете решает «производительность труда», то есть степень и норма эксплуатации рабочего класса. Для этого создается «Государ-

ственный комитет труда и зарплаты». Каганович посвятил было свои «организаторские» способности этому комитету, но быстро провалился: ругая Сталина за террор, нельзя было уже управлять террористически. Пришлось отменять и давно отмененные самими рабочими в «явочном порядке» законы 1940 года об уголовных наказаниях за «опоздание», за «самовольный уход» с работы и т. д. Отпали на время главные элементы «организаторского таланта» Кагановича — отпал и сам Каганович: в июне 1956 года его сняли с этой должности.

3. *Клим Ворошилов* (род. в 1881 г., в партии с 1903 г.) (ум. в 1969 г. — *Ред.*). «Человек выдающейся храбрости, исключительной энергии, быстро ориентирующийся в обстановке, твердый в своих решениях и готовый неукоснительно проводить их в жизнь», — так охарактеризовал Ворошилова советский биограф в 1929 году⁹⁵. В последующих биографиях Ворошилова такая характеристика уже больше не повторялась. И это было вполне резонно: из всей этой характеристики за Ворошиловым со временем укрепилось лишь одно качество — человек, «быстро ориентирующийся в обстановке».

Впервые Ворошилов близко познакомился со Сталиным в Царицыне в 1918 году (до революции они встречались на IV и V съездах РСДРП) и быстро «сориентировался» в отношении своего будущего друга и «отца». Он увидел в Сталине ту силу, на которую надо делать ставку в своей личной карьере. История блестяще подтвердила безошибочность такой «ориентации».

Ворошилов принадлежал к тем старым рабочим-большевикам, которые вступили в партию и участвовали в революции как статисты, «масса», но не имели личных данных для какой-либо большой карьеры после победоносной революции. И в партию Ворошилов вступил не из-за каких-то оформившихся идейных побуждений, а как бунтарь против социальных несправедливостей в жизни. Жизнь самого Ворошилова была довольно горькой. Его биографы указывают, что он с семи лет поступил на шахту (по выборке колчедана), с десяти лет вместе с отцом пас помещичий скот, после испробовал множество различных профессий, пока, наконец, не изучил профессию слесаря в Луганске. До двенадцати лет рос неграмотным. После поступил в сельскую школу, но учился только две зимы. Это было все его школьное образование ко времени октябрьского переворота.

Но политический кругозор Ворошилова был куда шире, чем у его друзей в Луганске, — этим, вероятно, объясняется то обстоятельство, что после переворота Ворошилов становится одним из руководителей большевистской городской думы Луганска. Однако до начала 1918 года о существовании Ворошилова знали только в его собственном городе. Когда немцы, после срыва сепаратных переговоров в Брест-Литовске, возобновляют наступление на Украине, Ворошилов телеграфирует Ленину и Троцкому, что он во главе «отряда в шестьсот человек» выступает против немецкой армии, чтобы разгромить «палачей пролетарской революции».

Идея Ворошилова — создать «партизанское движение» (помимо регулярной Красной армии) — центром поддерживается. Не имея никакой военной подготовки (он даже не был и солдатом), Ворошилов быстро расширяет свой отряд и добивается признания с двух сторон: и со стороны белых генералов — своими смелыми налетами, и со стороны красного командования — самой идеей организации партизанского движения. Вскоре его отряд реорганизуется в Пятую Украинскую армию, которая совершает поход к Царицыну. В Царицыне она получает новое название Десятой армии. Вот здесь и произошло политическое крещение Ворошилова как «друга и соратника» Сталина как раз на негативной почве: на совместных интригах против Троцкого, командовавшего тогда Красной армией.

Так возникла известная «военная оппозиция» Ворошилова, Егорова, Минина и других на VIII съезде (1919 г.) против Троцкого. Это была «царицынская группа пролетарских командиров» против курса Троцкого на использование «буржуазных» и «царских» специалистов в Красной армии на руководящих должностях, особенно штабных (аргументы Троцкого были весьма простые и логичные: во-первых, «у пролетариата нет еще своих генштабистов», во-вторых, «руками и знаниями одних буржуев мы бьем других буржуев»). Душой и организатором «военной оппозиции» был сам Сталин, но Сталин намеренно держался в тени, действовал лишь за кулисами, выжидая реакцию Ленина.

Но как только выяснилось, что Ленин так же, как и Троцкий, резко осуждает партизанских командиров и целиком поддерживает военную политику Троцкого,

Сталин вышел на сцену: он столь же решительно осудил Ворошилова и его друзей. Но и тогда Ворошилов показал себя человеком, «быстро ориентирующимся в обстановке». Он понял, что Сталин маневрирует в обоюдных интересах — как в собственных, так и самого Ворошилова. «Лучшие дни» наступили после окончания гражданской войны — по рекомендации Сталина партизан Ворошилов был назначен в 1921 году командующим Северо-Кавказским военным округом.

На X съезде (1921 г.), по рекомендации того же Сталина, Ворошилов был избран в состав ЦК. Готовясь к решительной борьбе с Троцким, в 1924 году Сталин добился назначения Ворошилова командующим Московским военным округом вместо троцкиста Муралова. В январе 1925 года Троцкий был снят с поста председателя Революционного Военного Совета СССР и наркома по военным и морским делам. Конечно, Сталин уже тогда хотел выдвинуть вместо Троцкого Ворошилова, но непоколебимым и общепризнанным кандидатом на этот пост после Троцкого был его заместитель — Михаил Фрунзе.

Слишком хорошо зная бесспорность этой кандидатуры и желая перевести в свой лагерь Фрунзе, Сталин на январском пленуме ЦК 1925 года выдвигает его. Пленум принял это предложение, и Фрунзе занял место Троцкого. Ворошилову пришлось ожидать новых «лучших дней». Ждать пришлось недолго: летом того же года под опытной рукой «сталинского хирурга» Фрунзе умирает при операции, которая ему была сделана по решению Политбюро вопреки его желанию.

Теперь Ворошилов стал руководителем вооруженных сил СССР. Благодарный Ворошилов в дальнейшем участвует во всех злодеяниях Сталина от имени Красной армии. После разгрома «левой оппозиции» Троцкого и «новой оппозиции» Зиновьева — Каменева Ворошилов вместе с Молотовым вводится в состав членов Политбюро (1926 г.), в котором он состоит бессменно до сегодня. Значение Ворошилова как политического лидера никогда не было заметным, но стал он во главе Красной армии не в силу своих «полководческих» качеств, а как политик сталинской школы. В самой этой школе Ворошилов очутился опять-таки не по убеждению, а по расчету — ради карьеры.

Сталин хорошо знал слабости своих учеников и умел их использовать в собственных целях. К слабостям самого Ворошилова относились пристрастие к слабому полу, любовь к водке и жажда орденов. Троцкий рассказывал, что Сталин умел удовлетворять эти страсти своих учеников еще в первые годы своего восхождения к власти. Правда, эту политику «хлеба и зрелищ» Сталин практиковал в меру, не злоупотребляя сам и не давая злоупотреблять своим друзьям. Именно интересы еще не известного исхода борьбы за власть требовали соблюдения внешнего аскетизма. Сталин старался создать у народа впечатление, что в Кремле сидят «почти святые», которые во имя коммунистического завтра отказались от личной жизни сегодня.

Меньше всего к этой роли подходил жадный к жизни Ворошилов. Поэтому Сталин сделал его своим личным собутыльником. Характерно, что Ворошилов — единственный член Политбюро, которого официальная печать называла «соратником и *личным другом Сталина*». Что же касается орденов, то тут Сталин был еще более щедр. Гражданскую войну Ворошилов закончил лишь с двумя орденами «Красного Знамени» (тогда как Блюхер, Федько, Фабрициус имели по пять орденов). Ко времени второй мировой войны Сталин довел количество орденов Ворошилова до четырех, а когда в чистку Ежова названные кавалеры пяти орденов при помощи того же Ворошилова были уничтожены (Фабрициус якобы погиб раньше в воздушной катастрофе), Ворошилов сделался и «первым кавалером» и «первым маршалом» СССР.

Ворошилов был нужен Сталину не как политик, а как орудие собственной политики. Он был единственным членом Политбюро того времени, который о себе мог сказать: «Среди вас всех — бывших буржуев и мелких буржуев — я единственный пролетарий от станка». Среди этих же членов Политбюро он был и единственным «красным полководцем» во время гражданской войны. Сталин еще с начала двадцатых годов, стараясь подчеркнуть собственную роль в гражданской войне, популяризировал Царицын, армию Ворошилова, пока, наконец, по предложению Ворошилова и его друзей Царицын не был переименован в Сталинград (1925 г.). Сталин, со своей стороны, ответил взаимностью: Луганск был переименован в Ворошиловград.

Но репутация Ворошилова как первого «красного офицера» (была даже такая песня), как старого большевика и «луганского слесаря» нужна была Сталину вовсе не для взаимных комплиментов, а для достижения поставленной цели — овладения единоличной властью. Вот здесь Ворошилов оказал Сталину услугу, которая может быть сравнена только с услугами Молотова и Кагановича. Создавая славу Ворошилову как герою гражданской войны и «пролетарскому полководцу», Сталин знал, что он делал. Он создавал славу для свидетеля, который должен был публично признаться в своем ничтожестве, чтобы засвидетельствовать величие своего покровителя. Слишком серая биография Сталина до революции, во время революции и гражданской войны никак не вязалась с создаваемой ему ныне репутацией «первого ученика и первого помощника Ленина». Надо было сочинить Сталину новую биографию.

По части истории партии на этом поприще успешно работали штатские — Молотов и особенно Каганович. По части военной истории нужен был «знаток» дела. Таким признанным «знатоком» считался теперь Ворошилов. Задача Ворошилова заключалась в том, чтобы, пользуясь личными архивами Сталина, доказать вещь, которая до 1929 года казалась абсолютно недоказуемой, — поставить Сталина на место Троцкого по руководству гражданской войной.

Если умелая фальсификация истории, особенно той истории, ведущие участники которой все еще живы, — искусство трудное, то фальсификация истории гражданской войны в России Ворошиловым превзошла границы всего возможного. В «исследовательском» очерке «Сталин и Красная армия» (21 декабря 1929 г.) Ворошилов писал⁹⁶: «За последние годы утекли не реки, а океаны воды... За последние пять-шесть лет т. Сталин стоял в фокусе разворачивающейся... борьбы за партию, за социализм. Только этим обстоятельством можно объяснить, что значение т. Сталина как одного из самых выдающихся организаторов побед гражданской войны было до некоторой степени заслонено этими событиями и не получило еще должной оценки. Сегодня в пятидесятилетие нашего друга я хочу хоть отчасти заполнить этот пробел».

В чем же заключалось это «значение Сталина»? Ворошилов сообщил сенсационную новость⁹⁷: «В период 1918 — 1920 гг. т. Сталин был, пожалуй, единственным человеком, которого ЦК бросал с одного боевого фронта на другой, выбирая наиболее опасные, наиболее угрожаемые для революции места. Там, где было относительно спокойно, где мы имели успехи, там не было видно Сталина. Но там, где... трещали красные армии, где контрреволюционные силы грозили самому существованию советской власти, — там появлялся т. Сталин. После такого вступления Ворошилов, смело фальсифицируя не только исторические события, но и исторические документы, доказал следующее: верховное командование Красной армии во главе с Троцким и его штабом на всех фронтах гражданской войны саботировало победу Красной армии, а Сталин, воюя на два фронта — и против руководителей Красной армии и против белых генералов, спас советскую власть. Я не утрирую, а сокращаю вывод Ворошилова.

Через десять лет, в 1939 году, Ворошилову показалось, что даже и он «недооценил» Сталина в своей статье 1929 года. Он называл Сталина в той статье лишь «одним из организаторов побед в гражданской войне», хотя и вездесущим. Между тем выяснилось (по мере роста аппетита самого Сталина по линии «культы личности»), что Сталин вовсе не был «одним из организаторов». Он был единственным организатором побед Красной армии и даже ее создателем. Выяснилось далее, что Сталин был, оказывается, автором законов стратегии и тактики пролетарской революции в октябре 1917 года. Вот свидетельство Ворошилова⁹⁸: «О Сталине, создателе Красной армии, ее вдохновителе и организаторе побед, авторе законов стратегии и тактики пролетарской революции, будут написаны многие тома».

Ворошилову (то есть Сталину) показалось, что и этого мало. Сталин уже давно занял место Троцкого в гражданской войне. Занял даже место Ленина как «автор стратегии и тактики пролетарской революции». Но вот надо было занять место Ленина по руководству «пролетарской революцией», а самого Сталина из «учеников» превратить в «соратника» Ленина по ЦК партии. Ворошилов засвидетельствовал и этот «факт»: «Только он, Сталин, — ближайший соратник Ленина — непосредственный организатор и вождь пролетарской революции и ее вооруженной силы».

Что не Троцкий, а Сталин «вождь» и «организатор» Красной армии, Ворошилов «доказал» в 1929 году, а то, что не Ленин, а Сталин «непосредственный организатор и вождь пролетарской революции», он доказал лишь в 1939 году. (В интересах исторической правды надо заметить, что уже за год до этого, в 1938 году, в «Кратком курсе истории ВКП(б)» появился никогда не существовавший мифический «Партийный центр» по руководству октябрьским переворотом, во главе которого якобы стоял Сталин.)

Еще через десять лет — в 1949 году — Ворошилов, давно исчерпав весь свой запас прилагательных и существительных для возвеличивания Сталина, начал апеллировать к категориям «планетарным». Ворошилов писал⁹⁹: «Советский народ вместе со всем прогрессивным человечеством отмечает семидесятилетие величайшего человека нашей планеты Иосифа Виссарионовича Сталина... Победоносная Великая Отечественная война войдет в историю как триумф... как торжество военно-стратегического и полководческого гения великого Сталина».

Так десятилетиями Ворошилов создавал «культ Сталина», не только фальсифицируя историю, но и дискриминируя того, именем которого наследники Сталина сегодня управляют страной, — Ленина. Роль Ворошилова, конечно, не ограничивалась этим. Он был ведущим членом сталинского Политбюро на протяжении двадцати шести лет, то есть в течение всего того периода, в котором, по признанию самих учеников Сталина, происходили все главнейшие злодеяния последнего. История когда-нибудь докажет, что ни одно из этих злодеяний Сталин не совершал без подписей Ворошилова, Молотова, Кагановича, Микояна и др.

Что касается чистки 1936 — 1939 годов, то тут роль Ворошилова была особенно отталкивающая. Все ведущие кадры Красной армии, долгие годы личные друзья Ворошилова, его бывшие начальники по гражданской войне, его подчиненные после нее, были выданы Ворошиловым на растерзание Ежову. Хотя инициатива расправы не исходила от Ворошилова, но Ворошилов ни разу не поднял голоса протеста против этой повальной расправы над заслуженными полководцами и командирами армии. Даже тогда, когда члены и кандидаты Политбюро (Рудзутак, Орджоникидзе, Косиор, Чубарь, Постышев) категорически предложили Сталину прекратить необоснованное и бессмысленное уничтожение кадров армии и хозяйства, Ворошилов вместе с Молотовым, Кагановичем, Микояном голосовал не только за продолжение чистки, но и за ликвидацию названных членов Политбюро как «бухаринских примиренцев».

По проверенным данным, «вклад» Ворошилова в дело чистки Сталина по линии уничтожения высших кадров армии выразился в следующем. Были ликвидированы: из 5 маршалов — 3, из 15 командармов — 13, из 85 комкоров — 57, из 195 комдивов — 110, из 406 комбригов — 220. Это был высший командный состав. Хрущев уточнил общее число уничтоженных старших командиров, назвав цифру в пять тысяч человек. Гибель этих военачальников (так же, как и страдания их сосланных семей) лежит на совести Ворошилова (существовал приказ по армии: никто из старших и высших командиров не может быть арестован без согласия наркома обороны Ворошилова).

Иначе Ворошилов и не мог действовать. Он был связан со Сталиным круговой порукой по преступлениям и присягой в деле их совершения. Вот последнее свидетельство самого Ворошилова¹⁰⁰: «Лично, как кандидат сталинского блока коммунистов и беспартийных, заверяю вас всегда и во всем руководствоваться указаниями нашего великого вождя т. Сталина».

Этой присяги Ворошилов держался до конца дней Сталина. Если при всем этом, по свидетельству Хрущева, Сталин его не допускал последнее время на заседания Политбюро как «английского шпиона», то это доказывало не «измену» Ворошилова, а решимость диктатора покончить с политическим утильсырьем. Это было Сталину тем легче, что как раз вторая мировая война рассеяла в прах легенду о «пролетарском полководце» и «первом маршале» СССР. Будучи назначен в начале войны главнокомандующим северо-западным фронтом (направлением. — *Ред.*), Ворошилов блестяще провалился, а в 1944 году Сталин вывел его из состава Государственного комитета обороны СССР. Только тогда ему и дали его настоящую работу — Ворошилов был назначен (в 1942 г. — *Ред.*) командующим штабом «партизанского движения». Когда после смерти Сталина Ворошилова назначили

председателем Президиума Верховного Совета СССР, — это уже было в порядке вещей.

4. *Анастас Микоян* (род. в 1895 г., в партии с 1915 г.) (ум. в 1978 г. — *Ред.*). Во время своего пребывания в Америке, на приеме в советском посольстве в Вашингтоне, Микоян заявил, что затаенной мечтой его молодости была профессия танцора... Эти мечты не сбылись, и Микоян сделался вместо танцора большевистским «политиком». Тем не менее определенные элементы «балетного искусства», особенно кавказской «наурской лезгинки», Микоян ухитрился внести и в политику. Головокружительная легкость, ловкость, строго и точно рассчитанный ритм и виртуозные «па» при самых тяжелых поворотах — характерные для кавказцев, исполняющих свой изумительный национальный танец, Микоян очень умело использовал в деле лавирования между кремлевской «Сциллой и Харибдой», в чем и заключается главный секрет, почему он уцелел не только при Сталине, но и при Хрущеве. Судьба не предназначала его для первых ролей, но и на вторых ролях Микоян не нуждается в режиссере, а скорее наоборот — режиссер нуждается в нем.

Микоян родился в Грузии, в семье мелкого торговца-армянина (которого официальные биографы давно перевели в категорию «рабочих»). Готовя стать священником армяно-грегорианской церкви, Микоян окончил армянскую духовную семинарию в Тифлисе. Еще в семинарии начал интересоваться политикой и записался в кружок кадетской молодежи. Под влиянием грузинских социалистов (Микоян хорошо говорит по-грузински) перешел в кружок социал-демократов (1915 г.) и долго колебался между большевиками, меньшевиками и дашнаками, пока большевики не победили в центре России.

В революционной биографии Микояна было одно темное место, из-за которого Сталин шантажировал его потом всю жизнь. Оно было связано с историей знаменитых «26-ти бакинских комиссаров» (Шаумян, Джапаридзе, Фиолетов, Азизбеков и др.), расстрелянных англичанами в сентябре 1918 года в Туркмении. Заключалось оно в следующем.

Революция застала Микояна в Баку, и он находился там как во время турецкой, так и во время английской оккупации. Хотя позднейшая биография рисует его виднейшим большевистским деятелем и приписывает ему редактирование бакинских газет «Социал-демократ» и «Известия бакинского Совета» (в котором, кстати, преобладали меньшевики и эсеры), но, будучи арестован вместе с 26-ю комиссарами, Микоян, однако, не был расстрелян, тогда как среди расстрелянных «26-ти комиссаров» были и просто беспартийные технические служащие бакинского Совета. Микоян не только остался жив, но через некоторое время вообще был освобожден из тюрьмы и свободно вернулся из-за Каспия (Красноводск, куда были завезены арестованные комиссары) обратно в английский Баку.

Как могло случиться, что англичане и тогдашнее антибольшевистское закаспийское правительство, расстреливая даже беспартийных сотрудников бакинского Совета, Микояна, большевика с 1915 года, освободили? Официальный биограф, со слов самого Микояна, дает нам такой малоубедительный ответ¹⁰¹: «Микояна не было в списках арестованных, опубликованных в бакинских газетах, не было и в списках на довольствие, что и спасло его от смерти, хотя несколько беспартийных — три сотрудника бакинского Совета — Мишне и др. — были расстреляны». После расстрела «26-ти» Микоян некоторое время сидел в тюрьме. Но опять — непонятное «великодушие» англичан, даже «слабость», по крайней мере, в изображении биографа Микояна¹⁰². «Микоян, — пишет биограф, — рвался поскорее попасть в Баку и готовил побег из тюрьмы, который не состоялся и не понадобился, так как по требованию бакинских рабочих английские оккупанты вынуждены были выслать этапом Микояна с группой арестованных бакинцев из-за Каспия в Баку».

Таким образом, в марте 1919 года Микоян, можно сказать, по мандату англичан, возвращается в оккупированный Баку и «становится во главе большевистской организации Баку». Правда, в самом Баку англичане дважды арестовывают Микояна, но оба раза быстро освобождают, словно по «выяснению личности». Скоро Микоян перебирается в социал-демократическую Грузию, там его тоже арестовывают, но, как сообщает биограф, Микояну удается «откупиться взяткой» (значит, у Микояна денег было достаточно). Из Грузии Микоян поехал в Москву, чтобы «получить директивы от Ленина и Сталина», и «вернулся в Баку 28 апреля 1920 года на первом бронепоезде Красной армии»¹⁰³.

Если изучить эту биографию при помощи криминальной лупы Сталина, то Вышинский мог бы во время московских процессов сочинить Микояну другую биографию, куда более правдоподобную, чем биографии, которые Сталин и он сочиняли для других старых большевиков. Нетрудно угадать, как она выглядела бы: Микоян был членом контрреволюционной кадетской партии и происходил из буржуазной семьи; Микоян был турецким и германским шпионом, завербованным во время турецкой оккупации Азербайджана; Микоян был завербован англичанами во время английской оккупации Баку; Микоян оказался провокатором английской разведки и выдал англичанам «26 бакинских комиссаров» (причем арест самого Микояна служил для маскировки англичанами своего агента).

Таково было темное место в биографии Микояна, из-за которого Сталин его шантажировал. Это было в стиле Сталина — подбирать вокруг себя людей с уязвимыми местами и «изъянами», чтобы они, боясь ответственности за свои мнимые или действительные проступки, безоглядно шли на сталинские преступления (например, бывшие меньшевики Менжинский, Ярославский, Куйбышев, Вышинский и др.). И Микоян был одним из них.

Микоян, не будучи сталинцем по натуре, попал в сеть Сталина с самого начала карьеры генерального секретаря. Он служил ему не за совесть, а за страх. Вечная угроза быть обвиненным в шпионаже и провокаторстве заставляла его подписываться под любыми преступлениями Сталина, под которыми он, вероятно, не подписался бы в нормальных условиях. По той же причине в похвалах по адресу Сталина он всегда побивал «рекорды» других членов Политбюро. Утонченную восточную лесть по адресу диктатора он умел отчеканивать в формулах, не допускающих внутренней фальши их автора. И все-таки Сталин ему никогда не доверял до конца. Не случайно, что из всех бывших и настоящих членов Политбюро только один Микоян сидел подряд девять лет в кандидатах Политбюро (1926 — 1935 гг.), тогда как другие сразу попадали в Политбюро, минуя Микояна (Андреев, Косиор, Орджоникидзе и др.).

Первоначально Сталин делал на Микояна ту ставку, которую потом сделал на Кагановича. Как только Сталин получил пост генерального секретаря ЦК, Микоян был назначен секретарем Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) (потом Северо-Кавказского крайкома) в Ростове-на-Дону (1922 г.), а на XI съезде партии избран в члены ЦК (раньше Кагановича). В 1926 году Сталин назначил Микояна вместо снятого Каменева народным комиссаром торговли СССР и сразу ввел его в состав кандидатов в члены тогда еще веселого Политбюро.

Около тридцати лет от роду Микоян был самым молодым министром СССР. В назначении Микояна Сталиным, вероятно, играли роль, кроме всего прочего, и другие общие черты в их биографии — оба были кавказцами, оба говорили на грузинском языке, оба учились в духовной семинарии и оба знали взаимные «провалы» и «изъяны» в прошлом. В этом отношении Микоян казался куда более идеальным орудием в политике Сталина, чем Молотов, Каганович и Ворошилов. Но вот наступило время проверки личных качеств Микояна в Москве. Началась борьба с правыми. Последний решающий и завершающий этап борьбы Сталина за единоличную диктатуру. Последний и решающий шанс для талантливых демагогов и конспираторов быть переведенными из «актива» в члены ЦК, из членов ЦК — в кандидаты в Политбюро, а из кандидатов — в члены Политбюро. В этой борьбе совершенно неизвестные люди, которых при Ленине не допускали и на порог ЦК, делают головокружительную карьеру, некоторые из них прямо оказываются в Политбюро, а Микоян и после окончательного разгрома правых остается еще пять лет в кандидатах.

В чем дело? Нельзя, конечно, думать, что Микоян сопротивлялся разгрому правых или подготовлявшейся «Великой чистке» (подобные сказки могут рассказывать в Кремле только теперь задним числом). Дело было в другом: грузинские чекисты во главе с Берией годами досаждали Сталину доносами на Микояна, выкопанными из старых архивов. Сталин эти доносы аккуратно принимал, пугал ими Микояна и до поры до времени держал его в черном теле.

Но наступил этап физической ликвидации как настоящей, так и потенциальной оппозиции. Словно как на мясозаготовках, был намечен и «план ликвидации остатков враждебных классов» в процентах по краям, областям и республикам СССР. К ликвидации были намечены почти весь состав членов ЦК и половина самого

Политбюро. Чистка в самой партии должна была проводиться, как указывалось в официальных документах, приведенных мною в другом месте, не по признаку того, кто кем был вчера, а по признаку «деловому» — кто кем может быть сегодня под Сталиным. Даже больше: большевики-идеалисты, старые революционеры по убеждению, герои гражданской войны по личному мужеству считались потенциально наиболее опасными врагами будущего режима Сталина. С ними надо было покончить более радикально.

Счастье Микояна заключалось как раз в том, что он к ним не принадлежал. Когда Сталин раскрыл свои карты и открыто взял курс на все то, что было наиболее криминальным в самом большевизме, взошла и давно помутневшая звезда Микояна — он был переведен в члены Политбюро вместе со Ждановым (1935 г.), а Ежов был назначен секретарем ЦК и председателем Комиссии партийного контроля (1935 г.). Через год Ежов был назначен наркомом внутренних дел и переведен в члены Политбюро. Таким образом, начиная чистку, Сталин запасся тремя новыми и наиболее надежными голосами в составе Политбюро. Оппозиция в самом Политбюро против чистки — Рудзутак, Косиор, Орджоникидзе, Чубарь, Постышев, Петровский, Эйхе (последние три — кандидаты) — оказалась в явном меньшинстве. Теперь Сталин законно, на основании решения большинства Политбюро (сам Сталин, Молотов, Микоян, Каганович, Ворошилов, Андреев, Жданов, Калинин, Ежов) и опираясь на свой первоклассный «Внутренний кабинет» во главе с Ежовым, Поскребышевым и Маленковым, приступил к физической ликвидации «врагов народа».

На XX съезде КПСС хитрый Микоян постарался создать политическое и историческое алиби не только для себя, но и для соучастников этой инквизиции. Он заявил, что «у нас не было коллективного руководства около двадцати лет». Другими словами, Сталин единолично управлял и единолично совершал преступления начиная с 1933—1934 годов, в том числе и «Великую чистку». В связи с этой действительно исторической речью Микояна многие, особенно в американской прессе, писали, что Микоян явился инициатором разоблачения Сталина на XX съезде и что он заставил «колеблющегося» Хрущева и других членов Президиума ЦК открыть поход против «культа Сталина» и сталинских преступлений. Даже говорилось, что Микоян — «соперник» Хрущева по руководству партией. Как, должно быть, искренне хохотали в Президиуме ЦК над такими и подобными им предположениями!

Не надо обладать особенной проницательностью в партийных делах Кремля, достаточно более или менее близко знать характер самого Микояна, чтобы быть уверенным, что Микоян лишь читал речь, написанную по установкам и окончательно отредактированную большинством Политбюро, в первую очередь самим Хрущевым. Почему эта роль досталась именно Микояну? Тут, конечно, могут быть разные догадки. Несомненно только одно: с разоблачениями Сталина должен был выступить один из старых членов Политбюро и, по возможности, тот из них, который физически был наименее причастен к преступлениям НКВД и Сталина. Молотов, Каганович и Ворошилов явно отпадали. Оставался только один Микоян. Тот, который служил не за совесть, а за страх. Тот, который при любых условиях будет спрашивать: «Чего изволите?»

Я не буду останавливаться на характеристике Микояна как министра-коммерсанта. Его качества в этой области мне мало известны. Видимо, официальная его слава талантливому «красному купцу» соответствует действительности, хотя масштаб и ассортимент его торговых оборотов никогда не были завидными. Даже был анекдот такой. В Академию наук СССР группа рабочих и крестьян внесла предложение убрать из русского алфавита букву «м», как излишнюю. Основание: муки нет, молока нет, масла нет, маргарина нет, макарон нет, мяса нет, мыла нет, мануфактуры нет, а есть только Микоян. Но из-за одного Микояна незачем иметь в алфавите отдельную букву.

5. *Георгий Маленков* (род. в 1902 г., в партии с 1920 г.) (ум. в 1988 г. — *Ред.*). Нынешняя КПСС — детище двух людей: Сталина и Маленкова. Если Сталин был ее главным конструктором, то Маленков — ее талантливый архитектор. В ЦК партии Маленков пришел на техническую работу в 1925 году с четвертого курса Московского Высшего Технического Училища. До 1930 года он был в подчинении Поскребышева сначала в «Особом секторе», а потом в «Секретариате т. Сталина».

Быть сотрудником «Секретариата т. Сталина» означало нечто большее, чем быть рядовым членом ЦК.

Не все члены ЦК знали, что делалось в Политбюро, а Маленков был его протокольным секретарем. Не все члены Политбюро знали, что делалось в «Секретариате т. Сталина», а Маленков заведывал там сектором кадров. Открыл его Каганович. Он же помог ему выйти на «легальную арену». Без этого нельзя было сделаться ни членом ЦК, ни тем более членом Политбюро. Выход на легальную арену состоялся в 1930 году, когда Каганович был назначен первым секретарем Московского Комитета, а Маленков — заведующим его отделом кадров (орготдел). Вот здесь, под непосредственным руководством Кагановича, Маленков показал на деле, на что способны «сталинские кадры, овладевшие техникой».

Московская партийная организация — самая большая и ведущая — долгое время находилась под влиянием и руководством правых (Угланов, Котов, Уханов, Рютин и др.). После разгрома группы Бухарина и углановского московского руководства пострадали лишь верхи. Низшие и средние звенья аппарата власти все еще оставались нетронутыми. За них и взялся Маленков. Но власть Маленкова распространялась не только на аппарат, на кадры Москвы и Московской области, но и на партийные организации народных комиссариатов СССР в Москве. За четыре года работы в Московском Комитете Маленков радикально очистил партийный аппарат всех этих звеньев не только от бывших правых и «примиренцев», но и от всех, кто проявлял недостаточное понимание духа времени.

Работа Маленкова была оценена как образец «сталинского организационного руководства». Состоялся XVII съезд партии (1934 г.) — последний съезд «коллективного руководства». В своем отчетном докладе на съезде Сталин весь последний раздел посвятил «вопросам организационного руководства». В связи с этим впервые прозвучала и новая теория — о роли и значении «организационной политики». Сталин заявил¹⁰⁴: «Хорошие резолюции и декларации за генеральную линию — это только начало дела, ибо они означают лишь желание победить, но не самую победу. После того, как дана правильная линия, успех дела зависит от организационной работы, от организации борьбы за проведение в жизнь линии партии, *от правильного подбора людей...* Более того: после того, как дана правильная политическая линия, *организационная работа решает все, в том числе и судьбу самой политической линии*, — ее выполнение или провал».

В числе многих задач новой «организационной политики» Сталин указывал и на такие¹⁰⁵: «9. Усиление проверки исполнения... 11. Разоблачение и изгнание из аппаратов управления неисправимых бюрократов. 12. Снятие с постов нарушителей решений партии. 13. Чистка сельскохозяйственных организаций. 14. Наконец, чистка партии от ненадежных и переродившихся людей».

Кто мог справиться в КПСС с такими решающими («решающими самую судьбу политической линии») задачами новой «организационной политики»? Кто мог наиболее последовательно и наиболее эффективно подготовить организационный аппарат партии к уже намеченной в вышеприведенных тезисах Сталина будущей «Великой чистке» в партии и стране? В составе ЦК, избранного на XVII съезде, Сталин такого человека не нашел. Но такой человек давно уже был налицо: Сталин назначил руководить новой «организационной политикой» Маленкова в качестве заведующего отделом руководящих партийных органов ЦК.

Отныне судьба членов ЦК зависела от нечлена ЦК партии. Так сомкнулся внутренний «треугольник» predetermined чистки: Каганович (секретарь ЦК и председатель партконтроля), его заместитель Ежов и Маленков (зав. ОРПО ЦК). Сталин давал лишь «правильную политическую линию». «Треугольник» решает ее судьбу. Организационный аппарат ЦК погрузился в глубочайшую конспирацию против собственной партии.

Так называемая «проверка партдокументов» 1935 года, проведенная под непосредственным руководством Ежова и Маленкова, была лишь предварительной, но очень основательно подготовленной разведкой внутреннего содержания каждого коммуниста. Раньше в ЦК были только учетные карточки на членов партии. Теперь завели личные дела на каждого коммуниста. В этих делах лежали не только пространственные анкеты, заполненные собственноручно самими коммунистами, но и анкеты на тех же коммунистов, заполненные особыми секторами партийного аппарата и секретно — политическими отделами НКВД. «Специалисты» из особых сек-

торов и «психологи» из НКВД определяли по собственному усмотрению, кем данный коммунист был в прошлом и кем он может быть в будущем — послушным орудием аппарата или потенциальным «врагом народа».

Весной 1935 года Ежов уже председатель Комиссии партийного контроля и секретарь ЦК. В сентябре 1935 года созывается совещание отдела Маленкова и его низовых органов (совещание заведующих ОРПО) для подведения предварительных итогов «проверки партдокументов». Совещанием руководит Маленков. Главный докладчик — Ежов. Ежов критикует недостатки проведенной работы и намечает задачи партаппарата в деле углубления дальнейшей разведки в «партийном хозяйстве». Маленков целиком присоединяется к докладу Ежова: «тов. Ежов абсолютно прав... тов. Ежов полностью разъяснил все вопросы», — заявляет Маленков¹⁰⁶.

Но эта гигантская, не столько «техническая», сколько разведывательная работа аппарата по подготовке чистки не была окончена за один год. Она продолжается и в 1936 году. Ежов уже к этому времени начинает задавать тон, даже учить самого Маленкова. Маленков в мае 1936 года, уже в качестве главного редактора «Партийного строительства», как бы забыв о существовании Сталина, пишет о Ежове вещи, которые до сих пор было дозволено писать только о Сталине¹⁰⁷: «Тов. Ежов, — пишет орган Маленкова, — *учит нас* (курсив мой. — А. А.), как перестроить партийную работу, как поднять организационную работу на высший уровень... мы должны выполнить эти указания».

Это не было созданием «культы Ежова» (эту роль успешно выполняла газета «Правда») — это было горькое признание конкурента в своем тяжком поражении. В «треугольнике» Сталин взял курс на наиболее острый ежовский угол. Маленкову и Кагановичу пришлось довольствоваться ролями помощников Ежова.

Вскоре после назначения Ежова наркомом внутренних дел (сентябрь 1936 г.) от горьких признаний Маленков перешел к пламенным дифирамбам Ежову (такова была воля главного «хозяина»). В разгаре чистки в декабре 1937 года орган Маленкова писал¹⁰⁸: «Под руководством сталинского наркома т. Ежова советская разведка беспощадно ликвидирует фашистских бандитов... Верная стража социализма — НКВД под руководством своего сталинского наркома т. Ежова будет продолжать и впредь громить и вырывать с корнем врагов народа... Карающая рука советского народа — НКВД до конца истребит их! Наш пламенный привет сталинскому наркому внутренних дел т. Николаю Ивановичу Ежову!»

В этих дифирамбах Маленков, конечно, был искренним. «Организационная политика», которую разработал «треугольник» еще до назначения Ежова, была теперь передана в НКВД «на реализацию». Личная заслуга Ежова заключалась в том, что в деле этой реализации он показал такой виртуозный класс, перед которым просто бледнеют все ужасы средневековой инквизиции. И все-таки это был класс исполнителя, а не организатора, — организаторы сидели в центральной комиссии Политбюро по чистке: Сталин, Каганович, Молотов, Ежов, Вышинский, Андреев и Маленков.

Из этих семи человек только Маленков и Вышинский не были не только членами Политбюро, но даже кандидатами ЦК, но они вместе с названными членами Политбюро непосредственно руководили действиями «сталинского наркома тов. Ежова». Совершенно не известно, какую роль сыграл Маленков в гибели самого Ежова, но при всех условиях она могла быть лишь ролью конкурента, а не врага. Как бы сегодня ни отрешивались ученики Сталина от ежовщины и от самого Сталина, но он проводил тогда действительно «коллективную политику» тех, кто уцелел в Политбюро, и тех, кто пришел туда в результате чистки (Хрущев, Жданов, Берия, Маленков). Ни один из них не имел бы шансов попасть в Политбюро, если бы не была ликвидирована старая партия и старые дореволюционные партийные кадры.

Несмотря на исключительно высокое мнение, которое сложилось у Сталина о Маленкове, несмотря на решающую роль, которую он задумал для него в новом ЦК, даже Сталин не решился рекомендовать его XVII съезду хотя бы в качестве кандидата в члены ЦК, тогда как Хрущев и Берия были избраны членами, а Булганин — кандидатом ЦК. Чтобы Маленков получил юридический статус своего фактического положения архитектора партии, нужна была именно ликвидация старой ленинской партии. Только после этого на XVIII съезде (1939 г.) Маленков был избран членом ЦК, членом Оргбюро и секретарем ЦК по кадрам.

Заслуги Маленкова перед Сталиным в «Великой чистке» могут быть сравнимы только с заслугами самого Ежова и Вышинского. Я уже подсчитывал в другом месте данной работы итоги чистки 1933 — 1939 годов по линии партии. Я доказал там, на основании официальных источников, что с февраля 1934 года (с XVII съезда) по март 1939 года (по XVIII съезд) из партии было исключено 1 200 000 коммунистов из общего числа 2 809 786 (то есть около 43%). Исключены были преимущественно старые большевики и те, которые вступили в партию до начала коллективизации. Быть исключенным из партии в те годы означало одно: арест. Впрочем, массовые аресты среди коммунистов происходили и без формального исключения из партии, чтобы не предупреждать их о предстоящем аресте.

Эти аресты по линии партии были главным образом и в первую очередь работой руководителя новой «организационной политики» ЦК — Г. Маленкова. Однако Маленков был занят не только уничтожением старой ленинской партии, но и созданием новой сталинской партии. За шесть месяцев — с апреля по октябрь 1939 года — в партию на место уничтоженных было принято 800 000 новых коммунистов, в то время когда в нормальных условиях и при действительно добровольном вступлении в партию рост ее никогда не превышал и ста тысяч за целый год. Маленков доказал, что его «организационная политика» способна на чудеса по этой части. Он вербовал в партию каждый месяц более 130 000 человек. Сама вербовка (именно «вербовка», а не «вступление») не представляла после ежовщины никаких трудностей — человек, к которому секретарь местного парткома обращался с предложением вступить в партию, редко осмеливался отказаться от этой высокой «чести». Ежова уже не было, но был Берия. Был и Маленков.

Запуганный и терроризированный советский гражданин предпочитал партийный билет доносу секретаря в НКВД. Конечно, в партию шли и добровольцы, но не из-за каких-либо идейных побуждений, а просто для личной карьеры. Но и те и другие были отныне убеждены, что не ЦК существует для них, а они существуют для ЦК. Соответственно выработалось и новое представление о партии, которое господствует в КПСС и сейчас: партия — это значит Секретариат ЦК, Секретариат ЦК — это значит партия. Это тоже было блестящей победой «организационной политики» Маленкова. Ячейками такой партии было куда легче руководить, чем колхозами — без отчетов, без съездов, без выборов.

Ровно тринадцать лет Маленков был секретарем ЦК у такой партии, занимая при Сталине точно такое же положение, какое занимал Борман при Гитлере, и за эти тринадцать лет состоялся лишь один съезд партии. Это тоже была заслуга Маленкова: Маленков создал Сталину партию-«монолит» без претензий. Сталин высоко ценил эту воистину гигантскую работу Маленкова. За уничтожение старой партии он его сделал секретарем ЦК, за создание новой партии он его решил ввести в число кандидатов Политбюро.

Началась война. Создается Государственный Комитет Обороны (30. VI. 1941 г.), к которому переходит вся власть Политбюро и правительства. Комитет первого состава организуется из пяти членов: Сталин (председатель), Молотов (заместитель) и члены: Ворошилов, Берия и Маленков. Старые члены Политбюро — Каганович, Микоян, Калинин, Андреев, Жданов, Хрущев — остаются вне Комитета, а молодого кандидата Политбюро Маленкова Сталин вводит в его состав. Когда после войны, в 1946 году, Маленков стал членом Политбюро, это было само собой разумеющимся событием.

Сын бывшего царского чиновника, «доброволец» на один год в качестве писаря политического отдела полка Красной армии в условиях почти окончившейся войны в Туркестане (1919—1920 гг.), недоучившийся студент технического училища, рядовой протоколист аппарата ЦК — Маленков делается вторым по влиянию лицом в великом «пролетарском» государстве! Причем таким вторым, который среди нынешних членов «коллективного руководства» был единственным, кто осмеливался открыто возражать Сталину.

Уже к смерти Сталина партия и ее аппарат фактически находились в руках Маленкова. И апелляцию к Ленину, в отличие от других, Маленков начал тоже при жизни Сталина: в приветствии ЦК партии и Совета министров СССР Маленкову в связи с его пятидесятилетием говорилось о нем как об «ученике Ленина и соратнике Сталина»!¹⁰⁹ Ученик Сталина до мозга костей, ни разу не видевший в жизни Ленина, он не захотел быть названным публично «учеником Сталина». Это была такая

дерзость, за которую диктатор отправлял людей на тот свет. Но с Маленковым ничего не случилось. Напротив, в том же 1952 году на XIX съезде он выступил с политическим отчетом ЦК партии, который должен был, собственно, делать сам Сталин.

После этого для всех было ясно — либо Сталин ему бесконечно доверяет и готовит в его лице себе преемника, либо Маленков и для Сталина стал такой силой, с которой приходится считаться. В свете последовавших после смерти Сталина событий я считаю правильным последнее предположение. Есть основание думать, что уже до смерти Сталина, на первом пленуме ЦК после XIX съезда, Маленков занял пост первого секретаря ЦК (см. предыдущий раздел данной работы). Поскольку исключена возможность, чтобы Сталин добровольно уступил свой партийный пост Маленкову, то борьба за реванш со стороны Сталина была решенным делом. Дело врачей Кремля было началом. Врачей как раз обвиняли в убийстве соперников Маленкова — бывших секретарей ЦК и членов Политбюро Жданова и Щербакова. Опытный в сталинских делах Маленков не мог не знать, куда метит Сталин. Сталину удалось арестовать врачей, но судить не удалось: он умер, врачи были освобождены.

После смерти Сталина Маленков, естественно, оказался во главе правительства и до 14 марта 1953 года был и секретарем ЦК. «Старая гвардия» Политбюро, однако, вовсе не была расположена к появлению второго Сталина. Сам Маленков, видимо, хорошо понимал, что даже ему не по плечу эта задача. Он без боя уступил пост первого секретаря ЦК Н. Хрущеву. Тогда и началось его падение. Оторвавшись от аппарата партии, находясь в Президиуме ЦК, из которого после смерти Сталина были изгнаны почти все «маленковцы», он вынужден был признать «ленинские принципы коллективного руководства» (речь Маленкова 14 марта 1953 г.).

В феврале 1955 года его сняли с поста главы правительства. И на этот раз он сдался без боя в глубокой уверенности, что время его «второго издания» еще придет. Большая внутренняя собранность, редкая терпеливость, отсутствие болтливости, сухой реализм в практических вопросах, гигантский опыт политической интриги и эластичная совесть коммунистического ханжи делают его опасным конкурентом для любого из членов «коллективного руководства».

6. *Николай Булганин* (род. в 1895 г., в партии с 1917 г.) (ум. в 1975 г. — *Ред.*). Карьера Булганина до середины тридцатых годов была довольно неудачной, хотя он участвовал в гражданской войне и во время революции вступил в партию (1917 г.), ряд лет работал в органах Чeka в Нижнем Новгороде и Туркестане. Несмотря на исключительную роль, которую сыграл Булганин в конспиративной технике Сталина в разгроме углановского руководства в Москве и уничтожении правой оппозиции вообще, карьера давалась ему с большим трудом. Для этого были серьезные причины, с которыми в те годы все еще приходилось считаться: он происходил, по тогдашней терминологии, из «социально чуждой среды». Попросту говоря, он происходил из семьи крупного предпринимателя — «буржуя», из типичного русского купеческого города — Нижнего Новгорода. Правда, с самого начала большевистского переворота он активно участвовал во всех чекистских злодеяниях в Нижнем, чтобы резче подчеркнуть свою вражду к собственному классу — буржуазии. Для многих случайных людей в большевистской партии, каковым был и Булганин, путь к социальной реабилитации лежал через личные преступления против «своего класса».

Единственным органом советской власти для «узаконенных преступлений» была ВЧК, или Чeka. В этом же органе собирались люди двух типов: фанатики большевизма — для руководящих ролей (Дзержинский, Менжинский, Ягода, Ежов) и всякие «ренегаты» и бывшие «буржуи» — для вспомогательных ролей (агенты, осведомители, следователи). Вот к этой последней категории чекистов, вероятно, и принадлежал Булганин. Эта категория в условиях всеобщего культа «пролетарской диктатуры» (период Ленина — Троцкого — Бухарина) не имела никакой надежды выдвинуться в первые ряды руководящего слоя режима. Вечным клеймом лежало на них их социальное происхождение. Ни одному из них не удалось бы пробить дверь в высший этаж, если он не доказал своей способности идти на исполнение любых поручений власти (до тридцатых годов не только состав аппарата Советов, но и самой партии регулировался по «социальным признакам»). Булганин был

одним из тех, кто доказал и в гражданской войне и после ее окончания, что он готов идти на все, лишь бы режим признал его своим человеком.

В этих его стараниях судьба столкнула его с большевиком с 1911 года — с Лазарем Кагановичем. Это было в 1918—1919 годах. Каганович тогда работал в губкоме партии в родном городе Булганина — в Нижнем Новгороде. Когда в 1920 году Каганович был назначен одним из руководителей Туркестана и одновременно членом Военно-революционного совета Туркестанского фронта, Булганин очутился в роли сотрудника Особого отдела и Политуправления Красной армии в Туркестане. В 1922 году, уезжая из Туркестана в Москву, Каганович захватил с собою Булганина. Вероятно, Каганович имел в виду использовать «чекиста и политработника» Булганина в аппарате ЦК, но это ему не удалось. Единственным препятствием могло быть только злополучное «буржуазное происхождение» Булганина.

Каганович через некоторое время уехал на Украину в качестве секретаря ЦК партии Украины. Когда же он вернулся в Москву как третий секретарь ЦК, то застал здесь Булганина хотя и не на большой работе (директор электростанции), но с солидной репутацией и сильными покровителями. Ему протезировали Куйбышев и Молотов. Бил же Булганин в ту же точку, что и Каганович, — против Бухарина, чтобы освободить место в Политбюро для Кагановича, против Рыкова, чтобы освободить место главы правительства для Молотова, и против Угланова, чтобы самому занять его место. Правда, вышло все это не совсем по «плану Булганина». Молотов и Каганович заняли заветные места «планомерно», но Булганину пришлось удовлетвориться постом Уханова — он стал председателем Московского Совета, и то только, когда Молотов крепко занял место Рыкова. Вскоре Молотов еще больше приблизил его к себе — Булганин стал председателем Совета министров РСФСР. Тут его уже заметил на близком расстоянии строгий ценитель талантов «второго поколения» — «сам хозяин»: Булганин сделался заместителем председателя Совета народных комиссаров (министров) СССР. Место в Политбюро было гарантировано. Война дала и это заслуженное место и совершенно незаслуженный чин «маршала» СССР.

С приходом к власти создается и новая биография. У тех, у кого она была в прошлом «буржуазной», теперь она становится «пролетарской». У кого были непростительные провалы или далеко не «ортодоксальные» паузы на жизненном пути, в биографии появляются черты самого «ортодоксального коммуниста». У кого же до прихода к власти была лишь «коллективная биография» без всяких «героических эпизодов» — появляются и яркие индивидуальные черты. Соответственно сочинили теперь ортодоксальную биографию и Булганину: оказывается, начиная с Февральской революции 1917 года он везде и всюду играл «выдающуюся роль». Ни одного слова об его «буржуазном происхождении». Все-таки получается один очень показательный «казус»: в «Малой Советской Энциклопедии» 1934 года сказано, что «Булганин — *сын заводского служащего*»¹¹⁰, а в «Большой Советской Энциклопедии» 1951 года Булганин родился второй раз — на этот раз уже в «семье рабочего»¹¹¹.

За активное участие в разгроме бухаринской оппозиции Булганин был впервые введен в состав кандидатов в члены ЦК на XVII съезде партии. После окончательного установления своей личной диктатуры Сталин его сделал членом ЦК на XVIII съезде (1939 г.). В начале войны, которая застала его на посту заместителя председателя Совета министров СССР, он был произведен в генерал-лейтенанты и находился на разных фронтах в качестве члена Военного Совета («Член Военного Совета» — это был чрезвычайный уполномоченный ЦК партии и Государственного Комитета Оборона при каждом командующем). Из всех политических генералов Сталина только один Булганин заслужил во время войны самое высокое признание Сталина — в 1944 году Сталин вывел своего личного друга, члена Политбюро и «первого маршала СССР» Ворошилова из состава Государственного Комитета Оборона (узкий «Военный кабинет») и вместо него ввел в его состав Н. Булганина, который не был даже кандидатом Политбюро. Одновременно Сталин назначил Булганина своим первым заместителем по Министерству обороны.

По окончании войны, продолжая работать заместителем Сталина по Министерству обороны СССР, Булганин весьма последовательно и со свойственной ему исполнительностью выполнял все задания Сталина: умаление значения подлинных полководцев Советской армии в войне с Германией, фальсификация самой истории

войны с целью возвеличения роли Сталина, приписывание всех побед лично ему, создание мифа о полководческом гении Сталина и о какой-то сталинской военной науке, чистка высших военных кадров Советской армии, которых Сталин рассматривал как своих возможных врагов в будущем. Сталин, как обычно, высоко оценил эту работу Булганина — в марте 1947 года он был назначен министром обороны СССР и заместителем председателя Совета министров. Поэтому совершенно правильной была характеристика, данная ему «Большой Советской Энциклопедией» еще при жизни Сталина¹¹²: «Булганин принадлежит к числу партийных и государственных деятелей СССР, воспитанных И. В. Сталиным, выросших и закалившихся под его непосредственным руководством в суровой борьбе партии Ленина — Сталина с врагами советского народа».

В 1948 году Булганин был сделан и полноправным членом Политбюро. В начале 1949 года он, как и другие министры — члены Политбюро, был освобожден от работы министра и зачислен в «институт заместителей» Сталина по Совету министров СССР. После смерти Сталина его вновь назначили министром обороны СССР, пока он не занял поста Маленкова в феврале 1955 года. Рекомендую Булганина на должность председателя Совета министров СССР, Н. Хрущев от имени ЦК назвал его «верным учеником Ленина и соратником Сталина».

Булганин имеет большой и разносторонний опыт весьма последовательного сталинского бюрократа: был чекистом, хозяйственником (директор завода), коммунальником (председатель Моссовета), госаппаратчиком (председатель Совета министров РСФСР), финансистом (председатель Госбанка СССР), военным (маршал и министр обороны) и три раза заместителем председателя Совета министров СССР. Везде, куда бы его Сталин ни назначал, Булганин оставался верным себе и своему хозяину: высокодисциплинированным бюрократом-исполнителем. Пунктуальный до педантизма в исполнении воли диктатора, он никогда и не думал «почувствовать» самого диктатора. Вероятно, Сталин больше всего ценил в нем это качество. Если не считать периода борьбы с правыми, которая открыла ему дорогу в высшие сферы государственной бюрократии, то в дальнейшем он подвигался вверх, с этажа на этаж, в силу своих именно чекистско-бюрократических, а не политически-организационных качеств.

Даже тогда, когда Сталин перестал считаться с социальным происхождением и прошлыми заслугами или «провалами» коммунистов, сам Булганин всегда был «угнетен» своим происхождением. Не этим ли объяснялось, что ему демонстративно исправили биографию с «сына служащего», то есть чиновника, на «сына рабочего»? От этого чувства — чувства чужеродности — он, вероятно, не избавился и сегодня. Ведь как раз после смерти Сталина «пролетарии» во главе с Хрущевым вновь, как и в ленинские времена, начинают задавать тон. Недаром Хрущев при всяких удобных (в беседах с комсомольцами) и неудобных (в беседе с американским послом в Белграде) случаях подчеркивал свое «пролетарское происхождение».

Можно с большим основанием предположить, что и должность главы правительства досталась ему не в силу его государственного таланта и личной амбиции, а как результат компромисса между группами в ЦК. Из всех членов Политбюро (Президиума), кроме Первухина и Сабурова, он был самым молодым по стажу и самым «надпартийным» по прошлой деятельности. В отличие от всех, он никогда не был и партаппаратчиком. Свою карьеру он начал при Кагановиче, продолжал при Хрущеве и достиг поста заместителя главы правительства при Молотове. Кому из них он обязан? Вероятно, всем, и угождал им всем в той мере, в какой это не противоречило часто меняющейся персональной политике Сталина. Поэтому, если назначение председателя Совета министров СССР после отставки Маленкова было результатом компромисса в «коллективном руководстве» между группой Молотова и группой Хрущева, то кандидатура Булганина была самой идеальной из-за этих его личных качеств.

Но противоречие в положении Булганина состоит в том, что он выдвинут группой (Молотова), которой он обязан своей прошлой карьерой, но которой он едва ли симпатизирует сегодня. Молотов — это вчерашняя глава в истории сталинизма, а Хрущев — сегодняшняя. Булганин слишком реалист, чтобы хвататься за вчерашний день. И все-таки Хрущев не пускает его одного со своим министром иностранных дел в заграничные «путешествия» — «член Президиума Верховного Совета

СССР» предпочитает присутствовать сам. Пусть это будет истолковано как некоторое недоверие к Булганину и, конечно, как открытая дисквалификация Молотова, но так будет надежнее. До сих пор кооперация Булганин — Хрущев оправдывает себя. Волевого и импульсивного Хрущева хорошо дополняет нетребовательный и меланхоличный Булганин.

7. *Никита Хрущев* (род. в 1894 г., в партии с 1918 г.) (ум. в 1971 г. — *Ред.*). «Можно быть выразителем идеологии крупной буржуазии, не будучи даже мелким лавочником», — говорил Маркс. Вероятно, таким человеком был и отец Хрущева — Сергей. О таком складе ума отца Хрущев сам рассказывал однажды иностранным журналистам. «Мой отец был простым рабочим-шахтером. Но он всю жизнь мечтал стать капиталистом. Хорошо, что это ему не удалось», — говорил Хрущев. Но что сегодня «хорошо» вождю «пролетарской диктатуры», то было плохо самому пролетарию, бывшему «крупным буржуем» лишь идеологически.

Хрущев вырос в семье такого отца и пас чужой скот. Если правильна философская основа Маркса — «бытие определяет сознание», то и сам молодой Никита должен был думать так, как думал его отец. Не этим ли объясняется и тот большой дефект в биографии Хрущева, который оказалось невозможным «ликвидировать» или «поправить» даже в эпоху бесцеремонных фальсификаций сталинской исторической школы? Речь идет о начале революционной карьеры Хрущева. Из всех членов Политбюро, побывавших в нем до войны, Хрущев был единственным, который вступил в партию после большевистской революции. Из всех членов нынешнего «коллективного руководства» (и, может быть, даже членов ЦК) он единственный, который вступил в партию так поздно по возрасту — 24-х лет от роду. Когда произошла Февральская революция, ему было 23 года. Но он в партию, по крайней мере большевистскую, не пошел. Через восемь месяцев произошла Октябрьская большевистская революция 1917 года, но в партию большевиков Хрущев опять-таки не вступил. Только через год — в 1918 году — в двадцатичетырехлетнем возрасте рабочий, слесарь Хрущев берет коммунистический билет, не приносящий ему, впрочем, особой пользы до 1930 года.

В 1918 году Хрущев был взят в Красную армию, к концу войны был комиссаром батальона на Кавказе. Но, оказывается, этого было достаточно, чтобы в 1938 году, когда Хрущев стал кандидатом Политбюро, писать о нем¹³: «Политическим просвещением Красной армии занимались такие деятели, как Ленин, Сталин, Молотов... Хрущев». Я не думаю, чтобы о существовании Хрущева знал бы кто-либо из ЦК до 1929 года. Исключение, может быть, составляет Каганович, который до 1928 года работал генеральным секретарем ЦК партии Украины. Секретарем Марьинского райкома партии на Украине работал и Хрущев. Но тогда совершенно непонятно, почему же Хрущев не делал никакой карьеры у Кагановича на Украине, где Каганович владычествовал почти бесконтрольно.

Через год после ухода Кагановича с Украины Хрущев решил сам устроить собственную карьеру, начав со школьной скамьи, — в 1929 году он поступает в Промышленную академию им. Сталина в Москве. Для поступления в эту «академию» не требовалось особенного «академического ценза». Достаточно было простой грамотности (впоследствии там учился и почти неграмотный, но знаменитый Стаханов) и наличия партийного билета. В средней школе Хрущев учился при советской власти (рабфак). Для партийной и государственной карьеры даже среднего масштаба этого было мало. Надо было кончить какую-нибудь высшую школу. Такой школой и была Промышленная академия.

В академии Хрущев слушал, кроме общеобразовательных дисциплин (математика, физика, химия, русский язык), еще два цикла — общий цикл по марксизму-ленинизму, который читали нынешние секретари ЦК Суслов и Пospelов, и специальный цикл по организации промышленности. Впоследствии требования к поступающим в академию были повышены (надо было иметь полное среднее образование). Соответственно, академия должна была выпускать людей с более высоким уровнем знания техники. Кроме Академии им. Сталина, где учился Хрущев, был создан еще ряд провинциальных академий. Но и после реорганизации академий студенты уходили на производство: в шахты, рудники, фабрики, заводы — в качестве начальников цехов, отделов, участков, и лучшие из студентов — в качестве «красных директоров». Высшей мечтой в предстоящей карьере у Хрущева и

могла быть только эта последняя карьера — карьера «красного директора» на каком-нибудь южном заводе.

Но судьба решила иначе. Хрущев через каких-нибудь год-полтора сам становится «руководителем московских большевиков» прямо со школьной скамьи, а еще через пять-шесть лет попадает в Политбюро. Это было головокружительной, загадочной и беспрецедентной карьерой совершенно не известного человека в партии. Вместо с тем она оказалась необъяснимой и с точки зрения личных качеств самого Хрущева. На Украине Хрущев не смог сделать и средней карьеры, его личное знакомство с Кагановичем было, как сказано, тогда весьма проблематично, в Академии он пробыл лишь один год. Правда, он был избран в первые же дни секретарем партийной ячейки Академии, но и то потому, что, во-первых, был «пролетарием от станка», во-вторых, самым старшим по возрасту и по партийному стажу среди ее слушателей.

И как оратор он не отличался от других какими-либо преимуществами, если преимуществом не считать его темпераментность и активность на всевозможных собраниях. Будучи оратором «на все темы», Хрущев тем не менее не просто болтал, как это многим казалось. Он был первым основоположником той новой школы ораторского искусства в большевизме, которая пришла на смену старым школам: блистательного Троцкого и академического Бухарина. Речи Троцкого, напечатанные без указания оратора, без малейшего труда можно узнать именно как его речи, так же и сочинения Бухарина — как бухаринские. Такими же ярко индивидуальными были стили и других вождей большевизма — Ленина, Луначарского, Каменева и др.

Новая школа не признавала и не признает индивидуального стиля — речи Молотова, Кагановича, Хрущева, Маленкова, Булганина отличаются друг от друга только именами их произносящих. Речь Булганина может быть приписана с таким же основанием Хрущеву, как речь Хрущева — Маленкову и обратно. Это был современный, новый, безличный, «коллективный» стиль с одним и тем же запасом слов и с такими же стандартными предложениями при абсолютном отсутствии особых ораторских приемов, звонких фраз, лирических отступлений и даже личного местоимения. Они, собственно, и не говорили за себя или от себя. Эти новые ораторы говорили от имени партии вообще и от имени Сталина в особенности. Только у Сталина сохранился индивидуальный стиль, но без особого злоупотребления «лирикой» и без частого обращения от собственного лица.

Этот стиль ораторского искусства хрущевской школы был целиком перенесен и в общую публицистику. Если вы возьмете передовые статьи различных советских газет — от «Правды» и «Известий» до самых захолустных листков — и проанализируете их с точки зрения языка и стиля, то вам покажется, что они написаны одним и тем же лицом. Зато этот безличный стиль отличается одним общим преимуществом: при всем внешнем многословии он строго целеустремлен и бьет в одну точку. При всей кажущейся «общности» он весьма конкретен, содержателен, предметен. В этой «публицистике» сказано все, что сегодня надо сказать, и ничего не сказано сверх этого. Об одном и том же событии внутри или вне страны сотни «передовиков» газет в Ленинграде, Москве, Владивостоке, Ташкенте, Тифлисе и т. д. напишут в одно и то же время, не сговариваясь между собой, сотни передовых, поразительно сходных между собою не только по содержанию и языку, но даже и по нюансам мысли. Такой унификации мысли людей, разных, все-таки, по своему характеру и индивидуальным способностям, сталинизм достиг именно через школу Хрущевых.

Но Хрущев имел успех как основоположник этой новой школы только после того, как он добрался до власти, а добрался он до нее не в силу своего ораторского искусства. Тогда в чем же причина его столь стремительной и загадочной карьеры? Подобный вопрос задавали себе и многие из обойденных конкурентов и тайных завистников Хрущева в Москве в тридцатых годах. Задавали, но никак не могли найти на него удовлетворительный ответ. Конкуренты видели в Хрущеве «случайного выскочку», завистники говорили о «случайном счастье». Доводы конкурентов сводились к простой формуле: «Хрущев — человек без лица и без личного „я“». Но он доказал, что язык может довести не только до Киева, но и «из Киева до Москвы». Доводы завистников о «случайном счастье» были менее образными, но едва ли более убедительными. Они вертели, главным образом, вокруг жены Ста-

лина — Надежды Аллилуевой. В той же академии вместе с Хрущевым училась и она.

Сталин делал иногда неофициальные визиты в академию или временами (во время выпусков, праздников) принимал группы слушателей. Поступал он так не только потому, что жена училась там, а в силу своих обязанностей — академия носила его имя, и Сталин взял на себя персональное «шефство» над ней. К тому же, академия считалась первым опытным учебным заведением в этом роде и была создана специальным решением ЦК по инициативе того же Сталина. Соответственно она пользовалась многими привилегиями: категория «личного учета» слушателей в ЦК («номенклатура ЦК»), снабжение из специального распределителя, обслуживание Лечебно-санитарного управления Кремля, персональные путевки на отдых и денежные субсидии во время отпуска по линии лечебной комиссии ЦК, отдельные квартиры (или комнаты), месячное содержание — так называемый «партмаксимум» (в партии существовал тогда без различия ранга определенный по географическим поясам «максимум» жалования, получать сверх которого никто не имел права). Кроме того, у академики был непосредственным шефом единственный «суперкапиталист» страны — Высший Совет Народного Хозяйства (ВСНХ), который своим будущим «красным директорам» делал дополнительные материальные поправки. Руководители ВСНХ, угождая академии, знали, что этим они одновременно угождают и сталинской семье.

Счастлива была та школа, где училась жена самого «хозяина». Не только с начальством этой школы (а Хрущев как секретарь партийной ячейки тоже был «начальником»), но и с рядовыми ее слушателями считались всякие партийные подхалимы и карьеристы из высших сфер: ведь этот безвестный слушатель сидит ежедневно на одной учебной скамье с женой самого «хозяина»! Что же тогда говорить о Хрущеве, который был прямым партийным «хозяином» жены верховного «хозяина»! Как таковой Хрущев, конечно, имел доступ и в дом Сталина. Его приглашали и на семейные праздники в Кремль. Он вносил в эту бюрократившуюся и давно оторвавшуюся от народа душную официальную среду некий свежий «ветерок» низов. Вносил своей внешней необтесанностью, первичностью, «народностью» и ярким практическим умом.

Он не был ни «салон-кавалером», ни придворным шутом — в тех и в других в Кремле недостатка не было. Он был тем, кого до сих пор не было здесь, — первым классическим представителем напористо рвущегося к власти второго поколения большевизма. Это поколение не участвовало в Октябрьской революции: некоторые — по молодости (Маленков), другие — в силу отсутствия тогда достаточного политического нюха (Хрущев), но зато оно участвовало в партийных боях Сталина против октябрьского поколения с таким же рвением и без оглядки, как то поколение воевало на баррикадах Октября и на фронтах гражданской войны против белых. Против Троцкого оно выступало по убеждению («сам живи — дай жить другим!»), против Бухарина — по расчету («даешь власть!»).

В результате сталинской победы октябрьское поколение вышло в тираж; на верхах, в Кремле и вокруг Кремля образовались «свободные вакансии» — вот туда и лезло второе поколение Хрущевых. Буквально лезли, расталкивая друг друга локтями, наступая на мозоли чересчур чувствительным, подставляя ножки далеко рвущимся вперед, соревнуясь в громких выкриках во славу Сталина и ни на одну минуту не забывая главного — они ползут не к Сталину, а к сталинскому наследству. Вот первым представителем этого второго поколения из «глубоких низов» и был Хрущев. «Случайное счастье» его сводилось к тому, что Сталин имел возможность наблюдать за ним непосредственно и, изучая его личные качества, открыть в нем «выдающийся талант партийного организатора».

За решение аппарата Сталина и сталинского Политбюро проводить «Великую чистку» с физическим уничтожением «врагов народа» Хрущев юридически ответственности не несет, но в «либерализме» по ее проведению его винить нельзя. Старая московская партийная организация была почти целиком уничтожена, когда Хрущев был ее секретарем. Только за одну эту успешную операцию Сталин назначил Хрущева кандидатом в члены Политбюро на три года раньше даже Маленкова — в январе 1938 года. Это было в том же январе 1938 года, когда Хрущев был направлен на Украину первым секретарем ЦК партии, чтобы докончить украинскую чистку. Хрущев ее и докончил: не только вся коммунистическая, но и национально

мыслящая интеллигенция Украины была начисто уничтожена. Сталин не остался в долгу: через год — в 1939 году — Хрущев был переведен из кандидатов в члены Политбюро, то есть на семь лет раньше Маленкова или почти на десять лет раньше Булганина. Такова была быстрая, даже в окружении Сталина беспрецедентная, карьера Хрущева. Впервые на XVII съезде он попал в ЦК, а через пять лет, на следующем, XVIII, съезде, был назначен уже членом Политбюро!

Друг Хрущева по расчету — Микоян — был сделан членом Политбюро, чтобы он голосовал за чистку, а Хрущев — за то, что он проводил ее. Только в этом — разница в юридической ответственности того и другого за сталинскую чистку тридцатых годов. Сейчас Хрущев, вместе с тем же Микояном, отказывается от этой ответственности. Он якобы сказал, что был даже против физического уничтожения «уклонистов». Устами Микояна он реабилитировал прямо на XX съезде своего предшественника на Украине — члена Политбюро ЦК ВКП(б) С. Косиора, а устами Ульбрихта — другого своего предшественника — кандидата в члены Политбюро П. Постышева.

Чистку, которую Хрущев одинаково беспощадно проводил и в Москве, и на Украине, он объявляет произволом Сталина. Но, кажется, прав был официальный биограф Хрущева, когда писал¹⁴: «Хрущев — верный ученик и соратник Сталина... Он вел беспощадную борьбу с троцкистско-бухаринской бандой врагов народа». Правда, в энциклопедии после смерти Сталина Хрущев быстро перекочевал из «учеников Сталина» в «ученики Ленина», но от родства со Сталиным он еще не отказывался. Новый биограф (или автобиограф) пишет¹⁵: «Хрущев — верный ученик Ленина и один из ближайших соратников Сталина». Нет сомнения, что в новейшей энциклопедии, после разоблачения Сталина на XX съезде, Хрущев вообще окажется вне компании Сталина. Так можно писать в советской энциклопедии — в «энциклопедии лжи в алфавитном порядке», как метко назвало ее радио «Голос Америки».

Военная и послевоенная карьера Хрущева была неровной. Будучи на решающем и главном участке фронта — на Украине, будучи членом Политбюро, Хрущев все-таки не был включен в состав Государственного Комитета Оборона только на первом этапе войны, но и на протяжении всей войны, хотя в нем были не члены Политбюро Маленков, Берия, Булганин, Вознесенский и члены Политбюро Молотов, Ворошилов, Каганович и Микоян. В военном чине его тоже не повышали. Он был произведен в 1942 году в генерал-лейтенанты и им остался до конца войны, хотя такие же политические генерал-лейтенанты, как и он, — Жданов, Мехлис, Щербаков — были произведены в генерал-полковники, а Булганин — даже в маршалы.

После войны Сталин преподнес ему сюрприз — он был снят с ведущего поста генерального секретаря ЦК Украины и назначен на подчиненный пост председателя Совета министров Украины (март — декабрь 1947 г.). Генеральным секретарем над ним был назначен Каганович. Хрущев вернулся к исходной позиции своей начальной карьеры — он ее начал под главенством Кагановича и теперь должен был либо кончить, либо вновь ее начать под тем же Кагановичем. Но Хрущеву, как всегда, повезло — Сталин сменил гнев на милость: Хрущева восстановили в старой должности, а Кагановича убрали обратно в Москву. В декабре 1949 года Хрущева тоже взяли в Москву — секретарем МК и ЦК КПСС.

На этом посту он находился до смерти Сталина. События, которые происходили вокруг смерти Сталина и уничтожения Берии, выдвинули его на первый план. Его руководящее участие в этих событиях — вне сомнения. В уничтожении «Внутреннего кабинета» Сталина во главе с Поскребышевым и аппарата МВД во главе с Берией Хрущев играл главную роль хотя бы потому, что тогда он был фактически первым секретарем ЦК (юридически с сентября 1953 г.) и держал в своих руках весь аппарат ЦК, а стало быть, и реорганизованную внутреннюю охрану Кремля. Ко всему этому Хрущев был воистину тем «счастливецем», который открыл тайный архив Сталина и держит его сейчас в руках, — доносы шпионов Сталина на членов Политбюро, доносы членов Политбюро друг на друга, характеристики Сталина на этих же членов, планы чисток и «физических ликвидаций» и т. д. У Хрущева есть что разоблачать. В этом отношении судьба любого члена Президиума ЦК в его руках. Пусть попробуют «храбриться»! Можно предположить, что

этот «личный архив Сталина» тоже сыграл свою роль в деле разоблачения «отца народов».

Хрущев — психологически чрезвычайно сложный тип при кажущейся внешней простоте. Нужна была смерть Сталина, чтобы он развернулся во всем своем противоречивом многообразии. Его потенциальные возможности, сдерживавшиеся железными тисками сталинизма и своенравной волей диктатора, сказываются только теперь. Хрущев — единственный человек даже в «коллективном руководстве», который приобрел внутреннюю свободу мысли и действия. При этом он нанес чувствительный удар золотому правилу сталинской дипломатии — «не говори, что думаешь, и не думай, что говоришь». Фарисейским формулам Вышинского и стандартной жвачке Молотова в международной дипломатии Кремля он противопоставил до наготы обнаженный стиль практического циника — «мы, конечно, враги друг другу, но давайте торговать — торговать в политике, торговать в экономике, торговать даже в совести». И послесталинская дипломатия сразу вышла из тупика: Корея, Индокитай, Югославия, Австрия, Женева, Индия, Бирма, Афганистан, Египет, Федеративная Республика Германии, — это только первый этап многообещающей «торговли» Хрущева.

Хрущев, конечно, не торгует принципами, а торгует тупоумием Молотова и авантюризмом Сталина. Торгует негативным капиталом сталинской дипломатии. Торгует временем во имя пространства. При этом он хорошо знает не только самого себя, свои силы и возможности, но и тех, с кем он ведет торговлю, — он торгует страхом войны чужих народов в обмен на концессии чужих правительств. Здесь-то как раз и пригодится сталинский негативный капитал.

Многие за границей весьма скептически относятся к Хрущеву как к «дипломату». Конечно, Хрущев не Талейран и даже не Литвинов. Он вчерашний пастух, который сейчас стоит во главе величайшего из государств. Этикет дипломатического протокола ему так же чужд, как чужды изысканные формулы словесной эквилибристики, скажем, того же Вышинского. Циничному веку он предлагает циничную формулу: «Вы не любите коммунизма, мы не любим капитализма, но зачем воевать, мы похороним вас и без войны, а сейчас — давайте торговать!» Это, разумеется, режет слух и не делает чести классической дипломатии, но зачем это должно вызывать удивление или даже возмущение «недипломатичностью» Хрущева? Политик, который выдает вам свои истинные (хотя и ужасные) намерения, заслуживает не возмущения, а признания.

Полководец Красной армии, наперед сообщивший свои стратегические планы, был бы повешен тем же Хрущевым, но Хрущев, который и после смерти Сталина повторяет старую неизменную истину — нашей целью был, есть и будет мировой коммунизм, заслуживает признания. Конечно, мир нуждается в очередной иллюзии — «эра Сталина кончилась, и цели Кремля могут измениться». Хрущев имел возможность воспользоваться этой иллюзией с большой выгодой для себя. Сталин в лучшие годы такой иллюзией воспользовался бы (и пользовался) классически, но Хрущев поступил и на этот раз по-своему — он избавил мир от опасной для него иллюзии.

Хрущеву многие обещают провал — слишком он уж «активен», самоуверен, может быть, даже стремится в новые Сталины. Но он уже держится более трех лет, а без этих качеств он, вероятно, не продержался бы и трех дней. Самоуверенность и внутренняя свобода Хрущева основаны далеко не на одних его личных качествах, а и на величинах, которые не поддаются нашему учету. Что бы с ним дальше ни происходило, но в одном он обессмертил свое имя в истории: в течение каких-нибудь трех часов он похоронил того, кому создавали авторитет коммунистического полубога в течение трех десятилетий. Ни на минуту нельзя сомневаться, что это была не только его инициатива, но и чисто его, хрущевский, стиль расправы: дерзкий и самовластный, вызывающий и самоуверенный, революционный и демагогический. Казалось (кажется и сейчас), что в этом был величайший риск для самого коммунизма, без видимого на то «государственного резона». Риск был не в том, что у Сталина могут появиться сторонники в сталинской партии, не говоря уже об антисталинских народах СССР, риск был в другом — как можно предать анафеме Сталина, будучи вынужденным идти по сталинскому пути?

Группа Молотова это хорошо поняла и поэтому долго сопротивлялась развенчанию Сталина, но Хрущев и с этим не посчитался. Слишком очевидны были плю-

сы: «Я не Сталин. Я ищущий «существования» не только и, может быть, не столько с внешним миром, сколько с народами страны. Главное — я знаю жгучую ненависть народов к сталинскому режиму, разоблачая Сталина, я спасаю этот же режим». Конечно, Хрущев знал, что естественный вопрос последует немедленно: «А что делали вы, ученики и соратники Сталина?» Что такой вопрос зададут из внешнего мира, ему было в высшей степени безразлично, а своему народу и партии он ответил с неподражаемой искренностью и с той же убедительностью: «Мы, так же, как и вы, боялись его!» Полную свободу действий Хрущев приобретет, если ему удастся удалить молотовцев из Президиума ЦК КПСС.

Волевой, темпераментный, внутренне свободный от догматических оков собственной идеологии, он склонен к экспериментированию в политике, чтобы переписать историю. Первый эксперимент всемирно-исторического значения и был проделан Хрущевым над «культом Сталина». Целью Хрущева была десталинизация методов и форм, но не существа системы, развенчание личности, но не ликвидация практики, сжигание символа, но не пересмотр учения. Словом, проклиная Сталина как личность, идти по сталинскому пути как учителя. В этом кардинальное противоречие в разоблачении Сталина.

Это противоречие не может быть разрешено руками Хрущева и в рамках существующей системы, ибо само правление Хрущева — правление «просвещенного сталинизма» — переходное: либо назад к классическому сталинизму, и тогда неизбежна реабилитация всех методов в политике, экономике и идеологии; либо вперед против сталинизма, но тогда необходимо допущение минимальных духовных свобод в стране сплошной грамотности, многомиллионной интеллигенции и высокого уровня науки и техники. Третьего пути нет.

В характере Хрущева свободно уживаются две крайности: он великий оппортунист и незадачливый экстремист. Явный отпечаток этой двойственности лежит на всей советской политике. Трудность в понимании этой политики в том и заключается, что вы не знаете, с кем вы будете иметь дело завтра, — с Хрущевым-оппортунистом или с Хрущевым-экстремистом. Иностранцы, которые встречаются с ним в Кремле, аттестуют его большим государственным мужем. Великосветские дамы, которые виделись с ним, прямо в восхищении от него — Элеонора Рузвельт, например, думает, что если бы Хрущев жил в Америке, то он был бы весьма богатым человеком, а Элизабет Тейлор из Голливуда выразила даже уверенность, что если бы в России объявили свободные выборы, то первый секретарь был бы избран первым президентом. Я думаю, что госпожа Тейлор — большая оптимистка.

(Продолжение следует)

Примечания

1. Е. Тарле. Талейран. Изд. Академии наук СССР, 1948, стр. 11—12.
2. «Коммунист», № 5, 1956, стр. 25.
3. Е. Тарле. Талейран. Изд. АН СССР, 1948, стр. 29.
4. Там же, стр. 29—30.
5. «Звезда», 1956, № 5, стр. 166—167.
6. «Воля к власти», «По ту сторону добра и зла» и т. д.
7. Boris Souvarine. Stalin. London, Secker and Warborg, p. 563.
8. Там же, стр. 583.
9. Н. Макиавелли. О военном искусстве. Москва, Воениздат, 1939, стр. 2—3.
10. Leon Trotsky. Stalin. London, Hollis and Carter, p. 53.
11. «The Prince», by Nikol Machiavelli. The New American Library, N. Y., p. 57.
12. Ibid., p. 55.
13. Ibid., p. 125.
14. Ibid., p. 63.
15. Ibid., p. 64.
16. Ibid., pp. 99—100.
17. Ibid., pp. 101—102.
18. Ibid., p. 102.
19. Ibid., p. 103.

20. Ibid., p. 125.
21. Ibid., p. 126.
22. Ibid., p. 127.
23. Ibid.
24. Ibid.
25. Ibid., p. 136.
26. Ленин. Собр. соч., изд. 3-е, т. XXI, стр. 494, 507.
27. КПСС в резолюциях, ч. II. 1953 г., стр. 872.
28. «Вопросы истории», 1956, № 7, стр. 32.
29. Там же, стр. 19.
30. «Вопросы истории», 1956, № 3, стр. 11.
31. Там же, стр. 11.
32. Там же, стр. 4.
33. «Октябрь», 1956, № 7, стр. 150.
34. «Краткая биография», стр. 56.
35. «Октябрь», там же.
36. «Вопросы истории», 1956, № 4, стр. 54.
37. «Красный архив», 1956, № 5, стр. 120.
38. Там же, стр. 116.
39. Там же, стр. 128.
40. «Вопросы истории», 1956, № 8, стр. 111.
41. «Вопросы философии», 1956, № 3, передовая.
42. Там же, стр. 4.
43. Там же.
44. Там же, стр. 6.
45. Там же, стр. 5.
46. «Правда», № 88, 28 марта 1956 г.
47. «Вопросы истории», 1956, № 3, стр. 4.
48. «Вопросы истории», 1956, № 7, стр. 222.
49. «Партийная жизнь», 1956, № 6, стр. 20.
50. Речь Хрущева. «Правда», 19 января 1957 г.
51. Н. С. Хрущев. Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС, стр. 3.
52. Там же, стр. 54.
53. «Коммунист», 1957, № 3, стр. 15.
54. Там же, стр. 21.
55. Там же, стр. 22.
56. «В помощь политическому самообразованию», 1957, № 1, январь, стр. 5.
57. Там же, стр. 8.
58. Там же, стр. 127—131.
59. «Красная звезда», б. 3. 1957.
60. К. Маркс. Капитал, т. 1. Москва, 1949, стр. 8.
61. Н. С. Хрущев. Отчетный доклад ЦК КПСС XX съезду партии. Москва, 1956, стр. 40, 41, 42, 43, 44.
62. Ленин, Собр. соч., т. XXIII, стр. 385—386, 3-е изд. (везде подчеркнуто Лениным. — А. А.).
63. Ленин, т. XXIV, стр. 508.
64. Резолюция II Конгресса Коминтерна 1920 года, написанная Лениным. Ленин, т. XXV, стр. 581—582.
65. Ленин, т. XXII, стр. 122.
66. Ленин, т. XXII, стр. 131.
67. «Коммунист», 1956, № 14, стр. 28.
68. «Правда», 2. 7. 1956, № 184.
69. «Партийная жизнь», 1956, № 20, стр. 43—44.
70. «Коммунист», 1956, № 16, стр. 5.
71. «Правда», 23. 11. 1956, № 328.
72. Там же, 13. 2. 1957, № 44.
73. «XX съезд КПСС», стенограф. отчет, ч. 2-я, М., 1956, стр. 402.
74. Источник по всем указанным актам — см. журнал «Партийная жизнь», 1956, № 4, стр. 67—70.
75. Журнал «Вопросы истории», 1957, № 1, стр. 215.
76. См. газ. «Правда», 23 января 1956 г., № 23.
77. «Ведомости Верховного Совета СССР», 25. 4. 56, № 15, стр. 322.
78. Указ Верховного Совета от 30 мая 1956 г., журнал «Партийная жизнь», 1956, № 24, стр. 43.
79. «Партийная жизнь», 1956, № 24, стр. 39—45.

80. Там же, 1957, № 4, стр. 67.
81. Журнал «В помощь политическому самообразованию», 1957, № 1, стр. 143.
82. «Нью-Йорк таймс», 11 мая 1957, стр. 3, интернациональное издание.
83. «Правда», 13 мая 1957.
84. КПСС в резолюциях, ч. II.
85. Там же.
86. В. Молотов. В борьбе за социализм, 2-е изд., 1935, стр. 76.
87. И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 398, 406.
88. Там же, стр. 409.
89. КПСС в резолюциях, ч. II, 1953, стр. 804.
90. Там же, стр. 805.
91. МСЭ, 1937, т. V, стр. 128.
92. Арк. Абрамов, МСЭ, 2-е издание, т. II, стр. 523—524.
93. «Политический словарь». М. 1940, стр. 236.
94. БСЭ, 1937, 1-е изд., т. XXX, стр. 517.
95. БСЭ. 1-е изд., т. XIII, стр. 176.
96. К. Ворошилов. Сталин и вооруженные силы СССР.
97. Там же.
98. Там же, стр. 66.
99. Там же, стр. 89, 129.
100. БСЭ, 2-е изд., т. IX, стр. 130.
101. БСЭ, 1938, т. XXXIX, стр. 344.
102. Там же.
103. Там же, стр. 345—346.
104. И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 476—477.
105. Там же, стр. 479.
106. «Партийное строительство», февраль 1935 г., цитирую по книге Эбона «Маленков», стр. 35.
107. Там же.
108. Там же, стр. 36.
109. «Правда», 8. 4. 1952.
110. МСЭ, т. II, стр. 140.
111. БСЭ, т. VI, стр. 260.
112. БСЭ, 1951, т. VI, стр. 260.
113. История ВКП(б). Краткий курс. стр. 234.
114. МСЭ, т. XI, стр. 493—494.
115. Энциклопедический словарь, 1955, т. III, стр. 567.

Секретная советско-югославская переписка 1948 года

№ 11

Письмо ЦК ВКП(б) ЦК КПЮ¹

Секретно

Центральному Комитету Коммунистической Партии Югославии

Ваше ответное письмо и сообщение о решении Пленума ЦК КПЮ от 13 апреля 1948 года за подписями гг. Тито и Карделя получены.

К сожалению, эти документы, особенно документ, подписанный гг. Тито и Карделем, не только не делают никакого прогресса в сравнении с предыдущими документами югославов, а, наоборот, еще больше запутывают дело и обостряют конфликт.

Обращает на себя внимание тон документов, который нельзя квалифицировать иначе, как непомерно амбициозный. В документах не видно желания выяснить истину, признать по-честному свои ошибки, признать необходимость ликвидации этих ошибок. Критика воспринимается югославскими товарищами не по-марксистски, а по-обывательски, то есть воспринимается как оскорбление, задевающее престиж ЦК КПЮ, подрывающее амбицию югославских руководителей.

Для того, чтобы выпутаться из незавидного положения, в которое поставили себя югославские руководители, они прибегают к «новому» методу, — к методу голого отрицания своих ошибок, несмотря на всю их очевидность. Отрицаются всем известные факты и документы, изложенные в письме ЦК ВКП(б) от 27 марта 1948 года. Гг. Тито и Кардель, видимо, не понимают, что этот ребяческий метод голого отрицания фактов и документов никого не может убедить, а может вызвать лишь улыбку.

1. *Об отзыве из Югославии советских военных советников.* В своем письме от 27 марта ЦК ВКП(б) изложил мотивы отзыва советских военных советников, заявив при этом, что информация ЦК ВКП(б) основана на жалобах этих советников на недружелюбное отношение со стороны югославских работников к Советской Армии и ее представителям в Югославии. Гг. Тито и Кардель начисто отрицают правомерность этих жалоб. Спрашивается: почему ЦК ВКП(б) должен придавать больше веры голословному заявлению гг. Тито и Карделя, чем неоднократным жалобам военных советников СССР? На каком основании? СССР имеет своих военных советников почти во всех странах народной демократии. Нельзя не отметить, что до сего времени мы не имели еще никаких жалоб со стороны наших военных советников в этих странах. Этим, собственно, и объясняется, что мы не имели никаких недоразумений в этих странах в связи с работой там советских военных советников. Но мы имеем

О к о н ч а н и е. См. Вопросы истории, 1992, №№ 4—7.

жалобы и недоразумения в этой области только в Югославии. Не ясно ли, что это обстоятельство следует объяснить лишь тем особым недружелюбным режимом, который создан в Югославии вокруг советских военных советников.

Тт. Тито и Кардель ссылаются на большие расходы, связанные с содержанием советских военных советников в Югославии, указывая на то, что советские генералы в Югославии получают в три-четыре раза больше в динарах, чем югославские генералы, что это обстоятельство, по их мнению, могло вызвать нарекания со стороны югославских военных. Но, во-первых, югославские генералы, кроме динаров, получают еще в натуре всякие блага: квартиру, обслуживание, продовольствие и тому подобное. Во-вторых, та денежная плата, которая выдавалась советским генералам в Югославии, полностью соответствует тем размерам денежного оклада, который получают советские генералы в СССР. Понятно, что Советское правительство не могло пойти на снижение денежного оклада советским генералам, командироваемым в Югославию.

Возможно, что расходы на советских генералов в Югославии обременительны для югославского бюджета, но в таком случае Югославское правительство должно было своевременно обратиться к Советскому правительству и предложить взять на себя часть расходов. Несомненно, что Советское правительство пошло бы на это. Но югославы стали на другой путь: вместо полюбовного решения этого вопроса они начали с того, что стали шельмовать наших военных советников, обзывать их дармоедами, дискредитировать Советскую Армию, и только после того, как была уже создана вокруг советских военных советников недружелюбная атмосфера, Югославское правительство обратилось к Советскому правительству. Понятно, что Советское правительство не могло мириться с таким положением.

2. *О советских гражданских специалистах в Югославии.* В своем письме от 27 марта ЦК ВКП(б) сообщил о мотивах отзыва гражданских специалистов из Югославии. ЦК ВКП(б) опирался в данном случае на жалобы советских гражданских специалистов и на сообщение советского посла в Югославии. Из этих сообщений вытекает, что советские гражданские специалисты, а также представитель ВКП(б) в Коминформбюро тов. Юдин по сути дела отданы под надзор органов госбезопасности Югославии. Тт. Тито и Кардель в своем письме отрицают правомерность этих жалоб и сообщений, утверждая, что югославские органы госбезопасности не ведут слежку за советскими людьми в Югославии. Но почему ЦК ВКП(б) должен верить голословному утверждению тт. Тито и Карделя, а не жалобам советских людей, в том числе и тов. Юдина? У Советского правительства имеется немало своих гражданских специалистов во всех странах народной демократии, однако оно не имеет жалоб от своих специалистов и не имеет никаких недоразумений с правительствами этих стран. Спрашивается: почему эти недоразумения и конфликты возникли только в Югославии? Не потому ли, что Югославское правительство создало специальный режим против советских людей в Югославии, в том числе и против тов. Юдина? Понятно, что Советское правительство не могло мириться с таким положением и оказалось вынужденным отозвать своих гражданских специалистов из Югославии.

3. *О Велебите и других шпионах в аппарате Мининдела Югославии.* Неверно заявление тт. Тито и Карделя о том, что при встрече с тов. Молотовым тт. Кардель и Джилас ограничили свои сомнения насчет Велебита замечанием о том, что им «о Велебите не все ясно». На самом деле, в беседе этих товарищей с тов. Молотовым речь шла о том, что Велебит подозревается в шпионаже в пользу Англии. Очень странно, что снятие Велебита из аппарата Мининдела тт. Тито и Кардель отождествляют с его гибелью. Почему нельзя снять Велебита из аппарата Мининдела без того, чтобы погубить его? Странно также заявление тт. Тито и Карделя о причинах оставления Велебита на посту первого помощника Мининдела: оказывается, Велебита не сняли с поста первого помощника Мининдела потому, что он находится в проверке. Не вернее ли было бы снять Велебита с указанного поста именно потому, что он находится в проверке? Откуда такая мягкость к английскому шпиону, к тому же непримиримо враждебно настроенному к Советскому Союзу?

Но Велебит не единственный шпион в аппарате Мининдела. Советские представители не раз заявляли югославским руководителям насчет югославского посла в Лондоне Леонтича, как об английском шпионе². Неизвестно, почему этот патентованный английский шпион до сих пор остается в аппарате Мининдела Югославии?

Советскому правительству известно, что, кроме Леонтича, английскую разведку обслуживают еще три сотрудника югославского посольства в Лондоне, фамилии которых еще не выяснены. Советское правительство заявляет об этом с полной ответственностью.

Непонятно также, почему посол США в Белграде ведет себя, как хозяин в стране, а его «осведомители», число которых растет, свободно разгуливают на свободе?

Непонятно и то, что друзья и родные палача югославских народов Недича³ так легко и удобно устраиваются при государственных и партийных аппаратах Югославии.

Ясно, что поскольку Югославское правительство упорствует в своем нежелании очистить аппарат своего Мининдела от шпионов, Советское правительство вынуждено воздержаться от откровенной переписки с Югославским правительством через югославский Мининдел.

4. *О советском после в Югославии и Советском государстве.* В своем письме от 13 апреля 1948 г. гг. Тито и Кардель пишут: «Мы считаем, что он (советский посол), как посол, не имеет права ни у кого искать сведений о работе нашей партии. Это не его дело».

Мы считаем это заявление гг. Тито и Карделя в корне неправильным, антисоветским. Как видно, они приравнивают советского посла, ответственного коммуниста, представляющего в Югославии коммунистическое правительство СССР при Югославском коммунистическом правительстве, к обычному буржуазному послу, к простому чиновнику буржуазного государства, призванному подрывать основы югославского государства. Трудно понять, как могли договориться до такой дикости гг. Тито и Кардель. Понимают ли эти товарищи, что такое отношение к советскому послу означает отрицание дружественных отношений между СССР и Югославией? Понимают ли эти товарищи, что советский посол, ответственный коммунист, представляющий дружественную державу, освободившую Югославию от немецкой оккупации, не только имеет право, но и обязан иметь время от времени беседы с коммунистами Югославии по всем вопросам, которые только могут интересовать их? Как можно подвергать сомнению эти простые и элементарные вещи, если, конечно, оставаться на базе дружественных отношений с Советским Союзом?

К сведению гг. Тито и Карделя следует сказать, что вопреки югославской схеме мы не считаем югославского посла в Москве простым чиновником, не приравниваем его к буржуазным послам и не отрицаем за ним «права искать сведений у кого-нибудь о работе нашей партии». От того, что он стал послом, он не перестал быть коммунистом. Мы рассматриваем его как товарища и коммунистического деятеля. У него есть среди советских людей знакомые, друзья. «Собирает» ли он сведения о работе нашей партии? Должно быть, «собирает». И пусть «собирает»! Нам нечего скрывать от товарищей недостатки в своей работе. Мы сами вскрываем их, чтобы ликвидировать их.

Мы считаем, что эту установку югославских товарищей насчет советского посла нельзя считать случайностью. Она вытекает из общей позиции Югославского правительства, в силу которой югославские руководители часто не видят разницы между внешней политикой СССР и внешней политикой англо-американцев, приравнивают советскую внешнюю политику к внешней политике англичан и американцев и считают, что в отношении Советского Союза Югославия должна вести такую же политику, какую она ведет в отношении империалистических держав — Великобритании и США.

Крайне характерна в этом отношении речь тов. Тито в Люблянах в конце мая 1945 года, где он говорил: «Говорили, что была война справедливая, и мы рассматриваем ее таковой. Но мы требуем и справедливого ее завершения, мы требуем, чтобы всякий был хозяином того, чем он владеет, мы не желаем оплачивать чужие счета, мы не хотим быть разменной монетой, мы не хотим, чтобы нас вешивали в какую-либо политику сфер влияния»⁴.

Это было сказано в связи с вопросом о Триесте. Как известно, после ряда территориальных уступок в пользу Югославии, вырванных Советским Союзом у англо-американцев, последние совместно с французами отклонили предложение СССР о передаче Триеста Югославии и заняли Триест своими войсками, стоявшими в Италии⁵. Ввиду исчерпания всех других средств у Советского Союза оставалось лишь одно средство для передачи Триеста Югославии: начать войну с англо-американцами из-за Триеста и занять последний силой. Югославские товарищи не могли не знать, что после столь тяжелой войны СССР не мог пойти на новую войну. Тем не менее это обстоятельство вызвало недовольство югославских руководителей, что и отразилось в выступлениях тов. Тито. Заявление тов. Тито в Люблянах, что Югославия «не желает оплачивать чужие счета» и «не хочет быть разменной монетой», не хочет, чтобы Югославию «вешивали в какую-либо политику сфер влияния», было направлено не только против империалистических держав, но и против СССР, причем в данном случае отношение тов. Тито к СССР ничем не отличается от его отношения к империалистическим державам, так как он не признает здесь различия между СССР и империалистическими державами.

Мы усматриваем в этой антисоветской установке тов. Тито, не встретившей отпора со стороны Политбюро ЦК КПЮ, — основу клеветнической пропаганды руководителей КПЮ,

ведомой в узком кругу югославских партийных кадров, насчет «перерождения» СССР в империалистическую державу, стремящуюся «экономически захватить Югославию», основу клеветнической пропаганды руководителей КПЮ насчет «перерождения» ВКП(б), стремящейся «захватить через Коминформ другие партии», насчет того, что «социализм в СССР перестал быть революционным».

В свое время Советское правительство вынуждено было обратить внимание Югославского правительства на недопустимость этого заявления тов. Тито, а поскольку последовавшие по этому поводу объяснения тт. Карделя и Тито были несостоятельными, советский посол в Белграде тов. Садчиков получил от Советского правительства указание сделать следующее заявление Югославскому правительству, что и было выполнено тов. Садчиковым 5 июня 1945 года: «Речь тов. Тито мы считаем недружелюбным выпадом против Советского Союза, а объяснения тов. Карделя — неудовлетворительными. Так понимают речь тов. Тито наши читатели и иначе ее нельзя понять. Скажите тов. Тито, что если он еще раз допустит такой выпад против Советского Союза, мы будем вынуждены ответить открытой критикой в печати и дезавуировать его».

Из этой именно антисоветской позиции тов. Тито в отношении Советского государства и вытекает установка югославских руководителей насчет советского посла, приравнивающая советского посла в Югославии к буржуазным послам.

Югославские руководители, видимо, думают и впредь оставаться на этих антисоветских позициях. Но югославские товарищи должны принять во внимание, что остаться на таких позициях — значит стать на путь отрицания дружественных отношений с Советским Союзом, на путь измены единому социалистическому фронту Советского Союза и народно-демократических республик. Они должны также учесть, что, оставаясь на таких позициях, они лишают себя права требовать материальную и иную помощь от Советского Союза, ибо Советский Союз может оказывать помощь только друзьям.

К сведению тт. Тито и Карделя мы должны подчеркнуть, что подобную антисоветскую установку в отношении советского посла и Советского государства мы наблюдаем только в Югославии, ибо в других странах народной демократии отношения были и остаются дружественными и безупречными.

Интересно отметить, что тов. Кардель, во всем солидаризирующийся теперь с тов. Тито, совершенно по-другому расценивал три года тому назад вышеупомянутое выступление тов. Тито в Люблянах. Вот что сообщал нам тогда советский посол в Югославии тов. Садчиков о своей беседе с тов. Карделем, состоявшейся 5 июня 1945 года:

«Сегодня, 5 июня, я сообщил Карделю то, что Вы предложили. (Тито пока еще не вернулся). Сообщение на него произвело тяжелое впечатление. Подумав, он сказал, что считает оценку речи Тито правильной. Он согласен также и с тем, что Советский Союз дальше не может терпеть подобных заявлений. Конечно, в такое трудное для Югославии время, сказал Кардель, открытая критика заявлений Тито имела бы для них тяжелые последствия, поэтому они постараются избежать подобных заявлений. Но Советский Союз будет вправе выступить с открытой критикой, если это повторится вновь. Такая критика будет для них полезной. Кардель просил передать Вам благодарность за эту своевременную критику. Она, по заявлению Карделя, поможет улучшить их работу. Критика политических ошибок, допущенных в правительственной декларации в марте месяце, принесла большую пользу. Кардель уверен, что и эта критика лишь поможет улучшить политическое руководство.

Пытаясь (очень осторожно) проанализировать причины ошибок, Кардель сказал, что, конечно, Тито имеет крупные заслуги в ликвидации прежней фракционности в компартии и организации народно-освободительной борьбы, но он иногда склонен рассматривать Югославию, как нечто самодовлеющее вне общей связи с развитием пролетарской революции и социализма. Во-вторых, в партии сложилось такое положение, что фактически ЦК, как организационного и политического центра, нет. Мы собираемся, сказал Кардель, случайно и выносим случайные решения, фактически каждый из нас предоставлен самому себе. Стиль работы плохой, не хватает коллективности в работе. Мы желали бы, продолжал Кардель, чтобы Советский Союз рассматривал нас не как представителей другой страны, способных решать вопросы самостоятельно, но как представителей одной из будущих советских республик, и компартию Югославии как часть Всесоюзной Коммунистической Партии, то есть чтобы наши отношения исходили из перспективы, что Югославия в будущем станет составной частью СССР. Поэтому они желали бы, чтобы мы просто и открыто критиковали их, советовали им, направляя внутреннюю и внешнюю политику Югославии по должному руслу.

Я ответил Карделю, что нужно исходить из действительности, именно из того, что Юго-

славия является самостоятельной страной и Югославская компартия — самостоятельной партией. Вы должны и можете, — сказал я, — ставить и решать вопросы самостоятельно, мы же никогда не откажем в советах, если к нам за этим обратятся. Мы имеем в отношении Югославии определенные договорные, и еще больше — моральные обязательства, и мы не отказывали в советах и возможной помощи, когда к нам с такими просьбами обращались. Всякий раз, когда я передавал в Москву обращения маршала, я получал незамедлительные ответы. Но такие советы возможны и полезны только в том случае, если обращаются своевременно, до того, как решение принято или заявление сделано».

Мы оставляем в стороне примитивные и неправильные рассуждения тов. Карделя насчет Югославии, как будущей составной части СССР, а Югославской компартии, как части ВКП(б). Но мы хотели бы обратить внимание на критические замечания тов. Карделя насчет антисоветского выступления тов. Тито в Люблянах и по поводу плохих порядков в ЦК КПЮ⁶.

5. *Об антисоветском выступлении тов. Джиласа, о разведке и о торговых переговорах.* В своем письме от 27 марта мы излагали антисоветское заявление тов. Джиласа на одном из заседаний ЦК КПЮ о том, что советские офицеры будто бы стоят в моральном отношении ниже офицеров английской армии. Это заявление тов. Джиласа было сделано в связи с тем, что несколько офицеров Советской Армии в Югославии допустили проступки антиморального характера. Мы квалифицировали это выступление тов. Джиласа антисоветским потому, что из-за проступков двух-трех советских офицеров горе-марксист тов. Джилас не заметил основной разницы между социалистической Советской Армией, освободившей народы Европы, и буржуазной английской армией, призванной угнетать, а не освобождать народы мира.

В своем письме от 13 апреля 1948 года тт. Тито и Кардель заявляют, что «Джилас никогда не делал заявления в таком виде», что «Тито это объяснил в письменной и устной форме еще в 1945 году», что «с этим объяснением согласились тогда как тов. Сталин, так и остальные члены Политбюро ЦК ВКП(б)». Считаем нужным отметить, что это заявление тт. Тито и Карделя не соответствует действительности.

Вот как реагировал тогда на выступление тов. Джиласа тов. Сталин в своей телеграмме на имя Тито: «Я понимаю трудность вашего положения после освобождения Белграда. Вы не можете не знать, что Советское правительство, несмотря на колоссальные жертвы и потери, делает все возможное, чтобы помочь вам. Но меня поражает тот факт, что отдельные инциденты и ошибки со стороны отдельных офицеров и бойцов Красной Армии обобщают у вас и распространяют на всю Красную Армию. Нельзя так оскорблять армию, которая помогает вам изгнать немцев и обливается кровью в боях с немецкими захватчиками. Нетрудно понять, что семья без уроды не бывает, но было бы странно оскорблять семью из-за одного уроды. Если красноармейцы узнают, что тов. Джилас и те, которые ему не возражали, считают английских офицеров в моральном отношении выше советских офицеров, то они завьли бы от такой незаслуженной обиды»⁷.

Мы усматриваем в этом антисоветском выступлении тов. Джиласа, не встретившем возражений других членов Политбюро ЦК КПЮ, основу той клеветнической пропаганды руководителей КПЮ против Советской Армии и ее представителей в Югославии, которая послужила причиной отзыва наших военных советников.

Чем кончилось это дело с тов. Джиласом? Оно кончилось тем, что тов. Джилас присхал в Москву совместно с югославской делегацией, извинился перед тов. Сталиным и просил забыть о досадной ошибке, допущенной им на заседании ЦК КПЮ.

Как видно, дело обстояло совсем не так, как об этом пишут в своем письме тт. Тито и Кардель. К сожалению, ошибка тов. Джиласа оказалась не случайной.

Тт. Тито и Кардель обвиняют советских людей, что они вербуют будто бы югославских граждан для своей разведывательной службы. Они пишут:

«Считаем неправильным, что органы советской разведки вербуют у нас в стране, которая идет к социализму, наших граждан для своей разведывательной службы, что мы не можем иначе понять, как так, что это направлено против интересов нашей страны. Это делается вопреки тому, что наши руководящие люди и органы государственной безопасности протестовали и ставили в известность, что мы не можем этого допустить. Вербуются наши офицеры, вербуются различные руководители, вербуются те, которые настроены отрицательно по отношению к новой Югославии».

Мы заявляем, что это заявление тт. Тито и Карделя, изобилующее к тому же недружелюбными выпадами против советских работников в Югославии, совершенно не соответствует действительности.

Было бы дико требовать, чтобы советские люди, работающие в Югославии, набрали

воды в рот и ни с кем не вели бесед, разговоров. Советские работники являются политически развитыми людьми, а не просто работниками, нанятыми для работы за плату и не имеющими права интересоваться тем, что делается в Югославии. Естественно, что они завязывают беседы с югославскими гражданами, расспрашивают их, хотят получить разъяснения и т. п. Надо быть неисправимым советофобом, чтобы эти беседы рассматривать, как попытку вербовать людей для разведки, да еще таких людей, которые «отрицательно относятся» к новой Югославии. Только антисоветские люди могут думать, что руководители Советского Союза заботятся о целостности и сохранности новой Югославии меньше, чем Политбюро ЦК КПЮ.

Характерно, что эти дикие обвинения против советских людей мы встречаем только в Югославии. Нам кажется, что эти нелепые обвинения против советских работников выдуманы для того, чтобы оправдать действия органов госбезопасности Югославии, ведущих слежку за советскими людьми в Югославии.

Следует отметить, что приезжающие в Москву югославские товарищи обычно совершенно свободно разъезжают по городам СССР, видятся с нашими людьми, свободно беседуют с ними. Не бывало, чтобы им ставились Правительством СССР какие-либо ограничения. В последнюю свою поездку в СССР тов. Джилас, побывав в Москве, уехал на несколько дней в Ленинград для беседы с советскими товарищами⁸. По югославской схеме, сведения о партийной и государственной работе можно брать только у руководящих органов ЦК партии или Правительства. Однако тов. Джилас собирал сведения не у этих органов СССР, а в местных органах ленинградских организаций⁹. Что делал там тов. Джилас, какие сведения он собирал, — мы не считали нужным заниматься этим вопросом. Мы думаем, что он собирал там сведения не для англо-американской или французской разведки, а для руководящих органов Югославии. И поскольку это верно, мы не видим в этом ничего предвзятого, так как в этих сведениях могут найтись поучительные вещи для югославских товарищей. Тов. Джилас не может сказать, что ему ставились какие-либо ограничения.

Спрашивается: почему советские коммунисты в Югославии должны пользоваться меньшими правами, чем югославские в СССР?

В своем письме от 13 апреля тт. Тито и Кардель вновь возвращаются к вопросу о торговых отношениях между СССР и Югославией, к вопросу о том, будто бы тов. Крутиков отказал югославским представителям в продолжении торговых переговоров. Мы уже несколько раз разъясняли югославским товарищам, что тов. Крутиков отрицает приписываемое ему заявление. Мы разъяснили также, что Советское правительство не ставило вопроса о прекращении торговых переговоров и торговых операций с Югославией. Мы считаем ввиду этого вопрос исчерпанным и не намерены больше возвращаться к нему.

6. *О неправильной политической линии Политбюро ЦК КПЮ в вопросах классовой борьбы в Югославии.* Мы в своем письме писали, что в югославской компартии не чувствуется духа политики классовой борьбы, что в деревне, а также и в городе, идет рост капиталистических элементов, а руководство партии не принимает мер, чтобы ограничить капиталистические элементы.

Тт. Тито и Кардель голословно отрицают все это и рассматривают наше утверждение, имеющее принципиальный характер, как какое-то оскорбление по адресу югославской компартии, уклоняясь от ответа по существу. Доказательства этих товарищей сводятся лишь к заявлению насчет основательности и последовательности общественных преобразований, произведенных в Югославии. Но этого совершенно недостаточно. Отрицание со стороны этих товарищей факта усиления капиталистических элементов и связанного с этим обострения классовой борьбы в деревне в условиях современной Югославии исходит из оппортунистической установки, что будто бы в переходный период от капитализма к социализму классовая борьба не обостряется, как учит этому марксизм-ленинизм, а затухает, как утверждали оппортунисты типа Бухарина, проповедующие гнилую теорию о мирном вращении капиталистических элементов в социализм.

Никто не будет отрицать глубины и основательности общественных преобразований, последовавших в СССР в результате Октябрьской социалистической революции. Однако из этого факта ВКП(б) никогда не делала вывода об ослаблении классовой борьбы в нашей стране или о том, что не существует опасности усиления капиталистических элементов. Ленин указывал в 1920—1921 годах, что «пока мы живем в мелкокрестьянской стране, для капитализма в России есть более прочная экономическая база, чем для коммунизма», так как «мелкое производство рождает капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе». Известно, что в течение полутора десятка лет после Октябрьской революции с повестки дня нашей партии не сходил вопрос первоначально о мерах ограничения капиталистических элементов в деревне, а впоследствии о ликвидации

кулачества как последнего капиталистического класса. Недооценка этого опыта ВКП(б) в деле обеспечения основных условий построения социализма в Югославии чревата большими политическими опасностями и недопустима для марксистов, ибо нельзя строить социализм только в городе, только в промышленности, его нужно строить также в деревне, в сельском хозяйстве.

Не случайно, что руководители югославской компартии обходят вопрос о классовой борьбе и об ограничении капиталистических элементов в деревне. Больше того, в выступлениях югославских руководителей сплошь и рядом замалчивается вопрос о классовой дифференциации в деревне, крестьянство рассматривается как единое целое, и партия не мобилизуется на преодоление трудностей, вытекающих из роста эксплуататорских элементов в деревне. Между тем, политическая обстановка в югославской деревне не дает никаких оснований для самоуспокоения и благодушия. В условиях, когда в Югославии нет национализации земли, существует частная собственность на землю и купля-продажа земли, в руках кулаков сосредоточены значительные земельные участки, применяется наемный труд и т. д., нельзя воспитывать партию в духе затушевывания классовой борьбы и примирения классовых противоречий, не разоружая тем самым партию перед лицом основных трудностей строительства социализма. Это и означает, что югославскую компартию убаюкивают гнилой оппортунистической теорией мирного вращивания капиталистических элементов в социализм, заимствованной у Бернштейна, Фольмара, Бухарина.

Не случайно также, что некоторые видные руководители югославской компартии сбиваются с марксистско-ленинского пути в вопросе о руководящей роли рабочего класса. В то время как марксизм-ленинизм исходит из признания руководящей роли рабочего класса в деле ликвидации капитализма и построения социалистического общества, руководители югославской компартии развивают совершенно другие взгляды. Достаточно указать на следующее выступление тов. Тито в Загребе в ноябре 1946 года («Борба» от 2 ноября 1946 года):

«Мы говорим крестьянам о том, что они самая прочная основа нашего государства не потому, что хотим получить их голоса, а потому, что они на самом деле таковыми являются».

Эта установка находится в полном противоречии с марксизмом-ленинизмом. Марксизм-ленинизм считает, что в Европе, в том числе в странах народной демократии, передовым и до конца революционным классом является рабочий класс, а не крестьянство. Что касается крестьянства, то его большинство, т. е. беднота и середняки — может состоять или уже состоит в союзе с рабочим классом, причем руководящая роль в этом союзе остается за рабочим классом. Между тем, указанная выше установка тов. Тито не только отрицает руководящую роль рабочего класса, но объявляет все крестьянство, — стало быть, включая и кулачество, — самой прочной основой новой Югославии. Как видно, эта установка выражает такие взгляды, которые уместны для мелкобуржуазных политиков, но не для марксистов-ленинцев.

7. О неправильной политике Политбюро ЦК КПЮ в вопросе о взаимоотношениях между партией и Народным фронтом. Мы писали в своем предыдущем письме, что в Югославии основной руководящей силой в стране считают не компартию, а Народный фронт, что югославские руководители принижают роль партии, фактически растворяют партию в беспартийном Народном фронте, допуская, таким образом, такую же принципиальную ошибку, какую допускали меньшевики в России 40 лет тому назад.

Тт. Тито и Кардель отрицают это, утверждая, что все решения Народного фронта являются решениями партии, но они не считают нужным подчеркивать, что то или иное решение принято на такой-то конференции партии. В этом именно и состоит грехопадение югославских товарищей, что они боятся открыто выставить партию и ее решения перед всем народом, чтобы народ знал, что руководящей силой является партия, что партия ведет Народный фронт, а не наоборот.

По теории марксизма-ленинизма компартия является высшей формой организации трудящихся, стоящей выше всех других организаций, в том числе выше Советов в СССР, выше Народного фронта в Югославии. Партия стоит выше всех этих организаций трудящихся не только потому, что она вбирает в себя все лучшие элементы трудящихся, но и потому, что она имеет свою особую программу, свою особую политику, на основе которых руководит всеми другими организациями трудящихся. Но Политбюро ЦК КПЮ боится сказать об этом рабочему классу и всему югославскому народу открыто и прямо полным голосом. Политбюро ЦК КПЮ думает, что если оно не будет подчеркивать этого момента, то и другие партии не будут иметь повода развернуть свои силы и свою борьбу. Тт. Тито и Кардель думают, видимо, что этой дешевой хитростью они могут отменить законы исторического развития, обмануть классы, обмануть историю. Но это иллюзии и самообман. Коль скоро существуют антагонистические классы, будет существовать и борьба между ними, а коль скоро

есть борьба, будет и отражение этой борьбы в деятельности различных группировок и партий, легально или нелегально.

Ленин говорил, что партия есть наиболее важное оружие в руках рабочего класса. Задача руководителей состоит в том, чтобы держать это оружие в боевой готовности. Но поскольку югославские товарищи прячут знамя партии и отказываются подчеркивать перед народом руководящую роль партии, они притупляют это оружие рабочего класса, принижают роль партии, разоружают рабочий класс. Смешно думать, что из-за дешевой хитрости югославских товарищей враг откажется вести борьбу. Именно поэтому партию надо держать в боевой готовности к борьбе против врагов, а не усыплять ее, не прятать ее знамя, не убаюкивать ее тем, что если не будет дано повода, то враг прекратит борьбу, перестанет организовывать свои силы в легальной или нелегальной форме.

Мы считаем, что принижение роли компартии в Югославии зашло слишком далеко. Речь идет о принципиально неправильных взаимоотношениях между компартией и Народным фронтом в Югославии. Нельзя не считаться с тем, что Народный фронт в Югославии включает в себя весьма различные в классовом отношении элементы, включает кулаков, торговцев, мелких фабрикантов, буржуазную интеллигенцию и т. д., а также разношерстные политические группировки, включая и некоторые буржуазные партии¹⁰. Тот факт, что в Югославии на политической арене выступает только Народный фронт, а партия и ее организации не выступают открыто от своего имени перед народом, не только принижает роль партии в политической жизни страны, но и подрывает партию, как самостоятельную политическую силу, призванную завоевывать все большее доверие народа и охватывать своим влиянием все более широкие массы трудящихся путем открытой политической деятельности, открытой пропаганды своих взглядов и своей программы.

Тт. Тито и Кардель забывают, что партия растет и может расти лишь в открытой борьбе с врагами, что дешевые хитрости и махинации Политбюро ЦК КПЮ не могут заменить этой борьбы, как школы воспитания партийных кадров. Упорное нежелание признать ошибочность заявления, что компартия Югославии не имеет другой программы, кроме программы Народного фронта, свидетельствует о том, как далеко отошли югославские руководители от марксистско-ленинских взглядов на партию. В этом мы видим опасность развития ликвидаторских тенденций в отношении компартии в Югославии, что угрожает самому существованию компартии и, в конечном счете, таит в себе опасность перерождения Югославской народной республики.

Тт. Тито и Кардель утверждают, что ошибки меньшевиков насчет растворения марксистской партии в беспартийной массовой организации имели место 40 лет тому назад и что поэтому не может быть никакой связи между этими ошибками и нынешними ошибками Политбюро ЦК КПЮ. Тт. Тито и Кардель глубоко ошибаются. Теоретическая и политическая связь между этими двумя явлениями не может подлежать сомнению, ибо как меньшевики в 1907 году, так и тт. Тито и Кардель спустя сорок лет после этого одинаково принижают марксистскую партию, одинаково отрицают роль партии, как высшей формы организации, стоящей выше всех других массовых организаций трудящихся, одинаково растворяют марксистскую партию в беспартийной массовой организации. Разница здесь состоит лишь в том, что меньшевики допустили эти ошибки в 1906—1907 годах и, после их осуждения марксистской партией в России на ее Лондонском съезде, не возвращались больше к ним, тогда как Политбюро ЦК КПЮ, несмотря на наличие этого наглядного урока, через сорок лет после этого извлекает из гроба старые ошибки меньшевиков и объявляет их своей теорией о партии. Это обстоятельство не ослабляет, а, наоборот, углубляет ошибки югославских товарищей.

8. *О тревожном положении в югославской компартии.* Мы писали в предыдущем письме, что компартия в Югославии продолжает оставаться в полуполюгальном положении, несмотря на то, что она пришла к власти уже три с половиной года тому назад, что в партии нет внутрипартийной демократии, нет выборности, нет критики и самокритики, что ЦК КПЮ в своем большинстве состоит не из выборных, а из кооптированных членов.

Тт. Тито и Кардель голословно отрицают все это. Они пишут, что «в ЦК КПЮ большинство не является кооптированными членами», что «на пятой конференции, состоявшейся в декабре 1940 года в глубоком подполье..., которая по решению Коминтерна имела все права Конгресса, был избран ЦК КПЮ в составе 31 члена и 10 кандидатов...», что «из этого числа погибли во время войны 10 членов ЦК и 6 кандидатов», что кроме того исключены из ЦК 2 члена, что «на сегодняшний день имеются и работают 19 членов ЦК КПЮ, избранных на Конференции, и 7 членов кооптированных», так что в настоящее время «ЦК КПЮ состоит из 26 членов».

Это сообщение не вполне соответствует действительности. Как видно из архива Коминтерна, на пятой конференции, которая состоялась в октябре, а не в декабре 1940 года, было избрано не 31 член ЦК и 10 кандидатов, а 22 члена ЦК и 16 кандидатов. Вот что сообщает об этом тов. Вальтер (он же Тито) в конце октября 1940 года из Белграда: «Тов. Димитрову. С 19 по 23 октября состоялась пятая конференция КПЮ. Участвовали 101 выбранных делегатов из всех областей страны. Выбран ЦК из 22 человек, в том числе две женщины, и 16 кандидатов. Манifestировалось полное единство. Вальтер».

Если из 22 членов ЦК погибло 10, то осталось 12 выборных членов, если же из 12 членов были исключены еще два члена, то осталось 10 выборных членов ЦК. Тт. Тито и Кардель говорят, что сейчас имеется 26 членов ЦК, — следовательно, если вычтешь отсюда 10 выборных членов ЦК, то остается в составе нынешнего ЦК 16 кооптированных членов. Выходит, таким образом, что большинство нынешнего ЦК КПЮ является кооптированным.

Так обстоит дело не только с членами ЦК, но и с руководителями на местах, которые назначаются, но не выбираются снизу.

Мы считаем, что такой порядок построения руководящих органов партии при условии, что партия стоит у власти и может пользоваться полной легальностью, нельзя назвать иначе, как полулегальным состоянием, а самый тип организации — сектантско-бюрократическим.

Совершенно нетерпимо такое положение, когда партийные собрания не собираются или собираются в секретном порядке, что не может не подрывать влияния партии в массах, когда прием в члены партии законспирирован от рабочих, в то время как прием в партию должен играть большую воспитательную роль, связывая партию с рабочим классом и со всеми трудящимися.

Если бы Политбюро ЦК КПЮ в достаточной степени уважало свою партию, оно бы не допустило такого положения в партии и тотчас же после взятия власти, то есть три с половиной года тому назад, — оно призвало бы партию созвать съезд, реорганизоваться на основе демократического централизма и начать действовать, как вполне легальная партия.

Вполне понятно, что при таком положении дел в партии, когда нет выборности руководящих органов, а есть только назначенство сверху, не может быть и речи о внутривнутрипартийной демократии, а тем более о критике и самокритике. Нам известно, что члены партии боятся высказать свое мнение, боятся сказать слово критики о порядках в партии и предпочитают молчать, чтобы не подвергнуться репрессиям. Нельзя считать случайностью, что Министр госбезопасности является вместе с тем секретарем ЦК по кадрам, или, как говорят тт. Тито и Кардель, организационным секретарем ЦК компартии Югославии. Очевидно, члены партии и кадры партии отданы под наблюдение Министра госбезопасности, что совершенно недопустимо и нетерпимо. Стоило, например, т. Жуйовичу высказать свое несогласие на заседании ЦК КПЮ с проектом ответа Политбюро ЦК КПЮ на письмо ЦК ВКП(б), чтобы его немедленно исключили из ЦК. Как видно, Политбюро ЦК КПЮ рассматривает партию не как самостоятельный организм, имеющий право высказать свое мнение, а как партизанский отряд, члены которого не имеют права обсуждать какие-либо вопросы, а должны беспрекословно исполнять все пожелания «Начальника». Это называется у нас культивированием военных методов в партии, что совершенно несовместимо с принципами внутривнутрипартийной демократии в марксистской партии.

Как известно, Троцкий тоже пытался в свое время насадить в ВКП(б) военные методы руководства, однако он был разбит и осужден партией во главе с Лениным, военные методы были отвергнуты, а внутривнутрипартийная демократия была утверждена, как важнейший принцип партийного строительства.

Мы считаем, что подобное ненормальное положение внутри югославской компартии представляет серьезнейшую опасность для жизни и развития партии. Чем скорее будет покончено с этим сектантско-бюрократическим режимом в партии, тем лучше будет как для КПЮ, так и для Югославской народно-демократической республики.

9. *О зазнайстве руководителей ЦК КПЮ и о неправильном их отношении к своим ошибкам.* Как видно из письма тт. Тито и Карделя, они полностью отрицают как наличие каких-либо ошибок в деятельности Политбюро ЦК КПЮ, так и наличие клеветнической пропаганды, ведомой в узком кругу партийных кадров Югославии насчет «перерождения» СССР в империалистическую державу и т. п. Они считают, что все дело здесь в неправильной информации ЦК ВКП(б) насчет положения дел в Югославии. Они считают, что ЦК ВКП(б) стал «жертвой» неправильной и клеветнической информации, распространяемой тт. Жуйовичем и Хебрангом, что если бы не было этой неправильной информации о делах Югославии, то не существовало бы никаких разногласий между СССР и Югославией. Ввиду этого они приходят к выводу, что дело не в ошибках ЦК КПЮ и не в критике этих ошибок со стороны

ЦК ВКП(б), а в неправильной информации тт. Жуйовича и Хебранга, которые «подвели» ЦК ВКП(б) этой информацией. Они думают, что если наказать тт. Жуйовича и Хебранга, то все будет в порядке. Найдены, таким образом, козлы отпущения.

Мы не сомневаемся, что тт. Тито и Кардель сами не верят в правдоподобность этой версии и если они все же цепляются за нее как за правдоподобную, то это потому, что эту версию они считают наиболее легким выходом из того незавидного положения, в какое попало Политбюро ЦК КПЮ. Выдвигая эту фальшивую и с виду безобидную версию, они хотят не только снять с себя ответственность за ухудшение советско-югославских отношений, взваливая вину на СССР, но и попутно очернить ЦК ВКП(б), изображая его падким ко всякой «тенденциозной» и «антипартийной» информации.

Мы считаем, что подобное отношение тт. Тито и Карделя к ЦК ВКП(б) и к его критическим замечаниям насчет ошибок югославских товарищей, — является не только легкомысленным и фальшивым, но и глубоко антипартийным.

Если бы тт. Тито и Кардель были заинтересованы в выяснении истины и если бы правда не колола им глаза, они должны были бы серьезно задуматься над тем:

а) почему информация ЦК ВКП(б) о делах в Польше, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Албании оказалась правильной и не вызывает никаких недоразумений с компартиями этих стран, а информация о делах Югославии оказалась, по мнению югославских товарищей, «тенденциозной» и «антипартийной» и вызвала с их стороны антисоветские выпады и враждебное отношение к ЦК ВКП(б)?

б) почему дружественные отношения между СССР и народно-демократическими странами развиваются и крепнут, а советско-югославские отношения испортились и продолжают ухудшаться?

в) почему компартии народно-демократических стран солидаризировались с письмом ЦК ВКП(б) от 27 марта и осудили ошибки югославских товарищей, а Политбюро ЦК КПЮ, упорствующее в своих ошибках, оказалось в состоянии изоляции?

Случайно ли все это?

Чтобы вскрыть ошибки Политбюро ЦК КПЮ, вовсе нет необходимости прибегнуть к информации отдельных товарищей, вроде, например, тт. Жуйовича и Хебранга. Для этого более чем достаточно ознакомиться с официальными выступлениями руководителей КПЮ, скажем, тт. Тито, Джиласа, Карделя и других, опубликованными в печати.

Мы заявляем, что никаких сообщений не получали советские люди от тов. Хебранга. Мы заявляем, что беседа тов. Жуйовича с советским послом в Югославии тов. Лаврентьевым не дала и десятой доли того, что содержится в ошибочных и антисоветских речах югославских руководителей. Репрессии в отношении этих товарищей являются не только недопустимой расправой, несовместимой с принципами внутрипартийной демократии, но и свидетельствуют об антисоветской позиции югославских руководителей, считающих беседу югославских коммунистов с советским послом — преступлением.

Мы считаем, что за попыткой югославских руководителей снять с себя ответственность за ухудшение советско-югославских отношений скрывается нежелание этих товарищей признать свои ошибки и намерение продолжать и впредь недружелюбную политику в отношении СССР.

Ленин говорит: «Отношение политической партии к ее ошибкам есть один из важнейших и вернейших критериев серьезности партии и исполнения ею *на деле* ее обязанностей к своему *классу* и к трудящимся *массам*. Открыто признать ошибку, вскрыть ее причины, проанализировать обстановку, ее породившую, обсудить внимательно средства исправить ошибку — вот это признак серьезной партии, вот это исполнение ею своих обязанностей, вот это — воспитание и обучение *класса*, а затем и *массы*».

Мы должны с сожалением констатировать, что руководители КПЮ, отказывающиеся признать и исправить свои ошибки, грубейшим образом нарушают это принципиальное указание Ленина.

Мы должны вместе с тем отметить, что, в отличие от югославских руководителей, руководители французской и итальянской компартий оказались в этом отношении на высоте задачи, ибо они честно признали свои ошибки на конференции девяти компартий, добросовестно исправили их и тем помогли своим партиям укрепить свои ряды, воспитать свои кадры.

Мы считаем, что в основе нежелания Политбюро ЦК КПЮ честно признать свои ошибки и добросовестно их исправить — лежит чрезмерное зазнайство югославских руководителей. После одержанных успехов у них закружилась голова, они зазнались и считают, что им теперь море по колена. Они не только зазнались, но они еще проповедают зазнайство, не понимая, что зазнайство может загубить югославских руководителей.

Ленин говорит: «Все революционные партии, которые до сих пор гибли, — гибли оттого, что *зазнавались* и не умели видеть в чем их сила, и *боялись говорить о своих слабостях*. А мы не погибнем, потому что не боимся говорить о своих слабостях и научимся преодолевать слабости».

Мы должны с сожалением констатировать, что югославские руководители, которые не страдают скромностью и продолжают упиваться своими успехами, которые не так уж велики, — предали забвению и это указание Ленина.

Тт. Тито и Кардель говорят в своем письме о заслугах и успехах югославской компартии, о том, что ЦК ВКП(б) раньше признавал эти заслуги и успехи, а теперь якобы замалчивает их. Это, конечно, неверно. Никто не может отрицать заслуг и успехов югославской компартии. Это — несомненно. Следует, однако, сказать, что заслуг и успехов, скажем, у коммунистических партий Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Албании ничуть не меньше, чем у югославской компартии. Тем не менее руководители этих компартий ведут себя скромно и не шумят о своих успехах, не в пример югославским руководителям, которые прожужжали всем уши своим непомерным хвастовством.

Следует также отметить, что у французской и итальянской компартий заслуг перед революцией не меньше, а больше, чем у югославской компартии. И если успехов у французской и итальянской компартий пока что меньше, чем у югославской компартии, то это объясняется не какими-нибудь особыми качествами югославской компартии, а тем, главным образом, что после разгрома штаба югославских партизан немецкими парашютистами¹¹, в момент, когда народно-освободительное движение в Югославии переживало тяжелый кризис, — Советская Армия пришла на помощь югославскому народу, разгромила немецких оккупантов, освободила Белград и создала, таким образом, условия, необходимые для прихода югославской компартии к власти¹². К сожалению, такой помощи не оказала и не могла оказать Советская Армия французской и итальянской компартиям. Если бы тт. Тито и Кардель учитывали это обстоятельство, как несомненный факт, они бы меньше шумели о своих заслугах и успехах и вели бы себя поприличнее, поскромнее.

Нескромность югославских руководителей доходит до того, что они приписывают себе даже такие заслуги, которых нет никаких оснований признать за ними. Взять, например, вопрос о военной науке. Югославские руководители уверяют, что они дополнили марксистскую науку о войне новой теорией, в силу которой война рассматривается, как сочетание действий регулярных войск, партизанских отрядов и народных восстаний. Между тем, эта так называемая теория так же стара, как мир, и не представляет, следовательно, ничего нового для марксистской науки о войне. Как известно, большевики применяли сочетание действий регулярных войск, партизанских отрядов и народных восстаний за весь период гражданской войны в России (1918—1921 годы), применяли в гораздо больших масштабах, чем это делалось в Югославии. Однако большевики никогда не говорили, что, применяя этот метод военных действий, они внесли что-либо новое в науку о войне. Они не говорили ничего такого потому, что тот же метод с успехом применялся задолго до большевиков в войне против наполеоновских войск в России, в 1812 году фельдмаршалом Кутузовым. Однако и фельдмаршал Кутузов не претендовал на новаторство, применяя этот метод, потому что испанцы еще до фельдмаршала Кутузова в 1808 году стали применять этот метод в войне против наполеоновских войск («гверильясы»). Выходит, таким образом, что то, что югославские руководители считают новым в науке о войне, является на самом деле старым, имеющим стосорокалетнюю давность, а то, что они ставят себе в заслугу, является на самом деле заслугой испанцев.

Кроме того, следует иметь в виду, что заслуги тех или иных руководителей в прошлом не исключают наличия у них серьезных ошибок в настоящем. Нельзя на основании заслуг в прошлом закрывать глаза на ошибки в настоящем. Троцкий тоже имел в свое время революционные заслуги, но это вовсе не значит, что ВКП(б) могла закрывать глаза на грубейшие оппортунистические ошибки впоследствии, толкнувшие его в лагерь врагов Советского Союза.

Тт. Тито и Кардель предлагают в своем письме прислать представителя ЦК ВКП(б) в Югославию и там изучить вопросы советско-югославских разногласий. Мы считаем этот путь неправильным, так как дело идет не о проверке отдельных фактов, а о принципиальных разногласиях.

Как известно, дело о советско-югославских разногласиях стало уже достоянием ЦК девяти компартий, имеющих свое Информбюро. Было бы неправильно отстранить от этого дела другие компартии. Поэтому мы предлагаем рассмотреть этот вопрос на ближайшем заседании Информбюро.

По поручению ЦК ВКП(б) В. Молотов, И. Сталин

4 мая 1948 г. Москва

Arhiv CK SKJ, IX, Reg.br. 1—1/22, 11. 17—21.

№ 12

Письмо Й. Броз Тито и Э. Карделя И. В. Сталину и В. М. Молотову

Мы получили ваше письмо от 4 мая 1948 года. Было бы излишне писать о том, насколько и это письмо произвело на нас тяжелое впечатление. Оно нас убедило в том, что напрасны все наши доказательства, даже и на фактах, что все обвинения против нас являются результатом ошибочного информирования.

Мы не бежим от критики по принципиальным вопросам, но в этом деле чувствуем себя настолько неравноправными, что для нас невозможно согласиться на то, чтобы это дело решать теперь перед Коминформбюро. Девять партий уже получили и без нашей предварительной информации ваше первое письмо и заняли свою позицию в резолюциях¹³. Содержание вашего письма не осталось внутренним делом отдельных партий (ВКП(б) и КПЮ. — Л.Г.) но это было вынесено за дозволенный круг, а последствия таковы, что теперь в некоторых странах, как, например, в Чехословакии и Венгрии, оскорбляются не только наша партия, но и страна в целом, как это имело место с нашей парламентской делегацией в Праге.

Последствия всего этого для нашей страны очень тяжелы.

Мы хотим это дело ликвидировать таким образом, что мы на деле докажем, что обвинения против нас несправедливы, то есть мы будем упорно строить социализм и останемся верными Советскому Союзу, останемся верными учению Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Будущее покажет, так же как показало и прошлое, что мы осуществим то, что мы вам обещаем.

По поручению ЦК КПЮ Й. Б. Тито, Э. Кардель¹⁴

17 мая 1948 г. Белград

Писма ЦК КПЈ и писма ЦК СКП(б). Београд. 1948, с.27¹⁵

№ 13

Письмо М. А. Суслова Й. Броз Тито

Товарищу Тито.

Дорогой товарищ.

ЦК ВКП(б) вносит предложение созвать в первой половине июня, примерно 8—10 июня, Информбюро девяти компартий для обсуждения вопроса о положении в компартии Югославии.

Что касается созыва Информбюро, то ЦК ВКП(б) со своей стороны предлагает созвать Информбюро в одной из южных областей Украины, что было бы, по мнению ЦК ВКП(б), удобным для большинства компартий, с тем, чтобы в случае Вашего согласия, ЦК ВКП(б) определил конкретный пункт, где будут происходить заседания Информбюро, и сообщил об этом дополнительно.

Просьба по возможности в кратчайший срок сообщить в ЦК ВКП(б) свои мнения по нашим предложениям о порядке дня, сроке и месте созыва Информбюро.

С товарищеским приветом Секретарь ЦК ВКП(б) М. Суслов

18 мая 1948 г.

Arhiv Josipa Broza Tita, Kabinet Maršala Jugoslavije, 1—3—b/656, 1.1.

№ 14

Письмо Й. Броз Тито М. А. Суслову от 20 мая 1948 г.

ЦК ВКП(б) товарищу Суслову

Дорогой товарищ,

Ваше письмо я получил 19 мая с. г. Вручил его мне тов. Мошетов¹⁶. Нашу точку зрения

о приглашении представителя ЦК КПЮ на заседание Информбюро мы сообщили за два дня до получения Вашего письма в ЦК ВКП(б) через Советское Посольство в Белграде.

Ваше письмо мы обсудили 20 мая на заседании Пленума ЦК КПЮ и единогласно принято решение не принять приглашение на заседание Информбюро из-за причин, которые указаны в письме ЦК ВКП(б)¹⁷.

С товарищеским приветом

По поручению ЦК КПЮ Тито

Arhiv Josipa Broza Tita, Kabinet Maršala Jugoslavije, 1—3—b/656, 1.2¹⁸.

№ 15

Нота посольства СССР в Белграде Министерству иностранных дел Югославии

от 20 мая 1948 г.

По поводу переданного Министром Иностранных Дел г-ном Симичем Послу СССР Лаврентьеву 23 апреля с. г. ответа Югославского Правительства на заявление Советского Правительства о том, что оно не считает себя связанным Соглашением о взаимной консультации по важным международным вопросам вследствие нарушения Югославским Правительством этого Соглашения, Посольство СССР по поручению Советского Правительства имеет честь сообщить Министерству Иностранных Дел ФНРЮ следующее:

Югославское Правительство заявляет, что оно за 24 часа известило Советское Правительство о своем намерении ответить западным державам по поводу их предложения о ревизии мирного договора с Италией относительно присоединения Триеста к Италии и что оно ожидало мнения Советского Правительства по этому вопросу, и поскольку Советское Правительство не высказало никакого своего мнения, Югославское Правительство дало западным державам такой ответ, какой оно считало нужным и полезным для демократических сил в Италии. Это заявление Югославского Правительства находится в явном противоречии с фактами. Посольство считает необходимым напомнить эти факты.

1. Вечером 21 марта с.г. Помощник Министра Иностранных Дел г-н Беблер лишь в порядке информации сообщил Временному Поверенному в Делах СССР Армянину о решении Югославского Правительства вручить ноту Правительствам США, Великобритании и Франции по поводу их предложения Правительству СССР пересмотреть мирный договор с Италией в отношении Триеста. Г-н Беблер, также лишь в порядке информации, сообщил Армянину о намерении Югославского Правительства сделать официальное заявление на пресс-конференции, что оно готово разрешить вопрос о Триесте на базе известных переговоров Тито — Тольятти¹⁹ и заключить с Итальянским Правительством договор о дружбе и ненападении. При этом г-н Беблер не заявлял о желании Югославского Правительства проконсультироваться с Правительством СССР по указанным вопросам.

2. 22 марта Посол Лаврентьев в разговоре с Министром Симичем обратил его внимание на то, что г-н Беблер в сообщении, сделанном 21 марта Армянину, поднял крайне важные вопросы и, в связи с этим, высказал пожелание, что, прежде чем выступать с официальными заявлениями по этим вопросам, Правительству Югославии следовало бы проконсультироваться с Правительством СССР.

3. Более того, согласно опубликованному 23 марта сообщению Югославское Правительство передало ноту Правительствам США, Великобритании и Франции по поводу их предложения о пересмотре мирного договора с Италией уже в полдень 22 марта. Из этого явствует, что утверждение Югославского Правительства, что оно ожидало ответ Советского Правительства по этому поводу в течение 24 часов, также не вполне соответствует действительности.

4. Из ноты Югославского Правительства и заявления Министра Иностранных Дел г-на Симича на пресс-конференции 22 марта следует, что Югославское Правительство высказалось за ревизию мирного договора с Италией в части, касающейся Триеста, не консультируясь с Правительством Советского Союза, в то время как Правительство Югославии имело полную возможность обменяться мнениями с Советским Правительством по всем указанным вопросам, тем более, что нота Правительствами США, Великобритании и Франции была направлена Правительству Югославии лишь для информации.

Вышеизложенные факты доказывают, что ответ Югославского Правительства не

соответствует фактам и поэтому он не может быть признан удовлетворительным. В соответствии с этим всю ответственность за нарушение Соглашения о взаимных консультациях несет Югославское Правительство.

Посольство пользуется и этим случаем, чтобы выразить Министерству Иностранных Дел свое уважение.

АВП СССР. ф.202, оп.5, п.110, д.1, лл.31—33. Опубликовано: Вестник Министерства иностранных дел СССР, 1990, № 6, с.61—62.

№ 16

Письмо ЦК ВКП(б) ЦК КПЮ

Секретно

Центральному Комитету Коммунистической партии Югославии²⁰

Ваши письма от 17 мая 1948 г. и 20 мая 1948 г. за подписями тт. Тито и Карделя получены. ЦК ВКП(б) считает, что этими письмами руководители югославской компартии делают новый шаг на пути усугубления тех грубейших принципиальных ошибок, на вред и гибельность которых указал ЦК ВКП(б) в своем письме к ЦК КПЮ от 4 мая 1948 года.

1. Тт. Тито и Кардель пишут, что они чувствуют себя «настолько неравноправными, что нам нельзя согласиться решать теперь это дело перед Информбюро», и далее позволяют себе намеки на то, что в такое неравноправное положение югославских руководителей поставил якобы ЦК ВКП(б).

ЦК ВКП(б) считает, что в этом утверждении нет ни доли правды. Никакого неравенства для югославской компартии в Информбюро девяти компартий нет и не может быть. Всем известно, что при организации Информбюро девяти компартий все компартии исходили из того неоспоримого положения, что любая партия должна отчитываться перед Информбюро²¹, равно как любая партия имеет право критики других партий. Именно из этого исходила конференция девяти компартий, когда на своих заседаниях в сентябре 1947 года она заслушала отчеты ЦК всех компартий без исключения. Из равного права любой партии критиковать любую партию исходила конференция девяти компартий, когда подвергла суровой большевистской критике деятельность итальянской и французской компартий. Известно, что тогда итальянские и французские товарищи не только не оспаривали права других партий критиковать их ошибки, а наоборот, по-большевистски отнеслись к этой критике и сделали из нее надлежащие выводы. Известно далее, что югославские товарищи на конференции использовали, наряду со всеми, возможность критики ошибок итальянских и французских товарищей и не считали, как и все, что, критикуя итальянцев и французов, другие компартии нарушают равноправие итальянской и французской компартий²².

Почему же югославские товарищи делают ныне столь радикальный поворот, требуя ликвидации установленных порядков в Информбюро? Да потому, что они думают, что югославская партия и ее руководство должны быть поставлены в привилегированное положение, что к ней статут Информбюро не подходит²³, что они, имея право критиковать другие партии, сами не должны подвергаться критике с их стороны. Но такая, с позволения сказать, мораль ничего общего не имеет с равноправием. Это есть не что иное, как требование со стороны югославских руководителей привилегий для КПЮ, которых не имеет и не может иметь ни одна партия. Мы стояли и стоим на позиции, без которой невозможно существование и деятельность Информбюро: любая компартия обязана отчитываться перед Информбюро, любая компартия имеет право на критику любой другой компартии. Отказ югославов отчитываться в своих действиях перед Информбюро, выслушать критику со стороны других компартий означает нарушение равноправия коммунистических партий.

2. В своем письме от 17 мая тт. Тито и Кардель повторяют, как и в предыдущем письме, что критика ошибок руководства югославской компартии со стороны ЦК ВКП(б) основана якобы на неправильной информации. В подтверждение этого заявления югославские товарищи не приводят, однако, никаких доказательств. Таким образом, заявление остается голословным, а критика ЦК ВКП(б) вновь оставлена без ответа, хотя в своем письме тт. Тито и Кардель пишут, что они «не убегают от критики по принципиальным вопросам». Может быть, югославским руководителям просто нечего сказать в свое оправдание?

Одно из двух: либо Политбюро ЦК КПЮ сознает в душе серьезность допущенных им ошибок, но, желая скрыть это от компартии Югославии и ввести ее в заблуждение, оно сочиняет версии об отсутствии этих ошибок, взваливая вину на ни в чем не повинных людей, кото-

рые будто бы неправильно информировали ЦК ВКП(б), либо оно действительно не понимает, что в своих ошибках оно отходит от марксизма-ленинизма, но тогда следует признать, что невежественность Политбюро ЦК КПЮ в вопросах марксизма слишком велика.

3. Уклонившись от ответов на прямые вопросы ЦК ВКП(б) и усугубляя свои ошибки своим упорством и нежеланием их признать и исправить, тт. Тито и Кардель прибегают к словесным заверениям насчет того, что они на деле будут доказывать, что они останутся верными Советскому Союзу, останутся верными учению Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Мы не имеем основания после всего происшедшего верить этим словесным заверениям. Тт. Тито и Кардель не раз уже давали ЦК ВКП(б) обещания, которых не выполняли. Из их писем и, в частности, из последнего письма мы еще более убеждаемся в этом. Политбюро ЦК КПЮ, а особенно т. Тито, должны знать, что своей антисоветской и антирусской политикой, проводимой в последнее время в повседневной практике, они сделали все необходимое для того, чтобы подорвать к себе доверие со стороны компартии и Правительства СССР.

4. Тт. Тито и Кардель жалуются, что попали в трудное положение и последствия всего этого для Югославии являются очень тяжелыми. Это, конечно, верно, но виновными в этом являются исключительно тт. Тито и Кардель и вместе с ними остальные члены ПБ ЦК югославской компартии, которые своей престиж и амбицию поставили выше интересов югославского народа и, вместо признания и исправления своих ошибок во имя интересов своего народа, упорствуют в своих ошибках, пагубных для югославского народа.

5. Тт. Тито и Кардель заявляют, что ЦК КПЮ отказывается явиться на заседание Информбюро и обсуждать вопрос о положении в югославской компартии на Информбюро. Если это является их окончательным решением, то оно означает, что им нечего сказать на Информбюро в свое оправдание, что они тем самым молчаливо признают себя виновными и боятся показаться перед лицом братских компартий. Более того, отказ от явки на Информбюро означает, что ЦК КПЮ стал на путь откола от единого социалистического фронта народных демократий с Советским Союзом и подготавливает ныне свою партию и югославский народ к тому, чтобы предать единый фронт народной демократии и СССР. Поскольку же партийной основой единого фронта является Информбюро, такая политика ведет к измене делу международной солидарности трудящихся и к переходу на позиции враждебного делу рабочего класса национализма.

Вне зависимости от того, явятся или не явятся представители ЦК КПЮ на заседание Информбюро, ЦК ВКП(б) настаивает на обсуждении вопроса о положении в югославской компартии на ближайшем заседании Информбюро. Ввиду просьбы чехословацких и венгерских товарищей перенести созыв Информбюро на вторую половину июня ЦК ВКП(б) заявляет, что он согласен с этим предложением.

По поручению ЦК ВКП(б) В. Молотов, И. Сталин

22 мая 1948 г. Москва

Архив СК SKJ, IX, Reg. br. 1—II/22, 11.47—47a.

№ 17

Из ноты Министерства иностранных дел Югославии посольству СССР в Белграде от 28 мая 1948 г.²⁴

[...] По поручению своего Правительства Министерство иностранных дел Федеративной Народной Республики Югославии имеет честь заявить, что ни в коем случае его намерением не было нарушение этого Соглашения о взаимной консультации по важным международным вопросам, касающимся интересов обоих государств. Тесное сотрудничество на многочисленных международных встречах, существовавшее между нашими делегациями, как и по всем принципиальным позициям по вопросу внешней политики, является только частью доказательства того, что Правительство Федеративной Народной Республики Югославии придерживалось этого обязательства. В основе любого действия Югославского Правительства существовало желание согласовать свои внешнеполитические поступки с точкой зрения, выраженной Советским Правительством.

В этом конкретном случае, быть может, поступок Министерства иностранных дел Федеративной Народной Республики Югославии был таков, что мог вызвать толкование, что оно не совсем придерживалось предписаний Соглашения о консультации, хотя намерение Министерства иностранных дел было как раз противоположное. Министерство иностранных дел по поручению Правительства Федеративной Народной Республики Югославии выражает глу-

бокое сожаление по поводу такого поступка, который ни в коем случае не отвечает намерениям и желаниям Югославского Правительства.

Что касается англо-франко-американской инициативы о ревизии мирного договора с Италией относительно свободной территории Триеста, предложенной Советскому Правительству как компетентному для принятия решений и направленной Правительству Югославии как заинтересованному государству лишь для информации, — Министерство иностранных дел желает подчеркнуть, что позиция Югославского Правительства по вопросу ревизии мирного договора с Италией полностью совпадает с позицией Советского Союза. В своем ответе западным державам Министерство иностранных дел наметило себе только тактическую цель: помочь разоблачить англо-американскую выборную махинацию, которая частично была направлена на то, чтобы уничтожить эффект известного соглашения Тито — Тольятти 1946 г., в чем (осуществлении югославской цели. — Л.Г.) до некоторой степени достигнут успех. Министерство иностранных дел признает, что при этом негативная позиция Правительства Федеративной Народной Республики Югославии не достигла полного выражения, но желает подчеркнуть, что эта акция не нанесла никакого ущерба, и ни с какой стороны не было выдвинуто утверждение, что Югославское Правительство является сторонником ревизии мирного договора в смысле вышеизложенной «инициативы».

Впрочем, Председатель Совета Министров маршал Тито через несколько дней после ноты и заявления Министерства иностранных дел в своем заявлении категорически подчеркнул, что Правительство Федеративной Народной Республики Югославии не согласно с ревизией мирного договора²⁵.

На основании вышеизложенного явствует, что намерение и эффект тактической акции Югославского Правительства не были таковы, чтобы нельзя было это недоразумение дружески решить.

Снова выражая сожаление об этом поступке, Министерство иностранных дел просит Советское Правительство, чтобы оно пересмотрело свое постановление о том, что оно не считает себя связанным Соглашением о взаимных консультациях. Со своей стороны, Министерство иностранных дел желает подчеркнуть, что Правительство Федеративной Народной Республики Югославии намерено строго придерживаться обязательств, которые на себя приняло Протоколом о взаимном сотрудничестве²⁶ и своими фактическими дружескими отношениями с Советским Союзом.

АВП СССР, ф.202, оп.5, п.110, д.3, лл.10—12.

№ 18

Из телеграммы В. М. Молотова Д. М. Армянинову
для передачи Й. Броз Тито или Э. Карделю

от 9 июня 1948 г.

[...] ЦК ВКП(б) стало известно, что югославское правительство объявило Хебранга и Жуйовича изменниками и предателями родины²⁷. Мы это понимаем так, что политбюро ЦК КПЮ намерено ликвидировать их физически. ЦК ВКП(б) заявляет, что если политбюро ЦК КПЮ осуществит этот свой замысел, то ЦК ВКП(б) будет считать политбюро ЦК КПЮ уголовными убийцами. ЦК ВКП(б) требует, чтобы расследование дела Хебранга и Жуйовича о так называемой неправильной информации ЦК ВКП(б) происходило с участием представителей ЦК ВКП(б).

Ждем немедленного ответа.

[...] ²⁸.

Вестник Министерства иностранных дел СССР, 1990, № 6, с.62.

№ 19

Заявление ЦК КПЮ ЦК ВКП(б)

Получено ЦК ВКП(б) 17 июня 1948 г.²⁹

ЦК ВКП(б)

На устный запрос ЦК ВКП(б) по вопросу Хебранга и Жуйовича ЦК КПЮ заявляет следующее:

1. ЦК КПЮ не готовился никогда кого-либо «убивать», в том числе ни Хебранга, ни Жуйовича. Они находятся под следствием регулярных властей³⁰.

2. Ставить вопрос со стороны ЦК ВКП(б) таким образом ЦК КПЮ считает неправильным, а самую мысль о том, чтобы охарактеризовать наше партийное руководство «уголовным³¹ убийцей» отвергает³² с возмущением.

3. На основании этого ЦК КПЮ считает, что об участии представителя ЦК ВКП(б) в следствии против Хебранга и Жуйовича не может быть и речи³³.

Arhiv CK SKJ, IX. Reg. br. 1—11/27, 11.1—2a.

№ 20

Письмо ЦК ВКП(б) Центральному Комитету КПЮ

Центральному Комитету КПЮ от ЦК ВКП(б)

19 июня 1948 г.

В ответ на письмо ЦК ВКП(б) Центральный Комитет КПЮ в своем постановлении от 13 апреля заявил, что тт. Жуйович и Хебранг исключены из ЦК КПЮ и подвергнуты партийному следствию за то, что они давали советским органам ложную и клеветническую информацию о положении в Югославии с целью ухудшить отношения между Югославией и СССР.

Через некоторое время после этого тт. Жуйович и Хебранг были арестованы, а впоследствии объявлены врагами рабочего класса.

Из этого ЦК ВКП(б) сделал вывод, что Жуйовича и Хебранга югославские власти хотят предать смертной казни, как врагов рабочего класса. В связи с этим ЦК ВКП(б) направил заявление от 9 июня Центральному Комитету КПЮ, в котором ЦК ВКП(б) настаивал на участии своих представителей в следствии о неправильной информации советских органов со стороны Жуйовича и Хебранга. ЦК ВКП(б) заявлял при этом, что в случае отклонения предложения ЦК ВКП(б) об участии его представителей в следствии и расправы с Жуйовичем и Хебрангом ЦК ВКП(б) будет считать членов Политбюро ЦК КПЮ уголовными убийцами.

В ответ на это т. Кардель, посоветовавшись с т. Тито, заявил 10 июня в Люблянах следующее:

«Мы удивлены таким запросом ЦК ВКП(б). Просим сообщить, что политбюро ЦК КПЮ не собиралось и не собирается ликвидировать физически Хебранга и Жуйовича, что по вопросу информации Хебрангом и Жуйовичем советских представителей никакого расследования не ведется».

Это был второй ответ ЦК КПЮ по вопросу о судьбе тт. Жуйовича и Хебранга, находящийся в полном противоречии с первым ответом, данным ЦК КПЮ 13 апреля.

17 июня с.г. от ЦК КПЮ получен в адрес ЦК ВКП(б) новый ответ, — по счету третий ответ, по вопросу о деле Жуйовича и Хебранга, где говорится, что Хебранг и Жуйович находятся под следствием государственных властей, причем выражается возмущение запросом ЦК ВКП(б) и отклоняется предложение ЦК ВКП(б) об участии его представителей в следствии по делу Жуйовича и Хебранга.

Ясно, что этот ответ нельзя считать честным ответом, а скорее всего следует признать уклонением от ответа.

Ясно также, что этот ответ находится в полном противоречии с двумя предыдущими ответами.

Несомненно, что югославские руководители запутались в вопросе о деле Жуйовича и Хебранга и в разное время выдвигают разные объяснения, в зависимости от конъюнктурной политической потребности, лишь бы скрыть от света действительное положение с насоро состряпанным делом Жуйовича и Хебранга.

Только этим обстоятельством можно объяснить, что ЦК КПЮ отклоняет предложение об участии представителей ЦК ВКП(б) в следствии по делу Жуйовича и Хебранга.

Из этого ответа следует далее, что поскольку дело Хебранга — Жуйовича передано государственным властям, всю ответственность за судьбу Жуйовича и Хебранга несет отныне главный представитель государственной власти в Югославии — премьер Тито.

Arhiv CK SKJ, IX. Reg. br. 1—11/22, 11. 49—51. Опубликовано по АВП СССР: Вестник Министерства иностранных дел СССР, 1990, № 6 с.62—63.

Письмо ЦК КПЮ в адрес ЦК ВКП(б)

Центральному Комитету
Всесоюзной Коммунистической партии (б)

21 июля открывается V съезд Коммунистической партии Югославии. Работа съезда продлится несколько дней. Просим вас прислать на съезд представителей вашей партии и сообщить не позже 15 июля, можем ли мы ожидать присутствия вашей делегации и кто будет представлять вашу партию.

Центральный комитет Коммунистической партии Югославии³⁴

1 июля 1948 г.

Архив ЦК СКЖ, IX, Reg. br. 1—1/23, 1.2.

Примечания

1. Документ, хранящийся в Архиве ЦК СКЮ, представляет собой отпечатанную типографским способом брошюру на русском языке в обложке красноватого цвета, на которой обозначено: № П 89. Это один из экземпляров секретного издания, выпущенного в Москве для служебного пользования и посланного не только ЦК КПЮ, но и руководящим органам других партий — членам Информбюро. Согласно материалам АВП СССР, 10 мая Молотов дал Лаврентьеву указание ознакомить с письмом ЦК ВКП(б) Жуйовича и Хебранга, однако посол в ответ сообщил об их аресте (см. прим. 27).
2. *Л. Леонтич* — один из политических деятелей и дипломатов довоенной Югославии, примкнувший в период второй мировой войны к народно-освободительному движению во главе с КПЮ и занявший видный дипломатический пост после освобождения страны от фашистской оккупации и установления новой власти, руководимой коммунистами. Пока нет сведений о материалах, которые бы содержали данные о том, что советские представители до мая 1948 г. не раз заявляли о нем югославским руководителям как об английском шпионе.
3. *М. Недич* — генерал югославской армии, ставший во время фашистской оккупации главой квислинговского «правительства» Сербии.
4. Цитата взята из речи Тито на митинге в Любляне 27 мая 1945 г., но приведена не совсем точно. Тито сказал: «Говорилось, что эта война является справедливой войной, и мы ее таковой и считали. Но мы требуем и справедливого завершения, мы требуем, чтобы каждый был хозяином своего; мы не хотим оплачивать чужие счета, мы не хотим быть разменной монетой, мы не хотим, чтобы нас вшивали в какую-то политику сфер интересов» (Борба, 28.V.1945). В речи не было уточнено, кого именно в данном случае Тито имеет в виду. Сказано это было в связи с триестским вопросом, в обстановке вынужденного, под давлением Великобритании и США, отвода югославских войск из Триеста, куда они вошли в начале мая одновременно с войсками западных союзников, или даже немного опередив их. Советское руководство поддерживало, как могло, югославские претензии в отношении Триеста, однако посчитало в тот момент невозможным идти ради установления там югославского контроля на риск прямой конфронтации с западными партнерами. В развернувшейся на Западе в мае 1945 г. кампании за вывод югославских войск из Триеста некоторые органы печати аргументировали нажим на Югославию тем, что Триест находится в сфере англо-американских интересов, и утверждали, что такое положение признано Советским Союзом. В своей речи Тито далее сказал: «Почему нашим народам должно быть записано в качестве дурного то, что они хотят быть во всех отношениях независимыми, и почему для них эта независимость должна ограничиваться или опариваться? Мы больше не хотим быть ни от кого зависимыми, несмотря на то, что писалось и что говорилось, — а пишется много, пишется некрасиво, пишется несправедливо, пишется оскорбительно, недостойно тех людей, которые живут в наших союзнических странах. Таким образом, когда так пишут, совершается несправедливость по отношению к нашей измученной стране». Во введении к упомянутой выше (см. вступительную статью: Вопросы истории № 4—5, 1992) югославской брошюре 1948 г., в которой излагалась тогдашняя официальная югославская позиция, говорилось, что вся критика, высказанная Тито в Любляне, была «направлена исключительно против западных держав». Однако после разрыва 1948—1949 гг. югославские руководители заявляли, что сказанное в Любляне было адресовано не только Западу, но и СССР.
5. В письме допущена фактическая ошибка. Территориальных уступок в пользу Югославии в спорной зоне по югославо-итальянской границе (за исключением самого Триеста) Советскому Союзу удалось добиться в ходе выработки в 1946—1947 гг. мирного договора с Италией, подписанного в феврале 1947 года. Занятие же Триеста войсками западных союзников произошло в мае 1945 года.

6. С югославской стороны не последовало никаких фактических опровержений по поводу излагавшихся в донесении И.В. Садчикова высказываний, сделанных, по утверждению посла, Карделем. Лишь во введении к югославской брошюре 1948 г. с письмами ЦК КПЮ и ЦК ВКП(б) говорилось, что цитата из донесения посла «является полностью самовольным и тенденциозным толкованием» беседы Карделя с послом.
7. Телеграмма Сталина была послана в Белград 31 октября 1944 г., а непосредственные объяснения со Сталиным имели место позже — в апреле 1945 г. во время пребывания югославской правительственной делегации в Москве (см. док. 6).
8. Имеется в виду пребывание Джиласа в СССР в январе—феврале 1948 года.
9. Пребывание Джиласа в Ленинграде, его беседы в местных партийных и советских ведомствах были организованы официальными советскими инстанциями, причем Джиласа всюду сопровождал ответственный работник аппарата ЦК ВКП(б) В. И. Лесаков.
10. Сразу после освобождения Югославии от фашистской оккупации в рамках Народного фронта, безраздельно руководимого КПЮ, оформились и некоторые из партий, действовавших в стране до войны. Однако, как правило, воссоздание партий происходило фактически на верхушечном уровне и возглавлялись они в основном теми из прежних партийных деятелей, которые, примкнув в годы войны к народно-освободительному движению, признали руководящую роль КПЮ, а некоторые из них без публичной огласки стали членами компартии. Попытки некоторых политических лидеров использовать воссозданные партии для противостояния КПЮ были быстро парализованы. В течение 1945—1947 гг. все эти партии стали символическими, слегка камуфлируя сложившуюся на практике однопартийную систему полного государственно-политического господства КПЮ.
11. Имеется в виду немецкий десант 25 мая 1944 г. на город Дрвар в Боснии, являвшийся в то время центром обширной освобожденной территории и местом пребывания руководства КПЮ, Народно-освободительной армии (НОАЮ) и Национального комитета освобождения Югославии во главе с Тито. В ходе ожесточенного боя десанту удалось занять Дрвар. Однако операция, которая должна была обезглавить народно-освободительное движение и послужить началом наступления оккупантов с целью разгрома основных соединений НОАЮ, не достигла цели. Тито со штабом и союзными военными миссиями, включая советскую, удалось уйти из Дрвара. За ними прилетели вызванные по радио с союзнических баз в Италии самолеты (советский, а затем западных союзников), на которых они были переброшены в Италию, а потом на югославский остров Вис в Адриатическом море.
12. На самом деле после неудачи немецкого наступления, начатого десантом на Дрвар, силы НОАЮ летом и в начале осени 1944 г. добились значительных успехов. Они расширили освобожденные территории и развернули активные боевые действия на северо-восточном направлении, прежде всего в Сербии. Таким образом были созданы условия для осуществления в октябре 1944 г. совместной наступательной операции советских вооруженных сил, вступивших в Югославию из Румынии и Болгарии, и соединений НОАЮ. Операция привела к освобождению северо-восточной части страны, включая Белград. Затем находившиеся в Югославии советские войска двинулись в Венгрию, а НОАЮ, опираясь на советскую помощь вооружением и снаряжением, продолжила освобождение Югославии.
13. Имеются, очевидно, в виду девять компартий, образовавших Информбюро и являвшихся его членами. Поскольку в их число входили ВКП(б) и КПЮ, в данном случае речь шла на самом деле о семи партиях, которым без ведома КПЮ было направлено письмо ЦК ВКП(б) от 27 марта 1948 года.
14. Проект этого, как и большинства других югославских писем, написан Тито. В данном случае текст, составленный Тито, был практически целиком направлен затем в Москву (см. АЖВТ, КМЖ, I—3—b/655, 11.173—179).
15. В Москву, как и в большинстве других случаев, был направлен перевод на русский язык, выполненный югославами и в отдельных местах имеющий некоторые стилистические отличия. Этот перевод, копия которого хранится в Архиве Йосипа Броз Тито (АЖВТ, КМЖ, I—3—b/655, 1.179), опубликован в подборке документов, подготовленной МИД СССР по материалам, хранящимся в АВП СССР (Вестник МИД СССР, 1990, № 6, с. 61).
16. В. В. Моштов — заместитель заведующего международным отделом ЦК ВКП(б).
17. Имеется в виду письмо ЦК КПЮ в ЦК ВКП(б) от 17 мая 1948 г. (док. 12).
18. Документ воспроизводится по машинописному экземпляру на русском языке, подписанному Тито и, видимо, им составленному. Нами исправлены некоторые грамматические ошибки, допущенные в тексте.
19. Осенью 1946 г. в Белграде состоялись переговоры Тито с Генеральным секретарем Итальянской компартии П. Тольятти, по итогам которых было объявлено о возможности решения триестского вопроса на основе автономии Триеста под суверенитетом Италии при «истинно демократическом» статусе Триеста, который был бы гарантирован не односторонним заявлением Италии, а одновременно и соответствующим заявлением Югославии. Однако этот шаг, предпринятый по инициативе Тольятти, не получил затем практического развития.

20. Документ, хранящийся в Архиве ЦК СКЮ, представляет собой отпечатанную типографским способом брошюру, на которой обозначено: № П 91. Это один из экземпляров секретного издания, выпущенного в Москве, посланных не только ЦК КПЮ, но и руководящим органам других компартий — членов Информбюро. В брошюре есть «Приложения», где помещены выполненные югославской стороной и присланные ею в Москву переводы писем Тито и Карделя Сталину и Молотову от 17 мая 1948 г. (док. 12) и Тито Сулову от 20 мая (док. 14).
21. В опубликованных официальных документах об учреждении Информбюро нет пункта о том, что партии должны перед ним отчитываться. В коммюнике о совещании говорилось: «Задачи Информационного бюро заключаются в организации обмена опытом между партиями и, в случае необходимости, координации их деятельности на основах взаимного согласия» (Информационное совещание представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 г. М. 1948, с.4). Та же формула повторялась в резолюции совещания (там же, с.12).
22. На совещании 1947 г. заслушались, как было официально объявлено, «информационные сообщения о деятельности ЦК партий, представленных на совещании» (там же, с. 3). Югославские представители Кардель и Джилас действительно резко критиковали на совещании деятельность французской и итальянской компартий, обвиняя их в оппортунизме, реформизме, отходе от классовой борьбы и т. п. (АЖВТ, КМЈ, I—3—с/11, 11. 35—56). В этом, согласно мемуарам Карделя и Джиласа, их поддерживали и поощряли представители ВКП(б) на совещании — Жданов и Маленков (Kardelj E. Borba za priznanje i nezavisnost nove Jugoslavije. 1944—1957. Beograd — Ljubljana. 1980, s. 108—109; Djilas M. Jahre der Macht: Kraftespiel hinter dem Eisernen Vorhang. Memoiren 1945—1966. München. 1983, S. 153).
23. Никакого «статута» Информбюро в тот момент не существовало. Устав Информбюро, о котором никогда публично не объявлялось, был принят позднее.
24. Нота как ответ на советскую ноту от 20 мая 1948 г. (док. 15) была направлена МИД Югославии посольству СССР на русском языке.
25. Имеется в виду, очевидно, выступление Тито 26 марта 1948 г. во время беседы с группой представителей из Италии, присутствовавшей на культурном фестивале итальянского меньшинства в Югославии.
26. В документе ошибка — имеется в виду протокол о взаимных консультациях.
27. Никаких публичных сообщений об обвинениях в адрес Хебранга и Жуйовича в тот момент не делалось. 6 мая был опубликован лишь указ об их освобождении от обязанностей министров. 7 мая они были арестованы, но это хранилось в тайне. Вслед за тем было принято решение ЦК КПЮ об их исключении из партии, которое 12 мая было разослано партийным комитетам республик для ознакомления членов партии, но в сугубо секретном порядке (Petranović B., Zečević M. Jugoslavija 1918—1988. Tematska zbirka dokumenata. Beograd. 1988, s. 921).
28. Армянинов, исполнявший обязанности поверенного в делах, поскольку Лаврентьев 15 мая в очередной раз отбыл в Москву (АВП СССР, ф. 202, оп. 5, п. 110, д. 1, л. 30), прочитал это заявление устно Карделю (см. док. 19 и 20).
29. Документ, хранящийся в архиве ЦК СКЮ, представляет собой рукописный (чернилами) оригинал на сербскохорватском языке (латиница) и рукописный (простым карандашом) перевод на русский язык. Оба текста не имеют никаких подписей и дат. Русский перевод, выполненный югославской стороной, использован нами как основа, исправлены по оригиналу имеющиеся в нем неточности, а также грамматические ошибки. Дата 17 июня дается на основании сведений, содержащихся в следующем письме ЦК ВКП(б), направленном ЦК КПЮ 19 июня (док. 20). Согласно данным, имеющимся в материалах АВП СССР, это заявление ЦК КПЮ датировано 18 июня.
30. Так в переводе (т.е. не в чрезвычайном порядке).
31. В переводе — «преступным убийцей».
32. Так в оригинале. В переводе употреблено более мягкое «отклоняет».
33. В переводе употреблен буквализм: «не входит в счет».
34. Текст этого письма на сербскохорватском языке 29 июня 1948 г. ЦК КПЮ телеграфировал в Москву своему представителю при ЦК ВКП(б) П. Перовичу с поручением сообщить в ЦК ВКП(б) содержание данного приглашения (Arhiv SK SKJ, IX, Reg. br. 1—1/23. 1.1). Перович перевел этот текст на русский язык и перевод за подписью ЦК КПЮ направил в ЦК ВКП(б) 1 июля, поставив это число в качестве даты документа (Ibid., 1.3). Однако ни ЦК ВКП(б), ни руководящие органы других компартий, как входивших в Информбюро, так и не входивших в него, представителей на V съезд КПЮ не прислали, ибо на июньском заседании Информбюро была по инициативе ВКП(б) принята рекомендация всем партиям разорвать всякие отношения с КПЮ. 3 июля Перович телеграфировал из Москвы в Белград: «Сегодня меня позвали в ЦК и Мошетов мне сообщил, что с сегодняшним днем прекращается моя функция в связи с возникшим положением... До завтра я должен выселиться из канцелярии (имеется в виду служебное помещение, которое занимал Перович как представитель ЦК КПЮ при ЦК ВКП(б). — Л. Г.)». (Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. T. 3. Beograd. 1984, s. 405).

Протоколы ЦК кадетской партии периода первой российской революции

№ 70. Заседание Ц.Ком. 6 ноября [1906 г.]

1. Вопрос, поднятый студенческой фракцией, о взаимных отношениях студентов и профессоров, принадлежащих к составу партии.

Студент *Виленкин*. Во всех высших учебных заведениях возникнут вопросы о взаимоотношениях между студ. и проф. Обвинения в действиях по отношению к профессору приписывается всей партии¹. Закрытие Московск. унив[ерситета] застави²

1) Считает ли возможным ЦК в настоящий политический момент ограничить задачи высших учебных заведений одними академическими интересами или допускает участие студенчества как такового в политической жизни страны. 2) Признает ли ЦК советы старост полными представителями студенчества.

Ответы получены путем плебисцита фракций в 11 завед[ениях] (900 челов.) и засим было обсуждено в комитете и принято единогласно.

По первому вопросу ответ формулирует *Виленкин*, по второму *Фейерман*, деля его на части — центр тяжести во второй части, по третьему *Шудиков* указывает на пример Медицинской академии и по 4-му²

И. М. Гревс. Профессура не кадетская. Совет не может быть партией и не может вести вместе со студентами работы в самом университете. Общая платформа в смысле отстаивания беспартийности и автономии на почве взаимного сознания и уважения к правам. Совет просто признает Совет старост и с ними вступает в сношения. Реально Совет старост не есть действительный представитель в виду инертности массы студенчества. Совет старост часто действует путем захватного права, рассматривая Сов[ет] профес[соров] как противника. Сов[ет] стар[ост] — партиен и революционен, а у профес[соров] имеется университетский — как таковой. Взаимная почва — культурная работа — есть начало взаимного партийного общения. Постоянные столкновения на почве обвинений в реакционности. Тогда как нам, к.-д., приходилось умерять [...] правых против репрессий. Одна из резолюций весьма оскорбительного характера была принята единогласно.

Ст[удент] *Виленкин*. Профессура не кадетская en masse, так же как студенчество революционно. Профессура настаивает на том, что она должна быть беспартийна, но это невозможно. Проф[ессура] не признает политики в университет[е] и она нам по существу враждебна. Студенчество отстаивает свои права, полученные, положим, захватным правом. Ни одного выступления студенческой фракции не партийно не выступает¹. Для социалистов она будет враждебной, но для нас тогда получится возможность выступать в качестве защитников¹. Мы желаем проводить нашу программу и желали бы видеть это и от профессоров. Эта политика должна проявляться в Совете профессоров.

Вл. Гессен. Считает, что партия не может поглотить всего человека и потому попытка регламентации путем партийного органа является попыткой невозможной. Нельзя от профессора требовать, чтобы он выступал как член партии и на кафедре и в Совете. Нельзя

О к о н ч а н и е. См. Вопросы истории. 1990. №№ 2, 5, 6, 9, 12; 1991, № 12.

обратить университет в арену политической борьбы. Задача высказать взгляд партии на известные вопросы. Запросы к профессуре не должны быть вида директив, а лишь для выяснения взгляда партии.

Изгоев. Вопросы о программе, организация и взаимоотношения между профессорами и студентами и по тактике — это вопросы не ЦК, а внутренней тактики.

Фридман. Ц. Ком. не может решать этого вопроса. Профессора должны были бы быть взаимно сведены и затем побеседовать со студентами. Сейчас много взаимных недоразумений, которые могут повлечь за собой закрытие университета. Но ЦК не должен выносить решений, а поручить [вести дело к] взаимному соглашению.

Гревс. Присоединяется к Фридману. Директива понудила бы либо выйти из партии или из университета. [Кто] признает и право и необходимость политической жизни, [тот пусть и] предоставляет свои помещения для студенческих политических собраний. Университет должен быть охраняем как культурная сила. Необходимы взаимные совещания о защите университета и выработать взаимное понимание. Крайние партии университетом не дорожат.

Виленкин. Мы говорим не об императиве, а о директиве, которая может меняться в зависимости от момента.

Кареев. Студенчество смотрит на себя как [на] целое, но оно не организовано, и организованная часть желает навязать свои мнения остальной части. Почему Совету старост дана скорее чисто политическая, а не академическая организация. Что будет при делении всего университета на с.-д. студентов и профес[соров] и с.-р. и к.-д. Это постоянная борьба, которая может повлечь за собой гибель университета. Поглощение человека партией повлекло бы за собой вмешательство в профессию. Следовало бы разослать вопросы и ответы профессор[ов] для ответов¹. Необходимо осветить этот вопрос в партийной печати, но не с партийной точки зрения.

Муханов. Считает, что желательно установление соглашения взаимно между студентами и профессорами. Отношение студентов к партиям далее, чем профессора¹. Для него понятны стремления студентов получить ответ от Ц. Ком. Находит, что ЦК должен иметь суждение.

Фейераден[?]. Взаимное непонимание есть. Вопросы наши совсем не так сложны и не идут так далеко, как мы. Профессура относится различно. Так, в Москве не допускается никакой политики, в СПб партийные собрания допускаются. Императивов здесь нет. Профессора должны[...]³ обсудить наши вопросы, они выскажутся и на основании этого материала высказался бы ЦК.

Чернявский. Члены партии должны проводить в жизнь и защищать принципы партии везде, где это возможно. Взаимно между проф[ессорами] и студентами не сталкиваться, т. к. мы стоим на разных плоскостях.

И. Гессен. Необходимо всем придерживаться выработанных директив. В программе существуют пробелы, и они должны быть пополнены. Не понимает, в чем разница, не уясняет себе содержание вопроса. Вопрос о старостах не есть политический вопрос, и самое лучшее установить [их роль] путем взаимного общения. Политическая сторона должна быть разрешена ЦКом. Может быть решен самими органами. Лучше, если все вопросы были бы решены.

Колубакин. Предлагает запросить профессоров и организовать совместное совещание студентов и профессоров членов партии к.-д. и затем иметь суждение в ЦК.

Виленкин. Очень хорошо обсудить это совместно с профессорами, но необходим ответ ЦК. Общий вопрос, как понимать роль партии в университете.

Струве. Признает необходимым освещение с партийной точки зрения. Не видит реальных фактов. Все вопросы легко разрешимы.

Резюме *Милюкова.* Вопрос весьма важен. Различия между группами есть, и они трудно устранимы. Директив нет, и потому он должен быть выяснен. Сейчас материала недостаточно. Тогда может быть и формальное и по существу. В частности, решению ЦК будет подлежать лишь политический элемент вопроса. Кроме того, это имеет общее значение. Нужно извлечь типические элементы. Нужно коллективное мнение профес[соров]. 1) Приемлемы ли вопросы. 2) Возможно ли обсуждение ЦКом и ответы на вопросы. Нужно ли предварительно обсуждать.

[Постановлено] 1) Вопрос. Согласна ли профессура обсудить и ответить в ЦКом. Просить Ив. Мих. Гревса собрать профессоров или рассмотреть по учебным заведениям. 2) Организовать ли совместное совещание. Оставить вопрос открытым. 3) Вопрос о роли ЦК оставить открытым.

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 28, лл. 101—104.

№ 71. Заседание 20/XI 906.

- 1) Циркуляр М[осковского] О[тделения] ЦК и вопрос о переговорах с обновленцами⁴ по вопросу о собраниях.
- 2) Пленарное заседание 28/XI.
- 3) Воззвания Добровольского и Набокова. Добровольского — отвергнуть. Принять Набокова и поручить окончательную редакцию Набокову и Милюкову⁵. Печатать — *carte blanche* секретарю.
- 4) В программу.
- 5) Брошюры разослать.
- 6) Вопрос о займе.

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 28, л. 105.

№ 72. Заседание 28/XI⁶.

Винавер о характере литературной агитации. 1) Рассылка при газетах, 2) афиши и др. легкие⁷.

Луцицкий поддерживает и сообщает сведения о циркуляре губернаторам. Вопрос о привлечении беспартийных — на них надо влиять.

Комиссаров предлагает рассылать не при «Речи», а при разных бульварных газетах.

[Постановлено:] 1) Принята мысль образовать кружок при ЦК для создания и распространения агитационной литературы при помощи печати (особенно беспартийной)⁷. 2) Редакц. к[омис]сию для редактирования воззваний и др. изданий К-та. 3) Принято предложение циркуляра о необходимости обхода и объезда дальних собраний. 4) По докладу Баженова о циркуляре Столыпина о чиновниках. Просит ответ, как ему поступить. Совет нашел, что он не должен¹. 5) Вопрос о декларации о репрессиях, фальсификации выборов и финансовых проектах прав[ительст]ва, а также отношения прав[ительст]ва к правым партиям. 6) Доклад Петра Дм. Долгорукова о полож[ении]дела о к-сии по самоуправлению. Ассигновать 1200 руб. до 20 февр., а остальные части м[огут] б[ыть] обсуждены и ассигновано потом. 7) Вопрос о блоках.

Заседание 29/XI

1) О к[омис]сии по законодательным проектам — 1200 [руб.], 2000, 3000. Секр[етариат] — 6000, к-сии 3000, агр[арная] к[омиссия] 9000, вексель 3500, раб[очая] к-сия 1000, лит. расход 11000.

Способствовать концерту Собинова, Глазунова.

2) О «Вестнике». Циркуляр о распространении «Вестника». Важность иметь открытый орган партии при нынешних репрессиях и финанс[ах]. К-сиям др. циркуляр о доставлении сведений о деятельности к-сий и их данных. Оставить цену прежнюю. Подписчики получают уступку в 30% на Сборники Думы и на издаваемом 2 т. Аграрного сборника. К-т принимает на себя гарантию перед подписчиками за «Еженедельник».

3) Декларация⁸ отвергнута.

4) Аграрная к-сия.

5) Выборы в редакц. к-сию.

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 28, лл. 107—108об.

№ 73. Заседание 30/XI 906.

1) Доклад *Струве*⁹. Доклад одобрить в принципе во всех частях и предоставить П. Б. Струве оборудовать сборник.

2) Вопрос о возможности отъезда Муханова¹⁰. Отставку его не принимать, а в случае временной отлучки поручить председательство Черненкову.

3) Вопрос об аграрной резолюции, проект к-рой предложен аграр. к-сией. Возвратить для исправления.

4) Письмо Колюбакина из Архангельска¹¹.

5) Доклад *Лучицкого* о положении избират. видов в Киеве и о праве к.-д. выступать на выборах под флагом прогрессистов и в блоке с левыми.

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 28, л. 109.

№ 74. Заседание 9/XII 906.

1) Решено «Вестник партии Народ. Свободы» и проч., ввиду обстоятельств, доложенных В. Д. Набоковым, переименовать в «Вестник Народной Свободы» под редакцией А. Ю. Блоха при ближайшем участии В. Д. Набокова и А. И. Каминки.

2) Заседание пленарное 28/XII с приглашением провинциалов.

3) О назначении депутатов в Казань к мусульманам, о даче одного места в Думу в Симбирске, о доставлении мусульманам связи в Средней Азии.

4) Пригласить на помощь секретариату А. С. Медведеву.
ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 28, л. 111.

№ 75. Заседание 15/XII 906.

1) О газете «Сегодня» решено, что субсидию д[олжен] дать Петерб. к-т, а ЦК может приобретать экземпляры для рассылки и субсидировать в этой форме.

2) Об инструкции. Юристам дано поручение выработать проект обжалования от имени отд[ельных] управ. И. И. Петрункевич взял на себя устроить через Торжковскую управу отказ частному предпринимателю в разрешении печатать избирательные бланки в целях обжалования этого отказа и инструкции м[инист]ра вн[утренних] д[ел], на к-ром он основан.

3) По вопросу инструкции никаких директив не нужно.

4) Вопрос о соглашении с мирным обновлением решен в том смысле, что всякие соглашения и даже переговоры с мирным обновлением несвоевременны.

5) Вопрос о Постникове. Решено принципиально не вмешиваться, но в отд[ельных] случаях выяснять особое значение данного кандидата в интересах дела и с точки зрения интересов партии. Вопрос о Постникове разрешить 28 [декабря] после сношения с Смоленском, то же написать симбирцам о мусульманах¹².

б) Вопрос о соглашениях и об отношениях по этому вопросу между «Речью» и ЦК.

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 28, л. 112.

№ 76. Заседание 28/XII 906¹³.

Кишкин. В Москве большевики не желают блока и хотят провести кое-где Союз 17/X, чтобы ослабить кадетов и дать решительное слово своим в город[ском] избират[ельном] собрании. Администрация поступает неодинаково. Главн[ый] вопрос, как достать бюллетени, кажется, удастся уладить. В Москве: большевики, крестьян[ский] союз, трудов[ая] группа. Две последних [группы] хотят блок в губернии.

Долгоруков. В противоположность др. местам в Моск[овской] губ. м[ожет] возникнуть вопрос о блоке с мирн[ым] обновл[ением], с Шиповым и Трубецким. Переговоры о бюллетенях не удалось: ставят условием право контроля и исправления кадетского списка.

Набоков. Гейден желал бы провести Арсеньева, но это неофи[циальные] переговоры. Налево ведутся переговоры особой исполн[ительной] к[омис]сией город[ского] к[омите]та. Вопрос о блоках сперва решался отрицательно. Вмешательство прессы. Влияние инструкции. Начались предварит[ельные] неофи[циальные] переговоры.

Долгоруков. О кандидатурах Шипова, Челнокова, Головина, 2-х крестьян и 1 рабочего от Моск. губ.

Набоков. Дополняет о собраниях в Петербурге и о полож[ении] печати там (Вест[ник] партии).

В. Гессен о собраниях в пригородах С.-П[етер]бурга меньшевиков с участием Гессена.

Ломшаков. О Пер. губ. Положение губ[ер]ний прочное к.-д.¹ Никаких блоков не предвидится, но м[ожет] б[ыть] отдано 1 место рабочему.

Гессен дополняет, что вся агитация будет под флагом беспартийным.

Дворжак. Рязан. губ. В городах будут выбраны к.-д. выборщики. Результаты, однако,

будут зависеть от кр[естья]н. Блок предлагали крайние левые. Не состоялся. Состоялся блок только с приказчика[ми], к-рые сами кадеты. Собраний не допускается.

Колубакин. Нов[город] и Казань. В Новгороде к-т наш распался. Но и октябристы там распались. Есть к-т прогрессив[ных] избирателей. Кр[естья]не оставили свой сословный дух и склонны избирать прогресс. В Казани в двух уч[астках] безусловно пройдут к.-д., в двух — мусульмане, а в одном оч[ень] некультурно. Мусульмане одного определ[енного] ответа не дают. Обещают дать указания, что с правыми блоки не допустимы. Есть шансы на соглашение с приказчиками, хотя до послед[него] вр[емени] там работали сильно с.-д.¹⁴.

Терск. обл. *Данчат.* Туземцы готовы дать свои голоса с тем, чтобы один депутат был чеченец. Черносотенцы работают сильно, но без успеха; октябристы тоже не имеют успеха.

Орел. *Татаринев.* По 8 уездам на съездах землевлад[ельцев] плохо, по 2 хорошо, благодаря священникам. Затем от нек[ото]рых городов наши. Крестьяне беспартийные, настроение оппозиционное. Г[убернато]р ассигновал исправникам по 500 р. на выборщика, но надежда на то, что исправники эти деньги присвоят. В Орле главн[ая] борьба идет с мирнообновленцами, к-рые будут в блоке с 17/Х и за их кандидата подадут голоса и черносотенцы, мертвые и упалые души в Орловск. губ-нии. Все к-сии назначены исключит[ельно] из членов С[оюза] Р[усского] Н[арода]. Эти злоупотребления затрудняют победу.

Чернигов. *Похарнаев.* В Чернигове только город[ской] к-т. Пользуются услугами беспартийных прогрессивных агентов. Соглашение с газетой «Киевский голос», в к-рой есть особый черниговск[ий] отдел. Очень деятельна черносотенная агитация. Левые слабы. С ними будет блок (с меньшевиками). Хотят не раздавать, а разбрасывать по городу (и не рассылать).

Тула. *Серебровский.* Блок в городе с мирнообновленца[ми], к-рые числятся таковыми только из тактич[еских] соображений (больше всего купцы). Кн. Львов, по-видимому, будет устранин. Союз 17/Х — слаб (на собрания ходят 4—15 чел., газета — 300 подписчиков). Правые собирались с помпой. В губернии очень плохо, тюрьма отбила охоту быть в к-тах. Литературу распространять. Тираж газеты — 2500. Среди кр[естья]н сильно развит крест. союз (ж-д. служащие). Среди священников левое направление.

Шаховской. Ярослав. Комитет арестован. Репрессии сильные. Но шансы на выборах неплохи. Вопрос о бюллетенях очень важен. Списки печатные они распространяли и раньше. Газета общая с левыми. Участвовать иногда и только в собраниях Союза 17/Х.

Воронеж. *Перелешин.* Выборщики — 25 с.-д. и 5 с.-р., остальные наши. С[оюз] Р[усского] Н[арода] и С[оюз] 17/Х тоже в блоке и могут победить. По губернии все места м[огут] б[ыть] с.-р. Можно провести по губ. 1—2 к.-д. только из милости с.-р. Газета рассылается бесплатно 500 экз. Кр[естья]не просят хр[истом] богом не посылать, боясь полиции.

Харьков. *Кузнецов.* В Харькове сильны с.-д. и к.-д. Между с.-д-ками внутр[енние] распри. С с.-д. канитель. Черносотенные элементы в[есьма] сильны и в городе и в губ. Евреи и беспартийные рабочие требуют блока к.-д. с левыми. Устроено информа[ционное] бюро со всеми группами. Члены бюро левые теперь арестованы — это усложняет дело. По губ. шансы хороши.

Декрейс. Уфа. Особенность губ-нии — мусульмане очень сильны, но они и прогрессивны. Шансы недурны.

Ольденбург. Тверь. Было губ. собрание. Все зависит от кр[естья]н, к-рые пропустят лишь очень немногих интеллигентов (наших). В Твери Союз 17/Х ослабел — раздоры. Имело бы шансы м[ирное] о[бновление], но его нет. Агитация не возбранена. Собрания разрешаются отдельным к-д-там.

Могилев. Положение плохое. Всякая агитация невозможна. Помещики очень озлоблены; кр[естья]не замкнулись.

Самара. *Гирифельд.* Союз Р. Н. плох, но С[оюз] 17/Х имеет шансы. С.-д. очень энергичны. С ними желателен блок, но м[ожет] не состояться. Вообще настроение кр[естья]н левое.

Херсон. *Горшков.* Мелких землевл[адельцев] почти [нет], средние (с мелк[им] цензом 100—150 дес.) самые зловредные. Выборы новых гласных от кр[естья]н в земство были теперь очень печальны. Настроение кр[естья]н угнетенное. Неизвестно, как они выскажутся на выборах; своих они проводить будут скорее, нежели либералов. Блока, вероятно, в конце концов не будет; и не стоит — силы крайне левых очень ничтожны. Между октябр[истами] и СРН раздор.

Тамбов. *Абморшев.* Ужасный губернатор Муратов. Инциденты с «Тамб. голосом» и с магазинами книг, к-рые все закрыты. Просят озаботиться страхованием выгоняемых служащих. В Козлове сильны н[ародные] с[оциалисты], но неизвестно, м[ожно] ли заключать с ними блок, но есть возможность провести блока с приказчиками. Просят точных указаний,

как поступить с бюллетенями. Есть предположение образовать лже-[мирно]обновл[енческий] к-т, если получат на это благослов[ение] ЦК. Крест. союз хорошо организован. Ж. д. влияет хорошо, то же — близость Саратов. губ. и особ[енно] Балаш[овского] уезда.

Стахович А. А. просит помощи столичных литераторов для выработки воззваний.

Золотов. Вологда. Работа партии слаба и касается главн. обр. Вологды. М[ожно] ожидать, что крестьяне отнесутся к выборам сознательно и не будут стоять на сословно-классовой точке зрения.

Езерский из Пензы. Настроение народа левое. Работают в деревне только с.-р. Надеются сыграть руководящую роль. Езерский думает, однако, что руководящая роль будет у пензен[ских] выборщиков-интеллигентов. Образовалось мирн[ое] обн[овление]. Союз 17/Х расстроен и в блоке с черной сотней составляет 20 ч[елове]к. Собрание при Капустине (публич[ное]) дало успех левым. Партия м[ирного] о[бновления] очень слаба. Правый блок опирается на полицию и на городское у[правле]ние. Если будет блок левых, то м[ожно] ручаться за успех. Блок предложен для города Пензы левыми, но еще не состоялся. Кажется, большие данные за то, что представительство пенз[енское] будет эсеровское.

Полтава. Семенченко. О характере представительства в Полт[авской] губ. и о значении сенатских разъяснений. Лишились «Полтавщины», к-рая расхищалась в 15 000 (с закрытием типографии). «Рус. люди» — дикие. Союз 17/Х плох. Правые партии в городах не опасны. С.-д. предлагают блок на условиях милюковских.

Френкель. Кострома. Репрессии растут непредвиденным темпом. Обязательное поста[новле]ние согласно Выс[очайшему] пов[елению] 24/VIII 906, запрещающее собрания в частных квартирах, вопреки прав[илам] 4/III 906 г. Хотя никакого полож[ения] об охране в Костроме нет. Подробный рассказ о том, как отказано было в избир[ательном] собрании. Успехи черносотенцев и приезд к ним Грингмута. По настоянию членов к.-д. исключены из состава избирателей 16 погромщиков, из к-рых 5 были кандидаты в выборщики. Все октябристы перешли было в м[ирное] о[бновление], но увидав, что в столицах м[ирное] о[бновление] пошло слишком налево, 38 чл[енов] 17/Х возобновили отделение Союза. Рассказ о митинге с Григ. Трубецким и об овациях в обновл[енческом] собрании, сделанных Френкелю, и отбое, к-рый пытался забить Трубецкой. Обыватели думают, что победят кадеты. Левых партий — целая скала. Кандидатом у них является Спасский. Они выпускают всякие клеветнич[еские] и демагогич[еские] листки и в то же время стремятся к блоку с кадетами. Но Френкель думает, что с людьми противоположной тактики блоки не м[огут] б[ыть] заключаемы¹⁵. Только Галичский уезд, м[ожет] б[ыть], двинется направо. Шансы в гор[оде] и в губ. благоприятны, особенно в деревне. Имеют газету. Признают вообще существенным распространять газеты и брошюры, но не листки.

Езерский дополняет о духовенстве, что б[ывший] епарх[иальный] съезд показал, что высшее дух[овенств]о черносотенное, но низшее тяготеет к левым.

Френкель. В земск. собр. при выборах чл[ена] Госуд. Совета выбран Марин, к.-д., большим числом голосов, нежели в прошл[ом] году Перелешин. «Церк[овный] вест[ник]». 14/XII.

Килевейн. Нижний. Предстоит борьба и с правыми, и с левыми, с к-рыми блок не состоялся (пока). М[огут] победить в Нижнем правые. О губернии ничего не знает.

Луцкиий. Киев. Репрессии к.-д. в Киеве. Крупная роль нац. вопроса. Начальство обуздывает СРН. Но они очень объединены и представляют сплоченный блок, а в прошл[ые] выборы Пихно потерпел поражение только благодаря расколу среди правых. Левые тоже объединяются. Образовался отдел м[ирного] о[бновления] из с.-р. и с.-д. с присоединением к ним др. партий прогресс[ивных]¹. Их цель доставить право собраний и бюллетени др. партиям. Но туда теперь входят разные предтечи м[ирного] о[бновления] вроде прогрессистов и м[огут] напортить все дело. О губернии — договор заключен давно между всеми прогрессив[ными] партиями и группами.

Штейнгель (Вольнь). Имеют в Киеве корреспондентов 60 ч[елове]к. Борьба между круп[ными] землевл[адельцами] и городами за руководство курией кр[естьян]. У евреев Союз равноправия во всем согласен с к.-д. Сионисты согласны в нек-рых случаях идти на соединение с аграриями. Чрезвычайно сильно работает Почаев[ская] лавра в чернос[отенном] духе.

Мануйлов. Новочеркасский СРН не имеет силы, несмотря на покровительство полиции. С[оюз] 17/Х имеет открытые собрания и к.-д. думают ими пользоваться. К.-д. имеют одну газету и хотят завести вторую. В север[ных] округах левые победят, в южных имеют шансы правые. Решающую роль будут играть казаки. Прошлогодние черносотенные казаки не пройдут, ими казачество осталось недовольно. Вопрос. М[ожно] ли своих кандидатов выставить под прогрессив[ным] флагом.

Смирнов (Владимир). Две газеты, м[ожет] б[ыть], будет 3-я. Сильно работает СРН, особенно в Иваново-Вознесенске. Там в противовес предполагается блок к.-д. и м[ирного] о[бновления]. С левыми партиями там блок невозможен. В Вязниках блок между к.-д., с.-д. и м.о. (!). Это объясняется популярностью отдельных лиц. Выборы от кр[естьян] будут теперь гораздо сознательнее. В общем положение не плохое. Союз 17/Х идет об руку с СРН.

Сицинский. Бессараб. С[оюз] 17/Х исчез. У к.-д. блок с прогрессив[ными] избирателями. В Кишиневе дело стоит лучше, чем в прошлом году. В губернии «аграрии-прогрессисты» стали врагами к.-д. и объединяются с [Союзом] Р. Н. От городов пройдут почти все наши выборы. В Аккермане Пуришкевич разбил на 2 округа и надеется там пройти. Плохо [...]³ еще в Измаиле. Мелкие землевладельцы теперь исключены очень многие. Крестьяне настроены оппозиционно, но крест[ьянская] курия будет в меньшинстве.

29/ХII

Степанов. Саратов. В губернии будут выборы оппозиционные. В г. Саратове будет вероятно к.-д., но в губ. будут левые, а сказать, какие именно — нельзя. В Саратове блок Тр[удовой] гр[уппы] и н.-с., но с с.-д. они не согласились. С к.-д. предложили согласиться. Губ. к-т к.-д. желает технич[еского] соглаш[ения] на лицах выборщиков. По отношению к губернии левые склонны преувеличивать свои силы. С.-д. устроили референдум, к-рый дал лозунг[и] непри[емлемые]. Левые ставят условие м[ирно]о[бновленцев] не допускать.

Брюхатов. Тамбов. 24/ХII выяснилась невозможность соглашения с с.-д-ками (большевики). Они на Думу смотрят со своей точки зрения. С.-р. заинтересованы в проведении своего кандидата и не прочь вступить в блок, но без с.-д. стесняются согласиться с к.-д. (из 5 выборщ[иков] 1-го). Есть к-т без заглавия. М[огут] пойти 2 списка: 1) блоковый и 2) с.-д. Сильные черносотенные элементы, но пока они не объединились с С[оюзом] 17/Х, хотя последние очень желали бы. В уездах приказано конфисковать №№ прогресс. газет, адресов[анные] кр[естьянам].

Обсуждение

Долгоруков. Вопрос о бюллетенях. Условия, при к-рых м[ожно] воспользоваться бюллетенями от М[ирного] о[бновления]. Печатание списков или бюллетеней необходимо. Америк. способ — невозможно.

Кишкин. Против печатания списков на бюллетенях, даже если они будут добыты. Организовать переписку бюллетеней. С «М. О.» трудно что-нибудь сделать.

Пахорнаев из Чернигова.

Луцицкий. М[ожно] получить только 2 бюллетеня. Писать нельзя, и что дадут бюл[летени]. Поздно и кроме того мы не знаем своих членов и сторонников. Предоставить на места.

Кузнецов. Харьков. В прошл[ом] году получали только 1 бюллетень и тем не менее бюллетени эти были заполнены партией ([...]³ и пр.). Прежде того отпечатаны и распространены списки выборщиков в огромном числе.

Гирифельд. Сам[ара]. Хотя устроить печатанье списка на добытых бюллетенях. М[ожно] ли образовать фикт[ивное] М[ирное] о[бновление].

Колюбакин. Надо поспешить с составл[ением] партийного списка выборщиков и широко распространить его, чтобы обыватели его знали и сами могли идти за пополнением его, куда следует. Для всего этого нужна заблаговременность.

Серебровский. Тула. Вопрос о кассации инструкции и самих выборов. Сделать штампы выборщиков.

Татарин. Орел. В Орле предпочитали писаные бюллетени печатным. Нельзя не предоставить избирателю исключать нек-рые имена, из-за к-рых они могут в противном случае отвергнуть весь список. Предлагает дискредитировать печат[ные] списки и проводить свои письменные.

Степанов в прошл[ом] году не было печатных списков, а была сеть штаб-квартир, где записывали.

Шаховской. Яросл. Предлагает предложить ЦК М[ирного] о[бновления] заказать для нас бюллетени во всех губ. городах для нас¹. Широкое распространение списков.

Долгоруков. Опасается, что прямой отказ ЦК М. О. помешает частным губ. к-там.

Иваницкий против всяких соглашений с М. О.

Френкель. Присоединяется к предложению клеймить печатные списки позором и дать

директиву запретить фикт[ивные] отд[елы] М. О., а также заготовить список кандидатов к выборщикам на случай ареста выборщиков.

Езерский. Пенза. В Пензе в прошлом году просили в последнюю ночь переписать списки.

Гессен. 1) Широкое и заблаговр[еменное] оповещение списка выборщиков. 2) Фиктивные М. О. отвергаются. М[огут] б[ыть] только блоки. 3) Дискредитировать печат. бюллетени, где не будет блока с М. О.

Ольденбург за корректность.

Струве г[оворит], что раз будут дискредитировать печатные списки, то и штемпелевание надо отвергнуть.

Долгоруков общее резюме.

Кишкин выпускает газету «Народ[ная] жизнь».

Золотов просит библиотечки для выборщиков.

Терская обл. Надо материал для борьбы с прав[ыми] и лев[ыми] партиями.

(Кизеветтер). О блоках. *Долгоруков* напоминает уже данные директивы и г[оворит], что новых директив давать не следует.

Езерский поставил вопрос о том, можно ли заключать блоки с левыми, желающими взорвать или революционизировать Думу.

Корнилов о том, что крестьяне с.-р. нам отнюдь не опасны, а руководствоваться надо лишь технич[ескими] соображ[ениями] и оценкой силы правых.

Колюбакин. Желал бы, чтобы мы оценивали не только избират[ельные] шансы, но и положение наше в Думе. В этом отношении он, однако же, не боится прокламаций левых и думает, что нам нужна оппозиц[ионная] Дума, к-рая будет как м[ожно] больше иметь поддержки в стране.

Серебровский присоединяется к Долгорукову и предостерегает от преувеличения своих сил. Думает, что блоки д[олжны] б[ыть] и нельзя отказываться от блоков с левыми, разве за исключением большевиков.

Резюме — директивы прежние.

Татаринов о прогрессив. блоках и прогрессив. группах как суррогатах п[артии] к.-д.

Директива дана разрешать выступать под беспартийным флагом.

Долгоруков. О способах борьбы с незаконными воспрещениями собраний. Предлагает офиц[иальные] жалобы Предс[едателю] Сов[ета] М[инист]ров и оглашение в газетах.

О мусульманах. О всех затруднениях мест[ные] группы сносятся прямо с Батли и Венециановым [?] в Казани, а о случае в Баку сообщить ЦК мусульм[анской] партии.

По вопросу о злоупотреблениях черносотенцев при содействии полиции и избират[ельных] к-сий. 1) Быть при опечатании урн и подсчете голосов. 2) Потребовать допущения уважаемых лиц к присутствию при опечат. урн и счете голосов от город. голов, сообщая об этом Совету М[инист]ров и в газеты. 3) Обратит внимание на подсчет входящих¹⁶.

Винавер о важности своевременности сведений о составе избранных лиц с большею точностью, нежели это было в прошл[ом] году, а также о работоспособности или спец[иальных] знаниях депутатов циркуляр.

Опубликовать в партийной и прогрессивной печати статьи об уголовной ответственности правит[ельственных] лиц по злоупотребл[ениям] на выборах и по воспрепятствованию собраниям.

Пахорнаев о письменных распоряжениях.

Колюбакин о необходимости иметь всюду правопреемников всех к-тов на случай изъятия их членов.

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 28, лл. 112—122об.

№ 77. 22/1 907.

1) Вопрос о Бородине¹⁷, возбужденный проф. Бодуэном де Куртенэ.

2) 30/1 в Петербурге.

3) О легализации и о переговорах.

4) Вопрос о блоках. Мирное обновл[ение] отвергнуто. Арсеньев отвергнут. Петров б против б.

5) Телеграмму Кузнецову в Харьков.

6) О печатании проектов и работ к-сий.

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 28, л. 123.

1) Вопрос о легализации и о полномочиях Гессену и Набокову.

2) О съезде¹⁸. Мнение *Павла Долгорукова* и *Петражицкого* против съезда в Финляндии. Возражения против этого *Петрункевича*. Вопрос о сроке съезда, разъяснение *Петрункевича*, почему этому съезду надо так много обсудить ввиду полного обновления состава Думской фракции. Вопрос о законодат[ельной] деятельности в Думе (обоснование *Шаховского* и *Винавера*). Мнение *Винавера*: директивы, определяющие момент, из съезда¹, подготовка законопроектов — во фракции. *Петражицкий* думает, что в ответ[ственный] момент и тактика д[олжна] решаться фракцией, а не съездом. *Шаховской* — критика петерб[ургской] точки зрения и защита интересов партии и укрепление нашей политики и думской в стране (организация связи Думы со страной). *Кизеветтер* думает, что теперь в партии нет вопросов, настоятельно требующих разрешения съезда. *Протопопов* думает, что мы д[олжны] взять на себя ответственность, и боится съезда и его легкомысленности. *Якушкин* за съезд — и ввиду окончания наших полномочий и того, что ЦК уполномочен на участие в дум[ской] фракции. *Изгоев* за съезд. *Струве*. Нельзя в этот срок разумного съезда устроить. *Черненко* против соображ[ений] *Протопопова*. *Шаховской* исчерпывающая критика всех воззрений (и новое соображение о том, чтобы переварить кадетов нового формата, посланных в Думу). *Кизеветтер* освещает разницу в положении теперь и прежде, теперь кампания шла по вопросам тактики, и они уже совсем выяснены (не штурм, а блокада). *Петрункевич* об экономности губернск. сил на съезд и о необходимости опоры для думской фракции. *Тыркова*. Присоединяется к *Шах[овскому]* и *Петр[ункевичу]* и упрекает *Струве* в бюрократичности. *Де Роберти*. Съезд нужен, но ЦК д[олжен] созывать его под своею ответственностью, что раскола не будет¹⁹. Созывайте съезд, если убеждены, что Ваши тактич[еские] директивы будут приняты. *Гредескул* возражает *Кизеветтеру*, что выборы шли под одной директивой, указывает на уступки левым в провинции.

Милюков резюмирует и ставит на голосование. Решено большинством — съезд решено не 12, не 15, а 14.

О программе съезда: отчеты о работах законодат[ельных] к-сий. Отчет *Шаховского* о работах к-сии самоуправления. Затрудняет вопрос о полиции. Затруднения о мелк[ой] земской единице и об обложении.

Черненко докладывает о положении дела в аграрной к-сии.

Петрункевич о бюджетной к-сии. Новый бюджет достать не удалось — его и нет, а есть XII-мы²⁰. Старый бюджет не интересен. Поэтому обратились к изучению финанс[овых] вопросов: 1) о бюджет. праве, 2) развитие правил 8/III²¹, 3) вин[ная] моноп[олия], 4) воен[ный] и морск[ой] бюдж[ет]. 5) Жел[езные] дороги. 5)¹ О Госуд. банке. Выйдет между 10 и 15/II. 6) О кредите. Общее название «Вопросы госуд. хоз-ва и бюджета», издание *Петрункевича* и *Струве*.

Доклад *Гессена* о легализации. Исправить недостатки и подписать тем, кто не привлечен по 129 ст.

Якушкин желает определить, какие частные законодат[ельные] отмены и законопроекты м[огут] б[ыть] исполнены в этом году. То же *Шаховской*.

Корнилов указывает, что для расходной сметы важно рассмотреть прошлогоднюю смету.

Решено просить бюджет. к-сию обсудить те технич. и правовые условия, при к-рых возможно изменение бюджета.

Петрункевич указывает на недостаточность числа членов. *Шаховской* предлагает совместное заседание ЦК с бюдж. к-сией. Вечером завтра собрать: *Фридмана*, *Федорова*, *Яснопольского* (Таврич., 19), *Кутлера*, *Рутцена* (Кирочная, 52).

Доклад *Струве* о рабочей к-сии: 1) Свобода стачек. 2) О регулиров. рабочего времени. 3) О страховании рабочих (на случай болезни и подготавливается — от несчастн. случаев. Начата на старость и неспособ. к работе). 4) О фабрич. инспекции и т. д. (не разрабатывался). 5) О договоре найма (московск. проект)²². 6) Вопрос о пересмотре закона прав-ва 15/X²³. *Струве* полагает, что все наши работы д[олжны] б[ыть] направлены как поправки к правит. законопроектам.

Шаховской ставит вопрос о прислуге и вопрос о м[инистерст]ве труда.

Вопрос о законопроектах о свободах, приведение этих законопроектов в окончат. вид возложено на В. Д. Набокова и А. И. Каминку.

О *Винавере* и вопрос о пересмотре законопроекта о всеобщ. избират. праве.

№ 79. 31/1.

1) Издания «Народное Право». *Топоркова* дает отчет. Внести в смету 3000 руб. на субсидию складу «Народного Права».

2) О составлении к-сии для окончат. редактирования законопроектов. Об искажениях закона 11/ХІІ Сенатом и об окончат. редакции законопроекта о всеобщ. избират. праве.

Доклад *Винавера*: законопроект «О неприкос[новенности] личности». Хорошо разработан, но нет «отменительной» части.

«О равноправии» разделено было на подкомиссии — женск., национ. и проч. Крестьян. (у Котляревского) законопроект — «о гражд. равенстве». Для вопроса крестьянск. нужно к-сию.

«О собраниях». Есть новый, исправл[енный] Шершеневичем законопроект (напечатан не был).

З[аконопроект]ы: о своб. совести, своб. союзов и печати тоже были выработаны, еще б[ыл] предположен о своб. стачек — его нет. О своб. союзов и печати требуют пересмотра.

Шаховской предлагает напечатать и собрать М. О. ЦК, дав ему задачу обсудить вопрос об избирательном праве.

Возражения Гессена и Черненкова. Защита Шах[овского], Родичева и Корнил[ова], Черненков соглаш[ается] на 7—8/II.

В Москве поручено Шаховскому организовать к-сию, к-рой задачи: 1) пересмотреть законопроект о всеобщ. избират. праве, 2) о частичных изменениях существующего закона и 3) о сенатских и др. искажениях существующего закона. Срок ее доклада 9/II и на этот день пленарное заседание.

Шаховской о военной реформе. О контингенте войск и набора (срок в мае). Вопрос о суде и о местных судебных органах.

Вопрос университетский (автономия). Об амнистии. Об учреждении Госуд. Думы и Госуд. Совета. О начальном образовании. Вопрос церковный. Студенты. Съезд в составе IV съезда¹.

Вопросы тактики.

Изгоев. Разница нашего взгляда и взгляда левых. Наша программа цел[иком] не осуществима. Необходим компромисс. Мы будем соглашаться с теми группами, к-рые признают оппортунизм. Если левые против этого, мы будем заключать союзы с правыми.

Влад. Гессен. Парламентаризм не проигран, Дума д[олжна] б[ыть] деловая, но и боевая.

Вопрос об автономии.

Вопрос о первой встрече со Столыпиным.

Выбрана бюджетная к-сия под председ. И. И. Петрункевича из Кутлера, Рутцена, Фридмана, Струве и Изгоева. Просить доклад к 9/II.

В съезд пригласить Розенберга.

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 28, лл. 128—129.

№ 80. 1/II 907.

Вопрос об обложении и о доходах в земстве. (О снятии с земств и городов государственных расходов.) Вопрос о прогрессии изымается.

Вопросы тактики.

Ответ на телеграмму Лапотникова²⁴.

Шаховской. Два вопроса: 1) исход выборов, 2) останется ли Столыпин — от к-рых зависит наша думская тактика. Необходимо обсудить тактику в стране. *Изгоев* предлагает организационный съезд до Пасхи. О газете. Где Петров. О крест[ьянских] д[епута]тах. *Якушкин* сообщ. мн[ение] о газете: [...] газеты, почта (и рассылка) без бандероли. Средства (10 000 от Народ. пути) исход. разреш. и проч.

Я должен доложить съезду о газете. Шаховскому поручен доклад съезду о деят[ельности] партии в стране. Вопрос об амнистии — Набокову. По вопросу об изменении законов о Думе и Госуд. Совете в пределах Основных законов переговорить с Муромцевым (и Кокоскиным), сюда же пристегнуть и вопрос о наказе. Об унив[ерситетском] вопросе поручить Вер-

надскому доклад по переговору с Мануйловым. Нач[альное] образование — Ольденбургу. Церков. проект потребовать от церк. к-сии к 9/II (Шаховск[ой]). О мест[ных] судеб[ных] органах Петражицк[ому], Арсеньеву и Лазаревскому. О воен[но-]пол[евых] судах и смерт[ной] казни — Винаверу, Влад. Гессену и Набокову.

Военный вопрос — напечатать предст[авленный] проект в «Вестнике».

О съезде: прошение подать м[инистру] в[нутренних] д[ел] — П. Н. Миллюкову.

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 28, лл. 129об.—130.

№ 81. 9/II 907²⁵.

1) Необходимо немедленно установить, где и когда съезд. 2) Проспект отчета о деятельности партии за м[инувший] год. 3) Финансовый отчет и проект сметы на год с 1/II 907 по 1/II 908. 4) Доклад Шаховского о работах к-сии по самоуправл[ению] в Москве. (Приехал Авинов с докладом.) 5) Доклад его же [Шаховского] съезду о внепарлам. деятельности партии. 6) Доклад Миллюкова о тактике в Думе. 7) Доклад Черненко о заключениях аграрного бюро и о положении аграрного законопроекта. 8) Доклад Гессена и Набокова о легализации. 9) Доклад Каминки и Винавера о свободах. 10) Доклад Петрункевича о бюджет. к-сии. 11) О военно-полевых судах и смерт. казни, доклад Винавера, В. М. Гессена и Набокова. 12) Вопрос об амнистии. Доклад Набокова. Ольден[бурга]. 13) О способах пропаганды среди крестьян в Думе.

План тактического доклада²⁶.

1. Полная неопределенность положения. М[инистерств]о, по-видимому, останется. Полож[ение] Думы меняет наши позиции. 2. Историч. справку о Думе и нашей тактике и директивы, данные Москов. конференцией для выборн. кампании. Мы рассчитывали тогда на доминирующее положение в Думе. Поражения нет. Но дело в том, что теперь мы будем иметь против себя организованные силы. Усиление флангов, а не то, что наша численность ослабела. Прежде ни у кого кроме нас не было тактики (?)²⁷. Общая тактика будет и у крайней левой. Придется считаться и с бесформенными промежуточными группами. Можем ли мы при этих условиях идти с нашими планами, рассчитанными на парлам. большинство. Следует ли обречь себя на одиночество или, сохраняя самостоятельность, искать объединения. Возможны комбинации: 1) конституц. направо, 2) оппозиционная налево, 3) попытка ассимиляции и полной самостоятельности. Надо установить, при каких признаках мы сохраним самостоятельность. Установить пределы возможных картелей²⁸. Что из нашего материала мы можем провести. Т. е. какие из наших предположений. Ближайшие тактич. возможности. Вопрос о президиуме. Вопрос о наказе. Вопрос о встрече с министрами. Ответный адрес. Амнистия. Смертные казни.

Гессен согласен, что поражения нет, но по докладу как будто есть. Такти[ки] левых мы не знаем и не узнаем, а по намеченному пути мы д[олжны] идти еще строже. Вопрос о картелях надо изъять. При неопределенности положения, он несвоевременен.

Петражицкий. На польскую группу рассчитывать в смысле картели нельзя. Группа будет демонстрировать, что «на поводе у кадетов не идет». Не затушевывать поражения. Положение наше будет изолированное, а потому мы д[олжны] воздержаться от инициативы. Тогда, ничем не жертвуя, мы будем постоянно в большинстве. Надо вести свою собственную линию и с некоторою умеренностью. Дума недолговечна. Будет или отмена Конституции или изменение избират. закона. Последнее хуже самодержавия. Нам надо это предотвратить и сохранить себя для будущего на всякие эвентуальности. Демонстрировать умеренность. Пусть изменяют тогда избират. закон так, чтобы левые остались за флагом, но не мы.

Петрункевич. Прежде всего надо установить положение и оценить силы. Неверно, что партия поражения не понесла. Уменьшение числа членов есть. Надо выяснять только причины поражения, тогда, м[ожет] б[ыть], выяснится, что это поражение не опасно для партии. Партия потерпела поражение вследствие того, что прав-во своей политикой дало торжество революц. партиям. Обойден др. вопрос. Нам неизвестно положение ни направо, ни налево, а между тем вы ищете картелей. В сущности мы знаем, что будет. С «правой» будет провокация. Налево мандаты у них будут таковы, что они будут преследовать одну цель — организацию страны извне. Наша политика д[олжна] заключаться в том, чтобы вести свою линию (согласен с Гессеном). При скандале важно, чтобы все-таки мы-то не скомпрометировали себя. Надо предусмотреть вопрос о встрече с министрами. Надо также предусмотреть вопрос о продолжительности Думы.

Винавер. Вопрос о картелях не решает вопроса о нашей тактике в Думе. Против затуше-

вывания поражения. Как нам сделать, чтобы эта Дума, не будучи «кадетской», не наложила на нас ответственности. Нам иногда выгодно быть в оппозиции и не брать на себя инициативы. Мы м[ожем] б[ыть] в оппозиции к большинству. Левые будут в[есьма] готовы нас компрометировать. Казалось бы, значит мы будем вести политику изолированной партии. В докладе мы д[олжны] указать, что мы считаем нужным провести в Думе, если бы мы были в большинстве. Левые будут ведь ответственны. Из них нек-рые м[ожет] б[ыть] к нам и присоединятся. Все детали отнести к фракции и там возбудить вопрос о проверке.

*Корнилов*²⁹.

Изгоев. Наша партия единственная конституц[ионная] партия. Нисколько не скрывая убыли, мы все-таки м[ожем] признать, что страна указала нашу партию как равнодействующую. Проекты иметь наготове, но самим не вносить.

Струве. Мы д[олжны] стремиться дезорганизовать и левую, и правую, но левая не будет так глупа, как думают. Если будет творческая работа в Думе, то она будет двигаться по нашей линии. Правые не выяснены. Польское коло будет с нами по многим вопросам.

Колюбакин. Присоединяется к точке зрения Винавера. Левая опасность в Думе преувеличена. Доказывает цифрами. Без законодат[ельной] линии на почве забастовки мы провалимся. Смущает его скорее неопределенность состава нашей партии. Мы взяли на себя перед страной определ[енные] обязательства и д[олжны] их исполнить, напр., внести законопроекты о самоуправл. и проч. При самом адресе мы д[олжны] изложить устами кого-нибудь из наших лидеров нашу программу — это д[олжна] б[ыть] наша декларация. Объединение с крайними левыми он отрицает. Если мы изолируем крайне левых, это будет нам на пользу.

Якушкин присоединяется к Колюбакину и Винаверу. Наша программа м[ожет] привлечь многих левее к.-д. Напр., Караваева, то же по Курску горн[ого] инж[енера] Мышенкова. Нужна работа оч[ень] интенсивная, но она м[ожет] рассчитывать на успех и на образование кружка сочувствующих кадетам. Против блока с левыми партиями, но наша позиция д[олжна] б[ыть] левая. В ответный адрес следует внести указание на неправильность действий м[инистерст]ва Его Велич.³⁰ в междудумское время.

Набоков. Говорит в мажорном тоне. Во всяком случае левый блок руководить Думой не может. На съезде нужно поднять тон. О картелях в докладе надо сказать, чтобы выяснить необходимость отказаться от картелей налево. Это потому необходимо, что многие придут под впечатлением блоков с левыми. В законодательной деятельности мы д[олжны] б[ыть] инициаторами. Нек-рые из мин-ских законопроектов нам придется принять почти без изменений, другие отвергнуть. Оч[ень] трудный вопрос о запросах. Высказывает также мысль о декларации партии (как и Колюбакин).

Протопопов. Мы сами входили в новую Думу уже с сознательными уроками. Против всяких картелей; но в извест. момент нужна конференция с вожаками крайних левых и им м[ожно] поставить извест. условия.

Тыркова. Не знаем, будет ли блок. Наша задача спасти конституционную идею. Если мы будем вносить законопроекты, то дадим им только повод их трепать. Картель не нужен, но и разрыв с левыми опасен. Нужна конференция, и надо попробовать убедить левых в необходимости конституционности.

Струве. Думает, что надо расколоть левых. Сомневается, нужен ли ответ на тронную речь.

Гессен. Констатирует, что у нас очень единодушное настроение.

Черненков. Предостерегает против подчинения субъективным настроениям, напр., по вопросу о поражении на выборах, к-рого он не признает. Мы избаловались нашим положением в I Думе. Теперь мы перешли из ненормального полож[ения] в нормальное. Левые дифференцировались, и если сплотятся, то по нашей вине, а нам надо непременно сплотить ядро вокруг себя. Должны перестать быть хозяевами в Думе, должны воздерживаться от того, чтобы занимать место правительства и вносить в Думу законопроекты в таком безумном количестве. Надо перенести удары направо от нас. Не надо сосредоточивать удары на себе. Надо часть левых присоединить к себе. Надо признать свою равноправность с левыми, конференция с ними д[олжна] б[ыть] постоянная. Законопроекты следует вносить только после обсуждения в конференции с левыми.

Винавер. Вносить законопроекты м[ожно] только тогда, когда будет обеспечено большинство, а не для того, чтобы нас били. Надо поэтому междупартийные совещания, как желает Черненков. Согласен, что ответный адрес опасная вещь, [как] и вообще всякие декларации.

Петражицкий. Декларации не следует делать. Отказаться от ответа на тронную речь нельзя. Разъясняет свою точку зрения, ранее заявленную.

Петрункевич. Необходимость разъяснить вопрос о поражении не в Думе, а в партии. Партия теперь занимает иное положение, нежели в прошлом году, и надо это объяснить. По вопросу о порядке внесения законопроектов Петрункевич присоединяется к Черненкову относительно неудобства. Корректив — совместное обсуждение законопроектов — ему не нравится. Мы в разных плоскостях и спор невозможен. Цель не будет достигнута. Поэтому он предлагает в первое время проекты вносить лишь как поправки к правительственным. Безусловно против декларации. Декларация связывает напрасно. Тактика д[олжна] б[ыть] гибка и иметь способность меняться с обстоятельствами, декларация этому помешает. Вопрос об адресе надо обсудить во фракции, а не на съезде.

Колюбакин. Вопрос об инициативе. Мы единственная ответствен[ная] конституц[ион]ная партия. Мы одинаково ненавистны и правым и левым, и мы — главное препятствие сейчас к революции. Необходимость инициативы особенно по закону о самоуправлении. О декларации разъясняет, почему и как нужно ее сделать.

Изгоев. Надо выждать, как левые себя поведут, и принять выжидательную политику, а затем создать сеньорен-конвент³¹. Программу партии надо изложить при первом столкновении с левыми и правыми.

Винавер. Напоминает, что не включено в доклад об ответственном мин[истерст]ве.

Петражицкий. Лекция об ответ. мин-ве.

Миллюков. Констатирует необходимость вводной историч[еской] части в докладе, между проч. и для указания, как мы понимаем свою самостоятельность в Думе. По вопросу о «поражении» на выборах. Выяснилось, что о «поражении» м[ожно] говорить только условно, что и предлагалось в докладе. О картелях и группировках. Разнообразие мнений. Останавливается на мнении Черненкова. Думает, что постоянные соглашения с социалистическими партиями невозможны. Возможно кристаллизовать вокруг себя аморфные элементы. Вопрос об инициативе. Полная противоположность нек-рых взглядов. Третья часть(?). Об ответственности м[инист]ров (спор с Петражицким).

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 28, лл. 131—135об.

№ 82. 10/II 907

Съезд отсрочен.

А. М. Колюбакин предлагает поручить ряду лиц организацию крестьян. Поручено ему представить разработ[анные] соображения.

Доклад *Н. Н. Авинова*. 3 секции. 1) Избират. закон. 2) Обложение. 3) Общие положения³². Главная работа на 3-й секции. Избират. закон будет 23/II оконч[ательно] готов. Задерживает цифровое расположение гласных по уездам. По вопросу об устранении опеки администрации предположена только отмена нек-рых статей, как во Франции. Мест. у[правле]ние: готова объяснить записка и 55 положений, опред[еляющих] губерн. и уезд. у[правле]ние.

Основания: губ[ернато]р орган надзора. У него помощники. Из са[мо]управ. выделено воинское пр[исутст]вие. Уезд. чиновник ведет набор и надзор. Губ-р не начальник полиции. Полиция централизуется по уездам. Издается общий полицейский устав. Обязат[ельные] пост[ановле]ния дум и земств регистрируются в окруж[ном] суде.

Решено напечатать брошюрой с объяснит. запиской в окончат. редактиров[анном] виде на правах рукописи.

2.¹ Сообщение *Винавера* о свободах. 4 законопр[оекта] готовы: неприкосн[овенность] личн[ости], гражданск. равен[ство], [о свободе] совести и собраний. 2 незаконченные — о печати и о союзах. О стачках еще не начат.

Якушкин еообщил, что в Москве образована комиссия для пересмотра первых четырех законопроектов с некоторыми мелкими изменениями.

Каминка считает, что деление это чисто формальное и внесение их будет в зависимости от дальнейшей разработки.

Петражицкий считает, что закон о свободе совести и неприкосновенности личности опасны в смысле сопротивления слева. Наоборот, законы о союзах, собраниях и печати требуют большой осторожности.

Якушкин указывает, что проект о союзах встречает возражения со стороны представителей профессиональных организаций. Возражает против соображений Петражицкого о порядке внесения законопроектов.

Постановлено поручить комиссии Струве двинуть разработку вопроса о стачках.

Винавер сообщает о военно-полевых судах и смертной казни. Никаких затруднений не

возникает, но могут быть затруднения тактические. Представляется желательным выразить отношение к военно-полевым судам, хотя практических удобств это не дает.

Якушкин настаивает на внесении такого закона.

Петражицкий считает, что такая тактическая демонстрация безусловно необходима и есть надежда, что правительство уступит. Следует внести в начале, чтобы никто [не перехватил].

Гессен указывает на законы о военно-полевых [судах] для военных и морских чинов.

Винавер. Дума должна отменить полностью, пускай Государственный Совет изменяет.

Поручено комиссии В. М. Гессена выяснить права Думы по изменению военных законов в отношении Основных законов.

Комиссаров указывает на необходимость установления отношений к террористическим актам, т. к. справа будет усиленная провокация. Сам защищает мирнообновленческую позицию.

Родичев настаивает на сохранении установленной партией [позиции по отношению] к этому вопросу как явлению неизбежному при настоящем положении.

Петражицкий считает, что такое решение политически необходимо и тут нет сантиментализма, а политический акт.

В. Гессен. Вызов будет, отомолчаться нельзя, и нам нужно партийное решение. Считает, что сейчас необходим, при обострении вопроса, прямой ответ. Определяет, что это неизбежное зло.

Протопопов находит, что решение должно быть, но вне всяких упреков справа и слева. Политически считает невозможным осуждение террора.

Винавер находит, что единообразное отношение необходимо, но он не видит обязанности партии иметь определенное отношение к террору: это есть определенная позиция; это понятно, так как сложилась русская жизнь, что определенно выработанная осуждения или сочувствия¹.

Родичев. Партия считает, что осуждение есть дело суда и суда присяжных, другого отношения нет и быть не может.

Изгоев находит необходимым осуждение организации террора как партийного средства.

В. Гессен вопрос идет не о конкретных случаях, а о терроре как системе.

Милюков находит, что это шаг, на который [партия] провоцируется и который она не может делать и по разному внутреннему отношению к ним¹.

Струве настаивает на внесении осуждения.

Постановлено: Признать необходимым в смысле тактическом (не касаясь моральной стороны) обязательное для фракции партийное решение об отношении партии к политическому террору. При предложении осуждения террора таковое должно быть отвергнуто. Поручить Винаверу и В. Гессену составить проекты резолюций с подробной мотивировкой.

Доклад *Якушкина* об осуждении в Москве законов по 87 ст. Избрана к-сия в Москве из членов 2-й Думы.

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 28, лл. 137—140об.

№ 83. Заседание ЦК 15 февраля 1907 г. День.

Предс. Пав. Долгор[уков], Корнил[ов], Протоп[опов], Свечин, Лучицкий, Черненко, Котляревский, Де Роберти, Вл. Гессен, Набоков, Изгоев, Шаховской, Выковский, Ломшаков, И. Петрунк[евич], Борман, Колюбакин, А. Стахович, П. Струве, И. Гессен, Милюков, Петражицкий, Тесленко, Винавер.

1. О делегатах на съезд партии. *Корнилов* доложил, что разослано 207 пов[есток] на места, часть успел отменить, приехало делегатов мало.

Постановлено пригласить делегатов в ЦК и в парл. фракцию.

2. О газете «Народная Свобода» под ред. А. А. Корнилова (думский листок)³³. На первый месяц постановлено ассигновать 4000 р. на вед[ение]газеты. Каминка, Изгоев, Шаховской, Корнилов, Бородин. Поручено организовать дело.

3. Докл. *Колюбакина* о квартире для кр[естьянских] депутатов.

На Суворовском проспекте, д. 35 на имя Татаринова Ф. В. нанята квартира в 6 комнат. Цена в месяц 85 р. За весь срок (4 мес) 340 р. По вопросу об организации предложил образование особой кр[естьян]ской группы; несколько партийных кр[естьян] освободить от обязательств, дабы они составили прогрессивную беспартийную группу.

Долгор[уков] формулировал: квартира должна быть партийная; можно помещать и кр[естья]н, близко к нам примыкающих. Средоточие для частных и общих бесед. Предложение Миллюк[ова] об образовании кр[естьян]ской фракции П. Н. Св. преждевременно — последствия выяснят.

Постан[овлено]: квартира партийная, для членов партии и беспарт[ийных] близких; никакой публикации партийной квартиры не надо. Вопрос об организации кр[естья]н в партию пока оставлен открытым. Было три предложения. 1.2.3.¹ О квартирах: опубликовать один адрес (Сув. 43) ред[акцию] выр[аб]отать[.]

Работы комиссий. О местн. суде: организ. Петраж., члены². Рабочий воп[рос] — Струве. Бюджетная ком. — И. Петрунк. Свободы — Винавер. Ком. об искл. из сосл. — И. Гессен. Военно-пол. суды — В. Гесс. и Винав. Смертн. к. и амн. — Набоков. Об осужд. полит. уб. — Винавер. Проект. О свободе собр. — Котляр., проект исправлен. О своб. сов. — Котл.: дополнен и на днях м[ожет] быть представлен. О непр[икосновенности] личн. — Котл. вновь рассм[отр]. О гр. равнопр. — общ. пол. проекта приняты были Думой; остальное следует изменить в соответствии с изм. пол. 87 ст. Котл. — пришли к заключению о необход. внесения законопр. о всеобщ. избир. праве. Он готов совсем.

Корнилов. Что делать с проектом о гр[ажданском] рав[ноправии], т. к. имеются законы [...]³

Котл[яревский] принято хорошо.

Тесленко. Законы по 87 ст. рассмотрены и можно их доложить. Считает нужным в 1-ю очередь внести в Думу.

Самоупр. Всеобщ. изб. пр. Суда (расш[ирение] суда прис[яжных]). О неприк. личности. Во вторую очередь о свободах. О регул. отн. между прик. и хоз. О норм. отдыхе.

Проект петербуржцев. Гр. рав. разделить на сосл., национ. и пр. и вносить отдельно.

Особая подком[иссия]: Винавер, Котляр., Тесленко, Каминка и Новгородц.

Струве о согласовании работ. моск. и петерб. Изъять из аграрн. ком. ст. 87.

Зас[е]дание ком[итета] 15 февраля. Вечер.

Для исполнения дел, наблюдения за финансами и пр. [создана] исполн[ительная] комиссия³⁴. Протопопов, Каминка, Шаховской и секретариат. Организация поручена Шаховскому.

Об изыскании 4000 р. на газету. По справкам с кассой оказалось, что из наличных средств партии такую сумму получить нельзя. Пожертвованы Свечиным 4 тысячи.

Вновь вопрос о квартире для справок.

Доклад *Миллюкова* о тактике³⁵. Шах. Изгоев. Выковский.

Котляревский находит, что при существ. группировк[е] партий лучше не очень выдвигать агр. законопроект. т. к. ник[акой] пол[ожительный] проект не пройдет, пройдут только отрицат. — т. е. отмена. Ответств. министерства. Избир. закон, мнение моск. комиссии.

В. Гессен. Находит необходимым в докладе вставить звено между необходимостью смены тек[ущего] министр[ества] и необх[одимостью] с ним все-таки работать, с одной стороны, и, с другой стороны, между [...] большинства. Об избир. законе — находит невозможным компромиссы.

Петраж[ицкий]. Об отв[етственном] министр[естве]; надо требовать не отв. мин. — это нелепо. Надо требовать смены министерства.

Струве. Весь доклад Мил[люкова] я свожу к формуле: Дума должна переждать Столыпина. Не выражать недоверие... Избир. систему. Надо всеобщее без компромиссов.

Пав. Долг[оруков]. Не верит, чтобы левые были корректны, их [не] прорвать; надо подчеркнуть отриц[ательное] отнош[ение] к Столып[ину]. Если вотум недоверия будет внесен левыми, надо знать, что делать.

Корнилов. Мы и раньше не ожидали, что будем в Думе в большинстве. Обратить особое внимание на местное самоуправл[ение]. Аграрная — надо сдать в думскую комис[сию], но не подымать в самой Думе старую программу. Нужен факт, без него необх. уничтожить закон, внесенный по ст. 87. О парламентар. — согласен с Петраж[ицким]; главное — это отказ в деньгах и пр.

Колубакин. Общ[ий] тон доклада и линия нечто вроде октябристов — правое.

Шаховской. Вновь находит, что умолчание об аграр. вопросе не следует допускать. В общем доклад производит впечатление, что мы отступаем от прогр[аммы], хотя на сам[ом] д[еле] этого нет.

Черненко. Неправильно в докладе положение партии в Думе — цифры. Второе — это

о роли левых и о их виновности в роспуске. Об агр. вопросе — его опасно выдвигать сейчас в прежнем виде и во всем объеме, но придется, т. к. нельзя отказываться; мы себя слишком связали с ним.

Изгоев. Может быть, следует в докладе коснуться действий пр[авительст]ва — резко, для настроения. Аграрный вопрос следует выделить и дать ему место. Об ответств. минист. правильно: надо именно центральное большинство — более осторожно.

Пав. Долгоруков. Резюме: в доклад вставить аграрн. вопр[ос], централ[ое] большинство, положение партии. Тон доклада и отнош[ение] к ми[нистерству] Стол[ыпина].

Шаховск[ой] напомнил постановление об амнистии. Отр[азить] отнош. к закону об этом, но готовность высказаться и взять на себя инициативу в адресе или отдельно. Амнистия — § в доклад.

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 28, лл. 141—142об.

№ 84. Заседание ЦК 16 февраля 1907 г.

✱

Присутствовали: кн. Пав. Долгоруков, Выковский, кн. Шаховской, И. Гессен, В. Гессен, И. Петрункевич, Милюков, Котляревский, Петражицкий, Гредескул, Изгоев, Маклаков, Корнилов, Винавер, Тыркова, Колюбакин, Каминка, Черненко, Струве, Набоков, Ледницкий.

Доклад П. Н. Милюкова о тактике в Гос. Думе.

П. Н. Милюковым вновь прочитан доклад о тактике в исправленном виде. Приняты следующие поправки. 1. Наравне с термином «ответственное министерство» поставить в другом месте доклада: «министерство, пользующееся доверием большинства». 2. Исправить то место доклада, где говорится о численности партии в Думе, об ослаблении ее и об отсутствии в Думе бесформенной массы. 3. Часть доклада, в которой говорится об отношении к министерству Столыпина, вызывает оживленные прения.

Петражицкий, Долгоруков, В. Гессен, Котляревский находят необходимым вотум недоверия.

Изгоев согласен с Милюковым.

Ледницкий — за вотум недоверия.

Винавер находит, что недоверие придется выражать не скоро, во всяком случае не сразу.

Гредескул возражает Милюкову; находит, что можно даже кричать «в отставку», как то было в первой Думе.

И. Петрункевич в общем согласен с Милюковым, но находит необходимым, чтобы Дума воспользовалась своим бюджетным правом; палата не даст займа этому ми[нистерст]ву. Считает нужным указать на это в докладе.

Колюбакин находит, что выразить недоверие необходимо немедленно.

Петражицкий, Долгоруков, В. Гессен и Котляревский поддерживают свою точку зрения; Долгоруков соглашается также с Петрункевичем.

Тесленко в принципе согласен с Милюковым, но находит, что на практике это будет невозможно по причинам психологическим.

Набоков согласен с Милюковым.

Ставится на баллотировку вопрос, оставить ли в докладе П. Н. Милюкова следующие слова: «Не следует на первых шагах думской деятельности выражать министерству недоверие». Большинство 10 против 6 ЦК постановил выбросить из доклада Милюкова эту фразу.

Баллотируется предложение Петрункевича об отказе Думы в займе. Постановлено отложить обсуждение этого вопроса до доклада бюджетной комиссии.

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 28, лл. 143—143об.

№ 85. 17/II 907³⁶

(Предс[едатель] Пав. Долгоруков), Струве, Иос. Гесс[ен], Вл. Гессен, Котл[яревский], Прото[пов], Де Роб[ерти], Тесл[енко], Кизев[еттер], Выков[ский], Наб[оков], Ледн[ицкий], И. Петр[ункевич], Гред[ескул].

Речь *Винавера* о первых шагах новой Думы. Особенно о проверке выборов. Советует воспользоваться присутствием делегатов тех губерний, где не выбрано наших депутатов в Думу. Выборы председателя. Не надо настаивать на том, чтобы председательствовал старейший по летам. Предс[едателем] будет Голубев. Затем надо выбрать председателя¹, затем

утвердить наказ, принятый прошлой Думой, разделиться по отделам и приступить к проверке полномочий и кассации выборов неправильных. Порядок внесения законопроектов. Опасность провокации справа, желание избежать нападков с левой [стороны]. Воздержание от неподготовленной инициативы. Отношение к правит. инициативе. У нас есть такой законопроект о неприкосновенности личности. О самоуправлении надо столкнуться.

И. И. Петрункевич о том, что губ[ернато]ры будут задерживать присылку избирательных документов.

Долженков, Шингарев, Аджемов, Протопопов, Шаховской, Милюков и др. *Милюков* и *Петрункевич* предлагают не баллотировать. *Винавер* предлагает врем[енную] к-сию по обсужд[ению] законопроекта о равноправности и²).

О президиуме Гос. Думы. ЦК признал необходимым выставить кандидатуры членов партии на должности: председателя Гос. Думы, одного товар[ища] предс., секретаря и 2 тов. секретаря. Намечен на должность председ. Гос. Думы Ф. А. Головин. На долж. тов. предс. Н. В. Тесленко; на должность секретаря — М. В. Челноков, Татаринов и Черносвитов; в товарищи секретаря Н. М. Иорданский, а также те из трех намеченных в секретари лиц, кто не попадет в секретари.

О политических убийствах. По этому вопросу М. М. Винавером сделано сообщение, причем *М. М. Винавер* объяснил, что прочитанное им³⁷ есть отнюдь не резолюция, а лишь директива членам фракции, которые будут говорить по этому вопросу в Думе.

При обсуждении вопроса в ЦК обнаружилась разница мировоззрений. Ввиду позднего времени и малочисленности собрания вопрос на баллотировку не ставился.

(*Мак[лаков]* предл[ожил] такую резолюцию, которая осуждала бы пр[авительст]во и на него взваливала бы вину за полит. убийства. Самые же убийства осудить, членам фракции предоставить полную свободу в Думе при обсуждении этого вопроса.)

В. Гессен. Полит. убийства — зло, но зло неизбежное при существ[вующем] полож[ении] вещей и при терроре правительственном.

Кизеветтер²).

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 28, лл. 148—149, 152—153.

№ 86. Заседание ЦК 19 февраля 1907 г.

О порядке дня 1-го заседания Гос. Думы. ЦК признал необходимым в первый день заседания Госуд. Думы ограничиться выбором председателя, после чего закрыть заседание до представления председателя Государю³⁸.

О порядке дня 2-го заседания Госуд. Думы. Признано необходимым во втором заседании произвести выборы президиума Госуд. Думы, принять наказ, утвержденный первой Думой, произвести разбивку на отделы и закрыть заседание для проверки выборов.

Доклад П. Н. Милюкова о тактике. *П. Н. Милюков* доложил, что он составил тезисы своего доклада. По прочтении их и некотором исправлении тезисы доклада были приняты Ц. Комитетом³⁹.

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 28, лл. 150—151.

№ 87. Заседание ЦК 21 февраля 1907 г.

Присутствовали кн. Пав. Долгоруков, В. Гессен, Якушкин, Черненко, Петражицкий, И. Гессен, Родичев, Френкель, Корнилов, Изгоев, Де Роберти, Коллюбакин, Иорданский, Маклаков, Шаховской, Бакунин, И. Петрункевич, Винавер, Котляревский, Тесленко, Тыркова, Милюков, Головин.

Должено письмо нижегородского комитета о выборах по Нижнему Новгороду. Обстоятельства дела: кандидат левых Долгополов получил 41 избир. шар и 39 неизбир.; кандидаты партии к. д. Иорданский и Килевейн получили 40 избир. и 39 неизбир. шаров. Долгополов на выборах не был и баллотировка была произведена в его отсутствие. Нижегородский комитет полагает, что на основании разъяснений Сената у Долгополова как отсутствующего число шаров должно быть уменьшено на один (?) и что таким образом все три кандидата получили одинаковое количество шаров. Городской же голова объявил избранным в члены Думы Долгополова. Нижегород. комитет находит это неправильным, т. к. депутат, по его мнению, должен быть избран по жребию (из 3-х) и просит мнение ЦК, не следует ли поднять об этом дело.

ЦК нашел, что выборы были произведены правильно и никаких дел поднимать не следует.

Об избрании президиума Госуд. Думы. Обстоятельства дела. ЦК и фракцией было принято решение на должности секретаря и одного товарища председателя Госуд. Думы выставить кандидатами и проводить членов партии нар. свободы М. В. Челнокова и Н. В. Тесленко. В соединенном заседании всех левых думских фракций это решение было доложено, и со стороны левых был предьявлен отвод Н. В. Тесленко. В настоящее же время выяснилось, что левые фракции решили не уступить⁴⁰ и выставить на должности секретаря и обоих товарищей председ. Гос. Думы своих кандидатов.

На баллотировку было поставлено два предложения. 1. Находит ли ЦК возможным в виду выяснившихся новых обстоятельств идти на уступки и отказаться от проведения на должности секретаря и одного товарища председателя Госуд. Думы (или одного из них) партийных кандидатур.

ЦК признал необходимым на обе должности проводить лиц, принадлежащих к партии к.-д.

2. Находит ли ЦК возможным в случае отвода левыми партиями предложенных партией к.-д. кандидатов на должность секретаря Гос. Думы М. В. Челнокова и на должность тов. председателя Гос. Думы Тесленко идти на уступки и заменить их другими кандидатами также из партии к.-д.

ЦК признал необходимым не идти на уступки и проводить намеченных ранее кандидатов.

Из переговоров с представителями польского коло выяснилось, что коло при выборе президиума намерено поддерживать партию к.-д. ЦК поручил Л. И. Петражицкому и Ф. И. Родичеву переговорить об этом вопросе от имени ЦК с представителями коло, а также выяснить, желает ли коло выставить своего кандидата на должность одного из товарищей секретаря Госуд. Думы.

По вопросу о заседании всех левых фракций 22 февраля ЦК постановил кроме предложенного уже к обсуждению вопроса о выборах президиума предложить совещанию обсудить порядок дня следующего заседания Госуд. Думы. Кроме того решено предложить совещанию допустить председателя I Госуд. Думы С. А. Муромцева сделать доклад о принятии наказа.

Член ЦК В. Е. Якушкин заявил, что он выбывает в Москву и просит известить его телеграммой, когда в ЦК и во фракцию будут внесены для обсуждения доклады по аграрному вопросу. Кроме того выразил пожелание, чтобы по примеру I Думы к разработке аграрных законопроектов во фракции были привлечены крестьяне.

Затем заседание комитета было закрыто, а следующее назначено в субботу 24 февраля в 8 час. вечера в квартире кн. Павла Дм. Долгорукова.

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 28, лл. 154—156.

№ 88. Заседание ЦК 24 февраля 1907 г.

Присутствовали: кн. Пав. Долгоруков, Корнилов, Шаховской, Протопопов, Милюков, Петрункевич, Муромцев, И. Гессен, Кизеветтер, Иорданский, Петр Долгоруков, Колюбакин, Гредескул, Френкель, Черненко, Мандельштам, Тесленко, Струве, Каминка, Де Роберти, Ломшаков, Родичев.

О комитете фракции. Признано желательным, чтобы члены ЦК, не состоящие членами Гос. думы, входили в комитет фракции с совещательным голосом. Решение это признано необходимым провести через фракцию.

Доклад кн. Д. И. Шаховского о внепарламентской деятельности партии. Князем Д. И. Шаховским были прочтены выделенные из доклада тезисы⁴¹, которые он предполагает разослать в местные комитеты партии. По прочтении тезисов произошел обмен мнений. Для редактирования их избрана комиссия, в которую вошли: кн. Шаховской (председатель), Милюков, кн. Петр Долгоруков и Френкель.

Об организации ЦК. Князь Д. И. Шаховской о занятиях комиссии, избранной ЦК в заседании 15 февраля. Комиссия предлагает для исполнения постановлений ЦК, а также для наблюдения за делами партии в стране избрать особый распорядительный комитет из председателя и нескольких (2—3) членов. В этот комитет должен входить также и председатель ЦК. Должность председателя распоряд. комитета должна быть платной⁴². В настоящее время комиссия предлагает принять этот проект лишь в принципе, самые же выборы отложить до следующего заседания, чтобы успеть сговориться о лицах.

ЦК предложение комиссии принято в следующем виде: учредить при ЦК коллегиальный

исполнительный орган, действующий под ближайшим руководством ЦК и ему подчиненный.

О Московском отделении ЦК. Князь *Д. И. Шаховской* прочел письмо Н. Н. Щепкина из Москвы, в котором последний пишет, что москвичи желают, чтобы московское отделение ЦК было оставлено и впредь; отделение это будет обслуживать 13 губерний не только в агитационном (как теперь), но и в организационном отношении; считают нужным, чтобы в Москве осталось бюро печати, так как петербургское бюро, если такое откроется, будет, вероятно, снабжать провинциальную печать лишь статьями о Думе; просят соответствующую ассигновку, на первое время хотя небольшую.

Обсуждение вопроса отложено до пленарного заседания ЦК, которое назначено на 11 марта.

О кооптации Могилянского. Поставлено на очередь предложение И. В. Лучицкого о кооптации ЦК г. Могилянского. Предложение поддержано Корниловым и Колюбакиным. Баллотировкой 8-ю голосами против 5 предложение принято; однако ввиду сомнения в том, возможна ли кооптация при столь малом количестве членов и не следует ли по уставу партии производить кооптацию в пленарных заседаниях, ЦК признано настоящее решение пока не состоявшимся.

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 28, лл. 157—158.

№ 89. Заседание ЦК 27 февраля 1907 г.

Присутствовали: Милюков⁴³, Изгоев, Петрункевич, Корнилов, Кизеветтер, Струве, Чернеков, Де Роберти, Тесленко, И. Гессен, Френкель, Петр Долгоруков, Шаховской, Родичев, Винавер, Иорданский, Пав. Долгоруков, Тыркова, Маклаков, Каминка, Гредескул.

О легализации партии. Доложено, что на днях истекает месячный срок со дня подачи заявления о легализации партии. Поставлен вопрос, не следует ли официально запросить о положении дела. ЦК постановил: ввиду неясности политического положения никаких шагов в этом направлении не предпринимать.

О работах бюджетной комиссии при ЦК. Председ. бюджетной комиссии *И. Петрункевич* объяснил, что комиссия имеет представить доклад о своих предположениях. ЦК постановил: доклад бюджетной комиссии заслушать прямо во фракции 28 февраля, не пропуская через ЦК. К этому же времени пригласить докладчика комиссии г. Фридмана.

О чтении приветствий в Госуд. Думе и доложить их суммарно. Приветствия должны читаться после декларации Столыпина.

О порядке дня следующего заседания Госуд. Думы. Установлен следующий желательный порядок заседания: 1. Доклады отделов об утверждении членов Думы. 2. Декларация Столыпина. 3. Предложения о принятии временных правил, принятых I Госуд. Думой. 4. Предложение члена Гос. Думы Геруса (декларация с.-д.). 5. Чтение приветствий, полученных Госуд. Думой.

Об административном органе при ЦК. Согласно с предложением *Д. И. Шаховского* ЦК постановил: учредить при ЦК особый административный исполнительный орган под названием распорядительная комиссия. Распорядительная комиссия состоит из председателя и двух членов, избираемых ЦК, кроме того в состав ее входят секретарь и казначей ЦК. Председатель ЦК участвует в заседаниях распор. ком. без права голоса и наблюдает за правильностью ее действий. В случае несогласия его с решениями распор. комиссии он может остановить исполнение, но обязан немедленно созвать ЦК, от которого и зависит дальнейшее решение вопроса. Должность председателя распор. комиссии должна оплачиваться из средств ЦК. Вопрос об оплате должностей 2 членов распор. комиссии пока оставить открытым. Выборы в распорядит. комиссию произвести в пленарном заседании ЦК 11 марта.

О бюро печати. Кн. *Д. И. Шаховской* доложил, что образуется бюро печати, которое ежедневно будет давать в провинциальные газеты по статье о думской деятельности; предполагается, что пока авторы будут работать бесплатно. Нужна ассигновка на первый месяц в размере 60 р.; из них 40 р. на наем писца и 20 на почтовые расходы.

ЦК постановил ассигновать 60 р. на 1 месяц.

О Моск. отделении ЦК. Кн. *Д. И. Шаховской* доложил, что московское отделение ЦК просит о временной ассигновке на 1 месяц (до утверждения новой сметы) на расходы отделения 150 р.

ЦК постановил ассигновать 150 р.

О газете «Народная Свобода». А. С. Изгоев доложил, что члены фракции дают очень мало статей и вообще мало интересуются газетой. Кроме того возник вопрос не следует ли передать газету в руки фракции.

ЦК нашел, что передача газеты во фракцию в настоящее время была бы несвоевременна. Постановлено устроить совещание, на которое пригласить всех интересующихся газетой для того, чтобы сговориться о ведении газеты и для наметки тем. Наметить из членов фракции 2-х лиц. На одного из них возложить заботу о добывании от членов фракции статей, отчетов о поездках на места и пр.; на другого заботу о распространении газеты.

Об осведомлении пер[иодической] печати о работе фракции. Постановлено предложить на обсуждение фракции вопрос о необходимости в конце каждого дня составлять краткий свод работы для газет.

О состоявшихся решениях, касающихся деятельности фракции, ЦК просил доложить фракции князя Д. И. Шаховского.

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 28, лл. 159—162.

№ 90. Заседание ЦК 4 марта 1907 г.

Присутствовали: кн. Пав. Долгоруков, Корнилов, Изгоев, Ломшаков, Гредескул, Тыркова, Милуков, Набоков, Родичев, Шаховской, И. Гессен, Протопопов, Колюбакин, Каминка, Петр Долгоруков, Петражицкий.

Об отказе в легализации партии⁴⁴. ЦК постановил обжаловать в Сенате отказ в легализации партии. Директива для местных комитетов остается прежняя: по возможности открытая деятельность; уход в подполье только в случае крайней необходимости. Частичная легализация в отдельных местностях под названием различных обществ нежелательна.

О положении аграрного вопроса в комиссии. Доложено, что работы аграрной комиссии близятся к концу и на этих днях могут быть внесены на рассмотрение ЦК.

Постановлено: для ознакомления ЦК с работами комиссии назначить на 9 марта соединенное заседание ЦК и аграрного бюро.

Денежный отчет и смета ЦК. А. А. Корнилов прочел составленный им отчет за 16 месяцев. Ввиду того, что в отчете не имеется некоторых сведений о расходах, ЦК постановил просить А. А. Корнилова пополнить отчет недостающими сведениями. ЦК просил также А. И. Каминку выяснить финансовое положение партии и доложить о нем 11 марта в пленарном заседании ЦК.

Смета расходов ЦК на 1 год исчислена докладчиком в 112 тысяч рублей. ЦК постановил окончательное решение сметы, как и отчета, отложить.

О пленарном заседании ЦК 11 марта. Доклад об учреждении при ЦК исполнительного органа (распорядительного комитета) взял на себя кн. Д. И. Шаховской.

О более близкой связи с примыкающими к к. д. парламент. фракциями. Кн. Д. И. Шаховской обратил внимание ЦК на необходимость войти в более близкие сношения с парламентскими фракциями, примыкающими к партии к.-д. Таковыми он считает: 1. Мусульман, 2. Казаков, 3. Украинцев, 4. Сибириков, 5. Коло, 6. Кавказцев и 7. Прибалтийцев.

Постановлено уполномочить для переговоров в наиболее удобное время от имени ЦК следующих лиц: 1. И. Гессена, Колюбакина и Мандельштама для переговоров с мусульманами. 2. Петражицкого и Родичева — с коло. 3. Шаховского и Милукова — с казаками. 4. Вернадского — с украинцами. 5. Корнилова и Шаховского — с прибалтийцами. 6 и 7. Кавказ и Сибирь пока отложить.

О беседах с депутатами-крестьянами. Постановлено возможно чаще устраивать беседы с кр. депутатами. Организация бесед поручена А. М. Колюбакину.

На I очередь намечены следующие лекторы: Н. Н. Кутлер — по аграрному вопросу, Колюбакин — о тактике в Гос. Думе, Милуков и Протопопов.

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 28, лл. 163—163об.

№ 91. Соедин[енное] заседание ЦК и аграрного бюро 9 марта 1907 г.

Присутствовали: Милуков, Колюбакин, Петрункевич, И. Гессен, Корнилов, Якушкин, Иорданский, Котляревский, Черненко, Струве, Гредескул, Шаховской, Маклаков, Протопопов,

Изгоев, Кизеветтер, Тыркова. Члены аграрного бюро: А. А. Чупров, Фридман, Брейэр, Кутлер.

Докладчик аграрного бюро *Н. Н. Черненко* дал объяснение по поводу розданного членам «проекта главных оснований закона о земельном обеспечении земледельч. населения». Дальнейший ход наст[оящего] проекта предполагается — обсуждение в фракции, затем внесение в Думу. Ввиду того, что есть разница от программы, можно внести его от 35 лиц, как в прошлую Думу был внесен проект 42. Съезд не состоялся; ЦК исполнит его функции.

Изгоев возражает против проекта вообще; основа проекта — раздел всей земли; Россия[...] ⁴⁵ община. Не дано цифр ни земли, ни лиц, которым земля будет наделяться. Хватит ли земли — неизвестно, т. к. нет цифр. Ваш проект — проект соц.-револ. Принципом должно быть: высшая норма владения земли, а не трудовая норма.

Котляревский находит 4 пункта серьезных отличий нового проекта от старого. 1 — зем[ельный] фонд — теперь этот пункт сглажен, и многие возражения должны пасть. 2. Вознаграждение за земли и принятие 1/2 издержек за счет государства. Надо знать точнее эту финансовую меру, к чему она приведет. 3. Неизвестно, оставляет ли проект мелкое земле-владение. Как видно, нет, ни мелкого, ни среднего; остается только трудовая норма и обширные свекло-сахарн. плантации. На это надо смотреть открытыми глазами, мы отпугиваем от себя может быть даже мелких землевладельцев! Нахожу, что это противор[ечит] программе. 4. Изменение оценки по «ходатайству владельцев»; это неудобно, придает проекту неюридич. вид. Нахожу, что особенно 3 и 4 п. затруднят прохождение проекта в Госуд. Совете.

Якушкин находит неудобным в настоящее время делать отступления от программы. *Котляревский* думает, что проект делает отступления влево; я полагаю наоборот — влево¹. Госуд. Совет конечно не примет проекта, но из[-за] этого не следует отступать от программы вправо и делать уступки. Уступки — гибель и для партии и даже страны. Имею возражение по пунктам, но буду делать их тогда, когда будет обсуждение по пунктам.

Кутлер. Думаю, что между ЦК и фракцией проект должен быть рассмотрен фракци[онной] комиссией. Конечно хорошо, если проект рассмотрит съезд, но это невозможно. Этот проект я могу защищать и целиком и в том случае, если в нем будут сделаны поправки вправо; поправки влево для меня будут равносильны призыву для меня выйти из партии. О фонде — он не замазан, а действительно устранен, т. к. установлено «пользование», а не «временное владение». Уплата государством 1/2 стоимости земли взята действительно произвольно, от руки. Это уступка членам партии. Выдача деньгами — это практич. знач. не имеет. Пределы отчуждения — Котляревский прав, дело идет о ликвидации всего частного владения земель. Думаю, что это не отступление от программы, снята только завеса. Лично я стою правее; полагаю, что отчуждению должны подлежать в пользу местного (окрестного) населения земли, сдав[аемые] в аренду и обработ[ываемые] кр. инвентарем. Но думаю, что это отступление теперь уже сделать нельзя.

Корнилов. Проект, конечно, провалится в Гос. Совете; но возможна соглас[ительная] комиссия и вперед нечего загадывать. Принцип: право каждого на землю — нами отвергнут; у нас другой принцип: право гос-ва распоряжаться землей. Изложение вопроса о фонде есть результат того, что мы прислушались к народным требов[аниям] и согласовали с ними наши идеологические рассуждения. 1/2 вознаграждения — действительно произвольно; мы на этом не стоим. П. 20: я не вижу разницы между кр[естьянскими] и мелкими владениями; с политич. точки зрения — пожалуй. Думаю, что мы пошли не вправо, а скорее влево; осуществление этого проекта в сущности есть полная почти ликвидация помещичьего хозяйства.

Кутлер. Прибавляю: этот проект считаю при существ[ующих] условиях (соотн. полит. сил) соверш. неосуществ[имым]; по существу и при иных условиях признаю проект правильным.

Струве. Не смотрю так мрачно на Думу и возможность осуществления проекта. По существу, думаю, что возможно уступить 30, 40, 50% и даже помириться на проекте Кутлера. Наибольший пункт возраж[ений] это оплата земли.

Колюбакин. Не закон.

Фридман. Проект неосуществим, он ушел влево. Неосущ[ествим] и по политич. сообр[ажениям] и по существу. Об уступках, о которых говорил Струве: нахожу невозможными.

Обсужде[ние] отло[жено] до сл[едующего] засе[дания].

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 28, лл. 166—167.

Присутствовали: кн. Пав. Долгоруков, Шаховской, Милюков, Коллюбакин, Винавер, Якушкин, Комиссаров, Каминка, Н. Щепкин, И. Петрункевич, Корнилов, Котляревский, Вернадский, Черненко, Кизеветтер, Изгоев, Протопопов, И. Гессен, Тыркова, Родичев, Петражицкий.

Об избирательной кампании в Иркутске. А. А. Корнилов сообщил, что он получил письмо из Иркутска, в котором комитет к. д. спрашивает совета, как поступить на предстоящих выборах. Обстоятельства дела таковы. Из числа выборщиков около 1/3 составляют к.-д.; по столько же с.-д. и н.-с.; есть некоторое количество никуда не примыкающих (национальная группа). Спрашивают, кого поддерживать, с.-д. или н.-с. ЦК постановил: проводите к.-д. относительным большинством.

Выборы президиума ЦК. Кн. Пав. Долгоруков сообщил, что вследствие выбора его в члены Госуд. Думы он просит сложить с него председательствование в ЦК; в таком же положении находится и Н. В. Тесленко. Баллотировкой записками были произведены новые выборы президиума. Избранный большинством 14 прогив 5 оказался П. Н. Милюков⁴⁶; кроме него получили: 4 зап[иски] кн. Д. И. Шаховской и 1 зап. И. Петрункевич. Затем товарищами председателя ЦК были избраны кн. Д. И. Шаховской и В. Д. Набоков.

О московском отделении ЦК. ЦК постановил: продолжить в Москве существование отделения; выбор председателя отделения предоставить самому отделению, поручить для этого Н. Н. Щепкину созвать проживающих в Москве членов ЦК. Кроме того, ЦК постановил передать московскому отделению как агитационные, так и организационные функции по 13 губерниям. Общее руководство над этими губерниями, направление деятельности, рассылка циркуляров остаются в ведении ЦК.

О распорядительной комиссии при ЦК. ЦК принял следующее предложение кн. Д. И. Шаховского, частью уже одобренное в заседании ЦК 27 февраля:

1. Для подготовительных и исполнительных действий при ЦК учреждается постоянная исполнительная комиссия. 2. В частности к обязанностям комиссии относится: заведывание секретариатом и агитационная деятельность¹, финансовой частью партии, исполнение постановлений ЦК, подготовка докладов. 3. Комиссия действует по указаниям ЦК. 4. Комиссия состоит из председателя, двух членов, секретаря и казначея. Все эти лица выбираются ЦК на срок полномочий самого комитета. 5. В заседаниях комиссии имеют право участвовать предс. ЦК или его заместитель. Ему должны посылаться повестки на все заседания комиссии. В случае несогласия его с каким-либо постановлением комиссии он вправе приостановить исполнение такового, но обязан немедленно созвать ЦК для разрешения спорного вопроса. 6. Председатель и члены распорядительной комиссии могут получать вознаграждение за свой труд в размере по назначению ЦК.

О кооптации Могилянского. Большинством 14 против 3 г. Могилянский избран в члены ЦК.

Отчет и смета ЦК. А. И. Каминка прочитал отчет ЦК за истекшие 16 мсц. (по 1 февраля 1907 г.) и доложил о финансовом положении партии. Отчет утвержден ЦК. Проектированная А. И. Каминкой смета утверждена ЦК в следующем виде:

Приход:		Расход:	
Членские взносы ($\frac{11000}{16} = 685$)	8000 р.	Секретариат ($\frac{13200}{16} = 830$)	10000
Доход от съезда	1500	Моск. отделение	3000
Случайные доходы	2000	Расход по секретариату ($\frac{5065}{16} = 335$)	4000
Пожертвования	20000	Агитац. отд. ($\frac{6298}{16} = 385$)	4500
Наличность на 1 февр. 1907 г.	10000	Расходы комиссий	3000
Доход от командировки лекторов	5000	Вестник партии	10000
	<u>46500 р.</u>	Магазин в Москве	3000
		Командировка лекторов	5000
		Разные расходы ($\frac{4717}{16} = 300$)	3600
		Платежи % по займам	<u>1000</u>
			47100 р.

О членах I Гос. Думы, привлеченных к суду за Выборгское воззв. ЦК признал необходимым внести в Гос. Думу запрос о причинах медленности суда над членами Госуд. Думы, привлеченными за подписание Выборгск. воззвания. Обсуждение и выработку формы запроса ЦК поручил: Винаверу, Петрункевичу, Набокову, Петражицкому и Бабину.

О съезде партии. ЦК признал несвоевременным в наст. время созыв съезда. Предложения Д. И. Шаховского: на следующее пленарное заседание ЦК известить губ. комитеты, что могут прислать по одному делегату от губернии, также отклонено ЦК.

Следующее соединенное заседание ЦК и аграрного бюро назначено в среду 14 марта в 2 часа д[ня].

Пленарное заседание ЦК 11 марта 1907 г.

2. Вечернее заседание.

Присутствовали: председ. Милюков, Шаховской, Корнилов, Коллюбакин, Щепкин, Комиссаров, Якушкин, Изгоев, Пав. Долгоруков, Протопопов, Винавер, Каминка, Иорданский, Вернадский, Маклаков, Тыркова, Петражицкий, И. Гессен.

О комиссиях, состоящих при ЦК. ЦК постановил: все законопроекты комиссий при ЦК прежде внесения во фракцию представляются в ЦК. По каждому проекту должен быть особый докладчик по назначению ЦК. По аграрным законопроектам ЦК просил быть докладчиком Н. Н. Черненкова. По рабочему проекту — Н. М. Иорданского.

О кооптировании Н. Н. Кутлера. Большинством 14 голосов против 2 (записками) Н. Н. Кутлер избран в члены ЦК.

О бюро печати для провинциальных газет. А. В. Тыркова сообщила о работах бюро. Бюро действует 2 недели, обслуживает 30 провинц. изданий. Статьи даются бесплатно. А. В. Тыркова просит ЦК разрешить ей и Н. Н. Щепкину в соответствии с потребностью обложить обслуживаемые газеты; обложение вероятно не превысит 1 коп. со строчки.

ЦК с предложением А. В. Тырковой согласился.

Выборы председателя исполн. комиссии. Закрытой баллотировкой записками большинством всех против 1-й ЦК избрал председателем распорядительной комиссии кн. Д. И. Шаховского. ЦК просил Д. И. Шаховского представить свои соображения о смете распоряд. комиссии.

О положении и работах фракции. По просьбе московских членов ЦК кн. Пав. Долгоруков сделал сообщение о положении фракции и ее работах. После сообщения происходил обмен мнений.

По вопросу об амнистии. Вновь поставлен на обсуждение вопрос об отношении к амнистии и к законопроекту об амнистии, вносимому левыми партиями. На баллотировку после прений были поставлены следующие предложения: считает ли ЦК нужным остаться при прежнем решении фракции (передача законопроекта об амнистии в законодательную комиссию для обсуждения вопроса о его конституционности) или следует отклонить таковую передачу.

ЦК постановил передачу в комиссию отклонить.

Следует ли при отклонении законопроекта сделать от имени партии декларацию (предлож[ение] Винавера). ЦК признал необходимым сделать декларацию.

Следует ли кроме декларации предложить от имени партии обращение по этому вопросу к монарху.

ЦК высказался по вопросу отрицательно.

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 28, лл. 168об. — 175.

№ 93. Заседание 21/III 1907.

О киргизах. Сообщение о том, что заявили киргизы во фракции. Заключение по этому вопросу *Кауфмана*. Северная полоса Семипалат. области, самая ценная полоса для переселенцев. От кого отбирается земля? Как понимать достаточность норм?

Вопрос о публикации речи Кутлера.

В воскресенье в 11 часов утра засед. К-та и выборы.

300 руб. ассигновано на печатание речи Кутлера и агр. законопроекта.

Уполномочено бюро прессы напечатать обращение с обещанием списка ЦК. Мил[юков],

Шах[овской], Мог[илиянский], Коллюб[акин], Корн[илов], Протоп[опов], Набок[ов], Долгор[уков], Чернен[ков], Изгоев, Тыркова.

Квартира фракции. Поручить подыскивать квартиры Протопопову и Коллюбакину.

«Думский листок». К-там разослать циркуляр.

Арх. листок отложить до получения сведений.

Смету оконч[ательно] утвердить после выбора Исп. к-сии по ее докладу.

Поручить к воскресенью Шаховскому и Корнилову выяснить, как стоит ознакомление с провинц. группами.

О распростр. газет «Речь» и др. среди депутатов; о рабочей к-сии и нарушении ею программы; о Вест[нике] партии; об отчетах кратких о Думе; о связи ЦК с издательством «Народ. право»; об установлении связи ЦК с Петербург. к-том; о работе в квартире Сувор. 37.

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 28, лл. 176—176об.

№ 94. Заседание ЦК 25 марта 1907 г.

Заседание открыто в 11 ч. 15 м. утра. Участвуют: А. С. Изгоев, Н. М. Иорданский, А. И. Каминка, А. А. Корнилов, А. М. Коллюбакин, Д. Д. Протопопов, А. В. Тыркова, кн. Д. И. Шаховской, Н. Н. Черненков. Председатель П. Н. Милюков.

1) Кн. Д. И. Шаховской сообщил, что председателем Московского отделения ЦК избран Кишкин.

2) По вопросу о помещении для заседаний ЦК и парламентской фракции постановлено: а) просить А. И. Каминку выяснить юридическое положение условий найма совместно с кн. Бебутовым⁴⁷, б) предложить бюро парламентской фракции участвовать в расходах по найму квартиры в размере 150 руб.

3) Поступившее из Казани от Александрова пожертвование в 100 руб. в пользу пострадавших депутатов первого призыва решено принять с благодарностью; образовать для таких пожертвований специальный фонд и публиковать о них в «Вестнике Партии». Распределение сумм предоставить исполнительной комиссии ЦК.

4) Законопроект партии и речь Кутлера в Гос. Думе по аграрному вопросу решено разослать вкладным листом при «Думском листке».

5) Вопрос о кооптации новых членов в ЦК решено перенести в пленарное заседание ЦК.

6) Возбужденный А. В. Тырковой вопрос о жалобах и нареканиях на недостаточно внимательное отношение к депутатам-крестьянам решено перенести в бюро фракции.

7) По поводу заслушанного отчета гр. В. Н. Бобринской о деятельности бюро иностранной печати⁴⁸ постановлено: а) в непосредственное ведение ЦК бюро не принимать, ограничившись лишь материальной его поддержкой; б) ассигновать на расходы бюро, как уже произведенные, так и предстоящие, до 10 мая с. г. 300 руб., в) рассылаемые бюро статьи могут быть и за подписью членов ЦК.

8) Закрытой баллотировкой избраны в члены исполнительной комиссии ЦК А. М. Коллюбакин и Д. Д. Протопопов⁴⁹.

Заседание закрыто в 1 ч. 40 м. дня.

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 28, лл. 177 — 177об.

№ 95. Заседание ЦК 8 апреля 1907 года в 11 ч. 30 м. утра.

Председатель П. Н. Милюков. Присутствуют: А. М. Коллюбакин, Д. Д. Протопопов, Д. И. Шаховской, В. М. Гессен, А. А. Корнилов, А. С. Изгоев, В. Д. Набок, А. И. Каминка, М. М. Могилиянский, И. И. Петрункевич, Н. Н. Черненков, И. В. Гессен, А. А. Кизеветтер, Н. А. Гредескул, П. Б. Струве, А. В. Тыркова, Ф. И. Родичев, Н. В. Тесленко.

1. Кн. Д. И. Шаховской докладывает письмо фракционной комиссии по народному образованию. Постановлено: во исполнение этого письма организовать комиссию при ЦК для выработки соответствующего законопроекта. Поручить это дело Д. Д. Протопопову.

2. О «Думском листке» и средствах на его содержание. Уполномочить кн. Д. И. Шаховского организовать сбор специального капитала на партийную газету для народа паями по 50 руб. каждый. Для покрытия текущих расходов по изданию разрешить временные позаимствования из кассы ЦК за счет ассигнований, жертвуемых Свечиным. Для обсуждения вопросов о постановке дел редакционных устроить совещание, на которое кроме членов редакции пригласить И. В. Гессена и М. И. Ганфмана.

3. Постановлено устроить в ближайшем будущем совместное заседание думской фракции и членов Гос. Совета, принадлежащих к партии.

4. О сношениях членов ЦК с национальными группами. По поводу уже внесенного членами фракции в Гос. Думу запроса о переселении в киргизские земли поручить И. В. Гессену переговорить с представителями киргизов.

5. О сношениях с провинциальными группами. А. А. Корнилов и Д. И. Шаховской сообщают о деятельности исполнительной комиссии ЦК, направленной на оживление, а отчасти на восстановление связей с провинцией. Установлен целый ряд новых адресов для партийных сношений, которые использованы для рассылки «Думского листка» и агитационной литературы. Между прочим уже разослана листовка: «Речь Кутлера и аграрный законопроект партии». Также разосланы для обсуждения на местах законопроекты партии. Результатом этого обсуждения являются пока только три отзыва, поступившие в секретариат ЦК. Несколько писем, особенно характерных для выяснения положения партии в провинции, прочитываются⁵⁰.

6. О студенческой фракции. Постановлено поручить кн. Д. И. Шаховскому организовать во время пасхи агитационные курсы.

7. По выслушании сообщения Н. А. Гредескула о происходивших совещаниях с членами Трудовой группы по вопросу об организации помощи пострадавшим депутатам первого созыва, постановлено продолжать переговоры, отстаивая товарищеский⁵¹ характер предполагаемой организации помощи.

8. Обсуждение доложенного Н. Н. Черненковым аграрного законопроекта отложить на 9 апреля 9 ч. вечера.

10¹. Обсуждением тактики в случае роспуска Думы постановлено заняться в совместном заседании ЦК и бюро фракции.

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 28, лл. 179 — 179об.

№ 96. Пленарное заседание ЦК 15 апреля 1907 г.
открыто в 11 1/2 ч. у.

Председательствует В. Д. Набоков. Присутствуют: И. И. Петрункевич, Н. Н. Черненков, М. Г. Комиссаров, Н. М. Кишкин, А. А. Корнилов, кн. Д. И. Шаховской, Д. Д. Протопопов, А. С. Изгоев, Н. М. Иорданский, А. В. Тыркова, А. А. Кизеветтер и (приглашенный) Ю. Г. Топорков. Журнал ведет А. Ю. Блох.

1. Легализация партии. После того как отказ Сената будет точно установлен, вновь внести устав для регистрации с изменениями в тех пунктах, которые послужили поводом для последнего отказа, и за подписями тех же учредителей. В случае отсутствия из Петербурга кого-либо из первоначальных учредителей, подписи их могут быть опущены или заменены другими. Поручить выяснить вопрос в Сенате И. В. Гессену.

2. Внепарламентская деятельность. Поручить исполнительной комиссии разослать циркуляр, в который включить тезисы доклада кн. Д. И. Шаховского, начиная с 5-го и до конца.

3. Заслушан и принят к сведению доклад Н. М. Кишкина о положении губерний района Московского отделения ЦК на основании сведений, полученных от 5 губернских и 29 уездных партийных организаций⁵².

4. Постановлено ассигновать в распоряжение Московского отделения ЦК по 25 руб. в месяц для бесплатного распространения литературы.

5. Поручить Московскому отделению ЦК заведывание фондом имени М. Я. Герценштейна и Г. Б. Иоллоса⁵³, а также дальнейший сбор пожертвований.

6. Смета (доклад кн. Д. И. Шаховского по уполномочию исполнительной комиссии). Об утверждении проекта сметы на два месяца. По предложению И. И. Петрункевича постановлено утвердить смету на 6 месяцев с 1 мая по 1 ноября 1907 г. с тем, чтобы к 1 ноября вновь рассмотреть ее в связи с наличными ресурсами.

7. Кооптация Свечина. Закрытой баллотировкой (записками) А. А. Свечин единогласно избран в члены ЦК.

8. Предложить фракции составить отчет о деятельности Гос. Думы за подписями членов Думы (через кн. Д. И. Шаховского).

9. О тактике в Гос. Думе по вопросу о контингенте [новобранцев]. Сообщить фракции мнение ЦК по этому вопросу, которое резюмируется так: ЦК полагает, что в речах ораторов в качестве аргументов против отклонения законопроекта не следует указывать на возможность роспуска, а на то, что независимо [от] дальнейшего существования Думы, отклонение

законопроекта может служить лишь к умалению ее престижа. ЦК полагает, что фракция должна заблаговременно выработать декларацию по этому вопросу.

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 28, лл. 180 — 180об.

№ 97. Заседание ЦК 29 апреля 1907 г.

Началось в 11 ч. 30 м. у. Председательствует В. Д. Набоков. Присутствуют: Кизеветтер, Кутлер, Корнилов, Черненко, кн. Д. Шаховской, Свечин, Могиланский, Протопопов, Изгоев, Коллюбакин, Гредескул, В. М. Гессен, Родичев, Тыркова, кн. Пав. Долгоруков, Петрункевич, Винавер.

1. Аграрный законопроект. Решено внести проект, выработанный бюро аграрной комиссии при ЦК и доложенный в заседании ЦК [8 апреля⁵⁴], в аграрную комиссию фракции.

2. Заслушан доклад А. Корнилова о положении дел на местах⁵⁵. Коллюбакин, Свечин и Могиланский сделали дополнения к докладу.

3. Вопрос о нареканиях на Ф. А. Головина⁵⁶. Принято предложение Родичева: *rebus sic stantibus*⁵⁷ ничего не предпринимать. (Большинством 9 против 7 голосов.) Если вопрос о доверии Гос. Думы председателю ее так или иначе возникнет, то единственный способ его разрешения: сложение председателем своих полномочий; причем партия должна настаивать на переизбрании Ф. А. Головина. (Большинством 9 против 7 голосов⁵⁸.)

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 28, лл. 182, 184.

№ 98. Заседание 13/V.

[Присутствуют] Милуков, Шаховской, Петрункевич (по приглаш[ению] Имшенецкий), Свечин, Могиланский, Изгоев, Коллюбакин, Набоков, Кутлер, Протопопов, Родичев, Каминка, Черненко, Корнилов.

1. О помощи членам I Думы. Доклад *Имшенецкого* о положении дела в к-сии. а) Кружок не д[олжен] являться органом ЦК, а м[ожет] только советоваться с ЦК и не д[олжен] говорить от имени партии. б) 100 руб. передать кружку.

2. Об издании популярного отчета о деятельности фракции. Поручено Набокову и Каминке. причем в основание положить «Парлам. недели» из Вест. партии, но принять за отправ. пункт избират. платформу и в особенности журналы фракции, работы парлам. к-сий и речи наших ораторов. Во всяком случае это д. б. отчет о деятельности фракции, а не Г. Думы.

3. Об участии в земском съезде⁵⁹. Доклад *Шаховского*. Необходимо высказать мнение ЦК о съезде. Отношение к данному съезду в сего[дняшней] обстановке безусловно отрицательное. Партия как таковая не участвует в организации съезда и выборах на съезд.

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 28, л. 195.

№ 99. Заседание ЦК 20 мая.

Под председательством П. Н. Милукова открыто в 2 ч.30 м. дня. Присутствуют: А. А. Корнилов, А. А. Кизеветтер, В. М. Гессен, кн. Д. И. Шаховской, Н. Н. Кутлер, А. А. Свечин, М. М. Могиланский, А. В. Тыркова, А. М. Коллюбакин, кн. Пав. Д. Долгоруков, Ф. И. Родичев, И. И. Петрункевич, И. В. Гессен.

1) Доклад А. М. Коллюбакина о съезде представителей комитетов 13 губерний Московского района. В связи с выдвинутыми на этом съезде вопросами ЦК делает следующее постановление. А) Поручить исполнительной комиссии обсудить вопросы о партийной пропаганде в среде народных учителей, а также других вопросов, связанных с просветительской деятельностью совместно с учителями — членами партии, и изготовить соответствующий доклад ЦК. Б) Относительно областных партийных съездов. Одобрена программа обл. съезда в СПб. для губерний СПб., Вятской, Архангельской и Олонецкой. Относительно других обл. съездов вопрос остается открытым впредь до выяснения дел на местах. В) Общепартийный съезд. Для окончательного решения вопроса устроить предварительное совещание с участием представителей губ. комитетов, приурочив его к ближайшему пленарному заседанию ЦК, которое назначено на 10—11 июня в С.-Петербурге. На это заседание решено пригласить по одному представителю от каждой губернии. Г) Поездки членов ЦК на места. Не воз-

ражая в принципе против поездки А. М. [Колюбакина] в Сибирь — отложить ее до половины июня.

2) Вопросы об организации лекций в провинции и о законопроектах по рабочему вопросу отложить до следующего заседания ЦК.

Заседание закрыто в 6 ч. 30 м.⁶⁰

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 28, лл. 197 — 198.

№ 100. Заседание ЦК 27 мая под председательством П. Н. Милюкова;
открыто в 2 ч. 30 м. д.

Присутствуют: А. А. Корнилов, А. М. Колюбакин, Н. А. Гредескул, А. И. Каминка, А. А. Свечин, М. М. Могилянский, И. И. Петрункевич, кн. Пав. Д. Долгоруков, кн. Д. И. Шаховской.

1. Заслушан доклад А. М. Колюбакина о подготовительных действиях к областному съезду 8 северных губерний. Утверждена программа⁶¹ и состав съезда (были разосланы членам ЦК). Доклад о деятельности парламентской фракции поручено сделать П. Н. Милюкову и А. А. Кизеветтеру.

2. Поручить кн. Д. И. Шаховскому выяснить вопрос о положении законодательных работ и вопросов народного образования и реформы местного самоуправления в соответствующих комиссиях фракции и Думы для того, чтобы предложить соответствующие вопросы на обсуждение местных партийных организаций.

3. Финансы партии. В виду крайне стесненного положения кассы ЦК, постановлено: А. Разослать циркуляр местным партийным организациям с указанием финансовых затруднений, переживаемых партией, и с просьбой сделать причитающийся от местных групп взнос, хотя бы и в части, в определенный срок. В этом циркуляре подчеркнуть нужды издательской деятельности партии⁶². Б. При агитационных поездках членов ЦК обратить особое внимание на финансовую часть. В. Реализовать имеющиеся в распоряжении казначея ЦК векселя.

4. Квартирный контракт на помещение в доме № 37, срок коему истекает 25 июня, решено не возобновлять.

5. Просить Н. А. Гредескула, В. М. Гессена и А. М. Колюбакина прочесть лекции на курсах для нар[одных] учителей в Москве.

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 28, лл. 200 — 200об.

Примечания

1. Так в тексте.
2. Текст обрывается.
3. Слово не разобрано.
4. Речь идет о Партии мирного обновления.
5. Текстов воззваний в деле не имеется.
6. Заседания ЦК 28—29 ноября 1906 г. были пленарными с участием «многих провинциальных членов партии» (Речь, 30.XI.1906).
7. Далее зачеркнуто: «и др. путями. Этот кружок м[ожет] иметь отделения в Москве и в др. местах и образовать там особые к-ты».
8. Текст декларации в деле отсутствует.
9. В настоящем деле имеется заключительная часть этого доклада, написанная рукой Струве (л. 110): «В виду всего сказанного, я прошу ЦК поддержать начатую работу и дать возможность шире ее развернуть. Для этой цели я предлагаю: 1) Ассигновать [рабочей] комиссии на литературные пособия 200 рублей. 2) Ассигновать комиссии на созыв конференции для обсуждения вопроса о регулировании в займе профессиональных союзов — 200 рублей. 3) Одобрить план разработки вопроса социального законодательства [и] озаботиться изданием к открытию Госуд. Думы сборника статей по рабочему вопросу с тем, чтобы эти статьи по возможности резюмировались в готовых законопроектах или по крайней мере основных положениях реформы. 4) Пригласить с 1 декабря особое лицо в качестве специалиста в помощь мне при дальнейшей организации и ведении специальных совещаний, при составлении законопроектов и редактировании указанного сборника».
10. Имеется в виду отъезд А. А. Муханова на лечение за границу.
11. В деле письма А. М. Колюбакина не имеется.

12. На полях приписка: «Сообщено Кишкину 10/I—907».
13. В пленарном заседании ЦК 28—29 декабря 1906 г. кроме членов Комитета приняли участие 25 представителей губернских партийных организаций (Речь, 31.XII.1906).
14. На полях приписка: «О прогрессив. флаге».
15. На полях приписка: «Оригинальный взгляд».
16. На полях приписка: «Привлекать к ответственности».
17. Имеется в виду профессор Н. А. Бородин.
18. По примеру своего 3-го съезда, работавшего накануне созыва I Думы, кадеты предполагали провести съезд также и перед началом работы II Думы. Он, однако, не состоялся.
19. На полях — знак вопроса.
20. Имеются в виду «дуземы» (douzieme) — помесячные расходы правительства в размере двенадцатой части бюджета предыдущего года, предусмотренные Основными Законами на случай неутверждения нового бюджета на текущий год.
21. «Правила о порядке рассмотрения государственной росписи доходов и расходов», утвержденные императором 8 марта 1906 года.
22. По этому вопросу было подготовлено два проекта — в Москве и Петербурге (см.: Законодательные проекты и предположения Партии Народной Свободы. 1905—1907 гг. СПб. 1907).
23. Так в тексте. Речь идет, вероятно, об указе 15 ноября 1906 г. о выдаче крестьянам ссуд под надельные земли.
24. В деле этой телеграммы нет.
25. Протокол написан рукой А. А. Корнилова.
26. Полностью доклад Милюкова издан отдельной брошюрой под заглавием «Новая Дума».
27. На полях приписка: «По-моему, тактики у нас и теперь нет, или в извест. смысле и тогда была».
28. Т. е. блоков с другими фракциями.
29. Текста выступления А. А. Корнилова в протоколе нет.
30. Т. е. Совета министров.
31. Совет старейшин думских фракций.
32. Полностью этот доклад опубликован в кн.: Законодательные проекты и предложения Партии Народной Свободы. 1905—1907 гг.
33. Далее зачеркнуто: «Временно поручить ведение газеты 3-м лицам. 1. Хозяйственная часть — Н. А. Бороздину. 2».
34. ЦК мотивировал создание этой комиссии стремлением «избегнуть» повторения опыта I Думы, когда «все наличные силы центрального комитета и особенно петербургской его части были сосредоточены на обслуживании Думы и думской фракции» партии, «вследствие чего задачи внепарламентской деятельности и организационная работа в стране невольно отодвинулись на второй план и выполнялись без достаточной энергии». Комиссия была призвана «действовать в этом отношении с большей самостоятельностью и с большим авторитетом, нежели секретариат ЦК» (Отчет ЦК к.-д. партии, с. 7—8).
35. В протоколе доклада Милюкова не имеется.
36. Ход этого заседания воспроизводится по белой записи протокола со вставками из двух черновиков, отложившихся в этом же деле. Текст черновиков заключен в круглые скобки.
37. Текст сообщения Винавера (лл. 146—146об.): «Проект резолюции по вопросу об осуждении политических убийств. При обсуждении ответного адреса I Государственной Думы один из членов предложил Государственной Думе выразить осуждение политическим убийствам. Возникновение такого предложения возможно и во II Государственной Думе. Ц. К. к.-д. партии считает потому необходимым установить ту точку зрения, на которую должны стать представители партии при обсуждении этого вопроса в Государственной Думе.

Ц. К. полагает, что политическая партия по существу своему не может быть объединяема какою-либо единообразною этической оценкою чужих поступков; и потому, если бы известный образ действий вызывал даже единогласное осуждение всех лиц, входящих в данную минуту в состав партии, — партия как целое, оставаясь в пределах своих строго-политических задач, не вправе формулировать такое отношение как акт партийной жизни. Партия обязана установить определенно те средства, которыми она предполагает достигнуть намеченных ею политических целей. Система тех средств, к которым считает возможным прибегать для достижения своих целей партия Народной Свободы, ею установлена: политические убийства в эту систему не входят и никогда не входили. Это единственное заявление, которое члены партии, как таковые, могут от ее имени по данному вопросу сделать. Все, выходящее за пределы этого основного положения, может явиться лишь либо социологическим объяснением политических убийств как зла, неизбежного при конкретных условиях политического строя, либо этической оценкою политического убийства, по существу своему индивидуальной. По тому же соображению оно не может быть требуемо — ни одобрение, ни осуждение — и от Государственной

Думы, — от совокупности представителей *политических* течений, призванной осуществлять *политические* задачи. Независимо от этого, делаемое Государственной Думе предложение осудить политические преступления, очевидно, ни в малейшей мере не рассчитано на достижение какого-либо непосредственного результата: совершенно ясно, что самое решительное осуждение политических убийств со стороны Государственной Думы не остановит ни на миг руки покушающегося на политическое убийство. Ясно также, что обычное сочетание осуждения политических убийств с осуждением правительственных казней, так называемое осуждение убийств, «откуда бы они ни исходили», маскирует только цель самого предложения. Ибо целью предложения не является ни обращение к правительству, ни обращение к политическим убийцам. Целью его является политическое оказательство, имеющее демонстрировать вообще уменьшение антиопозиционного настроения страны. А совершение политического акта с *такою* единственною целью не может входить в задачи партии Народной Свободы».

38. В черновике соответствующее место записано так: «О врем. комитете фракции. О порядке 1-го дня Г. Думы. Маклаков — доложил, что у него и у Долгор[укова] были 2 предст. фракции с.-д. Спрашивали, кого предложат к.-д. в президиум; после ответа заявили, что они претендуют только на 1 м[есто] товарища секретаря. Не согл[асились] на 1 м[есто] тов[арища] предс[едателя] из польского коло. Больше трудовика. Во время чтения тронной речи не войдут. 1-й день как в прошл. году: выб. предст. и закрытие Думы до предст[авления] [председателя] Государю».
39. Тезисов Милюкова в протоколах нет.
40. В черновике после этих слов записано: «Больше ни одного места в президиуме к.-д.».
41. Тезисы доклада Д. И. Шаховского см.: ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1, д. 710.
42. В черновике добавлено: «остальные — не платные».
43. В черновике отмечен как председательствующий.
44. В связи с отказом правительства в легализации кадетской партии А. И. Каминка писал: «Отказ в легализации... имеет огромное симптоматическое значение с точки зрения отношения министерства к нынешней Думе... Это министерство не может примириться ни с какой серьезной оппозицией, так как политические партии, оппозиционные для него, имеют опасный революционный характер» (Каминка А. Отказ в легализации партии. — Вестник Народной Свободы, 1907, № 10, стб. 667).
45. Два слова не разобраны.
46. Согласно черновому протоколу Милюков был избран 12 голосами «за».
47. В черновике протокола запись: «Предложение Бебутова принять с благодарностью».
48. В черновике бюро названо «бюро доставки статей за границу».
49. В черновике: «Избраны Колюбакин (13) и Протопопов (12) в исп. к-сию».
50. В деле писем не имеется.
51. Далее зачеркнуто: «частно-кружковой».
52. Этих материалов в деле нет.
53. Кадеты Герценштейн и Иоллос — жертвы черносотенного террора.
54. Дата указана в черновике этого протокола.
55. Тезисы доклада А. А. Корнилова (лл. 185—185об.): «Доклад 29/IV 907 ЦК-ту. О положении дел на местах и о сношениях с мест. группами. I. Были разосланы: а) все законопроекты, напечатанные в №№ 10, 11 и 12 «Вестника» и в «Думском листке», б) запрос об адресах для рассылки литературы и др. сношений, в) запрос о том, в каком количестве м. б. распространено особое воззвание о высылке газет. Прислали отзывы: на проект мест. реформы — комитеты Орловский, Рязанский и уезд. Подольск. к-т Моск. губ.-нии, на проект аграр. реформы — Нарвский и Осташковский, на рабочий законопроект — районный Арбатск. к-т г. Москвы (передан Струве). На запрос об адресах отозвались многие губ. к-ты и прислали неск. тысяч адресов выборщиков, уполномоч. волост. общ. и мелких землевлад., земских гласных и служащих и т. д. Адресы эти переносятся на карточки вместе с адресами подписчиков «Думск. листка». Им начата высылка пробн. №№ газеты и воззваний. На запрос о воззваниях, кроме Тверских к-тов, взявшихся распространить до 10 000 воззван., взялись пока распространять таковые еще 72 комитета, которым выслано всего по их требованиям 47 500 штук и еще предстоит выслать 8 000. Кроме того, через членов фракц., лиц, живущих на Суворовск. кв., и др. распространено до 7 000 экз. II. О положении дел на местах и о настроении населения получены сведения от к-тов: Казанского, Нижегородского, Сарапульского, Екатеринбургского, Гродненского, Тифлисского, Харьковского, Киевского, Черниговского, Семиреченской обл. Привести выдержки. Кое-где (в Пермской, Нижегородской губ., Сарапульского уезда) наблюдается полезное действие поражения на выборах: начинают подтягиваться, шевелиться и переформировываться. В Харьковск. и Киевск. университетах наблюдается успех к.-д. идей между студенчеством. В Черниговск. губ. интерес к земским выборам и земск. реформе. Об отношении к Думе в Грозном (уже доложено) и в Казани. Сведения, привезенные Свечиным и сообщенные Протопопову и Колюбакину Оболенским».

56. Недовольство кадетским председателем Думы высказывали как левые, так и правые. Левые были возмущены его постоянными придирками к их ораторам и лишением их слова (например, социал-демократа А. Г. Зурабова на заседании 16 апреля), правые — тем, что Головин вообще давал говорить левым.
57. При неизменном положении вещей (*лат*).
58. В черновых заметках о повестке дня этого заседания дополнительно было указано: «О мерах к ускорению законодательной работы Думы (Колюбакин). О способах образования прочного большинства в Думе (Протопопов)».
59. Имеется в виду очередной общеземский съезд, работавший в Москве в июле — августе 1907 года.
60. В черновой записи этого протокола добавлено: «Вопрос о лиге образов. и об учительских съездах. Предложения Юницкого (через Тыркову и через Милюкова) и вопрос о союзе учителей при к.-д. партии. Поручение исп. к-сии принять меры к обсужд. просветит. вопросов с компетент. и заинтересов. лицами и по пунктам 2, 3 и 4».
61. Программу совещания представителей к.-д. партии от 8 северных губерний см.: ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1, д. 732.
62. Циркуляр см.: ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 28, лл. 188—189.

Герб Российского государства

Н. А. Соболева

В России так же, как во многих странах Европы, эмблемы, вошедшие позднее в государственный герб, появились в средневековье. Основные эмблемы, составляющие российский государственный герб: всадник, поражающий копьем дракона, и двуглавый орел изображены (один — на лицевой стороне, другой — на оборотной) на государственной печати Ивана III 1497 года. Первым обратил на нее внимание Н. М. Карамзин, который отмечал, что символика русского государственного герба ведет начало от этой печати¹. По-видимому, высказывание знаменитого историка послужило одним из оснований для празднования в 1897 г. 400-летия русского государственного герба. К концу XIX в. (за 400 лет) он, конечно, существенно изменился, однако основными его компонентами остались те же эмблемы — двуглавый орел и всадник, поражающий дракона, названный к этому времени св. Георгием Победоносцем.

Если на печати 1497 г. обе эмблемы выступали как бы на равных, занимая каждая свою сторону, то уже со следующего века двуглавый орел «завоевывает приоритет», а в XVII в. становится главной эмблемой российского государственного герба. Во всяком случае, первое официальное описание его, помещенное в именном указе «О титуле царском и о государственной печати» в 1667 г., гласит: «Орел *двоглавый* есть герб державный великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича, всея Великие и Малые и Белые России самодержца, его царского величества Российского царствия, на котором три коруны изображены, знаменующие три великие, Казанское, Астраханское, Сибирское славные царства, покоряющиеся Богом хранимому и высочайшей его царского величества милостивейшего государя державе и повелению; на правой стороне орла три грады суть, а по описани в титуле — Великие и Малые и Белые России, на левой стороне орла три грады своими писанными образуют Восточных и Западных и Северных; под орлом знак отчича и дедича, на персех изображение наследника, в пазноктах скипетр и яблоко изъясляют милостивейшего государя, его царского величества самодержца и обладателя»².

Со времен В. Н. Татищева, то есть с XVIII в., в отечественной литературе существует версия о заимствовании Иваном III византийского герба — двуглавого орла — после женитьбы его на Софье (Зое) Палеолог, племяннице последнего византийского императора Константина XI Палеолога. Кстати, первый русский историк сомневался в точности излагаемой им версии возникновения русского государственного герба, «о котóром далее, — писал он, — испытать оставляю более меня сведущим»³.

Западноевропейские исследователи занимают однозначную позицию относительно

Соболева Надежда Александровна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории России РАН.

использования двуглавого орла как знака власти, полагая, что в Византии двуглавый орел являлся формой украшения, орнаментом, а не гербом, ибо если и был в Византии герб, то его рисунок был иным. Еще в начале нашего века известнейший знаток византийских и русских печатей Н. П. Лихачев, высказывая свои соображения по поводу существовавшего в литературе утверждения о заимствовании государственной печати с двуглавым орлом из Византии, писал: «Если будет доказано положение, что Византия (так же, как и Римская империя) не знала государственной печати и на печатях императоров не помещала геральдического двуглавого орла, станет очевидно, что Московское правительство не могло заимствовать непосредственно из Византии того, чего та не имела»⁴.

Правда, существуют некоторые данные о знакомстве морейских деспотов, один из которых был отцом Зои, с двуглавым орлом, однако прямой наследник их, брат Зои Андрей, продававший наследственные права на византийский престол нескольким государям и высокопоставленным лицам Европы, раздававший титулы и звания, нигде не упоминает о передаваемом гербе, который, как известно, составляет существенный атрибут власти. Что же касается якобы заимствования двуглавого орла после женитьбы Ивана III на Зое Палеолог (1472 г.), то остается непонятным, почему ему надо было так долго ждать, а именно 25 лет, чтобы взять двуглавого орла в качестве своей эмблемы и поместить на государственную печать.

В западноевропейских странах, в отличие от Византии, двуглавый орел превратился в знак господствующей власти, так как помещался на монетах и печатях правителей. С XIII в. это изображение получило там широкое распространение. Здесь устанавливается даже различие между одноглавым орлом как королевским гербом и двуглавым — императорским. Превращение двуглавого орла в гербовую фигуру находится в неразрывной связи с формированием в средневековой Европе института герба в целом (известно, что гербы здесь возникли еще в эпоху крестовых походов и турниров).

Как результат влияния западноевропейских традиций, которые в это время наряду с византийским влиянием утверждаются в южнославянских странах, на Балканах, можно расценить появление двуглавого орла у болгарских царей (на монетах), у сербских правителей (на печатях), в Албании — у князя Скандербеге (на печати, остался в гербе государства).

В XV в. утвердился двуглавый орел в качестве герба правителей Священной Римской империи. Американский ученый Г. Эйлиф высказал мысль⁵, что хотя появление на печати Ивана III двуглавого орла и связано с его претензиями на титул кесаря, по времени оно относится к моменту установления дипломатических контактов с Габсбургами (начало 90-х годов XV в.). Таким образом, Эйлиф усматривает прямую связь между возникновением двуглавого орла на печати московского великого князя и его знакомством с атрибутами власти правителей Священной Римской империи. Свидетельства о стремлении Ивана III поставить себя наравне с первым монархом Западной Европы общеизвестны.

Отечественные историки, анализируя идеологическую политику великокняжеской власти за последнюю четверть XV в., отмечают ряд шагов Ивана III, направленных на укрепление его политического престижа как правителя суверенного государства. Это проявилось, в частности, в ответе Ивана III, переданном через дьяка Федора Курицына послу императора Священной Римской империи Николаю Поппелю. На предложение коронации, которую якобы мог совершить только «царь римский», посол императора Фридриха III получил ответ: «А что еси нам говорил о королевстве, если нам любо от Цесаря хотети кралем поставлену быти на своей земле, и мы Божию милостию государи на своей земле изначала, от первых своих прародителей, а поставление имеем от Бога, как наши прародители, так и мы, а просим Бога, чтобы нам дал Бог и нашим детям и до века в том быти, как есмя ныне государи на своей земле, а постановления, как есмя наперед сего не хотели ни от кого, так и ныне не хотим»⁶.

Проводились и другие мероприятия, возвеличивающие политический престиж объединителя русских княжеств в единое государство: выпуск золотых монет по типу широко известных в Европе венгерских дукатов, усложнение великокняжеского титула — «государь всея Руси», «царь», коронация в 1498 г. внука Ивана III Дмитрия на великое княжение, при котором сам «государь всея Руси» выступал уже как император (по типу Священной Римской империи, где существовали титулы короля и императора). Создание государственной печати 1497 г. правомерно рассматривать именно в этом контексте.

Конечно, можно видеть во всех этих фактах желание Ивана III «во всем равняться — в титулах, и в формулах грамот, и во внешности булл — цесарю и королю римскому»⁷. И двуглавый орел вряд ли стал бы эмблемой на печати Ивана III, если бы великий князь не знал, что она идентифицирует высокое положение западных императоров. (Судя по печатям отца

Ивана III великого князя Василия II и по его собственным печатям, общерусским символом могла стать другая эмблема — лев, пожирающий змею.) Однако думается, что акцент надо делать не на факте знакомства русских с западноевропейским делопроизводством, а на зависимости иконографии печати, общегосударственного знака власти, от официальной доктрины, существовавшей в Русском государстве уже в то время.

Западноевропейские монархи считали себя прямыми потомками римских императоров. В процессе утверждения этой концепции, ее совершенствования и детализации возник символ императорской власти в виде двуглавого орла. Хотя теория происхождения русских государей от императора Августа, как предполагают, оформилась в XVI в. (характерны в этой связи слова Ивана IV, адресованные шведскому королю Юхану III: «А что писал еси о Римского царства печати, и у нас своя печать от прародителей наших, а и римская печать нам не дико: мы от Августа Кесаря родством ведемся»⁸), по-видимому, и в конце XV в. существовало литературное произведение политического характера, обосновывающее происхождение русского государя, равенство его по рождению с западноевропейскими⁹, что и повлекло за собой появление эмблемы, выражающей знатность этого происхождения, — двуглавого орла.

Другая государственная эмблема — всадник, поражающий копьём дракона, — в современной литературе трактуется чаще всего как символическое изображение русского воина, защищающего родную землю от врагов. Однако это не объясняет, почему именно данная эмблема получила статус государственной в результате ее помещения на печать.

Изображение вооруженного всадника типично в XIII—XIV вв. для княжеских печатей Западной и Восточной Европы. Его можно обнаружить на печатях и монетах литовских князей, на польских печатях, на печатях многих суверенов Европы. Среди изображений на русских монетах конца XIV—XV в. часто встречается всадник с копьём, мечом или соколом. В это же время среди монет Московского великого княжества появляются экземпляры, на которых всадник, держащий копьё, поражает или лежащий под ногами коня какой-то предмет, или голову дракона, или самого дракона. Постепенно всадник приобрел детали, приближающие его к изображению на печати 1497 года. Чтобы не спутали этот образ с каким-либо другим, всадника сопровождали буквы «К», «К — Н» (князь). Близость всадника образу популярного св. Георгия-змееборца, Георгия Победоносца, побуждала потомков (начиная с XVIII в.) соединить эти образы в одно целое, хотя в XVI—XVII вв. в многочисленных документах встречается вполне четкое толкование всадника как великого князя, царя или же наследника.

В XIV—XV вв. образ этого святого воина был широко известен на Руси. И в литературе XV в. все важнейшее прослеживается тенденция исключительности Москвы, а вместе с ней — исключительность патронирования московских князей теми святыми, которые покровительствовали князьям-воинам Киева и Владимира. По-видимому, этим объясняется и особое пристрастие московских князей к Георгию-воину, который выступал покровителем киевских князей. Московские князья переносили на себя не только деяния святого воина, защитника и заступника, но и его внешний вид. В основе же подобного пристрастия к покровителям князей домонгольской Руси лежала идея преемственности власти московских князей от киевских, через владимирских. Эта теория, обосновывающая происхождение московских князей, как писал Л. В. Черепнин, формируется в конце XIV в. и на протяжении всего XV в. остается одной из основных политических теорий Русского государства¹⁰.

Таким образом, печать 1497 г. явилась отражением концепции власти, а символы ее свидетельствовали, с одной стороны, о древности происхождения власти московских князей, а с другой — о знатности русского государя. Они отвечали политическим потребностям эпохи и должны были служить доказательством права Ивана III на титул кесаря. Все последующие русские государи использовали эти эмблемы в своих печатях; они вошли в государственный герб.

При Иване Грозном всадник стал изображаться на груди двуглавого орла. Ко времени его правления относится и печать, где двуглавого орла окружают эмблемы земель, княжеств, царств, входящих в царский титул. В XVII в. к двуглавному орлу и всаднику, поражающему дракона, добавляются новые элементы, вошедшие в государственный герб. Прежде всего это — третья корона над (между) двумя головами орла. «Прибавление» произошло в 1625 г. при Михаиле Федоровиче. В XVII в. в когтях орла появились скипетр и держава. Эти регалии царской, королевской, императорской власти общеприняты во всех государствах, где такая власть существует.

Видоизменялся российский государственный герб и при Петре I. В начале XVIII в. по его приказанию было вырезано несколько печатей, отличающихся от тех, которыми пользовались его предшественники и он сам в XVII веке. Орел располагался в гербовом щите, кото-

рый увенчивала корона, а вокруг щитка, где помещался всадник, колющий дракона, изображалась цепь ордена Андрея Первозванного со знаком — крестом. Орден Андрея Первозванного — первый русский орден — был учрежден в конце XVII века. С этого времени цепь ордена с его знаком — «косым» андреевским крестом голубой эмали, с изображением святого, как правило, окружает центральный щиток на груди двуглавого орла в российском государственном гербе.

После победоносного окончания Северной войны Петру I, как известно, был поднесен в 1721 г. императорский титул. Изменение титула, естественно, должно было повлечь за собой и появление новых символов власти, например императорской короны на печатях, в гербе. Учреждение Герольдмейстерской конторы и появление для работы с гербами пьемонтского дворянина, графа Ф. Санти, поступившего на службу в качестве «товарища» герольдмейстера, повлекло за собой профессиональное составление и описание гербов Российского государства, в частности рисунков герба в цвете:

«Поле золотое, или желтое, на котором изображен императорский орел песочный, т. е. черный, двоеглавый... На орловых грудях изображен герб великого княжества Московского, который окружен гривною или чепью Ордина Святого Андрея. И есть сей герб таков, как следует. Поле красное, на котором изображен Святой Георгий с золотою короною, обращен он налево, он же одет, вооружен и сидит на коне, который убран своею збурею с седловою приправою с покрывкою и подтянут подпругами, а все то колера серебряного, или белого; оной святой Георгий держит копьё в пасти, или во рту, змия черного»¹¹. Таково одно из самых первых «цветовых» описаний российского герба.

В самом начале XIX в. государственный герб Российской империи чуть было не подвергся очень существенным изменениям. В 1800 г. Павел I повелевает изготавить манифест о «Полном государственном гербе Всероссийской империи». Манифест в связи со смертью Павла I опубликован не был, но оригинал его хранился в Департаменте герольдии. На первых 4-х листах — текст манифеста, на 5-м — рисунок герба, затем — описание герба. Основное отличие нового герба — размещение титульных гербов не на крыльях орла, а в большом щитке, расположенном на груди орла. В государственном гербе появляется сень — мантия, щитодержатели в виде ангелов и прочие атрибуты, заимствованные из западноевропейской геральдики. При Павле I появляется на груди орла восьмиконечный белый мальтийский крест под короной со звездой, что было связано с принятием им титула Великого магистра Ордена св. Иоанна Иерусалимского. Александр I восстановил прежний российский герб.

В эпоху Александра I и Николая I трактовка двуглавого орла очень часто выдержана в господствующем в то время стиле ампир. Двуглавыи орел вместо скипетра и державы держит в лапах: в левой — венок и ленту, в правой — пучок стрел, факел, ленту. Щиток на груди орла имеет необычную конусовидную форму, а цепь ордена Андрея Первозванного, титульные гербы на крыльях или вокруг орла отсутствуют. Кроме того, крылья орла «распростерты», опущены вниз, то есть изменили свое традиционное положение. Это-то и вызвало нарекания общественности. Московский митрополит Филарет писал министру двора графу В. Ф. Адлербергу: «Сия малость не осталась без последствий; были недовольные сим, как бы некою приметою, что Россия уже не возвышается, а опускает крылья. Это предрассудок, но не излишняя предосторожность и против предрассудков, которые возбуждаясь, производят расстройство в мыслях народа»¹².

Подобные новации, однако, допускались при изображении герба на монетах, гербовой бумаге, пуговицах и кокардах и т. д. Государственной печати изменения не коснулись. На монетах с 30-х годов XIX в. изменился набор гербов на крыльях орла: вместо эмблем великих княжеств Владимирского, Новгородского, Киевского появились гербы Царства Польского, Царства Херсонеса Таврического, великого княжества Финляндского.

При Александре II произошла новая «реконструкция» государственного герба. В 1857 г. при Департаменте герольдии Сената специально для работы над гербами было создано Гербовое отделение, возглавленное Б. В. Кёне. Он использовал проекты предшествующих преобразований герба и на их основе создал новый тип российского герба. Кёне, естественно, ориентировался на общепринятые в европейской монархической геральдике нормы и правила. Особым комитетом (при участии Кёне) Александру II была представлена на утверждение целая серия гербов. Они были одобрены им, и 11 апреля 1857 г. подробное описание государственного герба (большого, среднего и малого), государственной печати (соответственно), а также описания гербов членов императорского дома были опубликованы.

Описанию предшествовало обоснование действий царя, предпринявшего своеобразную геральдическую реформу. В нем говорилось, что «государственный ... герб, хотя в главных

частях своих всегда одинаковый, должен в некоторых особых к нему принадлежностях соответствовать употребляемому в разных... актах титулу более или менее полному» и что со времени первого описания государственного герба «в титуле сделаны многие дополнения и изменения, но сии перемены не были в новейших о том постановлениях указаны с надлежащею подробностью и равномерно не постановлено доселе твердых положительных правил о употреблении государственной печати в разных оной видах»¹³. Одновременно с описанием даны были и рисунки новых гербов.

Кроме новой атрибутики, нового расположения титульных гербов, изменения коснулись и центральной гербовой фигуры. Всадника, поражающего копьем дракона, теперь описывали так: «На груди орла герб Московский: в червленом с золотыми краями щите Святой Великомученик и Победоносец Георгий в серебряном вооружении и лазуревой приволоке (мантии), на серебряном, покрытом багряною тканью с золотою бахромою, коне, поражающий золотого с зелеными крыльями дракона, золотым, с осьмиконечным крестом наверху, копьем»¹⁴. Цвета были непривычны, но особенно необычным был вид всадника — в западноевропейском шлеме, повернутого влево от зрителя, нисколько не напоминавшего традиционного русского святого воина.

После присоединения Туркестана государственный герб должен был пополниться новым титульным гербом. Новые проекты большого, малого и среднего гербов, скомпонованные с несколько иным расположением титульных гербов по окружности, а орла изображающие с более густым оперением на крыльях, были утверждены Александром III, большой государственный герб — 24 июля 1882 г., средний и малый — 23 февраля 1883 года.

Обычно императоры, а раньше цари пользовались на своих печатях изображением герба Российского государства. Никаких личных или родовых гербов у них не было. Одновременно с гербами членов императорского дома мужского и женского пола, «установленными по степеням происхождения их от особы императора», с личным гербом императора возник во второй половине XIX в. и родовой герб дома Романовых. В основу его положено изображение грифа на прапоре (военном флаге) предка Романовых воеводы Н. И. Романова (двоюродного брата царя Михаила Федоровича), умершего бездетным. Эта эмблема — гриф с поднятым мечом в одной лапе и щитом в другой долгое время оставалась в забвении. В 1913 г. (год 300-летия царствования дома Романовых) в Русском генеалогическом обществе был прочитан доклад, в котором выдвинута гипотеза: эмблема гриф (напоминающая лифляндский герб) была усвоена родоначальником Романовых, боярином и воеводой Н. Р. Захарьиним-Юрьевым в качестве личной в воспоминание его лифляндских походов, и в частности взятия им Пернова (Пярну) в 1575 году. Именно в этом городе получил распространение новый лифляндский герб, так как здесь имели широкое хождение монеты с изображением грифа.

В 1917 г. вместе со старым миром уничтожали и зримые его образы, его символы, а таким символом наряду с прочими гербами был и государственный герб России. Как когда-то Французская революция смела королевские лилии, как пал двуглавый орел Австро-Венгерской монархии, так и знакам царской власти нечего было символизировать в нарождающемся новом мире. «Как же нечего? — может спросить наш современник. — А историю русской государственности, а прошлое родного края, города?» Ведь историческая память, причастность к деяниям предков, к исконным корням своим воскрешается в старых символах, которые важны прежде всего как памятники прошлого.

В марте 1917 г. собралась Комиссия по делам искусств «для разъяснения вопроса о государственном гербе». Председателем Комиссии был А. М. Горький, его «товарищами» А. Н. Бенуа и Н. К. Рерих. Однако «разъясняли» вопрос специалисты В. К. Лукомский, С. Н. Троицкий, Г. И. Нарбут, И. Я. Билибин. Это были прекрасные знатоки геральдики, однако решение их отличалось выжидательностью. Они не признавали возможным до созыва Учредительного собрания решать вопрос о государственном гербе России, но считали, что допустимо использование «во всех предусмотренных законом случаях» двуглавого орла без всяких атрибутов. Этого орла нарисовал Билибин, он украшал печать Временного правительства.

Двуглавый орел был не единственным претендентом на символ России при Временном правительстве. Конкурировала с ним свастика — бегущий крест, когда-то соляренный знак и символ вечности, благополучия, прогресса. По-видимому, именно в таком качестве она «приглянулась» Временному правительству, которое избрало ее вместе с двуглавым орлом, изображением Таврического дворца (где размещалась Государственная дума) в качестве символов новой, демократической России. Об этом свидетельствовало размещение этих трех эмблем на бумажных денежных знаках, выпущенных Временным правительством и явившихся своеобразной декларацией экономической и политической доктрины взявшей власть русской буржуазии. В июне 1917 г. в обращении появились государственные кредитные билеты стоимо-

стью в 250 и 1000 рублей и датой «1917» с изображением вышеописанных эмблем. Массовый их выпуск пришелся на ноябрь 1917 г., когда ситуация уже изменилась.

В первые месяцы существования Советского государства официально утвержденных символов не было. От двуглавого орла (теперь уже символа Временного правительства) как государственной эмблемы отказались сразу же: новое государство нуждалось в принципиально новой символике. От услуг профессиональных геральдистов, по-видимому, решено было отказаться, поэтому «геральдическое искусство» на первых порах воплощалось в довольно странных формах. Известен рассказ скульптора Н. Андреева об одном из проектов «нового» государственного герба. На рисунке был все тот же двуглавый орел, но с выщипанными перьями на крыльях, головы которого вместо корон украшали красные звезды, а вместо третьей короны над орлиными головами возвышался красноармейский шлем. В лапах вместо скипетра и державы — камень и палка. Предлагались и другие не менее фантастические и гротескные варианты герба.

Начиная с января 1918 г., над созданием новых эмблем работал ряд художественных и производственных коллективов Петрограда, а также некоторые художники Петрограда и Москвы. В марте — апреле 1918 г. композиция «Серп и Молот» была избрана для помещения на государственной печати. V Всероссийский съезд Советов 10 июля 1918 г. принял Основной закон РСФСР, в котором содержался раздел «О гербе и флаге». С этого времени эмблема, представляющая собой золотые серп и молот, крест-накрест, рукоятками книзу, являлась основной фигурой в гербе Советского государства.

Первый советский герб — герб РСФСР — был составлен в соответствии с геральдическими канонами. Его символика проста, наглядна, основное изображение — эмблема серпа и молота в лучах восходящего солнца — лаконично и выразительно; для герба свойственно правильное композиционное построение — эмблема размещена в гербовом щите; сохранена геральдическая гармония цветов; девиз — характерная деталь герба — подчеркивает его политическую направленность.

Примечания

1. КАРАМЗИН Н. М. История государства Российского. Кн. 2, т. VI, СПб, 1842, с. 46, прим. 98.
2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. (ПСЗ I). Т. 1. СПб. 1830, № 421.
3. ТАТИЩЕВ В. Н. История Российская. Т. VII. М.—Л. 1968, с. 427.
4. ЛИХАЧЕВ Н. П. Некоторые старейшие типы печати византийских императоров. М. 1911, с. 1.
5. ALEF G. The Adoption of the Muscovite Twoheaded Eagle: A Discordant View. — *Speculum*, 1966, Vol. 41, № 1; ejusd. The Origins of Muscovite Autocracy the Age of Ivan III. — *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*, 1986, Bd. 39, S. 87—88.
6. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб. 1851, ч. 1, с. 12.
7. ЛИХАЧЕВ Н. П. История образования российской государственной печати. — *Биржевые ведомости*, 15.V.1915.
8. Сборник Русского исторического общества. Т. 129. СПб. 1910, с. 213, 238.
9. ЧЕРЕПНИН Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М. 1960, с. 16; Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI века. М.—Л. 1960, с. 388; ЗИМИН А. А. Античные мотивы в русской публицистике конца XV в. В кн.: *Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе*. М. 1972, с. 137; и др.
10. ЧЕРЕПНИН Л. В. Ук. соч., с. 15.
11. Центральный государственный архив древних актов, ф. 1363, оп. 1, д. 11, лл. 1—1 об.
12. БЕЛАВЕНЕЦ П. Изменение российского государственного герба в императорский период. — *Вестник общества ревнителей истории*, Пг, 1915, вып. II, с. 64.
13. ПСЗ II. Т. XXXII, отд. 1, СПб. 1858, № 31720.
14. ПСЗ III. Т. VI, доп. к III т. СПб. 1888, № 1439а.

Б. С. АБАЛИХИН, В. А. ДУНАЕВСКИЙ. 1812 год на перекрестках мнений советских историков. М. Наука. 1990, 246 с.

В книге анализируется литература об Отечественной войне 1812 г., вышедшая в нашей стране после 1917 г., а также все изданные за это время источники по теме. Учитывая значение этой войны в истории страны, а также количество опубликованных за годы советской власти исследований, представляется, что данная тема весьма актуальна. Нельзя не согласиться и с утверждением авторов о том, что при всех различиях методологических установок имела место преемственность дореволюционной и советской литературы о войне 1812 года.

Обширный массив историографических источников (монографические исследования, статьи, диссертации, обзоры архивных материалов, отчеты о конференциях и сессиях, материалы архивных фондов ученых) позволил авторам в полной мере выявить все оттенки и «перекрестки мнений» советских историков, исследовавших одно из величайших событий российской истории.

В центре работы — создание советскими историками научной концепции войны 1812 г., в основе которой лежит понимание решающей роли в ней народных масс. В книге подчеркивается, что наши историки стремились изучать все аспекты этой войны — военные, экономические, политические, дипломатические, идеологические. Авторы выделяют три периода особенно интенсивного изучения темы: 1937—1938 гг., когда отмечалось 125-летие Отечественной войны и 125-летие со дня смерти М. И. Кутузова; 1945 год (200-летие со дня рождения Кутузова) и, наконец, 1962 год — празднование 150-летия победы над наполеоновской армией. Особое место отводится последнему этапу (с 60-х годов), когда было издано несколько сборников источников, заметно расширивших документальную базу изучения темы.

По ряду конкретных вопросов истории 1812 г. авторы высказывают собственное мнение. Серь-

езно аргументировано ими утверждение об отсутствии у Наполеона заранее подготовленного плана наступления на Москву. Свою главную задачу, считают исследователи, император видел прежде всего в разгроме русских армий, каждой в отдельности, и заключении выгодного для него мира. «Московское направление стало для Наполеона основным потому, что к Москве отступали главные силы русских войск» (с. 157). Эта точка зрения существенно корректирует общепринятую ранее в отечественной литературе характеристику наполеоновских планов.

В книге рассматриваются дискуссионные вопросы: периодизация войны, причины пожара Москвы, хронология кутузовского контрнаступления, потери сторон, деятельность Барклая-де-Толли, роль Кутузова и другие. Авторы не склонны преувеличивать значение рейда корпуса Ф. П. Уварова и казаков М. И. Платова в ходе Бородинской битвы (с. 165) и ссылаются при этом на ряд документов (с. 135). К сожалению, не все дискуссии освещаются в работе достаточно корректно. В книге упомянута рецензия Н. А. Троицкого на работу О. В. Орлик «Гроза двенадцатого года», но не учтен ответ О. В. Орлик, И. Д. Ковальченко и А. А. Преображенского, в котором оспариваются замечания рецензента. К сожалению, обойден вниманием и вопрос, вновь ставший в последнее время предметом обсуждения: о влиянии войны 1812 г. на формирование идеологии декабристов.

Интересны и свежи материалы, изложенные в главе «Военные действия на северо-западном и юго-западном направлениях. Участие в войне народов России». Обобщение результатов конкретно-исторических исследований убеждает, что одним из слагаемых победы над завоевателями было тогда единство народов России в борьбе с общим врагом. Авторы показывают также, что советская историография войны 1812 г. оказывает определенное влияние на зарубежных

историков. Всесторонне аргументирован вывод, что изучение истории войны 1812 г. — одно из магистральных направлений советской историографии.

Авторы намечают некоторые перспективы дальнейшей исследовательской работы, отдельные направления архивных поисков. Они совершенно правы, считая, что назрела потребность в создании фундаментального труда о войне 1812 года. Следует отдать должное авторам, сумевшим преодолеть многие стереотипы, мешавшие продвижению к научной истине. Впрочем, некоторые издержки прошлого все же дают себя знать. Это касается, в частности, главы, посвященной взглядам классиков марксизма-ленинизма на войну 1812 г., а также стремления авторов подчеркнуть классовый подход к оценке личности Кутузова — «крупного феодала»...

О значимости рецензируемой книги свидетельствуют отклики на нее в печати. Однако наряду с серьезным анализом ее, какой представлен в рецензии А. И. Попова¹, критика Н. А. Троицкого² представляется весьма спорной. Однозначно негативно отзываясь он о советской историографии войны 1812 г.: история ее, по мнению Троицкого, «намеренно фальсифицировалась» и изобиловала «подлогами». Эта оценка распространяется как на откровенно слабые работы, так и на серьезные исследования, сохраняющие и поныне свое значение. Неубедительна, в частности, критика работ Л. Г. Бескровного. Монография его³, как это постарались показать Абалихин и Дунаевский, и до настоящего времени продолжает оставаться самым фундаментальным трудом в послеоктябрьской историографии войны 1812 года. Без документальных публикаций Бескровного ныне не может обойтись ни один ее исследователь.

Критика Троицким авторов рецензируемой монографии часто основывается на требованиях, предъявляемых к конкретно-историческому исследованию, а не к труду историографического и источниковедческого характера, каким она является. Авторам инкриминируется стремление преувеличить численность французской армии в Бородинском сражении и цифры ее потерь. Но в их задачу не входило решение этой проблемы; в работе тщательно анализируются различные точки зрения и аргументация исследователей, обращавшихся к указанной теме (с. 67, 163—166). То же относится и к судьбе оружия и боеприпасов, оставленных в Москве после отступления русской армии. Авторы монографии не только не «боятся самой постановки вопроса», как пишет Троицкий, но предвзвешивают историографический анализ вопроса следующими словами: «Истори-

ков давно интересует судьба запаса вооружения, хранившегося в Московском арсенале накануне вступления французов в Москву» (с. 167—168). Более того, цифры, которые ранее приводили историки (П. А. Жилин и другие) — и об этом говорится в книге, — во многом соответствуют данным о потерях, приводимым Троицким в примечаниях к рецензии. Обвинение Кутузова в оставлении в Москве части вооружения не выдерживает критики, если учесть общие стратегические цели главнокомандующего русской армией, а также его приказ поджечь ряд объектов столицы (склады, магазины и т. д.), о чем пишет сам Троицкий. Кстати, в одной из публикаций С. В. Шведова подчеркивается, что большая часть оставленного оружия была уничтожена при взрыве арсенала⁴.

Некорректно обвинять авторов монографии и в том, что они не сослались на работу, опубликованную в 1989 г., так как хронологические рамки монографии ограничены 1988 годом. Непонятен упрек авторам историографического труда в том, что они, «подобно своим предшественникам», не прикоснулись к такому сюжету, как «история, смысл и критерии термина «Отечественная война» применительно к войне 1812 г.». Термин этот был введен отнюдь не А. И. Михайловским-Данилевским в 1839 г. по «высочайшему повелению» Николая I, а самими участниками войны. Ф. Н. Глинка назвал свой труд, изданный еще в 1815—1816 гг., «Письма русского офицера в Польше, австрийских владениях, Пруссии и Франции, с подробным описанием похода россиян противу французов в 1805 и 1806, также Отечественной и заграничной войны с 1812 по 1815 год». Этот же термин использовался и в первой русской военно-исторической работе — книге Д. И. Ахшарумова «Описание войны 1812 г.» (СПб., 1819, с. 294).

Нельзя согласиться и с упреком авторам книги в «квазипатриотическом мышлении». Стремление их к объективному анализу, очевидно, не может быть принято Троицким, для которого, по его словам, «неизменно негативная» оценка «все равно в чем-то... ближе к истине».

А. В. СЕМЕНОВА

Примечания

1. Новая и новейшая история, 1991, № 5, с. 204—206.
2. Отечественная история, 1992, № 2, с. 195—198.
3. БЕСКРОВНЫЙ Л. Г. Отечественная война 1812 года. М. 1962.
4. Советские архивы, 1985, № 5, с. 68.

А. А. ЗИМИН. *Витязь на распутье: феодальная война в России XV в.* М. Мысль. 1991. 288 с.

С выходом в свет книги А. А. Зиминой (1920—1980 гг.) завершается издание серии его работ, освещающих важнейший период русской истории с 1425 по 1598 год¹. Рецензируемый труд, написанный в последний год жизни историка и посвященный событиям «великой замятни» второй четверти XV в. и путям объединительного процесса на Руси, фактически открывает эту серию.

В тексте книги нет термина «феодальная война», и это «умолчание» более чем красноре-

чливо выглядит на фоне собранных и осмысленных им фактов политической борьбы второй четверти XV в., которым упомянутый штамп становится чужд. Сам автор обозначал свой метод повествования как «прагматический». В предисловии он пишет, что «стремился изложить читателю всю известную ему (автору. — В. К.) сумму сведений, которые бы тот мог осознать как нечто существенное для понимания хода братоубийственных войн времен Василия II и необходимое,

чтобы задуматься о причинах происшедшего становления единого Русского государства» (с. 5).

Труд Зимина содержит кропотливый и искусный анализ летописных текстов, духовных и договорных грамот, нумизматического материала. Наряду с событиями междукняжеской борьбы рассматриваются взаимоотношения русских княжеств с Ордой и Литвой, место и роль церкви в объединительном процессе, попытки реформ в области суда и монетного дела. Автор уделяет большое внимание нравственному критерию оценки исторических лиц и их деятельности. Он не оправдывает, как это делалось большей частью до него, государственной целесообразностью, «прогрессивностью» и т. п. несправедливый захват великокняжеского престола при помощи Орды, ослепление или отравление политических противников московских князей, якобы сопротивлявшихся «централизации» (еще одно «нелюбимое» Зиминим слово). Вводя этический критерий и привнося опыт человека XX столетия, он по-новому разрешает старый вопрос о «героях» и «антигероях» XV века.

Книгу открывает скрупулезный анализ завещания Дмитрия Донского, а также политических проблем, возникших в 1425 г. в связи с его интерпретацией. В ходе дальнейшего повествования автор неоднократно возвращается к оценке поступков Василия II или Юрия Дмитриевича с точки зрения соответствия их духу и букве духовной грамоты их деда и отца. Зимин вполне обоснованно учитывает действительно существовавшую у княжат «дома Калиты» необходимость опираться на авторитет старины. Благодаря этому получает объяснение «ошибочное» решение Юрия Дмитриевича о выделении в 1433 г. повергнутому Василию II в удел Коломны. «Как же мог он, — восклицает Зимин, — победив своего противника, достигнув «высшей власти», выступить нарушителем традиции великого князя Дмитрия?» (с. 59).

Учет влияния традиции престолонаследия на междукняжескую борьбу позволил также дать убедительную трактовку «авантюры» Василия Косого, захватившего престол в 1434 г. после смерти отца и не поддержанного своими братьями, так как «факт захвата престола Василием Косым превращал борьбу за «идею», «принцип», «наследие Дмитрия Донского» в обыкновенный разбой» (с. 70). В борьбе родового (от брата к брату) принципа наследования великокняжеского престола, отстаиваемого галицкими князьями, с семейным (от отца к сыну), за который сражались сначала окружение малолетнего Василия II, а затем и он сам, победил порядок, выгодный московским князьям и окончательно утвердившийся в 1447 году.

Книге чужд «московско-центристский» подход. Уже первые страницы ее посвящены подробному выяснению «политической структуры земель Русского государства», их историко-географическому обзору. И в дальнейшем автор внимательнейшим образом учитывается в оттенки толкования событий у московских или новгородских летописцев, следит за изменением формул именованная галицких, Можайских, бело-зерских, суздальско-нижегородских, рязанских князей в докончаниях с московскими великими князьями. Он изучает по договорным грамотам содержание прав «старших» и «молодых» братьев, причины изменения территории их уделов, характера распоряжения в своих землях, что помогает ему реконструировать состав междукняжеских союзнических группировок на разных этапах «замятни».

Неискушенному читателю, привыкшему к назидательным разъяснениям о неких «объективных» причинах, предопределивших роль Москвы как «основы собирания Руси», странички заключительной главы книги могут даже показаться эпатажирующими. Зимин методично и убедительно разбирает мифы об экономических предпосылках подобного пути создания единого Русского государства. Разветвленные торговые связи, выгодные промыслы, прогрессивное, по сравнению с подсейкой, трехполье, — всего этого, по отрывочным сведениям источников, в Москве и ее округе в рассматриваемое время найти нельзя, не было там также «ни ископаемых, ни соляных колодезей, ни дремучих лесов» (с. 193). Зимин не согласен и с тезисом о Москве как «центре сложения русской народности», справедливо подчеркивая, что нельзя «локализовать в одном городе с округой этот процесс» (с. 195). Василий II продолжал традиционную для московских князей политику верных вассалов Орды, и это подтверждает справедливость вывода, что «не стала Москва и средоточием сил национального сопротивления татарам, несмотря на гром Куликовской победы» (с. 195).

Но если не Москва, то кто же? Зимин не торопится отвечать на этот вопрос, хотя его предположения очевидны и не скрываются. Помимо московской («с холопией покорностью властям и благочестивостью бессловесной паствы») и «вятизя на распутье» были еще, по крайней мере, две дороги, две «тенденции, или силы поступательного развития». Олицетворением одной являлись Новгород и Тверь, старавшиеся не вмешиваться в борьбу между московскими и галицкими князьями там, где она не задевала впрямую их интересов, и как раз богатевшие в силу своего расположения на путях транзитной торговли с Западом и Востоком. «Вторую силу, — пишет Зимин, — составляли Север и отчасти Поволжье, точнее Галич, Вятка, Углич и Устюг». Эти земли обладали историческим и географическим своеобразием, там жили совсем не похожие на московский служилый люд мужики-солевары, атаманы, охотники и промысловики, причем земли эти не только русские, а «многонародные, имперские».

Именно там, на Севере, Дмитрий Шемьяка, по мнению автора, впрочем, небесспорному, «приступил к созданию самостоятельного государства» (с. 202)². Не получив в этих землях в 1450—1453 гг. действительной поддержки, движение Шемьяки переродилось в заурядный грабеж. Это означало не только личную драму талантливого политика, опередившего свое время, но и утрату одной из возможностей преодоления крепостнического пути развития. Концепция эта, как замечает сам Зимин, перекликается с обоснованными Н. Е. Носовым представлениями о существовании там же, на Севере Русского государства, в середине XVI в. «предбуржуазной» тенденции развития.

Теперь уже не приходится говорить об однолинейности объединительного процесса, а, скорее, думать, почему Русь в XV в. да и далее обреченно упускала одну за другой возможности свернуть с дороги крепостничества, воспрепятствовать распространению московских порядков на земли, сохранявшие своеобразные формы территориального самоуправления и свою сословную иерархию. Ответ Зимина — не ценили свободу! «И плата ведь, — пишет он, — которую весь народ (и господа, и слуги) заплатил за царство благоденствия, невелика — всего только утеряна свобода («один только росчерк пера»). Да помилуйте, нужна ли она вообще? И была ли она

когда-нибудь на Святой Руси? Может быть, и не было, но градус несвободы повысился» (с. 211).

Итак, Москва все-таки победила, и в результате исчезла возможность альтернативы деспотии. Но чьими же руками утвердилось и держалось и просуществовало до Петра I Московское царство? В книге названы эти победители — церковь, монастыри, активно участвовавшие в колонизационном процессе, и Государев двор, превратившийся в «военно-административную корпорацию» служилых князей, бояр, чьи предки «служивали» московским князьям с XIV в., и детей боярских.

Зимин считает, что галичские князья упустили свою фортуна из-за того, что опирались «на аморфную массу солеваров, гостей, вольных крестьян, ушкунников», что отталкивало от них «московскую знать» (с. 201). Однако подобные представления оправданы лишь отчасти, потому что не менее важными были обозначившиеся достаточно рано противоречия между дворами великих московских и галичских удельных князей. Еще в 1433 г., по известиям Сокращенного летописного свода конца XV в., из Москвы от Юрия Дмитриевича в Коломну к Василию II отъезжали «князи же, и бояре, и воеводы, и дети боярские, и вси дворяне», потому что «не повыкли галичскимъ князем служить» (с. 57—58).

В книге говорится, что, во всяком случае, до конца 1446 г. стереотип действий Василия II, Юрия Дмитриевича, а затем и его сыновей, был один — «в Москву, в Москву!» Но когда галичские князья достигали вождя великокняжеского престола, то кто оказывался рядом с ними? Мужики-солевары? Вряд ли. Видимо, та же служилая знать, но с удельными заслугами и повадками, что и являлось камнем преткновения в среде нарождавшегося Государева двора. Выражаясь языком эпохи XVI—XVII вв., когда новые сословные понятия о «честности» службы и «отечестве» родов отойдут в четкие местные формулы, потомкам московских бояр «невместно»

было служить вместе с сыновьями бояр галичских князей или вятских «ватаманов».

Читатель запомнит яркие портретные характеристики мудрого и рыцарственного Юрия Дмитриевича, «темного Василия» неудачника Дмитрия Шемяки. Восстановлено одно из самых важных звеньев «в цепи усилый» многих поколений историков, изучавших историю Руси XV века.

Радости знакомства с оставшейся десятилет в рукописи книгой он, как и прежде, обязан подвижническому труду коллег, учеников и близких Зимина. Рукопись была подготовлена к изданию В. Г. Зиминной и Я. С. Лурье, при участии В. Б. Кобринна и А. Л. Хорошкевич.

В. Н. КОЗЛЯКОВ

Примечания

1. Она состоит из шести книг: «Витязь на распутье» (1425—1462 гг.), «Возрожденная Россия» (1480—1505 гг.), «Россия на подъеме» (1505—1533 гг.), «Избранная рада» (1533—1560 гг.), «Опричина» (1561—1572 гг.), «Путь к власти» (1573—1598 гг.). Эти книги, кроме рецензируемой, выходили в разное время под другими названиями: «Россия на рубеже XV—XVI столетия» (М. 1982); «Россия на пороге нового времени» (М. 1972); «Реформы Ивана Грозного» (М. 1960); «Опричина Ивана Грозного» (М. 1964); «В канун грозных потрясений» (М. 1986).
2. В местных летописях, например в Устюжском летописце, ничего не сообщается о каких-либо шагах Дмитрия Шемяки в этом направлении. Составитель летописца ограничивается рассказом о не очень-то добром приеме, оказанном Шемяке в Устюге в 1450 г., и о расправе с непокорными. О почти двухлетнем пребывании князя в городе сказано одной фразой. Кроме того, остается неясным, как можно было примирить вятчан и устюжан после катастрофы 1438 г., когда, согласно тому же летописцу, «вятчяна приходили на Устюг, город Гледен сожгли, пуст, а люди все избыли, разбежались на лес» (см. Устюжская летопись. Полное собрание русских летописей. Л. 1982, с. 87, 88—89).

Н.-Н. NOLTE. *Rußland/UdSSR: Geschichte, Politik, Wirtschaft*. Fackelträger-Verlag. Hannover. 1991. 288 S.

Г. Г. НОЛЬТЕ. *Россия / СССР: история, политика, экономика*

Книга профессора Ганноверского университета Ганса Генриха Нольте, излагающая события российской и советской истории с древнейших времен до 1991 г., имеет информационно-справочный характер. Автор и издательство подчеркивают, что последние перемены в нашей стране имеют всемирно-историческое значение. Монография содержит воспоминания автора о некоторых недавних событиях, участником которых ему довелось быть. К тексту приложены документы, относящиеся к началу перестройки, в частности извлечения из выступления М. С. Горбачева, документов российских социал-демократов, обращения общества «Память» и др.

Автор подчеркивает, что долгое время не были четко определены границы даже между Европой и Азией, в связи с чем возникали споры, «принадлежит ли Русь к Европе». Лишь в XVIII в.

географы провели искусственную линию по Уральским горам и р. Урал (с. 15). Многое в истории древней Руси (в частности, эпизод с князем Игорем и восстанием древлян), замечает автор, напоминает немецкому историку саги о Нибелунгах и другие мифы, имеющие глубинные истоки в народной среде (с. 19). Характеризуя духовенство раннего периода, Нольте подчеркивает, что высшая его элита формировалась в основном из числа выходцев из Греции. Ему не хватало на Руси такого естественного партнера, как светская интеллигенция; связь и общение с русским народом были у него также весьма затрудненными, как в силу разного культурного уровня, так и по языковым причинам (с. 22).

Монгольское нашествие, пишет Нольте, изменило течение истории России, прежде всего резко сократив ее контакты с Западной Европой

(с. 248). От татар Россия переняла ряд структур, в частности элементы налоговой системы, почту, таможенное дело; стали проводиться также первые примитивные переписи населения. «Людские потери, снижение жизненного уровня, террор, характеризовавший татарские набеги, оказали глубочайшее влияние на русскую историю» (с. 31).

Автор обращает внимание на то, что слабость Руси во времена татарского господства не преминули воспользоваться западные державы с целью территориальных приращений, которые были частично ограничены в результате побед Александра Невского. Но именно в то время Белоруссия и Украина сформировали свое историческое лицо (с. 31), а Литва стала католической, что предопределило проведение ею совместной и согласованной с Польшей внешней политики (XIV в.).

Описывая российский быт, автор утверждает, что в средневековый период «насилие было составной частью повседневной жизни». Следовало бы, очевидно, отметить, что оно было характерно и для западноевропейского средневековья. Кстати говоря, напитки с высоким содержанием алкоголя стали появляться на Руси с XV в., в частности из Дерпта и Риги, причем русские власти пытались ограничить их распространение только кругом приезжих иностранцев (с. 54).

Нольте высказывает мысль о том, что в петровскую эпоху, когда «войны и реформы были непосредственно связаны между собой», Запад выступал в глазах Петра и его окружения «как образец, которому следовало подражать, и как противник» (с. 59). Подробнее освещены в книге последующие периоды истории России, в частности начало крупномасштабной модернизации после поражения в Крымской войне и в связи с освобождением крестьян от крепостной зависимости.

На Западе социал-демократическое движение естественно пришло к необходимости ревизии марксистской концепции революции и постепенной демократической эволюции, считает автор, а «в условиях российского позднего абсолютизма ревизионистские аргументы не имели столь большой убедительной притягательной силы, как это было в Германии или Франции» (с. 90). В этой связи можно бы также отметить, что окончательный пересмотр западными социал-демократами марксовской концепции революции не

в последнюю очередь произошел под влиянием российского 1917 года.

По мнению Нольте, царизм не сумел интегрировать и включить в управление страной наиболее одаренные интеллектуальные силы нации. Столыпинскую реформу он характеризует как последний для России шанс без революции и социальных потрясений обрести новую модернизированную по западноевропейскому образцу структуру. Тот факт, что власти не смогли интегрировать в свою структуру человека такого масштаба, как Ленин, «не смогли предложить ему никакого поля для деятельности», пишет автор, тоже указывает «на слабость царизма» (с. 112).

Систему Советов Нольте не считает разумной альтернативой так и не укоренившемуся в России парламентаризму, поскольку, по его мнению, «Советы фактически никогда не могли контролировать деятельность профессиональных политиков в Совете Народных Комиссаров» (с. 104). Автор высказывает мнение, что Ленин не предпринял никаких попыток уменьшить роль насилия в общественной жизни страны, а Октябрьская революция, индустриализация и коллективизация развязали такие динамические процессы, которые привели к еще большему насилию, принявшему в 30-е годы поистине ужасающие формы и масштабы (с. 135). Анализируя феномен советской индустриализации, Нольте отмечает ее «внутренние ограничения», связанные с фактической изоляцией страны от мирового рынка (с. 141). Слабость и ущербность политического строя СССР Нольте видит в том, что на вершине власти оказался такой человек, как Сталин, создавший систему сталинизма (с. 143).

Эволюция Советского Союза после 1945 г. описывается как развитие полупериферийной мировой державы, чье политическое значение, возросшее в результате победы над Германией, долгое время компенсировало противоречия внутреннего характера. Автор подчеркивает, что в 1965—1982 гг. «крупные трудности были уже совершенно очевидны», так как экономика, построенная на плановых началах, теряла свою управляемость (с. 201). В книге подробно излагаются горбачевские наметки перестройки. Летом 1991 г. советское народное хозяйство, как утверждает Нольте, стало все больше склоняться к ориентации на капиталистическую модель развития (с. 225).

И. А. ДЬЯКОНОВА

B. JELAVICH. *Russia's Balkan Entanglements 1806—1914*. Cambridge University Press. Cambridge a. o. 1991. XI, 292 p.

Б. ЕЛАВИЧ. *Россия и осложнения на Балканах. 1806—1914*

Книга заслуженного профессора Индианского университета (США) Барбары Елавич — своего рода итог ее многолетних исследований, основанных на материалах библиотек и архивов Вашингтона, Лондона, Вены, Стамбула, Салоник, Бухареста, Софии, бумаг, сохранившихся у представителей российской эмиграции. Широко использованы публикации, вышедшие в нашей стране. Диапазон рассматриваемых в монографии вопросов велик — сербское восстание 1804—1813 гг., Дунайские княжества с этого времени и до их объединения,

греческая революция 20-х годов XIX в. и четыре русско-турецкие войны со всеми их последствиями для Балкан, Берлинский конгресс 1878 г., разрыв отношений России с Болгарией в 1886 г., развязывание первой мировой войны.

Елавич отмечает как характерную особенность отсутствие у Петербурга попользований не только на мировое господство, но и на европейскую гегемонию (с. 39). Она подчеркивает, что после 1815 г. Россия была сторонницей неизбежности европейских границ. Одной из основных

целей Священного союза являлось сохранение статус-кво на континенте (с. 1), за исключением, однако, его юго-восточной части. Но и здесь, пишет автор, российское правительство «не верило, что может в одиночку определить судьбы балканских народов и решить основные споры, связанные с Восточным вопросом. Оно понимало, что следует учитывать интересы и позиции других держав» (с. 30).

Русско-турецкие войны, пишет автор, тщательного подготавливались в дипломатическом плане, чтобы избежать вмешательства третьего и тем более четвертого участника. Этот вынужденный курс заранее предполагал тяжелый компромисс и отказ от оптимальной программы. Впрочем, один раз произошла осечка, и разразилась трагедия Крымской войны. И с тех пор «русская дипломатия жила в кошмаре — как бы не возникло такое положение, которое объединит все европейские державы в коалицию против России» (с. 32).

Елавич считает, что «контроль над проливами, по крайней мере над Босфором, оставался важнейшей, хотя и отдаленной целью» России (с. 189), но при этом предполагался именно контроль в рамках договоренности с державами, а не захват. Не ощущалось, однако, недостатка в проектах овладения Константинополем, отражавших личную точку зрения их авторов. Особенно плодovit был А. А. Нелидов, сочинивший четыре варианта, но «проникнутые чувством ответственности сановники» неизменно отвергали их, ибо ни Англия, ни Франция не допустили бы подобной экспедиции (с. 205), склоняясь к поискам компромиссного решения, которое позволило бы русским военным кораблям покидать акваторию Черного моря (с. 207, 217).

Размышления автора об истоках и побудительных мотивах балканского курса России представляют большой интерес. Елавич соглашается с тем, что существовала забота о безопасности черноморских границ и свободном вывозе через проливы зерна, но она решительно отказывается замкнуться в кругу социально-экономических факторов и свести балканскую политику России к великодержавным устремлениям. Акции ее правительства, пишет она, «часто противоречили не только великодержавным интересам, но содержали трудно контролируемые эмоциональные порывы. Ударение следует сделать на том уникальном чувстве родства, которое многие русские государственные мужи испытали по отношению к православным балканским народам» (с. IX). Именно поэтому политика России в Юго-Восточной Европе была столь тесно связана с развернувшимся там национальным движением. Автор правомерно подчеркивает, что идеологическим знаменем этого курса являлась защита православия и моральных ценностей христианства.

Моральный фактор в политике России Елавич ставит очень высоко: помощь балканским христианам, пишет она, воспринималась российскими императорами как их религиозный долг. «Понятиям чести и долга придавалось особое значение в балканских связях. Монарх должен был показывать высокие образцы поведения не только в жизни; данное им слово считалось священным обязательством. Это убеждение претворялось в переговорах и договорах. Цари неоднократно сталкивались с нарушением договоров с оттоманской стороны, что, по их мнению, давало России особые права в отношении балканских христиан. Честь побуждала российских правителей считать защиту договоров своим долгом, и эта позиция оказывала глубокое влияние на рус-

скую политику» (с. 33).

Этот пассаж навеян, видимо, европейской (не русской!) дипломатической перепиской и декларациями современной прессы, призывавшими не проявлять особого доверия к «русским варварам», только и выжидающим удобный момент, чтобы обмануть доверчивую и кроткую Европу. На самом же деле не только подпись, но даже слово царя приравнивались к обязательству, ушить которое считалось невозможным и по моральным и по политическим соображениям. Честь его связывалась с честью России, и ее берегли как зеницу ока.

Высоко оценивает Елавич эрудицию, знание мира, профессиональную подготовку и умеренность во взглядах, присущую русским дипломатам, их приверженность здравому смыслу и космополитизм. В книге содержатся многочисленные личные характеристики, большей частью очень меткие.

Оценка британской доктрины статус-кво, преследующей цель сохранения в неизблемости европейских владений Высокой Порты, мягка по форме и сурова по содержанию: «Британские государственные деятели обычно поддерживали сохранение Оттоманской империи и ее земель. На протяжении большей части XIX столетия они противились образованию независимых государств на Балканах, опасаясь их превращения в русских марионеток» (с. 27).

Выразительными мазками обозначает автор теневые стороны в балканской политике России. Она пишет о тяжелой руке самодержавия, вмешавшегося во внутренние дела опекаемых им государств, что ранило их чувство достоинства и навлекло на Россию злые нарекания (с. 134, 136). Елавич обходит вниманием участие царизма в подавлении революции 1848 г. в Дунайских княжествах, зато подробно описывает русско-болгарскую ссору 1886 г., вызванную в значительной степени самоуправством Александра III и повлекшую за собой бессмысленный и вредный для обеих сторон разрыв отношений (с. 178—185).

Каковы же итоги столетнего российского участия в водовороте балканских дел? Елавич приходит к выводу: «К 1914 году по меньшей мере частично в результате войн между Россией и Оттоманской империей обрели существование шесть независимых государств — Албания, Болгария, Греция, Черногория, Румыния и Сербия» (с. 266). За исключением Албании, которая во внешней политике Петербурга находилась на втором плане, процесс освобождения Балкан, протекавший в неразрывной связи национальных движений и опоры на Россию, оценен справедливо. Елавич подчеркивает, что Россия не получила ничего, что оправдывало бы понесенные ею жертвы. Если бы Александр I и Николай I затратили средства, ушедшие на войны, на просвещение и дороги — как далеко шагнула бы Россия! (с. 141). «Российские ожидания, что помощь в национальном развитии будет вознаграждена готовностью следовать указаниям из Петербурга, обернулись горьким разочарованием» (с. 142). «Одна из великих российских иллюзий в XIX веке, состоявшая в том, что освобожденные национальные государства станут верными союзниками, была потрясена до основания» (с. 266).

Автор приводит сетования российских государственных мужей на «неблагодарность» и «коварство» южных славян и балканцев вообще, выкладки относительно понесенных Россией громадных жертв, человеческих и финансовых, отмечает тормозящее влияние военных действий на Балканах на экономическое развитие России.

Действительно, по мере освобождения одно балканское государство за другим выходило из зоны влияния самодержавия, влекомое экономическими, политическими и идеологическими силами Запада. После победоносной войны 1877—1878 гг. Россия осталась в Европе в изоляции (с. 196). Лидеры же независимых балканских государств вооружились «агрессивной национальной программой, предусматривавшей территориальную экспансию» (с. 264), добавив к соперничеству в балканской зоне великих держав еще и межбалканские противоречия.

Елавич указывает на неразрешимое, по сути дела, противоречие между акциями российской дипломатии и администрации на Балканах и ожиданиями Петербурга: «Вместо того, чтобы попытаться перенести на Балканы самодержавие российского образца, русские администраторы насаждали в качестве модели то, что они считали передовыми европейскими институтами, фактически вводя на Балканах западную форму представительного правления» (с. 269). Очевидно, существовало если не вполне осознанное понимание, то во всяком случае ощущение того, что пытаться вводить российские порядки бессмысленно и что обрести симпатии населения можно лишь способствуя прогрессу.

И все же размышления Елавич в критической их части представляются чересчур безотрадными. В них проступает присущее автору стремление рассматривать российскую внешнюю политику нерасчлененно, не выделяя ее компоненты, выражавшие интересы государственные и интересы классовые, а то и сословные. Российской общественности, к настроениям которой неоднократно обращается автор, в подавляющем большинстве было чуждо стремление царизма командовать на Балканах, а прогрессивные ее круги связывали освобождение южных славян с надеждами на собственное социальное освобождение. А главное, понятие «добрососедство» также входит в сферу государственных интересов. XIX век оставил в наследство сознание общности

исторических судеб, традиции совместной борьбы за возрождение национальной государственности в Юго-Восточной Европе, тесное соприкосновение культур, у истоков которых лежит языковая и этническая близость с южными славянами, и православие как фактор формирования духовного облика большинства балканских народов. Доброе это начало овещено в десятках памятников русским воинам на Балканах.

Не все в монографии равноценно. Неправомерным представляется подход к Османской империи начала XIX в. как «слабому государству, открытому давлению великих держав» (с. 14). В то время Высокая Порта обладала еще полной самостоятельностью действий, что и доказала в 1828 г., вступив, вопреки настоятельным советам западных друзей, в войну с Россией. Елавич расходится с Ю. А. Писаревым в оценке степени вовлеченности сербских властей и тайной офицерской организации «Черная рука» в подготовку покушения в Сараеве, предшествовавшего первой мировой войне. Наш ведущий югославист не считает эту связь доказанной¹. Не убедили нас и рассуждения автора о том, что сербам удалось ввести в заблуждение и Николая II, и С. Д. Сазонова, и даже сидевшего в Белграде и внимательно наблюдавшего за происходящим Н. Г. Гартвига насчет состояния дел на Балканах. Частные замечания подобного рода можно было бы приумножить, но сути дела это не меняет.

Рецензируемая монография говорит о том, что работы Б. Елавич занимают достойное место в балканистике.

В. Н. ВИНОГРАДОВ

Примечания

1. ПИСАРЕВ Ю. А. Тайны первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914—1915 гг. М. 1990.

К. Б. ВИНОГРАДОВ. *Мировая политика 60—80-х годов XIX века: события и люди*. Л. Изд-во Ленинградского университета. 1991. 168 с.

Монография профессора Петербургского университета доктора исторических наук К. Б. Виногорова посвящена дипломатической истории ведущих государств Европы того периода, когда на ее политической карте появились новые государства и происходила существенная перегруппировка сил на международной арене, а также усиливалась борьба за колонии. Казалось бы, эта эпоха всесторонне изучена историками, однако Виноградов нашел свой и очень интересный ракурс интерпретации внешнеполитической истории тех лет.

Он предлагает читателю несколько связанных между собой очерков: о сооружении Суэцкого канала и дипломатической борьбе вокруг него, о европейской дипломатии во второй половине 60-х и начале 70-х годов XIX в., а также о Восточном кризисе 1875—1878 гг. и Берлинском конгрессе. Наряду с ними еще два очерка имеют существенное значение в плане композиции книги. Один из них — «Время больших перемен» — вводит в изучаемую эпоху, а второй — «Конец эпохи» — завершает исследования и перекидывает мостик к истории первой мировой войны.

Книга написана на солидной источниковой базе. В научный оборот вводятся неизвестные документы из фондов Архива внешней политики России и Центрального государственного архива Октябрьской революции, а также архивов Белграда и Будапешта. Используются немецкие, французские и британские дипломатические публикации, мемуарная и памфлетная литература, привлечены исследования советских и зарубежных историков, с которыми автор ведет содержательную полемику.

К числу наиболее важных и недостаточно разработанных в современной литературе проблем, затронутых в монографии, относится, в первую очередь, вопрос о Суэцком канале. Виноградов обстоятельно исследует финансовые и политические аспекты его строительства, показывает сложные ходы европейской дипломатии вокруг этой проблемы, обострение англо-французских противоречий. Анализ сопровождается зарисовками наиболее интересных и малоизвестных эпизодов и деталей. Думается, однако, что роль «главного выновника» событий Ф. Лессепса в большой европейской политике выглядит

несколько преувеличенной.

В монографии поднята и такая важная тема, как Берлинский конгресс, его решения и место в истории международных отношений последней трети XIX века. Анализируя сложную дипломатическую игру на конгрессе, выявляя закулисные маневры Дизраэли, Солсбери, Бисмарка и других главных участников конгресса, автор справедливо характеризует позицию великих западных держав как эгоистическую и антиславянскую. В то же время в книге мало говорится о планах российского самодержавия на Балканах. Нельзя не согласиться с выводом Виноградова о том, что «Берлинский трактат, в сущности, явился гигантским компромиссом... между Англией, Россией и Австро-Венгрией». Убедительны суждения автора о стратегических и тактических приобретениях и потерях ведущих держав, участвовавших в этом компромиссе, о непосредственных и более отдаленных его последствиях. Приходится лишь сожалеть, что в этих рассуждениях мало отведено Германской империи, которая едва ли не больше всех выиграла в результате Берлинского конгресса.

Фрагментарность и некоторая эскизность изложения проявляются в ряде мест книги, в частности когда речь идет о дипломатических аспектах Гражданской войны в США или об интересе европейских государств к Южной Америке.

Эти проблемы, несомненно, заслуживали большего внимания, особенно в монографии, претендующей на освещение мировой политики. Можно поспорить с Виноградовым, когда он принижает значение решений Лондонской конференции по люксембургскому вопросу. Следует учитывать, что они сняли на время остроту во франко-прусских отношениях и были очень важны для самого Люксембурга.

Выигрышной стороной книги является внимание автора к персоналиям. Виноградов давно зарекомендовал себя как историк-портретист. И в новой книге он дает галерею портретов политических и общественных деятелей. Здесь и отмеченный выше Ф. Лессепс, и германский канцлер О. фон Бисмарк, глава Форин оффис маркиз Солсбери, и русские дипломаты Н. П. Игнатьев, П. А. Шувалов, Н. К. Гирс. В результате перед нами предстает коллективный портрет эпохи, дипломатическая история 60—80-х годов XIX в. в разумной мере персонафицируется, становится ближе и понятнее. В книге помещены также редкие фотографии лидеров тогдашнего мира и иллюстрации из журналов той поры.

Виноградов достойно продолжает традицию разработки нашими учеными внешнеполитической истории второй половины XIX века.

В. В. СЕРГЕЕВ

По страницам журнала «Humanisme»

Масонский центр «Великий Восток Франции» (ВВФ) издает журнал «Humanisme»¹, принимает опосредованное участие в политической жизни Франции, не скрывая своей близости к социалистической партии. Это влиятельное сообщество лево-либерального толка насчитывало в 1987 г. до 30 тыс. членов, входивших в 610 лож. Его отделения действуют в бывших колониях Франции, а также в США, Англии, Германии, Швейцарии, Греции, Израиле, Канаде, во многих странах Африки, Азии и Латинской Америки. ВВФ входит в международное объединение, которое охватывает примерно 40 масонских организаций во главе с Центром связи и информации, который, однако, не является директивным органом.

«В мировом масштабе, — констатирует апрельский номер журнала за 1990 г., — масонство ныне расколото на два течения. Одно, самое многочисленное, считает единственной целью объединять своих адептов вокруг определенного ритуала и филантропии. Его основные отряды находятся в англосаксонских странах под суровым надзором Великой объединенной ложи Англии... Особенно она требует от своих членов веры в Бога и его волеизъявление, раскрытое в Священном писании, исключая, следовательно, деистов, агностиков и атеистов». Этому течению, считающему себя единственно законным, противопоставит либеральное, которое тоже называет себя «единственно правильным», «поскольку принимает в ложи мужчин и женщин, верующих и неверующих для действий по созданию лучшего человечества» (с. 81, 83).

Либеральное масонство считает себя «главным образом филантропическим, философским и прогрессивным институтом, преследующим цель — поиск истины, изучение морали и практики солидарности» ради «материального и мораль-

ного улучшения, интеллектуального и социального совершенствования человечества». Оно проповедует взаимную терпимость и уважение друг к другу, провозглашает девиз: «Свобода! Равенство! Братство!» и отвергает любой догматизм. Нынешний великий мастер «Великого Востока Франции», профессор университета Руана Ж.-Р. Рагаш размышляет в передовице того же номера журнала: «Странная судьба... Презираемое, внушающее страх, вызывающее насмешки, заигрывания, осуждения, запреты масонство спустя три века после рождения по-прежнему стоит на посту. В мире неравенства, преисполненном посягательства на достоинство человека, его задачей является борьба за приход свободного человека в мир, основанный на солидарности» (с. 3, 4).

В номере излагается история масонства с официальной даты его возникновения в 1717 г. в Великобритании, откуда оно распространилось по всему миру. Идеи веротерпимости, демократии, морального совершенствования во имя достижения гармонии в отношениях между людьми были вообще присущи веку Просвещения. Они противостояли феодальным порядкам и засилью клерикализма. Ватикан сразу же выступил против масонства. Другие конфессии проявляли большую терпимость, а протестантство относилось к нему даже дружелюбно.

Первое боевое крещение выпало на долю американских масонов в ходе войны с Англией за независимость. Большинство отцов заокеанской демократии, включая Б. Франклина и Дж. Вашингтона, принадлежало к числу масонов. Братья-вольные каменщики фактически были инициаторами и авторами Декларации независимости. Напротив, в Великой Французской революции XVIII в. масоны не сыграли сколько-нибудь

значительной роли. Так что несостоятельны утверждения о «масонском заговоре» как движущей силе любых революционных событий.

Впоследствии, утверждает журнал, произошла радикализация теоретических установок и практики адептов ВВФ, которые активно выступали за введение во Франции республиканской формы правления, участвовали в революциях 1830 и 1848 гг., в Парижской Коммуне. Однако лишь часть парижских масонов поддерживали цели Коммуны, умеренные их фракции стояли за компромисс с версальцами и направили к ним три делегации. После провала этих миротворческих попыток масоны защищали Коммуну с оружием в руках, многие погибли на баррикадах, другие эмигрировали.

Однако на самом деле значительное число масонских братств не разделяло революционных идеалов Коммуны и ограничивалось требованиями установления буржуазной республики. Как заявил 29 мая 1871 г. совет ордена, «масонство осталось полностью непричастным к преступному мятежу, который напугал весь мир, обливая Париж кровью и покрыв его руинами»². Именно поэтому террор версальцев практически не затронул масонов. Масонство продолжало пользоваться немалым общественным престижем.

В журнале опубликовано письмо автора гимна коммунистов Э. Потье от 2 декабря 1875 г. членам «нерегулярной» ложи «Равноправные», созданной в Нью-Йорке французскими эмигрантами, с просьбой о приеме в братство, куда он поклялся вступить в последние дни Коммуны. После возвращения на родину в 1887 г. Потье намеревался юридически оформить свое вступление в парижскую ложу «Свобода совести», но вскоре умер. Масоном был и автор музыки «Интернационала» П. Дегейтер.

Масоны внесли немалый вклад в создание III Республики во Франции, многие деятели которой принадлежали к ордену или поддерживали его линию. ВВФ выступал за светский характер государства, соблюдение прав человека и гражданина, обеспечение рабочим права на труд и социальную справедливость. После поражения Франции в 1940 г. профашистский режим Виши обрушился на орден как якобы прислужника евреев, «англосаксонской плутократии» и даже «международного коммунизма». Имущество масонских братств было конфисковано, многие их члены подверглись арестам и пыткам, были брошены в немецкие концлагеря. Оставшиеся на свободе приняли деятельное участие в движении Сопротивления.

После освобождения Франции ВВФ выступал за деколонизацию, светское образование и отделение церкви от государства, поддерживал движение молодежи в 1968 г. за обновление страны, но его демарши зачастую отвергались; голлисты относились к масонству без особой заинтересованности.

В рассматриваемом номере журнала содержится информация о ряде видных представителей ордена. Статую Свободы на морских подступах к Нью-Йорку создал французский скульптор Ф.-А. Бартольди, являвшийся одно время адъютантом Дж. Гарibaldi, также принадлежавшего к ордену. Масонами были математик и астроном Ж. Лаланд, отец термодинамики С. Кар-

но, физик П. Лаплас, медик А. Флеминг, американские космонавты Г. Купер и Э. Олдрин. Философы и писатели среди масонов представлены Ф. Вольтером, В. Гёте, А. С. Пушкиным, Вальтер Скоттом, Ш. Монтескье, К. Гельвецием, Стендалем (А. Бейлем), Луи Благотом, Ж. Прудоном, Р. Киплинг и другими. Среди композиторов и музыкантов масонами были Моцарт, Мейербер, Делиб, Гайдн, Лист, Крейцер, Сибелиус, братья Гудмены, Т. Уилсон, Дюк Эллингтон, Л. Армстронг. К числу масонов принадлежали почти все выдающиеся борцы за независимость и прогресс стран Латинской Америки от С. Боливара до С. Альенде. Журнал почему-то не упомянул при этом Х. Марти. Масонами были немало полководцев, включая наполеоновских маршалов, герцога Веллингтона, организатора победы на Марне в первую мировую войну Ж. Жоффра, М. И. Кутузова. В номере отмечена принадлежность к масонству всех американских президентов с основания США до Дж. Кеннеди (с. 49).

Повествуя о философии, символической, организационной структуре и функционировании ВВФ, журнал подчеркивает, что масоны отмежевывались от всех церквей как посягающих на свободу мысли и действия человека, ратовали за то, чтобы каждый человек мог придерживаться любых убеждений, кроме расистских. По мнению масонов, «универсальность человеческого опыта» (с. 58—59) требует не абсолютизировать различия между людьми, не замыкаться на «своих корнях». ВВФ объявляет себя находящимся на острие борьбы против расизма и антисемитизма (с. 76). Расизм масоны считают абсолютным злом и осуждают практику разделения масонов в США на отдельные братства для белых и черных.

Масонские тайны, как указывает журнал, отнюдь не свидетельствуют о злонамеренных деяниях братьев-каменщиков и относятся в основном к особенностям ритуалов, в частности приема в ложи новых членов, возведения их в более высокую степень. Кроме регулярного посещения собраний лож каждый масон должен в свободное время вести общественную работу. Журнал не касается многих аспектов этой деятельности масонов. Между тем можно было бы напомнить, что они выдвинули в свое время проекты Соединенных Штатов Европы, пан-Европы, Европы от Атлантики до Урала.

Современное масонство в изображении журнала предстает как совокупность влиятельных общественных объединений центристской направленности, заинтересованных в совершенствовании свободных, демократических обществ, межклассовом взаимопонимании и терпимости, как в национальных рамках, так и в масштабах всего мира. Эти цели предполагается достичь в ходе мирной эволюции без социальных катаклизмов и потрясений, путем сотрудничества всех слоев, отвергая расизм и экстремизм.

О. Ф. СОЛОВЬЕВ

Примечания

1. Humanisme. Revue des Francs-Maçons du Grand Orient de France. Avril 1990.
2. Dictionnaire de la franc-maçonnerie. P. 1987, p. 280.

К читателю далекому и близкому

У большинства периодических изданий денег, полученных в ходе подписной кампании прошлого года, хватило лишь на первые номера 1992 года. Для покрытия все возрастающих расходов они были вынуждены обратиться за помощью к своим подписчикам. Вынуждена была включиться в переодписку и редакция «Вопросов истории»: нельзя допустить закрытия старейшего исторического журнала. Редакционная почта свидетельствует, что эти усилия находят отклик у читателей журнала.

«Всем сотрудникам журнала выражаю искреннюю благодарность за ваш очень нужный, титанический труд. По вашему журналу готовлю с детьми исторические олимпиады», — пишет преподаватель из Владивостока Р. П. Яблоновская. «В прошлом году впервые подписался на журнал «Вопросы истории». Получил в этом году первый номер и ... обомлел, от избытка чувств, от радости, что держу в руках такой (!) журнал. Я пенсионер. В прошлом — военный инженер-строитель, но «болею» историей. А ваш журнал — это то, что надо!» — считает В. И. Астафьев из Минска. «В последнее время журнал «Вопросы истории» стал намного интереснее, а для меня, он, как родной», — пишет Ю. П. Кривой из г. Украинка Обуховского района Киевской области.

Есть в редакционной почте и семейные письма. Например, от семьи Шерезатовых из поселка Куу-Чек Тельмановского района Карагандинской области: «Пишут вам мать и дочь из Казахстана. Журнал выписали с 1992 г. впервые и очень жалею, что не сделали этого раньше. Подписались и на приложение к журналу. Моя мама — преподаватель истории с 25-летним стажем, а мне, ее дочери, 16 лет, учусь в школе, очень давно интересуюсь историей. Когда получили первый номер за этот год, прочитали его от начала и до конца. Все публикации, без исключения, очень интересны, познавательны... Мы с готовностью откликнулись на ваши просьбы. Твердо решили, что обязательно доплатим за

ваш журнал, сколько бы денег ни потребовалось».

Судя по обращениям в редакцию, очень многие читатели вопрос о переодписке на журнал «Вопросы истории» решили положительно. «Девять рублей за номер. При нынешних ценах на бумагу и прочих трудностях журнал стоит этих денег, — считает В. И. Корниенко из Киева. — Согласен при этих условиях платить и больше». С ним солидарна Л. А. Гусакова из Херсона: «Я ваша многолетняя подписчица. Вместе с вами переживаю все трудности, коснувшиеся журнала. На сегодня «Вопросы истории» — единственное издание, от которого я не отказалась из-за повышения цены и не откажусь ни при каких обстоятельствах, хотя я и пенсионерка».

Редакция благодарна всем, кто, несмотря на тяжелые времена, счел возможным выделить средства на поддержание журнала. «Я обычный учитель средней школы, — пишет Л. В. Чмиль из Саратова, — в школе — 10 лет. Одинокая мать, имею 6-летнюю дочь, в общем, как многие. Однако всегда считала, что духовная пища — главное. Сейчас историки в школе поставлены в ужасающие условия: учебников нет, литературы нет и за все ошибки политиков дети спрашивают именно с нас! Единственная помощь в работе (ощутимая!) — ваш журнал... Мне бы хотелось, чтобы вы все, кто работает над ним, знали, что делаете нужное и важное дело. Очень много моих коллег несет ваш журнал в школу, старшеклассникам. С теми историками, которые учились со мной в Саратовском университете, часто обсуждаем материалы журнала. Точки зрения бывают разные, но и споры, и разговоры нам помогают. Думаю, небольшой процент читающих журнал вам пишет. Однако вы должны знать, что журнал ждут, любят и на него надеются очень и очень многие».

Как видно из письма, не только экономические проблемы занимают читателей. Распад СССР и появление на его территории новых госу-

дарств привели к возникновению ряда новых проблем. «Тот, кто не живет на духовной чужбине, не знает, что это такое, находится вне родной (русской, российской) культуры, — пишет А. И. Курышев из Ташкента. — Журнал «Вопросы истории» для меня одна из немногих отдушин, дающих информацию о теперь такой далекой от нас Родине. Я изучаю русскую, американскую историю, в особенности XX века. С начала года в Узбекистане периодические издания в розничную торговлю не поступают. Газеты, журналы можно получить только по подписке, но в почтовых отделениях отвечают, что документов, регламентирующих подписку на российские издания, до сих пор нет. Местным чиновникам безразлично, что можно опоздать, пропустить сроки переподписки. Но ведь информационная свобода является основой консолидации, объединения разных народов и культур в единое планетарное

целое. Истинно культурный человек стремится к единению, компромиссу, взаимоуважению. Этим во многом определяется: действительно ли он интеллигент или только изображает его из себя!»

География редакционной почты свидетельствует, что сложившиеся культурные связи, несмотря на возникшие между различными регионами бывшего СССР границы, препоны, физические и моральные, все же крепки. В журнал пишут из Грузии и Казахстана, Украины и Узбекистана, Армении и стран Балтии. Редакция согласна с А. И. Курышевым, который считает: «Худшие времена переживем, но не пассивно, а проповедуя добро, справедливость и гуманизм!» Разделяя эту точку зрения, редакция надеется, что с помощью читателей она сумеет сохранить журнал.

В. М. Седых

Contents

The Political Archives of the 20th Century. Materials of the February-March 1937 Plenary Meeting of the CC CPSU (B). Articles: V. L. Janin. The Ancient Slavdom and the Archaeology of Novgorod. A. Vinogradov. Entry of Italy into the Second World War. Historical Profiles: V. A. Kuchkin. St. Sergius of Radonezh. Historical Journalism: A. G. Avtorkhanov. The Technology of Power. Publications: Secret Correspondence Between the USSR and Yugoslavia in 1948. Minutes of the CC of the Cadet Party of the First Russian Revolution. Reports: N. A. Soboleva. The National Emblem of Russia. Historiography: A. B. Semenova. B. S. Abalikhin, V. A. Dunaevskij. Exchange of Views on the Year 1812 by the Soviet Historians. V. N. Kozljakov. A. A. Zimin. The Knight at the Crossroads: the Feudal War in Russia of the 15th Century. I. A. Djakonova. H.-H. Nolte. Rußland/UdSSR: Geschichte, Politik, Wirtschaft. V. V. Sergeev. K. B. Vinogradov. The World Politics in the 60—80s of the 19th Century: People and Events. V. N. Vinogradov. B. Jelavich. Russia's Balkan Entanglements 1806—1914. O. F. Solovjev. On Pages of the Journal "Humanisme". Letters to the Editor.

**Учредители: Трудовой коллектив редакции журнала «Вопросы истории»,
Российская Академия наук,
Издательство «Прогресс»**

Главный редактор: А. А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

Н. Н. Болховитинов, П. В. Волобуев, А. С. Гроссман, В. П. Данилов, В. А. Дьяков, И. Д. Ковальченко, В. И. Кузицин, Б. В. Левшин, А. П. Новосельцев, Б. В. Орешин, Р. Г. Пихоя, О. А. Ржешевский, И. В. Созин (заместитель главного редактора), К. И. Седов, А. Я. Шевеленко, В. В. Шелохаев, В. Л. Янин.

«ВОПРОСЫ ИСТОРИИ» № 10, 1992, 208 стр.

Адрес редакции: 103781, ГСП, Москва, К-6, М. Путинковский пер., 1/2. Телефон: 209-96-21.

Технический редактор И. В. Малюхина

Сдано в набор 1.09.92. Подписано в печать 3.11.92. Формат 70×108/16. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,2. Бум. л. 6,5. Усл. кр.-отт. 18,2. Уч.-изд. л. 22,7. Тираж 20910 экз. Заказ 546. С-180. Индекс 70145.

А/О «Издательская группа „Прогресс“». 119847, ГСП, Москва, Г-21, Zubovskij bul., 17.

Ордена Трудового Красного Знамени Тверской полиграфкомбинат министерства печати и информации Российской Федерации. 170024, г. Тверь, проспект Ленина, 5.



**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**